В. М. ШТЕЙН

ОЧЕРКИ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА В КИТАЕ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПО КИТАЮ
ПРИ УНИВЕРСИТЕТЕ ТРУДЯЩИХСЯ КИТАЯ

В. М. ШТЕЙН

ОЧЕРКИ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА В КИТАЕ

*

Под редакцией
Научно-Исследовательского Института по Китаю

*

ПРЕДИСЛОВИЕ Г. Я. СОКОЛЬНИКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Главлит А 14665. Гиз № С. II 27570 Зак. № 2038 Тир. 2000
Центр. Типогр. НКВМ. Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая вниманию читателя книга проф. В. Штейна идет навстречу несомненно назревшей потребности. Она дает свежий и богатый материал по вопросам китайских финансов, отчасти почерпнутый из непосредственных наблюдений и опросов «на месте». Старый финансовый уклад Китая распадается вместе с распадом старой китайской экономики. Сложный и мучительный затяжной революционный процесс потрясает эту гигантскую страну. Нет сомнений в том, что экономический и политический переворот в Китае является одним из центральных исторических событий нашей эпохи, тесно связанным с ходом и развитием революции в СССР. Поэтому более точное знание состояния китайской экономики, дающее возможность более правильного анализа развертывающихся в Китае событий, является совершенно необходимым. Той же цели должно служить изучение китайского финансового кризиса. В этой области до сих пор сделано очень мало, и В. Штейн является как бы пионером исследования проблем китайских финансов.

Вместе с тем, нужно отметить, что именно неразработанность вопроса, отсутствие надежного статистического материала, спорность имеющихся сведений отразились на «Очерках» В. Штейна, в том смысле, что здесь не дано исчерпывающей оценки состояния китайского народного хозяйства и не прослежена достаточна полно связь между китайской экономикой и финансами. С некоторыми положениями автора, относящимися к экономическому анализу, конечно, согласиться нельзя. Когда, напр., В. Штейн утверждает, что для некоторых китайских генералов война стала промыслом, а армии их получили черты хозяйственных предприятий, регулярно приносящих прибыль, — то он правильно подмечает некоторые своеобразные черты китайской действительности; но когда он начинает «в сурьез» принимать армии за тресты, а генералов за директоров предприятий, то он тем самым придает совершенно ложное значение некоторым феноменам гражданской войны в Китае. Эти формы накопления военной верхушки есть только видоизмененная форма накопления прежней чиновничьей верхушки, притом форма его вырождения. Состязание генеральских «комбинатов» не имеет такого решающего значения для характеристики китайской экономики, как это представляется В. Штейну. Уровень развития китайской экономики и мера связи ее

с мировым хозяйством уже теперь таковы, что процесс генеральского накопления (несомненно имеющий место) должен рассматриваться только как *последние судороги феодально-разбойничьих форм «аккумуляции» капитала*, уходящих в прошлое как раз в процессе *гражданской войны, несмотря на то*, что она как будто бы дала им временное торжество. Нельзя согласиться, далее, и с той оценкой, которую В. Штейн дает Шанхаю: «Шанхаю далеко до превращения в настоящий промышленный центр... в нем преобладают спекулятивные и потребительские интересы над производственными». Это утверждение автор делает *непосредственно вслед* за тем, как сам же сообщает, что в Шанхае 300.000 промышленных рабочих, что вполне дает ему право на титул «настоящего промышленного центра». Нетрудно заметить, что и преувеличение роли генеральского накопления в китайской экономике и преуменьшение промышленного значения Шанхая вытекают из одной и той же тенденции автора, — *слишком недоверчиво относиться* к мере зрелости капиталистических отношений в Китае.

Анализу денежного обращения и финансового хозяйства, который делает проф. В. Штейн, необходимо предпослать следующую существенную оговорку: автор — не марксист, его научное сознание, к сожалению, затемнено светом «европейско-американской науки». Именно *поэтому он часто проявляет* беспомощность перед лицом таких феноменов китайского денежного обращения, которые представляют собой блестящее доказательство правильности теории денег Маркса. Та преобладающая роль, которую и по сей день играют в денежном обращении в Китае весовые серебряные деньги — серебряные таэли в *форме слитков (имеющих вид сапожка, так наз. «си-сы»)*, плавка которых производится специальными частными фирмами («луфан») и *проба на которых удостоверяется не органами государства, а особой корпорацией* («кунг-ку-шу»),—прекрасно подтверждает марксистскую концепцию «товарной» природы денег. Факты, приводимые В. Штейном, позволяют воочию *наблюдать процесс превращения серебряного слитка в монету* — серебряный доллар, «юань» — при отнюдь не бескорыстном сопротивлении иностранных банков. Эти страницы книги принадлежат к числу интереснейших и поучительнейших. Хотя иностранные банки, заинтересованные в эксплоатации отсталости системы китайского денежного обращения, *покровительствуют «таэлю»*, *развитие капиталистических отношений* в Китае и развитие его внешне-торговых связей неуклонно ведет к победе чеканного серебряного доллара, как более совершенной монетной формы денег. Проф. В. Штейн сопровождает чрезвычайно ценное изложение этих фактов следующими замечаниями: «В сознании европейцев и американцев металлические слитки и монеты отделены друг от друга глубокой пропастью. Слиток является товаром, *качество которого должно быть испробовано и установлено самим поку-*

пателем. Монета, наоборот, представляет собою «хартальные» деньги, созданные государством (или уполномоченным им органом) и покоящиеся на авторитете *государственной власти. По представлению европейско-американской науки слиток*, чтобы войти в денежное обращение, непременно должен подвергнуться чеканке. Однако, лучше всего позабыть эти ясные и отчетливо отточенные принципы денежной теории, когда мы рассматриваем условия китайского денежного обращения». Недурная «теория», которую, как оказывается, «лучше всего позабыть», когда обращаешься к исследованию! Невероятная фальшь и банкротство хартальной теории денег, опирающейся на Кнаппа, невольно разоблачены здесь автором до конца. Если «европейско-американская теория» не может объяснить феноменов денежного обращения Китая, то это показывает, что ее нужно «позабыть» более радикально, чем это советует В. Штейн. Глубокой «пропасти» между монетой и слитком не существует, монета отнюдь не «покоится» на «авторитете государственной власти» — все эти элементарные положения марксистской теории денежного обращения наглядно иллюстрируются китайской практикой, сохранившей *по сей день исчезнувшие в других странах промежуточные формы* превращения слитка в монету.

Крайне интересна история вытеснения медных денег серебряными, излагаемая В. Штейном. Как сообщает автор, «по мнению большинства авторитетов, медная монета до сих пор является основою денежного обращения Китая». Но падение значения меди, в действительности, не может быть оспорено. Господствующая роль уже принадлежит серебру, и на горизонте намечается новая проблема — соперничества серебра и золота в китайском денежном обращении. В. Штейн с полным основанием отвел в своей книге должное место этой последней проблеме.

«Очерки» подробно излагают историю бумажно-денежной инфляции в Китае, удачно характеризуют методы генеральских эмиссий бумажек и т. п. Собранный автором цифровой материал позволяет, вместе с тем, сделать тот вывод, что инфляционная бумажно-денежная масса в Китае как бы плавает *на поверхности денежного обращения, не вытеснив еще металла из оборота*. Таким образом, инфляционный кризис в Китае далеко еще не достиг той фазы, до которой доходила послевоенная инфляция в ряде европейских стран и в СССР.

Ряд обобщений и гипотез проф. Штейна не могут считаться вполне обоснованными и, по всей вероятности, вызовут возражения; подобного рода дискуссия, однако, окажется полезною для дальнейшей разработки вопросов, намеченных автором «Очерков».

Г. Сокольников.

ОТ АВТОРА.

Мне довелось трижды побывать на зарубежном Дальнем Востоке (дважды в Китае и один раз в Монголии) и поработать там практически в области финансов и денежного обращения. В процессе этой работы я был в постоянном общении с китайскими банкирами, коммерсантами, финансовыми чиновниками и профессорами-экономистами. Через мои руки прошло немало финансовых документов и материалов, не предназначавшихся для печати и потому в значительной своей части недоступных исследователю: банковских балансов, провинциальных бюджетов, министерских докладных записок и т. д. В настоящей работе я сделал попытку систематического изложения этих материалов. Наряду с официальными документами и личными впечатлениями, я использовал также обильную литературу о китайской экономике на английском языке. О китайских финансах написано немало книг англичанами, американцами, индусами. В большинстве случаев их авторы—консулы, таможенные чиновники, банкиры, с головой ушедшие в свою текущую работу. Эти сочинения, по общему правилу, отличаются *богатством фактического содержания и в то-же время исключительной* неспособностью их авторов к каким-либо обобщениям. Едва ли лучше и работы китайских экономистов. В большинстве случаев последние совершенно не в силах овладеть своим эмпирическим материалом, а в выводах некритически и неумело копируют иностранные образцы. Наряду со всеми этими литературными источниками, неисчерпаемым кладезем фактических сведений являются также официальные китайские статистические материалы вроде, *напр.*, изданий таможенного ведомства, Шанхайского Бюро рынков, Министерство Финансов, Пекинского Бюро экономической информации и некотор. др. На основе всех указанных материалов и выросла настоящая работа.

Русская экономическая литература о Китае только еще начинает формироваться. То, чем до сих пор наводнялся книжный рынок, были преимущественно откровенные компиляции, не всегда удачные и добросовестные. Вместе с тем, в работах подобного рода было выдвинуто и сделалось ходячей монетой немало непроверенных обобщений, изображающих экономическое развитие Китая в ложной перспективе и тормозящих по-

этому успехи нашего китаеведения. Лишь за последнее время стали появляться монографии иного типа, являющиеся законченными и тщательно продуманными исследованиями, задача которых дать научный синтез обширного эмпирического материала.

Вопросам финансовым, кредитным, валютным и т. д. нашими исследователями китайской экономики уделялось особенно мало места. Это привело к тому, что при их освещении в общих сочинениях по китайской экономике сплошь и рядом встречаются грубые ошибки и «недоразумения». Между тем финансовые вопросы, с которыми тесно переплетаются вопросы внедрения иностранных капиталов, т. е. в конечном счете и политика империалистических держав в Китае, представляют собой в настоящее время один из наиболее важных участков народно-хозяйственного фронта, на котором скрещиваются провода, идущие от всех других участков. Вот почему я счел небесполезным предпринять попытку познакомить советского читателя с фактической финансовой и денежно-кредитной обстановкой в современном Китае, которую я изучил в условиях, недоступных для других исследователей, и знание которой нельзя поэтому почерпнуть из книг. Я всячески избегал в моей работе теоретизирования по общим вопросам экономического развития Китая. Если, тем не менее, мне пришлось в ходе изложения выдвинуть несколько гипотез (о характере влияния бумажно-денежной эмиссии на народное хозяйство Китая, о природе азиатской конъюнктуры, о влиянии притока японских капиталов на китайское народное хозяйство), то я отнюдь не «изобретал» их, а сами факты подсказывали необходимость прибегнуть к этим научным построениям, и эмпирический материал без нажима с моей стороны легко и свободно укладывался в намеченную для него схему.

Несколько слов о том, почему я уделил особенно много внимания влиянию японского капитала, по сравнению с английским и американским. Если развитие политических и экономических отношений в Китае не пойдет по новому пути в результате новой, подлинно народной революции, если, наоборот, это развитие будет и дальше следовать по извилистым тропинкам, по которому оно идет теперь, то можно будет констатировать, что японскому империализму в Китае принадлежит настоящее и будущее тогда, как другим державам быть может и имеющим богатое прошлое, придется ограничиться лишь заботами о сохранении старых позиций, поскольку их ждет перспектива полного оттеснения Японией на задний план. Сверх того, как я старался показать, приток японского капитала накладывает свой отпечаток на всю народно-хозяйственную жизнь Китая, вовлекая последний в водоворот тех динамических процессов, который бурлит вокруг самой Японии. Эти соображения заставили меня уделить Японии гораздо

больше места среди факторов, определяющих физиономию современного экономического и финансового кризиса в Китае, чем ее соперникам.

Вступительную главу об экономическом кризисе я счел необходимым предпослать изложению финансовых вопросов, так как без нее изображение финансового кризиса оказалось бы несколько оторванным от действительности и недостаточно аргументированным. По необходимости мне пришлось быть в этой главе кратким и опереться на результаты чужих работ. И не придаю этой главе самостоятельного значения. Она должна сыграть лишь роль временных мостков, ведущих к более прочному сооружению, в которое я хочу ввести читателя. К анализу экономического кризиса в Китае, в связи с общей историей развития капитализма в этой стране, я надеюсь вернуться в другом труде, специально посвященном данному вопросу.

ГЛАВА I.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В КИТАЕ.

XX столетие является поворотным пунктом в народно-хозяйственной жизни Азии. Оно войдет в азиатскую историю под знаком индустриализации. Капитализм развивается уверенно и мощно в Японии и Индии, но он успел пустить прочные корни и в Китае. Об этом с редким единодушием пишут ученые и публицисты всех стран. Ледебур, напр. рисует яркую картину разложения патриархального строя Китая революционной силой промышленного развития. Китай, согласно Ледебуру, до сих пор не был государством. Он представляет собой лишь «культурное общение». Семья захватывает и порабощает в этой стране человека целиком. Она является не только единством культа и крови, не только экономической организацией, но также и социальным пространством, вне которого никто существовать не в состоянии. Единичного человека в Китае, так сказать, вообще нет, ни для кого нет возможности жить вне семьи. Для китайца атмосфера семьи необходима, как кислород. «Индустриализация сокрушает этот сложившийся в результате векового процесса общественный уклад; ее мощное влияние сказывается уже не только на поверхности экономической жизни, но постепенно проникает все глубже и глубже в сердце страны. Промышленный капитализм победоносно идет вперед» [1]). О промышленной революции на Дальнем Востоке пишет и австралийский автор, изображая ее в виде радикального и всестороннего перелома в социальной жизни, по образу и подобию промышленного переворота конца XVIII века в Англии. Подлинную «проблему» Тихого океана он усматривает в том, чтобы «взять под контроль промышленное развитие, не давая ему повлечь за собой ни войны, ни революции». Автор притягивает за волосы в свидетели японского пацифиста, чтобы уверить нас, будто на Дальнем Востоке не очень-то прельщаются перспективами промышленного развития, «снабжающего нас автомобилями, телефонами и, наконец, бомбами» [2]). О бурном процессе

---

[1]) „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik", 57 Band, 3 Heft, 1927 стр. 604—605.

[2]) The Economic Record„, May 1927, Melbourne. Condliffe „The Industrial Revolution in the Far East".

капиталистического развития» в Китае лишут и у нас, в СССР [1]). Даже смотрящие с заоблачных высот американцы, для которых остальной мир состоит из пигмеев, суетливо копошащихся среди убогих лохмотьев и нищеты, предрекают Китаю широкие перспективы. Как указывает напр., автор недавно вышедшей недурно рассказанной истории Китая, две страны в мире призваны «делать историю века»: это—Соед. Штаты и Китай [2]). Сами китайцы уверовали в свое промышленное призвание не в меньшей мере, *чем представители других наций*. Один из государственных деятелей Китая, д-р С. Т. Ван (Ван Чжэн-тин), являющийся в то же время промышленным предпринимателем, уверяет напр., что «уже недалек тот день, когда историки мира зачислят Китай в разряд индустриальных стран». Правда, он сам прибавляет при этом, что Китай является страною необозримых пространств и долгих эпох [3]). Но все же ему, как и многим другим, представляется, повидимому, исторической необходимостью превращение Китая в «фабрику азиатского мира», как Англия была в начале XIX века *«фабрикой мира» вообще*.

Когда говорят, что центр тяжести мировой политики и экономики в наши дни переносится к берегам Тихого океана и что Европа идет к экономическому упадку, эти утверждения тоже, повидимому, можно понимать только в том смысле, что, наряду с Американскими Штатами, страны Азиатского Востока особенно быстрыми шагами пойдут по пути индустриализации. Только развитие крупного машинного производства дает отдельным странам возможность ускорить темп своего народно-хозяйственного роста. *Однако, редко задумываются над теми колоссальными сдвигами* в экономике мирового хозяйства, которые должны были бы произойти, если бы промышленный капитализм стал развиваться в Азии с такою же быстротою, с какою он охватил в XIX столетии Европу. В Азии живет, по новейшим подсчетам, 1011 миллионов чел. из числа 1813 милл. всех обитателей земного шара. Широкие массы населения Азии, хотя бы на микроскопически малую величину, являются потребителями продуктов европейской и американской промышленности. Поэтому индустриализация Азии *означает, в первую голову, подрыв экспортных возможностей для важнейших держав капиталистического мира*. Уже сейчас эта перспектива меланхолически обсуждается в специальной прессе. Так, член датского парламента Френкель настойчиво убеждает своих читателей не преуменьшать

---

[1]) Срв. напр. А. Канторович. „Система общественных отношений Китая докапиталистической эпохи", „Новый Восток", № 15, стр. 67.

[2]) Gowen and Hall, An outline history of China, New York and London, 1926, стр. V.

[3]) „The Chinese Social Political Science Review", янв. 1926, D-r C. T. Wang. Industrial Progress in China.

опасностей, раскрывающихся перед Европой в связи с ростом азиатского капитализма. «Потребители европейских товаров, на которых Европа рассчитывала с уверенностью на вечные времена, начинают снабжать себя сами и подготовляются вступить с ней в конкуренцию из-за остальной части мировой торговли. Доктрина Монрое стала распространяться по берегам Тихого океана. Азия для азиатов — вот что она проповедует». По мнению Френкеля, эти сотни миллионов представителей желтой расы не уступают по интеллигентности европейцам, они трудолюбивы, как муравьи; к этому следует прибавить гораздо более плодородную почву, чем европейская, и твердо выкристаллизовавшееся у азиатов сознание противоречия их интересов интересам белой расы, сознание, оформившее их желание прочно стать на собственные ноги у себя дома, в Азии[1]). Между тем, обречь Европу на необходимость существовать за собственный счет — значит погубить ее. Отсюда Френкель делает вывод о неотложной настоятельности создания новых заокеанских рынков для Европы.

Цифры об'ективно свидетельствуют о том, что опасность потери внеевропейских рынков не выдумана Френкелем. С 1913 по 1924 год доля Европы в общей сумме внешней торговли всех стран упала с 65,99 до 56,52%. За те же годы участие в ней Сев. Америки поднялось с 13,96 до терны данные, показывающие изменения в составе ввоза отдельных государств по странам света за тот-же период. В 1913 г. Соед. Штаты импортировали из Европы 48,2% всех ввезенных товаров, а в 1924 г.—всего 30,4%. Для Канады соответствующие цифры были 28,9 и 25,4%, для Индии — 80,3 и 69,4, для Японии — 30,7 и 23,7, для Аргентины — 78,0 и 62,6%, для Океании—70,8 и 55,7%.

Особенно неясны очертания будущего в вопросе о рынках для Великобритании. Талантливый американский публицист Эптон Клоз выпустил недавно нашумевшую книгу о восстании Азии против мирового владычества англичан («Revolt in Asia»). Это национальное движение азиатских народов должно всего больнее ударить по торговле Великобритании. Эптон Клоз вспоминает слова Чемберлена: «*Наполеон утверждал, что мы—нация лавочников*. Поскольку речь идет о Китае, это так и есть. Наша первейшая забота — спасти нашу торговлю». Ему вторит министр колоний Эмери: «Маловероятно, чтобы мы стали воевать с Китаем. Никто не стреляет в своих покупателей». До мировой войны позиции Великобритании на мировом рынке защищались и укреплялись ее финансовой мощью, мощью мирового бан-

[1]) „Weltwirtschaftliches Archiv", Апрель 1926, Fraenkel „Die Bedeutung der überseeischen Märkte für Europa", стр. 215.

кира. Теперь финансовая гегемония отнята у англичан американцами. Может ли, спрашивает Эптон Клоз, английская промышленность бороться в открытом поле с американской, германской или японской? «Большинство лиц, занятых изучением производства, покачивают головами. Долгое пользование рынками, охраняемыми для британской промышленности британским правительством, где особенно благоприятная обстановка создавалась благодаря престижу империи, сделало британскую промышленность косной. Ее управление является по своей работоспособности второразрядным» [1]).

Живым олицетворением мировых успехов английской промышленности и торговли всегда считалась, как хорошо известно, хлопчатобумажная промышленность. Поэтому весьма знаменательно, что именно в этой отрасли производства «мощь... достигла в текущем столетии своего зенита и как бы начинает склоняться к своему закату» [2]). Вывоз хлопчатобумажных изделий неуклонно падает. В 1913 году было вывезено пряжи 210 милл. английских фунтов, а в 1923 — уже лишь 145 милл.; экспорт тканей составлял в 1913 году 7 миллиардов ярдов, а в 1923 он сократился до 4 миллиардов. Создание новых центров переработки хлопка, вздорожание сырья, понижение покупательной способности мирового и, в особенности, европейского рынка в отношении хлопчатобумажных изделий, — таковы главнейшие причины упадка этой коренной отрасли производства в Великобритании. В Азии в 1922 г. было уже 13,4 милл. веретен из общего количества их в 150 милл. во всем мире. С 1913 по 1923 г. процентное участие Азии в цифре веретен всего мира возросло с 6 до 9, а потребление хлопка—даже с 17 до 26 [3]).

Азиатский капитализм не может, однако, рассчитывать на легкую победу. Уже и сейчас жестокая конкуренция со стороны европейской и американской промышленности остро чувствуется и задерживает развитие азиатской экономики. С каждым годом, вероятно, давление этой конкуренции будет становиться все сильнее и сильнее. Вместе с тем, сейчас, в XX веке, в разгар международной торговой борьбы и низких промышленных цен, рост промышленности в Азии возможен только при усиленном притоке иностранных капиталов. Таким образом, необходимо также тщательно взвесить значение преград и препятствий, встающих на пути развития промышленности в Азии.

В дальнейшем изложении мы остановимся обстоятельно на успехах, достигнутых Китаем в деле развития своей промышленности в XX столетии,

---

[1]) Upton Close „The Revolt of Asia", 1927, стр. 181—188.

[2]) А. Витт. „Современное положение английской хлопчатобумажной промышленности" в сб. статей, посвященных П. Б. Струве, Прага, 1925, стр. 82.

[3]) Там же, стр. 75.

с тем, чтобы на основании установленных нами при этом данных, наметить перспективы роста китайской промышленности в будущем.

Следует сразу же констатировать, что достижения китайской промышленности капиталистического типа совсем не так велики, как это обычно представляют. Быстрый рост производства имел место только в хлопчатобумажной, отчасти мукомольной, каменноугольной, металлургической и некоторых других отраслях промышленности. Этот рост отчасти был вызван благоприятными условиями, создавшимися в Китае, как и в других нейтральных странах, в годы мировой войны. Под'ем промышленности охватил период, главным образом, с 1915 по 1921—1922 г.г. Но с 1921—1922 г.г. взлет кривой промышленного развития, повидимому, приостановился. За последние годы возможно даже некоторое угасание промышленного капитализма в Китае. Поэтому тем удобнее подвести некоторые итоги.

Приведем, прежде всего, версию промышленного развития Китая в изложении американского писателя, исколесившего Китай и приобретшего поэтому внутреннее чутье народно-хозяйственных пропорций: «Индустриализация началась в Китае с хлопчато-бумажного прядения, в котором пионерами выступили англичане, а вслед за ними японцы и туземный капитал. В 1925 году, по утверждению Шанхайского округа, он располагал 2½ миллионами веретен т.-е. большим количеством веретен, чем Ланкашир (?), и обещал сделаться крупнейшим мировым очагом производства хлопчато-бумажных изделий... Мукомольная промышленность, производство железа и стали и маслодавильное производство медленно следовали позади хлопкового прядения по быстроте своего развития»[1]). Если оставить в стороне несколько излишнюю оптимистическую окраску при характеристике развития хлопчато-бумажной промышленности в Китае, можно признать, что общий масштаб роста китайской промышленности уловлен автором правильно. Развитие промышленности, в конце-концов, было сосредоточено в немногих центрах и даже в них оно было поистине замечательно только в отношении хлопкового прядения.

Ту же историю прогресса китайской хлопчато-бумажной промышленности, но только более сухим языком, передает таможенный отчет: «...только на протяжении последних двадцати лет... современное оборудование для ткачества начало применяться в Китае в широком масштабе. Эта промышленность принадлежит к числу тех, которые быстро выросли на протяжении последних лет, и ее дальнейшее расширение представляется вполне вероятным. Будущее в этом отношении чревато большими последствиями. Поэтому следует тщательно обдумать возможность превращения Китая, в не слишком

[1]) Gowen and Hall, назв. соч., стр. 426—427.

отдаленном будущем, в страну, производящую у себя дома хлопчато-бумажные товары в количествах, достаточных не только для удовлетворения своей внутренней потребности, но даже с значительным остатком, который может быть использован для вывоза за границу» [1]).

Третью и последнюю цитату мы заимствуем из японского источника. Журнал «Дальне-Восточное Обозрение» также отмечает колоссальный рост китайских фабрик, занимающихся производством хлопчато-бумажных изделий. В конце XIX века почти все производство пряжи в Бомбее, экспортировавшееся за границу, шло в Китай. Теперь этот экспорт почти остановился и Китай даже начал экспортировать пряжу и готовые изделия в Индию. По мнению «Дальне-Восточного Обозрения», «при наличии собственного хлопчато-бумажного сырья и при изобилии дешевого труда, Китай постепенно переходит к удовлетворению своих потребностей собственными силами» [2]). Конечно, подобными достижениями можно гордиться. Но весь рассказ японского журнала совершенно теряет свое значение, когда автор цитируемой статьи признает, что все успехи хлопчато-бумажной промышленности в Китае являются результатом активности не столько китайского, сколько японского капитала. В самом деле, больше половины современной крупной хлопчато-бумажной промышленности в Китае находится в руках японцев. Поэтому не подлежит сомнению, что вопрос о том, будет ли развиваться китайская хлопчато-бумажная промышленность и в каких пределах, является, в первую голову, вопросом японской экономической политики. Подобные вопросы решаются, конечно, не патриотическими или сантиментальными соображениями, а экономическими мотивами. Весьма вероятно, что, несмотря на растущую конкуренцию со стороны китайской промышленности, Япония не откажется от возможности утилизировать выгоды организации новых хлопчато-бумажных фабрик в Китае, где труд дешев и сырье имеется в изобилии. Поэтому очень трудно предсказать, какая страна пойдет во главе азиатского хлопчато-бумажного дела: Япония или Китай. Английский консул в Осака, Кеннингем, издал недавно образцовое исследование о хлопчато-бумажном прядении и ткачестве в Японии. В этом исследовании он вполне сознает, что «нужно ожидать растущей конкуренции со стороны китайских фабрик». По его информации «число фабрик выросло с 31 с 1.009.000 веретенами и 4.564 станками в 1915 г. почти до 3½ миллионов веретен с 22.924 станками к концу 1925 г., что представляет собою развитие еще более замечательное, чем рост самой японской промышленности на протяжении того же периода». Как указывает Кеннингем, издержки производства в Китае ниже и рабочий день длиннее. В конце концов, автор приходит к заключению, что «принимая во

[1]) Foreign Trade of China Part. I.
[2]) „The Far Eastern Review" Sept. 1926, стр. 407.

внимание все эти факторы... в течение 10 лет, если только общие условия в Китае улучшатся, японская промышленность потеряет большую часть, если не все выгоды, которыми она в настоящее время обладает в отношении торговля хлопчато-бумажными изделиями с этой страной» [1]).

Таким образом, нельзя отрицать довольно значительных успехов, достигнутых китайской хлопчато-бумажной промышленностью за последние 10—15 лет. Однако, в настоящее время этот рост можно признать прекратившимся. Значение других отраслей капиталистической промышленности в Китае относительно невелико, и вся она буквально тонет и растворяется в широком море мелкого ремесла. Китай обладает чрезвычайно развитым ремесленным производством. При посещении небольших китайских городов постоянно приходится удивляться тому, как разнообразна и обильна продукция этой кустарной промышленности, которою буквально завалены магазины небольших провинциальных центров. Иностранных товаров почти не встретишь здесь, и большинство продуктов, которые вы видите, является результатом ремесленного производства. Эту сторону китайской народно-хозяйственной жизни красочно изображает коммерческий атташе Соединенных Штатов в Китае Арнольд. «О китайцах часто говорят, как о нации лавочников. Это выражение легко может ввести в заблуждение, потому что розничный торговец в Китае часто бывает одновременно производителем благ, которые он выставляет на продажу. Обыкновенный китайский город представляет собой промышленный улей. Многочисленные мелкие розничные лавки тянутся сплошной линией вдоль улиц и больших дорог, и во многих из этих лавок блага, предлагаемые публике, изготовлены в той же лавке. Китай до сих пор является по существу страною домашнего ремесла, примитивных земледельческих способов производства и индивидуального, скорее чем корпоративного, ведения предприятия. Фермеры обрабатывают свои небольшие участки, и они же или части их семейств, заняты также в каком-нибудь промышленном предприятии, имеющем характер домашнего ремесла. Часто в добавление к тканью одежды на ручных станках, производятся и другие предметы специально для рыночной продажи. Среди этих товаров можно назвать всякие соломенные плетения, волосяные сетки, пеньковые канаты и бамбуковые или тростниковые маты. Не существует ясной демаркационной линии между фермером, производственником и коммерсантом, хотя есть лица, посвящающие большую часть своего времени земледелию, тогда как другие являются промышленными рабочими, а некоторые посвящают себя только торговле. То обстоятельство, что обыкновенные ремесленные и торговые гильдии сливаются в общие организации для предпринимателей и наемных

[1]) W. B. Cunningham. Report on the cotton spinning and weaving industry in Japan 1925—26, London, 1927, стр. 76—77.

служащих, указывает на тесную связь между промышленностью и торговлей» [1]).

Бурный рост капитализма, о котором у нас шипят, дал, следовательно, пока довольно скромные результаты. Ремесло в Китае все еще явно доминирует над капиталистическим производством. Перейдем теперь к рассмотрению перспектив развития крупной промышленности. Приступим с этой целью к подробному анализу важнейших элементов, от которых должно зависеть ее будущее развитие.

Прежде всего надлежит указать, что благоприятным моментом для развития промышленного капитализма в Китае в будущем является слабое развитие технических производительных сил в стране, имевшее место до настоящего времени. Было бы бесполезно входить в рассмотрение исторического происхождения этого явления. Для наших целей достаточно очертить формы, в которых оно проявляется. Если мы оставим в стороне сравнительно небольшое количество крупных промышленных фабрик и заводов в больших городах, все прочие бесчисленные предприятия пользуются способами производства, поражающими каждого наблюдателя своей чрезвычайной примитивностью и простотой. Труд повсюду имеется в таком безграничном избытке, что не допускает пользования сколько-нибудь технически совершенными орудиями производства. Рабочая сила является в Китае самой дешевой силой. Даже лошади не могут конкурировать с людьми [2]). Техническое оборудование представляется особенно убогим в сельском хозяйстве. Сама перенаселенная земля является главнейшим источником земледельческого богатства. Здания, скот, инструменты — все эти статьи сельскохозяйственного капитала — по своему ценностному выражению совершенно незначительны в сравнении с землей. Так, например, проф. В. Вагнер, автор одной из лучших монографий о китайском сельском хозяйстве, приводит сле-

[1]) China. Commercial anld ndustrial Handbook, by J. Arnold and others U. S. Department of Commerce, Washington, 1926, стр. 262.

[2]) Срв. „The Far Eastern Review", Апрель 1927 года, стр. 153. В „Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1927—1928 г." приведены чрезвычайно поучительные сведения об энергетическом балансе разных стран (стр. 444—445). В Китае он составляется на 43,5% из человеческой мускульной силы, на 39,2%— из животной силы на 16,3% —из потребления кам. угля и на 1%—из потребления нефти. Даже в Индии состав энергетического баланса несравненно благоприятнее: на животную силу перелагается 75,3 всего баланса и человеческая энергия утилизируется лишь в размере 14,4%, тогда как механическая сила выполняет всего 10,3% всего энергетического задания. В Японии центр тяжести переносится уже на механическую силу: на ее долю падает 76,3%, в т. ч. 43,2%—на кам. уголь и 31,8%—на воду. Человек входит в баланс всего в пределах 10%. Укажем еще, что в Соед. Штатах мускульная работа человека дает всего 1,1% энергетического баланса. Таковы контрасты мирового хозяйства: в Китае производство энергии для общества лежит еще в пределах 39% на человеке, тогда как в Соед. Штатах он сумел эмансипировать себя настолько, что выполняет лишь 1,1% балансового задания. Механическая энергия составляет почти 90% в Соед. Штатах и и меньше 18% в Китае.

дующую калькуляцию капитала для одной из ферм, обследованных им в Шаньдуне [1]):

земля, 42 му по 12 таэлей за му	504	таэля,
постройки	250	„
скот	70	„
инструменты	40	„
Весь капитал фермы . .	864	таэля.

В этом конкретном случае цена земли составляет больше половины всего капитала, в то время как статья «инструменты» по стоимости едва превосходит 5%. Даже вместе со «скотом» «инструменты» составляют всего 12½%. К аналогичным результатам пришел Яшнов в своем исследовании китайских крестьянских хозяйств в Северной Маньчжурии. Он располагал данными о 70 отдельных фермах. Для всей провинции Северной Маньчжурии его исчисления распределения сельско-хозяйственного капитала дают следующую картину [2]):

земля	1.076.000.000	дол. или	57,3%
здания	279.000.000	„ „	14,9%
скот	173.000.000	„ „	9,2%
оборудование	112.000.000	„ „	5,9%
оружие	5.000.000	„ „	0,3%
домашняя мебель и платье	235.000.000	„ „	12,4%
Всего . . .	1.880.000.000	дол., или	100%

Сведения такого же рода мы находим в ценных работах Лоссинг-Бека, профессора Нанкинского Университета. В своей работе об условиях сельского хозяйства в провинции Аньхуй он приходит к заключению, что «исследование распределения капитала... выявляет очень ясно высокий размер инвестирования в землю сравнительно с другими статьями. Среднее распределение капитала в сельском хозяйстве, дает для земли 87,9%, для построек 7.3%, для деревьев и прудов — 0,1%, для инструментов — 2,8%, для семян, продовольственных запасов, топлива и пр. — 0.2% и для рабочего скота —

[1]) Dr W. Wagner. Die chinesische Landwirtschaft, Berlin, 1926, стр. 642. Му—мера площадей, конкретная величина которой резко колеблется по отдельным провинциям. „Стандартное" му, принятое Пекинским правительством, равно приблизительно 1/6 части английского акра и 1/18 нашей десятины. Таэль по современному курсу можно грубо приравнять к 1 р. 25 к. Подробно о таэле—во второй главе.

[2]) Е. Е. Яшнов. Китайское крестьянское хозяйство в Сев. Маньчжурии. Экономическая характеристика. Харбин, 1926, стр. 236.

1,7% [1]). *Для 150 ферм в провинции Чжили* тот же автор получил следующие цифры [2]):

	Средний капитал на ферму	
	В долларах	В процентах
Земельная собственность	402,29	52,7
Инвестирование в заложенную землю . .	40,30	5,3
Постройки	184,87	24,3
Скот	34,88	4,5
Деревья	32,51	4,3
Запасы и топливо	32,19	4,3
Семена	17,71	2,3
Оборудование и инструменты фермы . .	17,63	2,3
Всего . . .	762,38	100%

Все эти данные производят такое впечатление, что земля является среди отдельных элементов народно-хозяйственного богатства, по своему ценностному выражению, подавляющей величиной. К такому же выводу можно притти на основании баланса китайского народно-хозяйственного капитала, который мы заимствуем из японского источника (он относится только к 18 *провинциям собственно Китая, и составлен в золотых долларах). Хотя* соотношение некоторых конкретных цифр в нем является явно недостоверным, мы воспроизведем его здесь в виду того, что в нем особенно ярко сквозит господство цены земли над всеми другими слагаемыми итога:

1.	Земля	43.344.441.562,50 дол.
2.	Дома, склады и другие здания	2.766.611.112,00 „
3.	Мебель и предметы искусства	863.854.106,40 „
4.	Скот и другие животные	827.219.905,70 „
5.	Минералы	249.631.404,23 „
6.	Морские продукты	124.815.702,12 „
7.	Соль	709.077.235,26 „
8.	Электрические, газовые и водопроводные сооружения, а также конки	3.212.100,00 „
9.	Суда и экипажи	45.806.787,00 „
10.	Золото и серебро	731.051.550,00 „
11.	Коммерческие общества и банки	35.781.300,00 „
12.	Товары	2.103.664.408,06 „
13.	Железные дороги, телеграфные и телефонные линии	44.795.100,00 „
14.	Библиотеки	5.645.128,00 „
15.	Реки и гавани	996.278.008,50 „
	Всего	52.751.885.409,77 дол.

[1]) J. Lossing-Buck. An Economic and Social Survey of 102 Farms Near Wuhu, Anhwei, China. Part II, July 1924, стр. 17.

[2]) J. Lossing-Buck. An Economic and Social Survey of 150 Farms Venshan County Chili Province, China, June 1926, стр. 16.

По свидетельству проф. Вагнера, нынешняя эпоха в китайской экономической истории является решительным «декадансом» по сравнению с периодом наибольшего расцвета, достигнутого при первых богдыханах Маньчжурской династии: Кан-Си (1662—1723) и Цянь-Луи (1736—1795). Китай этой эпохи в такой же мере импонировал иезуитам и европейским посланникам и купцам в хозяйственном отношении, как, за 500 лет до этого, империя Кублай-Хана импонировала венецианцам. Почти немедленно после смерти Цянь-Луна начинается резкий упадок. Особенно характерна деградация путей сообщения, описываемая Вагнером. «Если сравнить характеристику путей сообщения в Китае во времена Марко Поло с современным состоянием дорог, путей и каналов, то легко составить себе представление, какой колоссальный регресс должна была пережить китайская хозяйственная жизнь с тех пор. В те времена вся империя была испещрена густой сетью отлично содержимых сухопутных и водных путей, *по которым шел обмен известиями и продуктами* с поразительной быстротой. Сейчас можно только в немногих местах государства найти жалкие остатки этих великих императорских дорог, соединявших друг с другом все важнейшие города, дорог, ответвления которых бесчисленным рядом побочных линий проникали почти к каждому уездному городу и которые по своему техническому выполнению смело могут быть признаны образцовыми произведениями своего рода» [1]).

При изложенных условиях немудрено, что каждое предприятие в отдельности пользуется орудиями крайне примитивного свойства. Согласно сообщениям Яшнова, в Северной Маньчжурии совершенно отсутствуют железные орудия для обработки земли и уборки урожая, а также дорогие жатвенные машины. Их заменяют дешевые примитивные орудия, часто самодельные и производимые не столько из металла, сколько из камня и дерева. Их очень *редко покупают на стороне. Крестьянам приходится* только приобретать небольшое количество чугуна. Все остальное производится деревенским кузнецом или самим фермером. Средняя стоимость плуга на 70 фермах, подвергшихся обследованию, равна 2,39, согласно оценке самих собственников и 5,50 дол. [2]) по рыночным ценам. Соответствующие цены для серпа были 0,67 и 0,80, а для косы 0,44 и 0,35. Кинг, который в общем очень оптимистически освещает положение китайских фермеров, все же признает, что стоимость плуга для фермера составляет всего 2,15 зол. дол. и что по окончании трудового дня фермер уносит с поля свой плуг на плечах [3]).

[1]) W. Wagner, назв соч., стр. 147,

[2]) Китайский доллар по современному курсу—около 90 коп. Подробно о нем—в главе II.

[3]) F. A. King. China, Korea, Japan, Farmers of 40 centuries, Madison, Wis. 1911 стр. 225.

В стоимости движимой собственности фермы главной составной статьей являются не орудия производства, а средства передвижения, и, в первую голову, необходимая в китайском домохозяйстве тачка. Запасы продовольствия для людей и скота обычно чрезвычайно незначительны.

Эта примитивность производственных процессов проявляется в самых различных отраслях народного хозяйства. Заимствуем примеры у Д. К. Лю, обладающего широкими познаниями в области китайской экономики. «Чайные листья срываются руками, они высушиваются, сортируются и приобретают аромат в грубых сосудах; затем их упаковывают для транспортировки и продажи в неуклюжие корзины. Соль получается путем варки или вымаривания на солнце... В лесопильной промышленности используются топоры для сруба деревьев, при чем топоры эти часто бывают очень несовершенны, плохо приспособлены для работы, которой они служат... Рис сеется, удобряется и собирается руками» [1]).

Такова важнейшая причина, заставляющая китайское население страдать от нищеты, частых голодовок и пр. Но, если даже принять количество накопленного богатства за данную величину, необходимо установить, что сравнительно очень небольшая часть его получает производительное применение. Средний китаец, принадлежащий к зажиточному классу, обычно превращает свой доход в блага, служащие непосредственному потреблению, а не производству. Даже если кто-либо не потребляет целиком своего дохода, он предпочитает сохранять свои богатства в виде сокровищ, чем использовать их производительно. Богатеющий китаец не привык доверять свои сбережения другим лицам, если он сам не способен к предпринимательской деятельности. Рынок ценных бумаг в Китае совершенно не развит. Спекуляция откровенно доминирует над производством.

Китай является страною весьма неравномерного распределения богатства. Большое сосредоточение капитала в руках немногих индивидуумов служит обычно рычагом промышленного развития. Однако, в Китае большие богатства часто лежат в виде мертвого капитала, бесполезного с национальной точки зрения. Приведем два примера—один производительного, другой — непроизводительного накопления капитала. Хонква, один из богатейших купцов Кантона, принадлежащий к так называемым хонгам, пользовавшихся монопольным правом торговли с иностранцами, сам определил в 1834 г. свое состояние в 26.000.000 долларов, или, допуская, что покупательная сила денег в то время превышала современную вдвое,—около 52.000.000.

---

[1]) D. K. Lieu. „The economic system and its development" in „Readings in economics for China", ed. by C. F. Remer, 2 изд. Shanghai, 1924, стр. 146—147.

Хонква помещал свои деньги в рисовые поля, дома, лавки и т. д. [1]). Концентрацию богатства совсем иного типа представляет состояние Хо-Шэня, всемогущего министра императора Цянь-Луна, умершего в 1799 г. Его собственность «была расклассифицирована по 109 рубрикам, из которых 26 показывали общую сумму в 223.000.000 таэлей. Все его имущество, если оценить его грубо на тех же основаниях, должно было иметь ценность около 900.000.000 таэлей» [2]). Однако, даже при поверхностном просмотре списка его вещей, все эти «бронзовые треножники ханской династии», «императорские гонги из нефрита» и даже «купальные бассейны, плевательницы и разная домашняя утварь» из массивного золота или нефрита красноречиво доказывают, что огромные массы богатства были направлены по ложному назначению с национальной точки зрения.

Много десятилетий отделяет нас от того периода, когда великий министр Цянь-Луна вел столь блестящий образ жизни. Однако, преобладание непроизводительного применения богатства все же сохраняется в неизменном виде и до сих пор. Укажем на Шанхай, как на самый убедительный пример. Как известно, Шанхай является важнейшим промышленным центром Китая. Именно в этом городе сосредоточены действительно крупные предприятия, оборудованные по последнему слову техники: здесь находятся крупнейшие хлопчато-бумажные, табачные, мукомольные, бумажные, спичечные, цементные предприятия и др... Но только сравнивая некоторые цифры, приведенные в специальном выпуске «China Weekly Review», выпуске, в котором специально была освещена проблема «великого Шанхая», мы видим, как относительно невелик удельный вес промышленного капитала Китая. Оптовая торговля Шанхая оценена в указанном издании в 1.200.000.000 таэлей, или свыше 1.500.000.000 долларов, ценность земли в Шанхае с возведенными на ней постройками—в 2½ миллиарда таэлей, или 3½ миллиарда долларов; даже операции с золотыми слитками на Шанхайской золотой бирже достигли в 1925 г. колоссального уровня цифрой в 1.125.360.000 иен. В то же время мы узнаем из того же источника, что в Шанхае «имеется в настоящее время свыше 250 современных промышленных предприятий, дающих занятие, примерно, 300.000 промышленных рабочих при инвестировании капитала, которое, как говорят, превышает 300 миллионов долларов» [3]). Достаточно сопоставить приведенные данные для того, чтобы убедиться в том, как далеко Шанхаю до превращения в настоящий промышленный центр и как резко

[1]) Mac-Neir. Modern Chinese History. Selected Readings, Shanghai. 1923, стр. 40—41.

[2]) Backhouse and Bland. „The Wealth of Ho shen", напечатано в „Readings in Economics for China", назв. соч. стр. 223.

[3]) The „China Weekly Review", 4 декабря 1926, стр. 1, 19, 24 и 63.

в нем преобладают спекулятивные и потребительские интересы над производственными.

Таким образом, первым и важнейшим препятствием для промышленного роста Китая является недостаток капитала. На втором месте следует поставить отсутствие емкого потребительского рынка внутри страны. Для освещения этого вопроса нам придется сделать попытку осветить баланс сельского хозяйства в Китае. При этом следует помнить, что все источники сходятся на признании крестьянского населения преобладающим и даже подавляющим элементом в народном хозяйстве Срединного Государства. Обрабатываемая площадь в Китае представляет незначительную часть всей территории этого государства. Если взять Китай в широких границах, т.-е. со включением Маньчжурии, Монголии и Синцзяна, то его территория превышает Соед. Штаты Америки на одну треть. Однако, только 29% всего этого пространства могли бы поступить в обработку, а из всей площади, которая могла бы быть употреблена по своим климатическим и топографическим условиям для сбора урожая, всего четверть используется фактически. Таким образом в обработку поступает только около одной шестнадцатой всей территории республики. Это составляет около 176.000.000 акров культивируемой земли [1]). Если перевести эту цифру в му, общеупотребительную в Китае земельную меру, то получится около 900—1.000 миллионов единиц. Проф. Вагнер заимствует из китайских источников следующую таблицу, изображающую эволюцию посевной площади в Китае на протяжении последних 250 лет [2]):

1661	549.357.600 му
1685	607.843.000 „
1722	683.791.400 „
1766	741.449.500 „
1812	791.525.100 „
1833	842.000.000 „
1887	911.976.606 „

Сосредоточив, таким образом, всю свою производительную энергию на сравнительно небольшом клочке территории своей страны, — повидимому, вследствие недостатка капитала, потребного для использования всей годной для обработки площади, — трудолюбивое китайское население не жалеет собственных сил и удобрения для превращения своей страны буквально в сад. Как указывает индийский профессор Мукерджи, «насколько замечательно плодородной может быть почва при благоприятных обстоятельствах, можно убедиться из того факта, что одно му может содержать одного человека. Квадратная миля способна дать пропитание населению в 3.840

[1]) „Economic Geography", Июль 1927 г., A, La Fleur and E. J. Foscue, Agricultural Production in China.

[2]) W. Wagner, назв. соч. стр. 127.

лиц» [1]). Китайское хозяйство оказывается продуктивнее американского. По словам уже цитированного американского журнала экономической географии, каждый акр земли, на которой возделывается рис, приносит в Китае в грубых цифрах 1.750 американских фунтов, тогда как в Соед. Штатах соответствующая цифра составляет всего 1.262 фунта [2]).

Однако, каждое му, конечно, далеко не всегда может прокормить одного человека. Если бы такая производительность в земледелии могла быть достигнута по всей территории китайской республики, ее население могло бы возрасти, примерно, вдвое в то время, как уже и сейчас китайский народ находится постоянно на границе голодной смерти. Повидимому, такие исключительные достижения возможны только в некоторых районах Южного Китая, где благодаря климатическим условиям, удается собирать не меньше двух урожаев риса в год. Нормально же, если взять среднюю по всей Республике, то даже 3 му (миллиард му на 300—350 миллионов с.-х. населения) обеспечивают лишь нищенские условия существования китайскому крестьянину: По словам Лоссинг-Бека, «опытные фермеры утверждают, что 30 му земли могут дать пропитание семье из 6 лиц, но без возможности каких-либо сбережений» [3]). Целый ряд исследований китайского сельского хозяйства, произведенных за последние годы, дает возможность до известной степени подойти вплотную к выяснению среднего урожая с му в денежных единицах. Проф. Тейлер, обработавший материалы специального исследования, произведенного Международной комиссией по борьбе с голодом в Китае и охватившего ряд уездов в провинциях Цзянсу, Шаньдун, Чжили и Аньхуй, приводит интересные данные, из которых видно, что максимальный доход с одного му составляет 35,6 долларов, а минимальный—2,5 долларов. При этом доход с 1 му обычно тем больше, чем меньше средний размер владения. На основании тейлеровских данных можно заключить, что преобладающим является доход от 10 до 20 долларов с му [4]). Лоссинг-Бек обработал данные по 150 фермам в провинции Чжили. Его подсчеты распространяются на площадь в 3.671 му. Весь доход с этой площади, как денежный, так и неденежный, оценивается в 25.170 долларов, что составляет около 7½—8 долларов с му [5]). У проф. Вагнера мы находим материалы, относящиеся к 3 конкретным шаньдуньским фермам. В первой из них — 42 му, и валовой доход хозяйства составляет 529 таэлей, т.-е. около 750 долларов, что составляет немногим меньше 20 долларов с му. Вто-

[1]) Radhamakal Mukerjee, The Rural Economy of India, 1926, стр. 44,
[2]) „Economic Geography", назв. ст., стр. 300;
[3]) Lossing-Buck, указанное выше исследование пров. Чжили, стр. 74;
[4]) C. B. Malone and J. B. Tayler. The Study of Chinese Rural Economy, Peking, May 1924, стр. 38;
[5]) Lossing-Buck, Назв. соч., стр. 21;

рое имение с 20-ю му дает доход в 227 таэлей, т.-е. около 15 долларов с му. Третье, которое по характеристике Вагнера находится в неблагоприятных условиях сбыта ,имеет 14 му и получает дохода 158 таэлей, т.-е. опять-таки около 15 долларов с му [1]). Все эти подсчеты относятся к Северному Китаю. Что же касается Южного Китая, то для него наиболее характерной культурой является, разумеется, рис. По данным агрикультурного департамента Гуандунского Университета, средний валовой доход с 1 му составляет на орошаемой земле для земель первой категории 4,4 пикуля, для земель второй категории — 3,2 пикуля и для земель третьей категории — 1,8 пикулей. По данным Арнольда, в Хунани нормальная производительность рисовых полей— от 2-х до 3-х пикулей с му [2]). Минимальная цена пикуля риса может быть принята в 3—4 доллара. Таким образом, валовой доход с 1 му земли, используемого для возделывания риса, составляет 6—10 долларов. Однако, эта цифра очень резко повышается для некоторых специальных культур. Так, например, 2 му, обработанные под черный табак, дали 700 кетти сухого табаку. Это количество, по цене 25 долларов за 100 кетти дает 175 долларов валового дохода на 2-х му или 87½ долларов с му. Желтый табак дал даже 240 долларов с 2-х му или 120 долларов с 1 му [3]). С другой стороны, как показывают сравнительные данные за ряд лет относительно земли, занятой под хлопок, и урожаев хлопка, для производства одного пикуля хлопка требуется 3½—4 му [4]). Цена производителя для хлопка составляет, вероятно, около 20—25 долларов. Таким образом, доход с одного му, занятого под хлопок должен составлять около 6—8 долларов.

Сводя воедино приведенный разнохарактерный материал, мы приходим к убеждению, что в среднем по Китаю можно исходить из цифры дохода в 8—10 долларов с му, что при обрабатываемой площади в 900—1.000 миллионов му дает 7—10 миллиардов долларов.

Обратимся теперь к расходной стороне крестьянского бюджета в Китае. Проф. Тейлер приводит интересную попытку одного из своих коллег, проф. Рида, подсчитать для бедной крестьянской семьи из 5 лиц минимальные затраты на пищу. Тейлер переводит диэтетические данные, выраженные в калориях (13.683 калории на семью) на ценностный язык и получает цифру в 150—160 долл. в год. Он отмечает, вместе с тем, что это—только треть ценности, затрачиваемой для получения равного количества протеина и той-же суммы калорий в Англии, так как английский стол содер-

[1]) W. Wagner, назв. соч., стр. 642, 648и 651;
[2]) M. Volin and E. Yolk „The Peasant Movement in Kwantung", Part I, Canton, 1927, стр. 13. Пикуль = 100 кетти = 133½ фунта;
[3]) China, by Arnold and others, стр. 582.
[4]) M. Volin and E. Yolk, назв. соч., стр. 31.
[5]) „The China Weekly Review", 15 янв. 1927.

жит большое количество дорогих животных продуктов. Прибавляя необходимые издержки на одежду, топливо, арендную плату за помещение, свет и т. д., он приходит к общему итогу в 187 долл., в котором пища составляет 80%. Этот доход для семьи из пяти лиц он обозначает термином «линия нищеты» [1]). На каждого члена семьи этот доход составляет около 40 долл.

Из приведенных данных видно, в каких ужасающих условиях нищеты и материального прозябания живет китайский крестьянин. Мы определили «надел» члена средней крестьянской семьи в 3 му обрабатываемой земли, а валовой доход с му в 8—10 долл. Всего след. на душу сельского населения приходится 25—30 долл. валового дохода. Другими словами, всей продукции крестьянского хозяйства было бы недостаточно для поддержания его хотя бы на уровне «линии нищеты». Но помимо того, как нетрудно понять, для потребления крестьянину остается сравнительно небольшая часть валового дохода. В известной доле вычеты из последнего диктуются самими условиями сельскохозяйственного производства. Сюда относятся траты на обсеменение полей, удобрение, корм скота, восстановление и ремонт инвентаря и построек и пр. Но в ряду статей расхода доминирует расход, который целиком коренится в социальных условиях, господствующих в деревне. Мы, разумеется, имеем в виду земельную ренту, поступающую в пользу помещика.

У нас высказывается иногда мнение, что в Китае «относительное значение земельного вопроса в качестве двигательной силы исторического развития должно быть гораздо меньше, нежели мы обычно себе представляем на основании опыта других стран» [2]), на том-де основании, что Китай представляет собой страну мелкого землевладения. Ничего не может быть ошибочнее такого взгляда. Корень аграрного вопроса, по нашему мнению, совсем не в размерах землевладения, а в соотношении между землей, непосредственно обрабатываемой ее собственником, и землей, сдаваемой в аренду. При сдаче земли в аренду собственник является чисто пассивным, паразитическим элементом, получающим доход, несмотря на уклонение его от выполнения какой-бы то ни было производительной работы в обществе. В Китае, где уровень благосостояния населения крайне низок, вопрос о количественном соотношении земли, непосредственно обрабатываемой собственником, и сдаваемой в аренду, т.-е. о пропорции между производителями и паразитическими элементами в сельском хозяйстве, приобретает особенное значение. Между тем, как констатирует Вагнер, сдача земли в аренду принимает в Китае гораздо большие размеры, чем это обычно предполагается. Не только наследственные землевладельцы занимаются этим делом; каждый китаец, заработав хотя-бы немного денег, старается стать землевладельцем, с тем,

[1]) Malone and Tayler, назв. соч., стр. 40—42;
[2]) „Новый Восток" № 15, А. Канторович, цит. ст., стр. 77.

чтобы, сдавая крестьянам в аренду купленную землю, выступать в качестве простого получателя ренты. Вагнер не берется установить точно, насколько глубоко эта «раковая болезнь» проникла в народно-хозяйственный организм. Он полагает, однако, что эта болезнь прогрессирует с каждым днем. «Разумеется, нельзя признать преувеличением, когда утверждают, что земельная площадь Китая, находящаяся в непосредственной обработке у мелких землевладельцев, не выше 50% всей культурной площади страны. Остаток, т.-е. другая половина, арендуется крестьянами, которые таким образом становятся в хозяйственном отношении более или менее зависимыми от землевладельцев» [1]). Тот же Вагнер считает, что минимальным размером натуральной аренды, уплачиваемой крестьянином, является половина валового урожая; эта натуральная аренда, однако, иногда поднимается до четырех пятых. К аналогичным данным приходят Волин и Волк в своем капитальном исследовании о крестьянском движении в Гуандуне—исследовании, которому, к сожалению, не удалось увидеть свет в Кантоне по «независящим политическим обстоятельствам». Согласно их информации, цифра арендной платы в некоторых уездах достигает 10, 12, 15, 16 и иногда даже 25 долларов с му. Иногда землевладелец получает 60% урожая, а арендатор остальные 40%. Аренду приходится платить обычно и в неурожайные годы, причем лишь иногда помещик делает из милости скидку. Весовая мера, в которой измеряется натуральная аренда, имеет тенденцию расти из года в год. Договор о сдаче земли в аренду редко фиксируется в письменной форме, так что помещик может в любой момент прогнать крестьянина с земли [2]).

Если мы примем хотя бы минимальные цифры, приведенные нами, т.-е. допустим, что сдается в аренду половина всей земли и что с арендуемой площади землевладелец получает 50% валового дохода, то весь вычет в пользу паразитических элементов сельского хозяйства достигнет 25% урожая страны. Если исходить из приведенной выше цифры в 7—10 миллиардов валового дохода, то рента составит около 2—2½ миллиардов для всей китайской территории. К этому нужно прибавить, как увидим ниже, весьма почтенную цифру, собираемую теми-же землевладельцами в форме поземельного налога и достигающую, по всей вероятности, 300—400 миллионов долларов. Таким образом, не менее 30% валового дохода отчуждается у крестьян в пользу имущих классов деревни, при чем расходование средств для этой цели не имеет никакого экономического оправдания. С другой стороны, крестьянин, который, быть может, имел-бы возможность удержаться на линии нищеты, тянется книзу этим тяжелым грузом ренты и поземельного налога. Может быть, острота аграрного вопроса в Китае заключается именно в том, что

[1]) W. Wagner, назв. соч., стр. 132;
[2]) M. Volin and E. Yolk, назв. соч., стр. 102 и сл.

Китай—страна мелкого, а не крупного землевладения. На указанную часть национального дохода, поступающую в пользу мелких землевладельцев, живут вместе с семьями миллионы и даже пожалуй, десятки миллионов человек мелких рантье. За счет этих доходов они, прежде всего, прокармливают самих себя. Но тем самым они уменьшают рацион китайского крестьянина ниже голодной нормы.

Лучшим показателем крайней бедности китайской деревни может служить господствующий здесь поистине ростовщический процент на капитал. В Китае учетные ставки чрезвычайно варьируют в зависимости от того, в какой мере обеспечено возвращение долга кредитору и в каком имущественном положении находится должник. Деревня находится в наиболее невыгодных условиях в этом отношении. Крестьянин целиком зависит от милости ростовщиков и ломбардных домов. Как замечает проф. Вагнер, промысел владельца ломбарда принадлежит в Китае к числу наиболее честных и уважаемых, хотя они взимают по займам от 3 до 5% в месяц. Частные ростовщики обычно являются купцами, покупающими у крестьян их будущий урожай с очень большим учетом [1]). Хотя процент на капитал очень колеблется и в пределах города, но между городом и деревней в этом отношении выявилось яркое различие. Едва ли не самой дешевой является в настоящее время процентная оплата тех внутренних займов, которые обеспечены за счет таможенных доходов. Нельзя не отметить, что на протяжении 1926 г. облигации этих внутренних займов котировались почти что по номиналу, т.-е. процент по ним составлял всего 7—8% в год. Типичным барометром для городского денежного рынка можно признать т. н. туземный процент, соответствующий учетной ставке по краткосрочным займам до востребования в западно-европейской практике [2]). Он редко превосходит 10—12% в год. Согласно существующим обычаям, верхний предел для туземного процента слегка превышает 25%. Что-же касается иностранных банков, то они имеют возможность предоставлять кредиты по еще более умеренной цене, чем китайские банки, так как они переобременены большими наличными резервами, притекающими к ним в форме вкладов. Общее влияние гражданской войны на процент на капитал в городах, естественно ,имеет повышательную тенденцию, так как истребление капиталов милитаристами поистине огромно.

Характерным доказательством того, как изменяется процент на капитал в зависимости от условий обеспеченности займа, может служить ростовщическая оплата так наз. необеспеченных займов, к которым приходится прибегать тому самому Пекинскому правительству, «обеспеченный» кредит которого стоит так высоко. По замечанию одного из хороших знатоков китайских

[1]) W. Wagner, назв. соч., стр. 653;
[2]) „The China Year-Book", 1926—27, стр. 550—551.

финансов Ф. Е. Ли, «если вы просмотрите список китайских необеспеченных долгов китайским банкам, то вы найдете ставки в размере 18, 20 и даже 24%, а один долг по японскому займу оплачивается даже 76%... Если правительство готово заключать займы, или, правильнее, если безответственные лица в правительстве готовы заключать займы из 76%, или даже из 18—24%, то создается положение, при котором правительство окажется не в силах устоять» [1]). Против этого, конечно, спорить не приходится; но не менее очевидно, что и китайское земледелие в равной мере «не может устоять», если ему подчас приходится платить 100% годовых. Таким образом, совершенно разрушается производственная база, на которой существует китайская деревня. При ограниченности капитала, находящегося в распоряжении китайского крестьянина, неизбежны перебои в снабжении его оборотным капиталом, носящие сезонный характер. Если в такие моменты, обращаясь к кредиту, он попадает в цепкие лапы ростовщика, то рано или поздно это влечет за собой его окончательную гибель и полный переход его имущества в руки ростовщика.

Попробуем прощупать высоту процента на капитал в разных отраслях сельско-хозяйственного производства. Еще сравнительно благоприятно складывается обстановка для технических культур, в роде шелководства. Хотя и здесь учетная ставка очень высока, все-же она несколько ниже, чем для фермера, производящего рис или пшеницу. Покупатели тутовых листьев «редко имеют наличные деньги, чтобы оплатить эти листья, но они обычно обещают уплатить, когда их коконы будут проданы. Рынок взимает по этим займам от 20 до 30% в год. Если урожай коконов оказывается неудачным и фермер не может платить, он теряет кредит для будущих покупок на рынке» [2]). Здесь опять-таки относительно высокий процент всецело обусловлен слабостью производственной базы китайских тутовых производителей. В несколько лучшем положении оказываются владельцы паровых шелкопрядилен. «Кампания, занятая изготовлением шелковой пряжи, получает необходимые на ее организацию средства в виде небольших инвестирований от многочисленных пайщиков. Когда у них возникает нужда в деньгах, они берут взаймы у банков или менял на короткий срок. Пределом обычно является 15 дней или конец операции по размотке коконов, ради которой деньги берутся в ссуду. Обычно оплачивается высокий процент на капитал, примерно, 15%» [3]).

[1]) „American Relations with China", The John Hopkins Press, Baltimore, 1925, стр. 87.

[2]) C. W. Howard and K. P. Buswell. A. Survey of the silk Industry of South China, Hongkong, январь 1925 г., стр. 61;

[3]) Там-же, стр., 123.

Все же в наиболее тяжелом, поистине, ужасном положении находится рядовой крестьянин, прибегающий к займу в крайней нужде. Согласно информации Кинга, «2% в месяц считается низкой ставкой, а 30 годовых взимается сплошь и рядом [1]). Ставки эти особенно вздергиваются вверх в период голода. По данным проф. Тейлера, во время последнего голода был издан декрет, запрещающий взимать более 3% в месяц, но несмотря на это неоднократно раздавались жалобы со стороны населения, что ему приходится платить до 100% годовых [2]). Вагнер также упоминает, что процент иногда доходит до 10 в месяц и даже более. Только взаимопомощь крестьян и кредитная кооперация до известной степени избавляют крестьян от ярма ростовщика [3]). Организация подобных обществ, по общему правилу, создается в связи с тем, что у отдельного крестьянина возникает крайняя необходимость в крупной сумме денег. Этот крестьянин действует в качестве организатора такого кредитного кооператива и получает в виде займа деньги, собранные в качестве первого взноса в кредитный кооператив, не платя при этом процента. В следующие месяцы другие члены общества получают займы, — чаще всего по жребию. Иногда вместо жребия применяется метод аукциона. «Тот член, который предлагает самый высокий процент на капитал, не превосходящий по общему правилу 2½ в месяц, является победителем на аукционе и получает заем на месячный срок» [4]). С XI века известны также особые займы, предоставляемые на срок в 5 месяцев с платежом 20% с капитала. Это были в прежнее время правительственные займы, но в настоящее время эта форма предоставления кредита практикуется исключительно частными капиталистами.

Современное крестьянское движение в Южном и Центральном Китае, первый толчок которому был дан национальной революцией, возглавлявшейся Гоминьданом, было направлено против ростовщичества в деревнях, как одного из наиболее тяжких общественных зол. В программе Гоминьдана по последнее место занимала идея создания государственного крестьянского банка для кредитования крестьянского хозяйства. Одновременно национальное правительство попыталось ввести легальный максимум для процента на капитал в размере 2% месячных. В некоторых округах удалось провести эту норму в жизнь, но в большинстве случаев ростовщики просто отказывались предоставлять займы на подобных условиях. Разумеется, не приходится сомневаться в том, что только приток правительственного капитала в деревню, в форме организации крестьянского банка или подчиняемых им кредитных

[1]) Malone and Tayler, назв. соч., стр. 44 (в сноске).
[2]) Wagner, назв. соч., стр. 653;
[3]) Chinese Economic Journal, Февраль 1927, стр. 171.
[4]) King, назв. соч., стр. 153.

товариществ, сыграл бы роль действительной финансовой поддержки крестьянства, а отнюдь не практиковавшееся правительством,—и в большинстве случаев оставшееся безрезультатным,—голое запретительное законодательство в отношении высокого процента.

Следует отметить, что, несмотря на описанную ужасающую бедность китайской деревни, товарность сельского хозяйства в Китае относительно очень велика. Разумеется, однако, львиная доля поступает в виде ренты землевладельцу, к которому переходит, таким образом, и возможность предъявлять спрос на промышленные изделия за счет реализованной с.-х. продукции. Весьма вероятно даже, что рента вообще поступает землевладельцу преимущественно в натуральной форме, так что он сам уже выступает в роли торговца продуктами земледелия. Во всяком случае, обычное представление, будто китайский крестьянин почти целиком потребляет все, что им получено в результате сбора урожая, совершенно неверно. Лоссинг-Бок констатирует, что в районе его исследования, в Чжили, отчуждалось на сторону 56% всего сельскохозяйственного сбора. «Как видно из списка семейных расходов, имеется много статей, подлежащих уплате непременно наличными. Сельское хозяйство в Китае не является коммерческим в такой же мере, как в Дании или Соед. Штатах, но все же весьма значительная часть земледельческой продукции входит здесь во внутреннюю и внешнюю торговлю и эта часть имеет тенденцию к увеличению, вследствие улучшения транспортных средств»[1]). Продажа с.-х. продуктов сейчас же после урожая лучше всего свидетельствует о большой денежной нужде крестьянского хозяйства. Крестьянство выбрасывает почти всю свою товарную продукцию на рынок сразу. «Местные спекулянты покупают пшеницу сейчас же вслед за сбором хлебов, когда фермеры продают свыше четырех пятых своего урожая и когда цены стоят наиболее низко, а затем придерживают хлеб, пока цены не поднимутся зимой и весной»[2]).

Установленная Лоссинг-Боком для Чжили пропорция между товарной и непосредственно потребляемой частями сельско-хозяйственной продукции не может быть принята в качестве нормы товарности для всего Китая. Для всего Китая эта пропорция слишком высока. Однако, несомненно, что чисто-товарные культуры играют в экономии крестьянского хозяйства в Китае довольно существенную роль. Достаточно сослаться на довольно широкое распространение в китайском земледелии таких продуктов, как шелк, хлопок, табак, чай, сезамовое семя, потребление которых в самом производящем хозяйстве обычно бывает ничтожным. В Китайском Экономическом Ежемесячнике была напечатана два года тому назад интересная сводка с.-х. продукции Ки

[1]) J. Lossing-Buck, An Economic and Social Survey, стр. 95.
[2]) Там-же, стр. 89.

тая [1]). Эта сводка при всей сомнительности отдельных цифр, входящих в нее, дает все же некоторое представление о товарности китайского земледелия. Вслед за данными о размере продукции каждой культуры в этой сводке были приведены цифры экспорта на основании таможенной статистики. Из этих цифр видно, что большинство культур вывозится за границу в очень скромных долях всей продукции. Сколько-нибудь значительным оказывается только вывоз шелка (около 30%), шерсти (около 75%), земляного ореха (около 50%), хлопка (около 25%) и немногих др. с.-х. культур. В таблице принимается совершенно произвольное допущение, что из остатка с.-х. продукции (после вычета экспорта) четверть потребляется в городах и три четверти в деревне. Городское потребление валютируется по известным ценам, которые, при ближайшем их рассмотрении, оказываются несколько ниже цен крупнейших торговых центров, но должны все же превышать средние цены производителя. Затем, отчужденная для городского населения часть продукции отождествляется с денежным доходом деревни, к которому лишь прибавляются для полноты такие статьи, как отхожие и кустарные промыслы и пр. Экспорт почему-то не входит по этому расчету в денежную часть с.-х. продукции. Мы предпочитаем взять непосредственно исходные данные с.-х. продукции, помножив их на те же цены, которые были положены в основу таблицы Экономического Ежемесячника. Эта операция дает следующие результаты:

Вид продукции	Количество в пикулях	Цена пикуля в таэлях	Общая стоимость в таэлях
Пшеница	265.000.000	3.68	975.200.000
Рис	520.000.000	4.00	2.080.000.000
Маис	32.000.000	1.90	60.800.000
Бобы	90.000.000	3.18	286.200.000
Гаолян	152.000.000	2.66	404.320.000
Земляной орех	6.600.000	4.52	29.832.000
Хлопок	7.680.000	27.10	208.128.000
Сезамовое семя	7.500.000	5.92	44.400.000
Сахар	6.000.000	10.00	60.000.000
Чай	7.500.000	26.00	195.000.000
Табак	3.750.000	22.00	82.500.000
Шелк	900.000	642.04	577.836.000
Шерсть	685.000	25.40	17.399.000
Всего	—	—	5.021.615.000

[1]) Приведена у А. Ходорова. Народное хозяйство Китая, М., 1926, стр. 339.

В сводку Китайского Экономического Ежемесячника внесены отдельной статьей «фрукты, овощи, яйца *и пр.*». Однако для них не указано ни цены, ни производимого количества. Денежный доход деревни от этой статьи показан в размере 450.000.000 таэлей. Если мы примем общую для всех земледельческих культур норму товарности, применяемую Ежемесячником, т.-е. 25%, *то получим* для всех культур, не вошедших в сводку, около 2 миллиардов таэлей или почти треть итога. Это, пожалуй, многовато. Во *всяком* случае, прибавив к нашему итогу невошедшие в него фрукты, овощи, молочные продукты, яйца и пр., мы смело можем округлить общую сумму валовой доходности сельского хозяйства до 6—6½ миллиардов таэлей или 8—9 миллиардов долларов, что вполне согласуется с той характеристикой размеров с.-х. продукции, которая сделана нами выше на основе учета обрабатываемой площади и средней доходности одного му.

Из приведенной таблицы, вместе с тем, видно, что стоимость одних только чисто технических культур *не меньше* миллиарда таэлей: хлопок дает 208 милл., чай — 195 милл., шелк — 578 милл., шерсть — 17 милл., сахар — 60 милл., сезамовое семя — 44 милл. и т. д. Кроме того, при довольно высокой товарности даже таких культур, как, например, пшеница (сошлемся на приведенные *цифры* Лоссинг-Бека), второй миллиард, несомненно, составится по этим культурам. Поэтому едва ли общая товарность сельского хозяйства в Китае ниже трети всей продукции, т.-е. 2 миллиардов таэлей или почти 3 миллиардов долл. Эта цифра показывает, что при благоприятном *развитии* сельского хозяйства в Китае, т.-е., при условии избавления его от двух основных насосов, выкачивающих из него средства: *помещиков* и милитаристов, китайская деревня действительно могла бы стать весьма емким рынком для промышленных изделий. Подмена крестьянского потребления генеральским и помещичьим спросом не может удовлетворить промышленность, так как значительная часть доходов землевладельцев и военных предпринимателей приобретает форму денежного богатства, попадая затем в иностранные банки или даже в домашние хранилища в виде сокровищ и т. д. Затем, в другой своей части этот спрос направляется на уже построенные дома, фабрики и пр., *искусственно* вздувая цены на средства производства, но не создавая нового спроса на предметы массового потребления, производимые китайской промышленностью.

Попытаемся наметить, хотя бы в самых грубых чертах, размеры валовой продукции *народного* хозяйства в Китае. Мы отдаем себе полный отчет в том, насколько шатки статистические основания, на которых *подобный* подсчет может строиться. Поэтому мы вообще не придаем значения конкретным цифрам и для нас существенно лишь уловить основные тенденции в соотношении доходов от разных отраслей народного хозяйства.

Выше мы уже подсчитали, что доход от сельского хозяйства может быть выражен цифрою 7—10 миллиардов долларов. Перейдем к выяснению размеров промышленной продукции. Ее придется подсчитать отдельно для крупной и для мелкой, ремесленной промышленности. Что касается первой, то до известной степени отправным пунктом может служить число рабочих в ней. По последним данным, число промышленных рабочих изображается следующей таблицей [1]):

1. Текстильные рабочие	280.000
2. Рабочие шелковой промышленности	160.000
3. Горнорабочие	540.000
4. Моряки	160.000
5. Железнодорожники	120.000
6. *Грузчики в порту*	300.000
7. Металлисты	50.000
8. Строительные рабочие	200.000
9. Рабочие электропромышленности	80.000
10. Почтовики	90.000
11. Рабочие соляных промыслов	250.000
12. Полицейские и др. рабочие, связанные с муниципальной администрацией	250.000
13. Табачники	40.000
14. Рабочие по продаже риса	60.000
15. Печатники	50.000
16. Рабочие в мануфактурах	120.000
Всего	2.750.000

Конечно, далеко не все рабочие, фигурирующие в этой сводке под рубрикой промышленных рабочих, могут быть в действительности зачислены в кадры промышленного пролетариата. Если исключить моряков, железнодорожников, грузчиков, почтовиков, полицейских, продавцов риса, то останется около 1.800.000—2 миллионов человек. На основании разных источников, можно определить среднюю заработную плату промышленного рабочего в 25—100 центов в день, или от 75 до 300 долларов в год. Если принять условно в качестве нормальной заработной платы 150 долларов в год, то для всей рабочей армии это составит около 250—300 миллионов долларов. Чтобы построить мост от этих данных к валовой промышленности, нужно было- бы знать, какая часть цены продукта приходится на заработную плату. У нас, к сожалению, нет точных данных, *позволяющих судить о структуре* издержек производства в Китае, и поэтому придется воспользоваться аналогией с другими странами. Так, в Соед. Штатах, по данным промышленных цензов в период с 1914 по 1923 г.г., заработная плата составляла от 41 до 45% стоимости, придаваемой сырым материалам в процессе про-

[1]) „Pan-Pacific Trade—Union Conference", Bulletin of Proceedings, 24 мая 1927 г.

мышленной переработки, а так как самый этот прирост стоимости составлял около 40% от стоимости продукта, то можно определить долю заработной платы в цене (и соответственно, в стоимости) готового изделия для Соед. Штатов в 17—18% [1]). Для нашего Союза интересные данные приведены в Контрольных Цифрах на 1927—28 г. [2]):

Удельный вес зарплаты в стоимости валовой выработки.

(В червонных рублях)

	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г.
Производство средств производства	21,5	24.5	22,4
Производство средств потребления	13,0	14,8	12,7
Вся промышленность	16,3	18,7	16,8

Таким образом, несмотря на весьма существенные отличия в условиях промышленного производства у нас и в Заатлантической Республике, соотношение заработной платы и валовой продукции остается почти тем же: но несколько ниже 20%. Если мы будем исходить из той-же нормы для Китая, то размер промышленной продукции в крупных, капиталистических предприятиях должен составить около 1.300—1.500 млн. рублей.

Этот косвенный подсчет мы попробуем проверить на основании непосредственных данных, характеризующих продукцию отдельных отраслей промышленности. Начнем с добывающей промышленности. Еще для 1916 г., руководствуясь китайскими статистическими данными, Попов-Татива оценил общую стоимость добытых минералов в 120 млн. долларов [3]). С тех пор продукция некоторых отраслей горной промышленности значительно возросла, а цены отдельных продуктов горной добычи резко поднялись. Так, по данным Попова-Тативы, продукция угля определялась в 62 миллиона, при цене тонны в 4 доллара. В настоящее время ежегодное производство только в копях, разрабатываемых капиталистическим способом, определяется в 20 миллионов тонн [4]), при цене не ниже 10 долларов за тонну, что даст стоимость продукции в 200 миллионов. Из других статей горной продукции немаловажное значение имеют антимоний (сурьма), вольфрамовая руда, олово, железная руда, золото и пек. др. В итоге все эти отдельные виды продукции составляют не менее 300 милл. долларов. К этому нужно прибавить капиталистическую добычу соли. По последним данным, Китай занимает третье место в мире по добыче соли в период 1919—1923 г.г.: из мировой

---

1) Срв. Journal of the Royal Statistical Society, Vol. XC, 1927 г., ч. II, стр. 256—257.

2) Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год, Москва, 1928, стр. 287.

3) Н. М. Попов-Татива. Китай. Экономическое описание, М., 1925, стр. 84.

4) „The Pan—Pacific Worker", Hankow, 1 июля 1927, M. R. „Industrialisation of China".

добычи в 20 миллионов тонн на долю Китая приходилось 2 миллиона [1]). Правда, нужно принять во внимание, что значительная часть соли добывается в Китае примитивным ручным способом, при чем число рабочих, занятых добычей соли вручную определяется в 420.000 ч. При большей продуктивности капиталистической разработки соляных копей, по сравнению с ручною, можно считать, что 250.000 промышленных соляных рабочих создают такую же валовую продукцию, как 420.000 кустарей. Таким образом, соляная продукция в крупных предприятиях составит 1.000.000 тонн. Фиксируя грубо цену тонны соли в 100—125 долларов, мы придем к выводу, что соляная продукция на копях, разрабатываемых капиталистическим способом, оценивается в 100—125 млн. долларов. Таким образом, всю продукцию добывающей промышленности мы оцениваем в 400—425 млн. долларов.

Текстильная промышленность производит в последние годы 500—700 миллионов английских фунтов пряжи, что, примерно, соответствует валовой стоимости в 150—200 миллионов. Шелковая промышленность производит ценностей, примерно, тоже на 200 миллионов. Чрезвычайно разрослась за последнее время выработка папирос и др. табачных изделий. Крупнейшее предприятие этой отрасли — Британско-Американская Компания — имеет капитал в 29.000.000 фунтов стерлингов и реализовало за последний год 6.000.000 фунтов стерлингов прибыли. Наряду с этой компанией, быстро развиваются китайские табачные предприятия, при чем во главе китайских табачных предприятий стоит крупная фирма «Братьев Напьян». Это предприятие истратило за последний год на одну только рекламу свыше 400.000 долларов. Табачная продукция Китая за последние годы не ниже 100.000.000 долларов. Одной из крупнейших отраслей китайской промышленности является, далее, мукомольная промышленность, центрами которой являются Шанхай и Харбин. Она дает ежегодно, вероятно, не менее 50.000.000 долларов. Мы исчерпали, таким образом, главнейшие отрасли промышленности, перечисленные в приведенной выше сводке промышленных рабочих. Накинув 150—200 миллионов на прочие отрасли, мы приходим к итогу в 1.100—1.250 млд. долларов.

Обратимся теперь к кустарной промышленности. Здесь мы входим в область гаданий. Тем не менее, Попову-Тативо удалось составить по китайским источникам сводку продукции кустарной промышленности за период с 1912 по 1915 г.г. Эти данные заведомо недостоверны, так как дают слишком резкие колебания для непосредственно следующих один за другим лет: 4.067.000.000 для 1912 г., 835.000.000 для 1913 г., 872.000.000 для 1914 г. и 995.000.000 для 1915 года [1]). На основании сводки, относящейся

[1]) „Far Eastern Capital and Trade", от 11 Марта 1927 г., „China's Position in World Salt Trade".

[2]) Попов-Татива, назв. соч., стр. 142.

к 1915 г., укажем, что первое место занимает производство хлопчато-бумажных изделий — около 300.000.000; затем следуют маслобойное производство — 120.000.000, винокурение — 95.000.000, кожевенное производство — 60.000.000, производство металлических изделий—80.000.000 и др.

Эти цифры, конечно, не претендуют на достоверность, но они все же рисуют масштаб кустарного производства в Китае. Для дальнейшей характеристики полезно привести последнюю сводку числа рабочих ремесленно-кустарного типа, приведенную в одном из докладов Тихоокеанской Конференции Профессиональных Союзов в Ханькоу:

1. Текстильщики	320.000
2. Туземные горнорабочие	800.000
3. Строители	600.000
4. Портные	850.000
5. Рабочие чайной промышленности	350.000
6. Производители сетей	80.000
7. Производители соломенных шляп	120.000
8. Рабочие по фарфору	250.000
9. Фейерверочные рабочие	200.000
10. Парикмахеры	240.000
11. Кузнецы	160.000
12. Сапожники	320.000
13. Бумажные рабочие	150.000
14. Кули	1.200.000
15. Рабочие соляных копей	420.000
16. Рабочие по продаже риса	240.000
17. Служащие китайских лавок	1.600.000
18. Лодочники	1.200.000
19. Печатники	60.000
20. Прочие рабочие	3.000.000
Всего	12.160.000

Здесь опять-таки надлежит исключить из сводки парикмахеров, кули, рабочих по продаже риса, служащих китайских лавок, лодочников и, вероятно, часть «прочих рабочих», — всего до 5.000.000 человек. Останется, следовательно, 7.000.000. Сводка Попова-Тативы, относящаяся к 1915 г., тоже дает около 8.000.000 рабочих. Средняя производительность ремесленника и кустаря, разумеется, значительно ниже, чем промышленного рабочего. Если, принимая во внимание крайнюю дешевизну рабочей силы, мы будем считать средний доход рабочего ремесленно-кустарного типа равным даже 100—150 долларам в год и при этом определим стоимость его продукции цифрою, превышающей самое большее в три раза его заработную плату, то и тогда вся некапиталистическая продукция китайской промышленности не превысит 2—2½ миллиардов долларов. Всего, следовательно, участие промышленности в национальной продукции Китая определится цифрою масштаба 3½—4½ миллиардов долларов.

Теперь нужно сказать несколько слов о нарастании цен товаров, производимых сельским хозяйством и промышленностью, в процессе распределения их по стране торговым аппаратом. В Китае торговые накидки цен безобразно высоки. Тяжелым положением крестьянства пользуются скупщики сырья и продовольственных продуктов, чтобы получать за бесценок товары, на продаже которых они затем реализуют огромные прибыли. Дать точные цифры чрезвычайно трудно, но вот некоторые интересные сопоставления для двух-трех товаров. Вагнер в своих конкретных калькуляциях доходов и расходов нескольких шаньдунских крестьянских хозяйств исходит от цены риса в 2½ таэля, т.-е. около 4 долларов за пикуль. Цена риса в городах внутреннего Китая обычно составляет 8—9 долларов за пикуль. Вместе с тем, по таможенному отчету за 1926 г. цена эта определяется для импорта примерно в 4½ хайгуанских таэля, что составляет около 7 долларов, а для экспорта—около 7 хайгуанских таэлей, т.-е. 10½—11 долл. Для хлопка тот же Вагнер принимает цену в 18 таэлей. По Шанхайским данным Бюро Рынков, цена пикуля хлопка колеблется в пределах 30—32 шанхайских таэля, а по таможенному отчету экспортная цена хлопка составляла около 40 хайгуанских таэлей, т.-е. около 45 шанхайских таэлей. Вероятно, эти сопоставления не дают еще и отдаленного представления о нарастании цены товаров, прибывающих в Шанхай из внутренних провинций. Шаньдунские крестьяне в этом отношении мало показательны, так как они живут в атмосфере, уже насыщенной отчасти иностранным влиянием. В современных европейских государствах участие торговли в национальном доходе выражается величинами 10—20%. В китайских условиях эта доля должна быть еще несравненно выше. Определим ее грубо в одну треть национального дохода. Тогда, вся схема распределения представится в следующем виде:

сельское хозяйство	7—10	миллиардов.
промышленность	$3^1/_2$—$4^1/_2$	„
торговля	5	„
В с е г о: около	$15^1/_2$—$19^1/_2$	„

Даже в таком чрезвычайно упрощенном, схематическом виде, наш приблизительный расчет распределения валовой продукции в Китае позволяет сделать некоторые существенные выводы. Прежде всего, сразу видно, что на долю промышленности приходится сравнительно значительная часть всей национальной продукции: эта часть доходит до 50% по отношению ко всей массе продуктов, создаваемых сельским хозяйством, а если взять только товарную часть последней, то промышленность будет даже превалировать над сельским хозяйством. Это свидетельствует о сравнительно высокой стадии экономической культуры, являющейся результатом многовекового развития

страны. Однако, в промышленной продукции кустарная ее часть еще значительно перевешивает крупно-капиталистическую. Это, наоборот, говорит о большой экономической отсталости страны и, вместе с тем, о широких возможностях капиталистического роста при сколько-нибудь благоприятных для этого условиях. Если из всей продукции сельского хозяйства вычесть долю, попадающую в процессе перераспределения национального дохода помещичьему классу и государственному аппарату, то останется всего 5—6 миллиардов долларов. Значительнейшая часть этого дохода реализуется крестьянством в натуральной форме, так что участие крестьянства в денежном обороте представляется еще гораздо менее значительным по сравнению с другими классами: 5—6 миллиардов крестьянского дохода из 15½—19½ миллиардов всей суммы национального дохода все же дает около трети, а в денежном обороте удельный вес крестьянства, вероятно, падает до 10—15%. Таким образом, влияние крестьянства на товарный рынок оказывается минимальным.

С другой стороны, процесс ограбления и разорения деревни соединенными силами милитаристов, иностранных и китайских капиталистов и ростовщиков, должен вызывать какую-то глубокую органическую реакцию со стороны самого земледелия. Мы думаем, что эта реакция выражается в неизбежном повышении цен сельско-хозяйственных товаров по сравнению с промышленными. Этот относительный сдвиг цен определяется изменениями в спросе и предложении, с одной стороны, сельско-хозяйственных продуктов и, с другой—промышленных изделий. Беднея все больше и больше, крестьянство не может предъявлять прежнего спроса на промышленные товары. Вместе с тем, уменьшению капитала, применяемого в земледелии, вызывает некоторое сокращение сельско-хозяйственной продукции. Ниже, в главе о мировой конъюнктуре и китайских ценах, мы остановимся на этом вопросе подробно и докажем, на основании материалов последних лет, что образование «ножниц» между промышленными и сельско-хозяйственными ценами является несомненным фактом. Под влиянием бумажно-денежной инфляции, терзающей Китай в последние годы, цены вообще растут, но в своем поступательном движении сельско-хозяйственные цены значительно обгоняют промышленные. С точки зрения внутренних структурных взаимоотношений в китайском народном хозяйстве эти изменения в соотношении цен едва ли могут вызвать какое-либо возражение. Но *они в значительной мере подрывают для Китая возможность экспортировать свое сырье на заграничные рынки и тем самым ухудшают международное положение Китайской Республики.*

Интересно сопоставить сделанный нами подсчет валовой продукции китайского народного хозяйства с аналогичным построением проф. Шаха для

национального дохода Индии [1]). Разумеется, принципиально неправильно сопоставлять валовую продукцию с национальным доходом, исчисленным на основе чистой продукции. Однако, на Востоке, где преобладающее значение имеет сельско-хозяйственное производство, подобное сравнение становится менее уязвимым, так как в сельском хозяйстве разница между валовой и чистой продукцией относительно невелика. Нужно лишь заметить, что проф. Шах находился в несравненно более благоприятном положении в смысле статистических материалов и фактов и поэтому его подсчет имеет вполне реальную основу. Пожалуй, единственным серьезным возражением, которое следует сделать Шаху, может быть указание на неправильность избранного им критерия для определения цен сельско-хозяйственных продуктов. Повидимому, он исходит из городских цен, или цен потребителя, вследствие чего *сельско-хозяйственная продукция оказалась у него несколько преувеличенной*. В подобных построениях для восточных стран нужно быть крайне осторожным в этом отношении, так как разница цен у производителя и потребителя непомерно высока. Подсчет проф. Шаха сделан в индийских рупиях и относится к различным периодам времени, из которых мы выберем самый поздний момент: 1921—1922 г.г. Для этого периода китайские таможенные отчеты показывают отношение рупии к хайгуанскому таэлю в виде 1 : 2.90. Таким образом, в китайских долларах это составляет около 2 рупий на 1 доллар. За 1926 г. курс рупии поднялся настолько, что 1 хайгуанский таэль расценивался уже лишь в 2.08 рупий. Поскольку мы руководствуемся в своих подсчетах, относящихся к Китаю, данными последних лет, представляется более правильным взять курс 1926 года. Таким образом, при сопоставлении балансов национального дохода можно исходить из того, что одна рупия равна 1½ китайским долларам.

Проф. Шах приходит к выводу, что национальный доход Индии равен 23.640 милл. рупий, из которых на сельско-хозяйственную продукцию падает подавляющая часть в размере 20.978.000.000, тогда как на всю промышленность приходится 1.860.000.000 (в том числе на ремесло и домашнюю промышленность—400.000.000). Впрочем, промышленная продукция значительно преуменьшена у Шаха, так как вместо валовой он исчисляет чистую продукцию, т.-е. прирост ценности в промышленном производстве. Тем не менее, бросается в глаза резкая разница между промышленной продукцией в Китае и в Индии, особенно в ее кустарно-ремесленной части.

С другой стороны, следует отметить, что национальный доход Индии, несмотря на то, что ее население приблизительно на 100 миллионов меньше

[1]) K. T. Shah and K. J. *Khambata*. Wealth and taxable capacity of India, 1924.

населения Китая, почти равен китайскому доходу. Можно даже утверждать, что он несколько превышает его, так как, в подсчете Шаха, как уже сказано, взята только чистая продукция. Кроме того им совершенно не учтены торговые доходы. Если взять сельское хозяйство Индии изолированно, то оно оказывается гораздо более производительным, чем китайское: мы приняли продукцию китайского сельского хозяйства в 7—10 миллиардов долларов, тогда как проф. Шах насчитывает для Индии почти 21 миллиард рупий, т.-е. около 15 миллиардов долларов; эта цифра значительно больше китайской. Отчасти это различие является, может быть, номинальным, будучи вызвано уже указанным расхождением в определении цен. Но, несомненно, что главную роль здесь играет неодинаковое использование сельско-хозяйственной площади в Китае и Индии. Как мы видели, в Китае обрабатывается только $^1/_{10}$ часть ее территории, при чем даже площадь, вполне пригодная для ведения сельского хозяйства, вводится в обработку лишь в размере $^1/_4$. В Индии обрабатывается почти 35% всей территории: вся территория Индии составляет около 660 милл. акров, из которых возделывается 225—250 милл. Этот решительный перевес на стороне Индии, несмотря на то, что и эта страна отнюдь не может похвастать благоприятной, экономической обстановкой, об'ясняется, помимо природных и климатических отличий, крайней недостаточностью сельско-хозяйственного инвентаря и скота в Китае, не дающей возможности возделывать вполне пригодную к обработке в других условиях почву.

Исследуя перспективы индустриализации Китая, нельзя не уделить внимания положению рабочего класса. Существует твердо укоренившееся мнение, что в Китае труд чрезвычайно дешев и что это обстоятельство может послужить надежной базой для развития промышленности в этой стране. Понятие дешевизны труда имеет, разумеется, весьма относительное значение: выгодность или невыгодность применения наемного труда определяется сопоставлением производительности труда с заработной платой в данной стране сравнительно с другими государствами. В этом смысле труд в Китае действительно дешев. Он дешев, несмотря на относительно невысокую производительность. Это об'ясняется проявляющейся до сего времени нечеловеческой готовностью китайского рабочего мириться с положительно ужасающими условиями существования. Эксплоатация этой поистине удивительной нетребовательности китайского кули привела к тому, что на протяжении XIX столетия, после известного Акта об эмансипации 1833 года, китайский кули заместил в британских колониях и др. странах освобожденных негров на поприще промышленного рабства. Молодая английская исследовательница Иршва Кемпбель собрала по этому вопросу настолько потрясающий материал, что ее престарелый учитель Ривс, написавший предисловие к ее книге, (в ко-

торой каждая страница представляет бьющее в лицо обвинение современной европейской цивилизации), должен был раз'яснить, что работа Кемпбель— отнюдь не атака против существующего строя, а только беспристрастное изложение фактов.

Китайских кули вывозили массами, уплачивая им грошевые авансы, становившиеся впоследствии источником их кабалы. Ими торговали на открытых площадях, получивших имя «свиных рынков». При этом кули раздевали догола и их тела подвергались осмотру, «подобно тому, как это практикуется при покупке быков или лошадей». Часто кули перепродавались затем во вторые руки. Рабочий день продолжается от 18 до 21 часа. Кули втравливались в азартные игры, чтобы держать их постоянно в неоплатном долгу. Их подвергали ужасным избиениям. При трудности сговориться на понятном для обоих языке, надзиратель часто предпочитал прибегать к помощи тяжелого кулака или пинка сапогом. Кули жили в тяжелых анти-санитарных условиях, в помещениях, переполненных людьми доотказа, в атмосфере зловония, где царили курение опиума, азартная игра и сифилис. Много китайских кули отправлялись искать счастья, но возвращались на родину лишь единицы. Большинство умирало в юном возрасте. Между тем, лица, участвовавшие в торговле кули, реализовали почтенную прибыль. По словам Кемпбель, около 1890 г. издержки по водворению кули в Стретс-Сеттльмент, вероятно, не превышали 14—16 долл. К этой сумме нужно прибавить аванс в 30 долл., уплачивавшийся кули, чтобы побудить их отправиться на Суматру или Борнео. Большая часть этих кули попадала в руки маклеров. Разница между этими издержками и ценой, уплачивавшейся плантаторами — от 80 до 90 долл. для Суматры, от 85 до 90 для Борнео, представляет огромную прибыль на торговле кули.

Обычно, кули, попадавшиеся на удочку хищников-работорговцев, были «нищими по состоянию кошелька, энергии и интеллекта». Иностранные торговцы кули, безжалостные и жестокие, не брезговали прибегать ко всякого рода мучениям, (вплоть до бросания кули в холодную воду реки), для того, чтобы вынудить у кули согласие эмигрировать. Они легко добивались своего: несчастные существа терроризировались без особенного труда.

Однако, и в этих ужасающих условиях кули оставались неплохими работниками. «Эксперты, выступавшие перед особой комиссией Соед. Штатов, констатировали, что кули были в состоянии производить на ж.-д. постройках такое же количество работы в определенный промежуток времени, как и европейцы. Но в Канаде общее мнение склонялось к тому, чтобы признать более эффективным труд европейцев... Возможно, что главной приманкой труда кули была не столько его дешевизна, сколько легкая приспособляе-

мость. Нет сомнения в том, что кули были покорнее и устойчивее, чем английские рабочие... Кули были промышленными рабами» [1]).

От этих мрачных страниц недавнего прошлого вернемся к современности. Вот как, напр., оценивается «китайский рабочий, с точки зрения современного американского предпринимателя»: «3½ года тому назад, мы еще думали, что производительность китайца равна 50% по сравнению с американским рабочим. Сейчас мы добились производительности китайца почти в 90%. При выполнении некоторых операций относительная производительность труда китайцев поднимается даже до 125%. Я беру на себя смелость утверждать, что еще через три года китайцы превзойдут японскую норму и будут стоять на одном уровне с американскими рабочими». (Эти утверждения относятся к 1920 г.). Тот-же американский предприниматель восторгался тонкими, чувствительными пальцами китайской руки, как-бы специально приноровленными к быстрому выполнению нежной, деликатной работы [2]).

Наряду с приведенными оценками, до сих пор не потеряло значения подробное сопоставление производительности труда китайского и английского рабочих, сделанное четверть века тому назад инженером Стюартом в Шанхае. По его данным, производительность труда китайцев, составляет 0,2 для землечерпательных работ, 0,2 в каменоломнях, 0,32 в кирпичном производстве, 0,33 у каменотесов, 0,45 для плотничных работ и 0,50 для сверления камня, сравнительно с английским рабочим. Таким образом, в лучшем случае, китаец производит половину той работы, которую выполняет англичанин. Что-же касается заработной платы, то Стюарт вычислил, что для неквалифицированного труда она в Англии превышает китайский уровень в 10,7 раз, для плотника — в 6,3 раза; для некоторых малопоказательных случаев, относящихся к квалифицированному труду, Стюарт нашел, что английская норма превышает китайскую всего в 1,2 раза. В результате сопоставления разницы в производительности труда и в заработной плате, Стюарт пришел к выводу, что неквалифицированный труд, в общем, экономнее в Китае в 2 раза. Для ремесленного труда можно вывести аналогичную среднюю даже в размере 3, а иногда (напр., низшие категории китайских плотников) и 4 коэффициентов [3]).

Таким образом, для нынешнего момента не подлежит сомнению, что китайский наемный труд очень выгоден для предпринимателя и является сво-

[1]) Persia C. Campbell. „Chinese Coolie Emigration to Countries within the British Empire“ London, 1923, стр. x, 15, 32, 42—43, 45, 117—118 и др.

[2]) Readings in economics for China K. J. Corkery „The Chinese Laborer, from the Point of View of an American Manager“. стр. 458.

[3]) The New Atlas and commercial Gazetteer of China, compiled by Far Eastern Geographical Establishment, publ. by North China Daily News-2 изд., стр. V.

его рода магнитом, притягивающим иностранный капитал в Китай. Но удержится-ли эта нищенская норма заработной платы и впредь? В Китае вспыхнуло в последние годы мощное рабочее движение. Это движение начинает итти вровень с ведущейся в Европе и Америке борьбой рабочего класса за улучшение условий существования. Бытовая обстановка, в которой живет китайский рабочий, во многом напоминает положение английского рабочего класса в период, предшествовавший рабочему законодательству, т.-е. в период столь живо описанный в I томе «Капитала» К. Маркса и в «Положении рабочего класса в Англии» Энгельса. Между тем, по уровню своего классового самосознания китайский рабочий стоит уже вполне на уровне XX века. При таких условиях, трудно предсказать, как пойдет дальше развитие рабочего движения в Китае.

Приведем несколько относящихся к новейшему времени свидетельств о положении рабочего класса Китая. Полковник Мелон из'ездил, по поручению Независимой рабочей партии Англии, все крупные промышленные центры Китая, чтобы вынести ясное впечатление об уровне жизни рабочих и об их организациях. Он пришел к заключению, что при всей пестроте заработной платы в разных городах и разных производствах, 16—24 пиллар. в месяц, т.-е. 8—12 кит. долл., являются обычными пределами оплаты труда такого рода, как труд рикши, портового грузчика или хлопчато-бумажного рабочего. По его-же данным, некоторые новейшие исследования показывают, что средняя оплата труда взрослого рабочего в Шанхае, включая некоторые категории лучше оплачиваемых рабочих, составляет 10—15 долл. в месяц. Между тем, согласно обследованию, произведенному в Шанхае еще 2—3 года тому назад, стоимость жизни рабочего и его жены из беднейшего класса колеблется около 32 пиллар., или 16 долл. в месяц [1]). Другое очень тщательно произведенное обследование показало, что для семьи в 5 человек минимальным прожиточным минимумом является 21,31 долл. в месяц. За последее время цены на жизненные продукты поднялись еще выше и, следовательно, стоимость жизни увеличилась. «По общему признанию, заработная плата, особенно в Шанхае, не поднимается пропорционально росту цен». Мелон цитирует признание 10-летнего отчета морских таможен (находящихся в руках англичан) за 1921 г., что «реальный уровень жизни оказывает жестоко принижающее воздействие на этот беднейший и наиболее беспомощный класс населения», т.-е. неквалифицированных рабочих [2]). Мелон задается, в заключение, вопросом: необходимо ли китайским рабочим испить до дна чашу бедствий, подобно английским рабочим 1-й половины XIX столетия?

[1]) Col. C. L. Estrange Malone. New China. Report of an Investigation. Part II. Labour conditions and labour organisations, 1926, London, 1927, стр. 10.
[2]) Там-же, стр. 14.

В официальном американском издании «Изменяющиеся факторы экономической жизни Китая» приводятся интересные сведения о влиянии растущей дороговизны жизни на положение рабочих: «Едва ли можно найти хотя-бы один предмет из числа продуктов продовольствия, который значительно не повысился бы в цене за последнее десятилетие, во многих случаях вдвое... При таких обстоятельствах неудивительно, что в течение этого периода со стороны рабочих выдвигались одно за другим требования повышения заработной платы: плотники, каменщики и ремесленники, удовлетворявшиеся 35 центами в день в начале этого периода, теперь получают 50 центов с продовольствием; заработная плата других рабочих также соответственно поднялась. Средний доход рабочих и крестьян настолько невелик, что, как только предметы продовольствия повышаются в цене, они остро ощущают это изменение положения, так как их ежедневные расходы на предметы, необходимые для жизни, уже сведены к крайнему минимуму, не подлежащему дальнейшему сокращению. В округе Ханькоу отмечается исключительно быстрый рост стоимости жизни. Рабочий, получая 10 лет тому назад 15 мекс. долл. в месяц, находился в лучшем положении, чем теперь получая 35 долл. в месяц. Это обстоятельство дает обильную пищу профессиональным агитаторам» [1]). Такова же, в общем, картина, наблюдающаяся и в других промышленных центрах: заработная плата в номинальном выражении значительно поднялась за последние годы, но она все же отстает от роста цен, что делает положение рабочих положительно невыносимым.

Приведем еще некоторые данные из доклада Су Чжао-жена на Тихоокеанской конференции профессиональных союзов летом 1927 г. По его сообщению, в Китае немало рабочих, вообще не получающих никакой платы, кроме нескольких чашек риса в день. Это — рабочие, относящиеся к категории учеников. Оплата их труда спускается до 30 центов в месяц. На спичечных фабриках в Ханькоу оплата неквалифицированного труда мужчин—9 долл. в месяц, на хлопчато-бумажных фабриках — 15 долл., на жел. дорогах — 14 долл., в горнозаводских предприятиях — 9 долл., в шелковой промышленности — 10 долл. Квалифицированные рабочие в тех же производствах получают от 12 до 26 долл. в месяц. Мы приводим лишь средние нормы и притом только мужского труда. Женщины получают еще меньше. Для них 5—8 долл. в месяц — приличная оплата труда. Бывают отдельные случаи, когда оплата труда женщин падает до 3 долл. в месяц. Наряду с этими данными, Су Чжао-жен приводит минимальный бюджет рабочего, достигающий все же 11.85 долл. на одного рабочего или 21.34 долл. на семью из 5 лиц.

[1]) J. Nelson „Changing Fastors in the Economic Life of China", Supplement to Commerce Reports, publ. by the Bureau of the foreign and domestic Commerce, янв. 1925, стр. 13—14.

В этом бюджете расходы на пищу составляют около половины всех трат [1]). Таким образом, рабочий класс Китая находится попросту в безвыходном положении.

Ко всему сказанному можно было-бы еще присоединить обильный фактический материал, характеризующий эксплоатацию детского труда, отсутствие элементарных гигиенических условий и мер безопасности на фабриках и заводах, непомерную длину рабочего дня и т. д. Мы не можем, однако, вдаваться в детальное рассмотрение этих вопросов. Приведем лишь сообщение о жуткой картине, раскрывшейся при посещении квартиры китайского рабочего перед американским филантропом, христианским социалистом Шервудом Эдди: «...В двухэтажном доме, в крохотных комнатах, в темных конурах, похожих на норы, умудряются жить сорок человек, составляющих четыре семьи. Мы посетили одну комнату размером в 10 кв. футов. В ней живет 10 чел. Половина спит во время ночной, а половина — во время дневной смены. В комнате нет ни печи, ни вытяжной трубы. Огонь разводится прямо на полу под железным котлом, в котором все готовят себе пищу. В доме нет ни водопровода, ни уборных. Их заменяет ведро, стоящее в комнате, в которой днем и ночью десять человек, мужчины и женщины и дети, готовит пищу, едят, спят, живут. Живут! Лучше сказать, прозябают [2]). Мы привели только небольшую выдержку из описания Ш. Эдди. Но повествование об ужасах жизни китайского рабочего быта может быть продолжено до бесконечности. В 1924 г. в Китае была сделана неудачная попытка провести в жизнь постановления международной конференции, по вопросам труда в Вашингтоне. Китайское правительство решило приступить к первым робким шагам по пути фабричного законодательства. Практически встал вопрос об обязательности этих проектирующихся китайским правительством правил для иностранных предприятий, находящихся под охраной экстерриториальности. Великобританское правительство Макдональда запросило мнения консулов. Один из них, Клепель, консул в Фуцзяне, прислал подробное донесение, в котором пытался на широкой историко-философской базе доказать, что Китай еще не дозрел до фабричного законодательства. Как напоминает этот доклад аналогичные английские документы половины прошлого века! Вот несколько классических ответов Клепеля. Он находит, что в его округе «мало настоящей нищеты, которую можно было бы назвать физиологической. Большая часть населения прекрасно питается, так как грубая пища здесь очень дешева, топливо также дешево и имеется в изобилии». Не отрицая того, что женщины и дети заняты в самых тяжелых видах труда, Клепель и в этом

[1]) Pan-Pacific Trade Union Conference, Bulletin of Proceedings, Hankow, May 1917, Засед. 24 мая.

[2]) Sherwood Eddy „The New World of Labor" New York, 1923, стр. 23.

умеет найти утешение: «С другой стороны, мускульное развитие женщины из Фучжоу, работающей в поле, великолепно. Они крикливы и очень грубы». По поводу того, что рабочий день длинен, Кленель сомневается, «чтобы это кого-нибудь здесь удручало». По его словам, «никто не обращает внимания, сколько времени уходит на работу. Работник или работница трудятся, сколько позволяют силы, до наступления темноты». Эти сентенции можно и не комментировать [1]).

Китайский рабочий всеми силами стремится вырваться из оков, созданных для него всей прошлой историей страны. Однако, миллионные кадры резервной рабочей армии тяжелым бременем давят на него при всякой попытке улучшить свой быт. Отсюда быстрое революционизирование китайского рабочего класса.

Возможности промышленного развития Китая до крайности осложняются событиями, возникшими уже в последние годы, т.-е. после революции 1911 г. Китайскими генералами создана своеобразная система эксплоатации населения, которая постепенно приобретает в китайской экономике все большее и большее значение. Эта военная организация существенно изменяет основные черты процесса распределения национального дохода, перестраивает каналы накопления капитала, создает и уничтожает богатства. Без конкретного и всестороннего уяснения милитаристической экономики Китая, нельзя правильно понять характер революционной борьбы в этой стране и определить удельный вес борющихся сторон, нельзя оценить степень жизнеспособности и сопротивляемости революционному напору феодальных пережитков.

Осветим в цифрах процесс постоянного нарастания расходов на армию, которую приходится нести Китаю. При сравнении военных расходов старого правительства богдыхана с современными колоссальными расходами на армию, различие оказывается ошеломляющим. Морзе в сочинении, написанном в 1907 году, определял общую сумму расходов центрального правительства на «армию, флот и фортификационные сооружения» в 37 миллионов китайских долларов. Расходы на армию, предусмотренные в последнем бюджете маньчжурской династии, составляли 102 миллиона. В документе, который должен был служить основой для дискуссии на конференции об «об'единении» страны, состоявшейся в Шанхае в декабре 1918 года, было установлено, что «число солдат в Китае к концу 1918 года достигает 1.290.000 человек, а расходы на армию в течение этого года составляют сумму в 209 миллионов» [2]). Эти цифры, обнаруживающие столь быстрый

[1]) „Вопросы китайской революции", стр. 66—67.

[2]) C. F. Remer. The Foreign Trade of China, Shanghai, 1926, стр. 171—172.

рост расходов на армию, далеко превзойдены данными последнего времени. В Китайском Ежегоднике на 1926 год приводятся вычисления «опытного иностранного наблюдателя» относительно численной силы различных военных групп в Китае. В его итогах количество солдат в Китае варьирует от 1.883.300 до 1.933.000 [1]). У нас есть основания предполагать, что эти цифры скорее преуменьшены, чем преувеличены. Возьмем, к примеру, провинцию Шеньси. Иностранный эксперт определяет количество солдат этой провинции в 77.000 человек. Между тем, местный корреспондент дает в China Weekly Review следующее описание военного положения этой провинции: «В Шеньси до революции было достаточно 5.000 маньчжурских войск, чтобы справиться с задачей управления провинцией; этой цифры было достаточно, чтобы держать бандитов на таком расстоянии от столицы, что городские ворота никогда не запирались даже в ночное время и путешественники могли предпринимать ночные прогулки в период тяжелой летней жары. Но около 1 января 1925 года в провинции Шеньси было уже свыше 180.000 войск, причем не было ни мира ни порядка, а бандиты кишмя кишели повсюду, появляясь даже у ворот Сианфу. В это время в Шеньси было только два выгодных занятия—профессии солдата и бандита» [2]). Если в этом описании и есть известная доля преувеличения, все же оно ярко рисует прогрессирующий в Китае за последние годы гражданской войны процесс государственного распада.

Победоносное продвижение армий национального правительства на Север было связано с еще большим увеличением вооруженных сил в южном Китае. К моменту отставки Цзян Кай-ши, общая численность едоков в войсках *Уханьской и Нанкинской групп, а также в войсках Фын Юй-сяна* была не меньше 700.000 человек. К этой цифре нужно прибавить не менее 300—350.000. человек в провинциях Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу, не примкнувших целиком к национальному движению, а также тысяч до 100 солдат в тыловых провинциях национальной армии. В войсках северной группы, считая в них армии Чжан Цзо-лина, Чжан Цзун-чана и Сунь Чуань-фана, было не меньше 500.000 человек. Поскольку к этим цифрам следует прибавить военные силы Ен Си-шаня и войска других менее значительных военных группировок, становится несомненным, что численность войск в Китае значительно превышает два миллиона человек.

Перейдем теперь к вопросу об издержках на армию. Процитируем сначала *мнение иностранного эксперта, определяющего реальную стоимость* солдатского рациона в 2—5 долларов в месяц. Эта норма имеет в виду такое полуголодное пропитание солдата, при котором он оказывается вынужден-

[1]) The China Year Book, 1926—7, стр. 1065.
[2]) The China Weekly Review, November 1, 1925, стр. 58.

ным повышать свой паек за счет грабежа населения. Согласно резолюции, принятой на военной конференции южных войск в Наньчане весной 1927 года, необходимые издержки составляют 13 долларов в месяц на каждого солдата. По информации Маллори «стоимость содержания солдата достигает, примерно, 200 долларов в год» [1]). Фактическая норма, применявшаяся в течение 1927 года в войсках национального правительства, равнялась 10 долларам, поднимаясь периодами несколько выше. Содержание всего офицерского состава армии определяется приблизительно в 50% выплачивавшегося солдатам жалования, а если прибавить к этому расход на амуницию, медикаменты для лазаретов, военное обмундирование, генеральские прибыли и пр., то окажется, что общая сумма военных расходов на солдата достигает 25—30 долларов в месяц, или не менее 300 долларов в год. При двух с лишним миллионах солдат это составляет, примерно, 600—700 миллионов долларов в год.

Эту вычисленную теоретически цифру можно проверить и фактическими данными. В Chinese Economic Journal недавно были приведены подробные данные о центральном и провинциальных бюджетах китайской республики. Цифры эти являются несколько устарелыми, так как в основу их положены в большинстве случаев материалы 1923—1925 г.г. Тем не менее, они дают некоторую точку опоры. Согласно этим данным, военные расходы центрального правительства в 1923—1926 г.г. составляли 82.401.411, а морские расходы — 18.441.917 долларов в год. Провинциальные военные расходы достигали 196.859.696 долларов, достигая в среднем 67.8% от общей суммы расходов по всем провинциальным бюджетам [2]). Всего получается около 300 миллионов. Цифры эти значительно преуменьшены против действительности, как это видно из следующих сопоставлений: по цитируемой сводке Гуандунские военные расходы едва превышали 16 миллионов. В действительности же эти расходы в 1926 году были не ниже 60 миллионов. Расходы на оборону по провинции Хунань показаны в размере 3.564.014, тогда как, по сводке хунаньского комиссара финансов, только с июля 1926 г. по март 1927 г. было израсходовано на военные нужды 7.653.070 долларов. Таким образом, мы едва ли погрешаем против действительности, если увеличиваем вдвое цифры только что упомянутой сводки. Наконец, к тому же итогу в 600—700 миллионов мы придем, если будем оперировать конкретными данными о военных бюджетах гоминьдановского правительства. Военные расходы Уханьской группы в период экспедиции на Чэнчжоу (весна 1927 г.), составляли в среднем около 10 миллионов в ме-

[1]) W. H. Mallory. „China: Land of Famine", American Geografical Society, New York, 1926, стр. 78.

[2]) Chinese Economic Journal, June 1927, № 6, стр. 511—526.

сящ. Относительно бюджета Цзян Кай-ши, China Weekly Review, сообщает следующее: на финансовой конференции в Нанкине в июне 1927 года выяснилось, что военные и другие расходы нанкинского правительства превышают 14 миллионов в месяц, и что в виду предстоящих военных событий эта цифра должна превысить 20 миллионов долларов [1]). Позднее в финансовых расчетах нанкинского правительства фигурировала уже цифра в 28 миллионов ежемесячных расходов. Скромнее других был Фын Юн-сян. Его бюджет был рассчитан «нормально» на 8 миллионов долларов, но, ввиду скудности средств, которые ему удавалось собирать в провинциях Ганьсу и Шэньси, он ограничивался расходованием 3 миллионов, всякий раз обращаясь к Уханю и Нанкину одновременно с просьбой ассигновать ему по полтора миллиона в месяц. Таким образом, одни только гоминьдановские армии обходились Китаю летом 1927 г., вероятно, в 32—35 миллионов долларов. Из всего этого явствует, что весь военный бюджет Китая не может быть меньше 600—700 миллионов в год.

Рост военных расходов в Китае за последние 20 лет может быть изображен следующим столбцом цифр:

1907— 37.000.000
1910—102.000.000
1918—209.000.000
1926—600—700.000.000

Перейдем теперь к рассмотрению организационной стороны китайского военного хозяйства. Вся территория страны находится во власти, примерно, полутора—двух десятков «военных комбинатов», из которых каждый чаще всего умещается в географических пределах одной провинции. Основной единицей является обычно корпус, рассчитанный на 20—22.000 едоков. Каждый генерал рассматривает свой корпус или свои корпуса, как самостоятельное целое, противополагаемое другим боевым единицам, хотя бы и входящим в состав той же армии. Каждый генерал стремится, прежде всего, к накоплению у себя людских кадров даже тогда, когда это вредно с точки зрения армии, как единого целого. На военных конференциях гоминьдановских войск неоднократно рассматривался вопрос о необходимости переформирования частей с целью сокращения общей численности армии. Для всех было ясно, что такое сокращение необходимо для поднятия боеспособности армии. Принимались соответствующие резолюции. Но на следующий же день начинался дождь сообщений от генералов о том, что они приступили к формированию стольких-то новых дивизий или полков. Это рвение к увеличению личного состава своего корпуса или своей армии всецело об'ясняется соображениями

[1]) The China Weekly Review, July 9, 1927, стр. 135.

конкуренции: каждый генерал опасается, как бы его не опередил кто-либо из ближайших соратников.

С материальными средствами армии дело обстоит гораздо труднее. Главнейшим ресурсом военного снаряжения являются довольно многочисленные в Китае арсеналы. В Китае их около 15 и некоторые из них неплохо оборудованы, хотя в большинстве случаев это оборудование является устарелым. Нормально расходы на боевое снаряжение составляют, примерно, не больше 10% всех военных расходов. Такое соотношение установилось, повидимому, с довольно давнего времени, так как еще в начале этого века главный инспектор таможен Эглен, исчисляя нормальную структуру военных расходов для Китая, пришел к выводу, что для обороны этой страны достаточно четырех корпусов по 50 тысяч в каждом, с общей суммой военных расходов в 32 миллиона таэлей, при чем на оружие и амуницию из этой цифры должно расходоваться всего 3 миллиона таэлей. Правда, в некотором противоречии с собой Эглен предлагал, чтобы при каждом корпусе находился арсенал, на содержание которого ежегодно должно расходоваться 2½ миллиона таэлей [1]). В настоящее время 10-процентную норму расходов на боевое снаряжение можно признать максимальной. По бюджету Уханьского правительства, расходы на ханьянский арсенал составляли весною 1927 года 600.000 долларов в месяц при общей сумме военных расходов в 10 миллионов. Если присоединить к этим 600.000 дол. расходы на обмундирование и медикаменты, то и тогда расходы на снаряжение едва достигнут одного миллиона в месяц.

Таким образом, китайская армия обычно очень плохо снабжена боевыми припасами, и каждый военный предприниматель всегда занят насущными заботами о том, чтобы получить своевременно необходимую порцию патронов, пулеметов и т. п. Он знает, что, если эти боевые припасы будут захвачены другим генералом даже в чрезмерном изобилии, он никогда не поделится ими со своими соратниками. Поэтому захват боевого снаряжения противника является одной из важнейших забот каждого генерала. Под Чэнчжоу командир «железного» 4-го корпуса Чжан Фа-куй пережил, как наиболее тяжелый удар своему корпусу, то обстоятельство, что выиграв сражение и потеряв при этом не менее 10 тысяч своих солдат, он остался без снаряжения, в то время, как в результате этой победы «приз» в виде богатого снаряжения, оставленного северными войсками, достался почти целиком Фыну.

Своеобразная предпринимательская расчетливость заставляет отдельных генералов даже в боевой обстановке нередко задумываться над исполнением приказов, если приходилось опасаться непосредственного ущерба при вы-

[1]) Land Tax: The Inspector General's suggestions re collections, appropriation etc. 1904 China, Imperial Maritime, Customs II Special Series, № 26.

полнении этих приказов для военной части, подчиненной данному генералу в только что изложенном чисто частно-хозяйственном смысле.

Связь каждого генерала с военным комбинатом, в состав которого он входит, отнюдь не является прочной и неразрывной. Генерал координирует свои действия с распоряжениями главы комбината лишь до тех пор, пока не найдется другой руководитель, от которого можно получить больше выгод. В китайской практике нередки даже случаи, когда один и тот же генерал сразу получает вознаграждение от главарей двух борющихся между собою комбинатов. Китайские генералы умеют утилизировать выгодную стратегическую позицию «между двух огней», когда их переход на ту или другую сторону может решить дело. Таково было, например, положение генерала Цзань Юнь-ао в начале 1927 года, когда он находился, словно, между молотом и наковальней, между войсками Гоминдана и мукденской группировкой в провинции Хэнань. В гоминдановских бюджетах, как времен Цзян Кай-ши, так и после его откола, неизменно имелся специальный фонд, называвшийся «резервным» или «секретным». Предназначение этого фонда было подкупать генералов неприятельской армии. Однако, китайские генералы умеют получать добавочное вознаграждение не только в такой неблаговидной форме: если глава того или другого комбината заинтересован в том, чтобы удержать генерала в своей группировке, он имеет возможность предоставить ему право сформировать новую дивизию или новый корпус. Так, когда генерал Чэн Цянь прибыл в Ханькоу из Нанкина после разрыва с Цзян Кай-ши, оставшись без части своих войск, ему было предложено сформировать новый корпус. Генерал Чжу Пей-дэ, занимавший провинцию Цзянси, воспользовался своим выгодным стратегическим положением между войсками Цзян Кай-ши и Уханя, чтобы заручиться поручением на формирование нового корпуса. Между тем, самый факт существования корпуса дает основание его командиру притязать на получение для корпуса из военного бюджета соответствующего содержания, которое обычно равно в гоминдановских войсках 450.000 долларов в месяц при пребывании в тылу и возрастает, примерно, до 700.000, когда войска выступают на фронт.

Как сказано, обычно военный комбинат располагается в пределах одной провинции. Такие провинции, как Хубэй, Хунань или Цзянси, могут содержать не больше 3-х корпусов, т.-е. около 60.000 человек. Бюджет такой провинции чаще всего составляет в год от 15 до 20 миллионов долларов. Если на содержание корпуса требуется 450.000 долларов в месяц, то 3 корпуса обойдутся в 1.350.000. К этой цифре нужно прибавить 300—500.000 долларов на гражданские расходы. Таким образом, доходы в 20 миллионов долларов, по общему правилу, дают возможность такой, средней экономической мощи, провинции содержать армию в составе трех корпусов и граждан-

скую администрацию. Между военным аппаратом и гражданской администрацией провинции происходит сращивание, при чем чаще всего начальник снабжения войск данного генерала становится одновременно провинциальным комиссаром финансов. Это дает возможность главе комбината полностью контролировать провинциальные финансы. Право обложения населения налогами, заключения займов и выпуска бумажных денег руководитель военного комбината целиком оставляет за собою, предоставляя корпусным командирам фиксированный оклад на содержание корпуса. Таков по крайней мере порядок, установившийся на территории национального правительства. Возможны, конечно, отдельные исключения. Так, о генерале Ли Фу-лине, бывшем бандите, известно, что он, помимо «комбината», самостоятельно облагает подвластное ему население различными поборами.

Национальная гоминдановская армия представляла собою «сверхкомбинат», так как власть нацправительства простиралась на несколько провинций. Было бы, однако, большой ошибкой думать, что доходы отдельных провинций, подчиненных этому правительству, находились под непосредственным контролем общего министерства финансов. Наоборот, прежнее провинциальное начало в полной мере сохранилось во всей финансовой организации. Генерал Тан Шэн-чжи захватил в свои руки Хунань. Когда генерал Цзян Кай-ши избрал своей резиденцией Наньчан, он сделался неограниченным распорядителем расходования средств в провинции Цзянси. В этом качестве его сменил позднее генерал Чжу Пэй-дэ. Министр финансов находился в Ухани, и поэтому распоряжался финансами Хубея. Только Гуандун был единственным исключением, так как аккуратно из месяца в месяц посылал на содержание национальной армии большие средства, доходившие до 4—5 миллионов. Связь с национальным правительством отдельных генералов, овладевших финансовым аппаратом той или другой провинции, заключалась лишь в том, что они всячески старались получить для себя из общей казны, что-либо сверх того, что они получали в своей провинции. Особенной тонкостью финансовых комбинаций отличался Тан Шэн-чжи. Нормально, как уже говорилось, Хунань могла содержать, примерно, 3 корпуса. Тан Шэн-чжи постепенно сформировал здесь 8, 35 и 36-й корпуса. Под предлогом, что революционное движение привело к расстройству экономическую жизнь Хунани и вызвало резкое снижение бюджетных поступлений, Тан Шэн-чжи постоянно требовал субсидий от национального правительства. Когда военные действия перенеслись к северу, Тан Шэн-чжи выбросил свои корпуса из Хунани, и они целиком перешли на содержание центрального министерства финансов. Хунань почти освободилась от войск. Предполагалось, что она должна посылать по 150.000 долл. на каждый корпус. Но Хунань не делала даже этого. Тем не менее финансовые деятели Хунани постоянно жаловались на дефицит, тре-

буя финансовой поддержки из Ухани. В их расходном бюджете неизменно фигурировали 450.000 долл., посылаемые на поддержку 3-х корпусов Тан Шэн-чжи, хотя фактически они этих денег не посылали. Довольно значительный доход, получаемый от обложения опиума, они не включали в бюджет на том основании, что они якобы посылают его непосредственно генералу Тан Шэн-чжи на фронт. Таким образом, Хунань не только освободилась от издержек на содержание войск, но еще получала кой-что со стороны. Сверх того, сам генерал Тан Шэн-чжи бесконтрольно распоряжался секретным фондом для подкупа генералов и других секретных надобностей в размере 1 миллиона долларов в месяц. Аналогичной тактики придерживался и Чжу Пэй-дэ, который не вывел своих корпусов с территории Цзянси, но все же старался финансировать их за счет центрального министерства финансов. Он сумел настоять на необходимости открытия в Наньчане отделения Центрального Банка и добился привоза в Наньчан 200.000 серебром и 500.000 банкнотами для открытия операций этого отделения. Но в тот момент, когда эти ценности оказались в пределах досягаемости для генерала Чжу Пэй-дэ, он вдруг усомнился в целесообразности открытия банка, предпочитая сразу использовать монету и банкноты для своих военных надобностей. Поскольку банк является учреждением, обладающим известной тенью самостоятельности, генерал нашел более правильным присоединить деньги сразу же к своей казне, которою он волен распоряжаться по своему усмотрению. Лишь с трудом удалось настоять перед Чжу Пэй-дэ на том, что банк следует все же открыть. Однако, как только состоялось открытие, Чжу-Пэй-дэ заключил в нем «заем» на всю сумму имевшейся в банке наличности. Когда весть об этой удаче Чжу Пэй-дэ дошла до Тан Шэн-чжи, он поспешил воспользоваться этим примером и потребовал 200.000 серебром для Чанша, хотя там и не предполагалось открывать отделения Центрального Банка.

Таким образом, основной финансовой единицей остается провинция. Генерал, являющийся руководителем захватившего провинцию военного комбината, ревниво оберегает свое право распоряжаться финансами провинции. Приведем еще несколько примеров использования генералами финансовых ресурсов отдельных провинций. В провинции Сычуань главнейшими источниками, поддерживающими существование войск, являются доходы от соляной монополии, от поземельного налога, обложения опиума, ликина и военных поборов. Состоявшаяся в 1925 году военная конференция установила порядок распределения между отдельными армиями провинции Сычуань сумм, получаемых от соляной монополии. Распределение должно производиться в зависимости от числа ружей в каждой армии, при чем на ружье положено 10 долларов ежемесячных расходов. Принимая во внимание, что, по состоявшимся на конференции подсчетам, все сычуаньские армии имеют в общей

сложности 217.000 штыков, необходимый военный доход был определен в 2.170.000 долл. ежемесячно. Кроме того, расходы на гражданскую администрацию были установлены в размере 5 миллионов в год. На конференции был, далее, разработан план изыскания источников покрытия восьмимесячных расходов, определенных в 20 милл. долл. План этот попросту заключался в том, чтобы выпустить бумажных денег на 10 миллионов и банковых билетов на 10 миллионов. К этому сообщению корреспондент журнала, из которого мы заимствуем эти сведения, прибавляет от себя, что максимальный расход на солдата, включая пищу, не может составить больше 5 долларов в месяц; остальные 5 долл. являются, очевидно, специальной «накидкой» на общие военные расходы. Получая свою долю в соляном налоге, генералы помимо того взимают особые военные сборы, которые, например, при сумме в 300.000 долларов могут составить надбавку в 140.000 долларов.

Война 1925 года в Сычуани была чисто «соляной войной». Генерал Ян Сэн настаивал на том, чтобы весь соляной доход был присвоен им, в то время как другие генералы возражали против этого. Военная конференция, о которой сказано выше, имела целью распределить этот доход между генералами-победителями. Доход в полмиллиона долларов можно рассматривать, как личный доход каждого из таких генералов.

Другим примером может служить хозяйничанье Чжан Цзун-чана в провинции Шаньдун. Американский миссионер, живущий в этой провинции, в следующих выражениях характеризует финансовую политику генерала: «Этот генерал положительно «с'едает» свою землю. Налоги взимались два раза, и народ стонет под игом генерала. Теперь я слышу, что предполагается взимание налога в третий раз, и среди населения назревает возмущение. Каждый из известных способов выжимания денег был уже использован. Число солдат в Цзинани, главном городе этой провинции, составляет 55.000 человек, во всей провинции их около 200.000. Так огромно число непродуктивных членов общества в Шаньдуне».

Заслуживает внимания финансовый конфликт, происшедший между Фын Юй-сяном и Пекин-Суйюаньской жел. дорогой в 1925 году. Общая задолженность этой дороги достигает 36.600.000 долларов. Эта сумма образовалась, главным образом, из задолженности за локомотивы и вагоны американцам, японцам и другим кредиторам. Непосредственный долг американцам составлял немногим меньше 5 миллионов ам. долларов. Японские претензии, часть которых в свою очередь представляла задолженность японцев американцам, выражались в сумме 12 миллионов иен. Помимо того, существовали и другие обязательства, в общей сумме 15.600.000 долларов. К этому времени Фын Юй-сян располагал огромной территорией, в которую входили провинции: Чахар, Суйюань, Ганьсу, Шэньси и Хэнань. Железная дорога пересекает

значительную часть территории, занятой Фыном. Фын сделал Нинся, столицу провинции Ганьсу, центром своей колонизаторской деятельности, и хотел построить продолжение Пекин-Суйюаньской линии до Нинся, за счет избытка доходов уже функционирующей линии. Эти доходы были особенно велики именно потому, что дорога не только не погашала своей задолженности, составлявшей, как мы уже видели, 36½ миллионов долларов, но даже не платила по ней процентов. Кредиторы дороги собрались в мае 1925 года, для выработки плана урегулирования вопроса о задолженности. Среди представителей кредиторов был знаменитый Ля Ши-и, «бог богатства», правая рука Чжан Цзо-лина, один американец, один японец, министр путей сообщения пекинского правительства и управляющий Пекин-Суйюаньской жел. дорогой. Весь этот маневр был, конечно, придуман Чжан Цзо-лином и выполнялся, главным образом, его ставленниками. Целью маневра было лишить Фан Юйсяна значительной части получавшихся им доходов и тем вырвать почву из-под его широковещательных колонизаторских замыслов.

Конференция кредиторов выработала ряд мероприятий, установив, прежде всего, обязательство для дороги помещать в китайские банки, указываемые комитетом кредиторов, все избытки доходов дороги, остающиеся за покрытием необходимых расходов. Выполнение этого обязательства связало бы Фына по рукам и ногам и дало бы возможность Чжан Цзо-лину, через комитет кредиторов, контролировать все поступающие в кассы этой дороги суммы, т.-е. суммы, которыми раньше распоряжался Фын. Немудрено поэтому, что Фын принял соответствующие меры, и подписанное в Пекине соглашение кредиторов не было утверждено центральным правительством, и Фын остался, таким образом, полновластным хозяином Пекин-Суйюаньской железной дороги [1]).

Созданная китайскими генералами система эксплоатации населения в свою пользу, открывает перед ними широкие перспективы накопления капиталов. По нашим личным наблюдениям, «нормальная» возможность накопления для главы военного комбината составляет не менее пяти, а иногда и до десяти миллионов в год. Возможности для корпусных командиров значительно меньше, так как они получают фиксированный доход. Однако, они отнюдь не связаны в расходовании получаемых ими средств каким-нибудь «жестким» бюджетом. Обычно китайский военный бюджет представляет из себя ряд ассигнований, обозначенных в самой общей форме, так что распределение цифры расхода на тот или другой корпус по отдельным статьям в бюджете вовсе не указывается. Обычно расход в 450.000 долларов на кор-

[1]) „The China Weekly Review" от 17 окт. 1925 г., статьи: „Two interesting examples of military confiscation of public funds" и „Feng—Yu—Hsiang and the Peking—Suiyan Railway Debts"

пус распадается следующим образом: около 220—250.000 — для уплаты жалования солдатам и унтер-офицерам, около 125.000 долларов — жалованье офицерскому составу и около 75.000 долл. на содержание госпиталей, на медикаменты, транспортные и канцелярские расходы и на содержание оружия. На долю командира остается от 10 до 25.000 долл. в месяц, что является приличным доходом. Если генерал может, помимо того, сэкономить кое-что сокращением числа едоков в корпусе или, пользуясь выгодным положением, получает содержание из двух источников, его накопление значительно возрастает.

Конечно, точных цифр, характеризующих накопление капитала в руках руководителей отдельных военных комбинатов, у нас нет и не может быть. Но время от времени в печати все-же появляются отдельные отрывочные сведения, которым нельзя отказать в том, что они дают некоторое представление о масштабе скопляющихся у генералов богатств. Богатейшим из генералов является недавно убитый Чжан Цэо-лин, собственность которого оценивалась уже несколько лет тому назад, по крайней мере, в 100 миллионов долларов. После поражения Сунь Чуань-фана в начале 1927 года в китайских газетах было помещено сообщение, что он перевел из Шанхая в Тяньцзин 24 миллиона серебряных долларов. Один китайских банкир сообщал в финансовых кругах, что Ли Цзи-лин собрал в Тяньцзине за полгода своего дубаньства 10 миллионов долларов. Глава Юньнаньского правительства Тан Цзи-яо имеет состояние не менее, чем в 10 миллионов американских долларов; стоит сопоставить эту цифру со следующим эпическим описанием бедствий, постигших Юньнань после воцарения там этого генерала: «Народ Юньнани по общему правилу беден. Главная причина этого заключается в полной эвакуации серебра из этой провинции в гонконгские банки. В то время, как прежде, при изобилии серебра в обращении для потребностей торговли, почти не бывало значительных колебаний в международных курсах, теперь все серебро покоится на личном счету генерала Тан Цзи-яо в банках Гонконга, при чем наибольшая сумма, конечно, лежит в Гонконг-Шанхайском Банке. Общая сумма этого накопленного генералом белого металла определяется цифрою свыше 10 миллионов долларов в американском золоте» [1]).

Эти цифры приобретают особое значение, если принять во внимание, что средний уровень богатства среди китайской буржуазии очень невысок. Владелец 30—50.000 долларов считается в Китае очень богатым человеком. По словам коммерческого атташе Соединенных Штатов в Китае Арнольда «на протяжении нескольких последних десятилетий богатства в Китае значительно выросли. Китайский банкир сообщил мне, что 30 лет тому назад

[1]) „The China Weekly Review", March 19, 1927.

человек с 3.000 долларов считался зажиточным. В настоящее время для того, чтобы выделиться из массы, недостаточно обладать даже вдесятеро большей суммой. За последние годы многие китайцы, сколотившие большие состояния во время своего участия в политической жизни, инвестировали значительные суммы в промышленные предприятия. Многие из крупнейших промышленных концернов и многочисленных банкирских домов являются созданием тех, кто обогатился в качестве военных губернаторов или других высоких чиновников. Эти люди неспособны справиться с задачей управления предприятиями сами. Поэтому они обычно нанимают управляющих, вербуя их из людей, тесно связанных с ними в политических делах» [1]). Это интересное замечание Арнольда удачно улавливает лишь одну сторону процесса. Несомненно, генералы идут быстрыми шагами по стезе «первоначального накопления капитала». Но обратной стороной медали является относительное обеднение других общественных групп, в частности промышленной и торговой буржуазии.

Китайские генералы, несомненно, представляют собою самостоятельную общественную группировку, которую у нас уже окрестили именем «полуфеодалов, полубуржуа». Они собирают вокруг себя многочисленные кадры людей, зависящих от них в финансовом отношении и строящих свое благополучие на служении их интересам. Выше было уже указано, что происходит сращивание военной и гражданской администрации. Вся эта масса служилого люда вербуется обычно из мелких землевладельцев, собирающих обильную дань с крестьян в виде арендной платы и получающих сверх того изрядный доход, размер которого определяется высотою положения по служебной лестнице. При этом надо отметить, что провинциальные доходы, о которых была речь выше и которые собираются военными комбинатами, главным образом, для покрытия военных расходов, составляют только часть тех налогов и поборов, которые приходится платить населению. Генерал и его приближенные обычно держат в своих руках финансовый аппарат только провинциальной столицы или нескольких крупных ее городов. Финансовая власть на местах (в уездных центрах, деревнях и пр.) принадлежит живущим здесь же помещикам, которые связаны с провинциальным комиссариатом финансов только обязательством посылать ему фиксированную сумму денег. Так, например, в Ханькоу нам сообщали в министерстве финансов, что отдельные собиратели поземельного налога ограничиваются присылкою известной суммы денег без всякой отчетности. Такие финансовые агенты провинциального комиссариата на местах не получают жалованья и содержат себя за счет собираемых ими налогов. Эти нерегистрируемые и непроходящие по каким-либо бюджетам

[1]) „China. A Commercial and Industrial Handbook" by J. Arnold and others, Washington, 1926, стр. 270.

доходы выражаются в солидных суммах, и служат финансовой базой многочисленных сторонников того или иного генерала во всех захолустьях данной провинции.

Было бы большой ошибкой недооценивать экономическое значение всех только что описанных явлений, зарождение которых относится к революции 1911 года, но которые получили полное развитие только в последние годы. Мы видели уже, что военные расходы возросли за этот период, примерно, со ста до шестисот миллионов долларов. Если присоединить к этой сумме гражданские расходы провинций, а также только что упомянутые «незримые доходы» финансовой администрации на местах, то общая сумма составит минимум 1¼—1½ миллиарда. Что эта сумма отнюдь не мала для китайской экономики, можно убедиться хотя бы из следующего сопоставления. Журнал «Capital and Trade» недавно вывел на основании одного монографического обследования крестьянского хозяйства, охватившего сравнительно зажиточные слои, что покупательная способность китайского крестьянина составляет около 4 американских долларов на душу населения [1]). Для всего Китая это дает цифру, примерно, в 3—3½ миллиарда китайских долларов. Таким образом, сумма, которою распоряжаются китайские генералы и их приближенные, составляет около трети денежного покупательного спроса, пред'являемого на рынке всем населением Китая.

Приведенного сопоставления отнюдь не достаточно для того, чтобы судить о том, насколько быстро идет в стране процесс накопления денежных средств у различных общественных групп. Цифровых данных для освещения этого процесса вообще не имеется. Лишь косвенным образом об этом процессе можно судить по тому, насколько прибыльными являются в настоящее время отдельные отрасли народного хозяйства. В своем капитальном исследовании о китайском сельском хозяйстве, *Вагнер, на основании приведенного им* выборочного материала, делает вывод о крайней незначительности доходности, а в некоторых случаях даже убыточности крестьянского земледелия. Лоссинг-Бек получил на основании материала, охватывающего более зажиточные слои крестьянского населения, тоже весьма невысокую норму прибыльности. (8, 9% в среднем на затраченный капитал) [2]). По единодушному свидетельству китайских торговцев и банкиров, в настоящее время едва ли можно указать какую-либо отрасль промышленности, в которой капитал давал бы сносный доход. Большие барыши попрежнему возможны лишь в торгово-спекулятивной деятельности. Но значительная часть торговых прибылей по-

[1]) „Far Eastern Capital and Trade", May 27, 1927, „*Analysis of buying power of China's masses*".

[2]) Lossing-Buck. An Economic and Social Survey of 150 Farms, June 1926, стр. 58.

лощается иностранным капиталом, занимающим в китайском народном хозяйстве совершенно обособленную позицию. Если в дополнение к сказанному мы напомним, что генеральские доходы растут за последние годы в необыкновенно быстрой прогрессии, то неизбежен вывод, что в динамике китайского народного хозяйства генеральское накопление становится одним из решающих факторов.

Как используют генералы накопляемые ими капиталы? Несомненно, что значительнейшая доля их средств притекает в иностранные банки, — единственное место, где генеральское имущество свободно от всяких посягательств. Ведь даже недвижимость того или иного генерала обычно подвергается конфискации при победе его противника, не говоря уже об его домашней утвари. Весной 1927 г. весь Ханькоу был в ажиотаже по поводу производившихся аукционов богатого имущества У Пей-фу. Имущество это было конфисковано победоносным 4-м корпусом и распродавалось от имени корпуса. В министерстве финансов нацправительства имеется даже особый департамент по управлению и по реализации неприятельской собственности. Поэтому неудивительно, что генералы предпочитают помещать свои деньги в иностранные банки, укрывшиеся от поползновений китайских генералов на неприступных для них концессиях. Участие генералов в промышленности, бесспорно, растет за последние годы. Тем не менее, несомненно, преувеличено мнение, будто китайские генералы постепенно перерождаются в носителей капиталистического развития. Генеральские инвестирования в промышленных предприятиях занимают сравнительно очень скромную роль, концентрируясь в значительной своей части в торгово-спекулятивных предприятиях. Однако, весьма возможно, что среди китайских генералов уже в настоящее время выделяется группа людей, постепенно эволюционирующих в сторону более активного участия в промышленном строительстве. Нам пришлось лично быть в гостях у Тан Шэн-чжи и неоднократно беседовать с приближенными к нему генералами и высшими чинами гражданской администрации. Излюбленной темой их разговоров были горные богатства Хунани и возможные способы промышленного использования их. Эти генералы в то же время были озабочены приисканием хорошего арендатора для рудников антимония и олова и для хлопчато-бумажной фабрики в Чанша, принадлежащих провинциальному правительству. Они просили найти им такого арендатора в ...СССР. Голова Фына всегда наполнена конструктивными идеями, и его особенно привлекает мысль о поселении на земле солдат. Все это, однако, далеко еще не делает Фын Юй-сяна, Тан Шэн-чжи и др. генералов капиталистическими предпринимателями. Почти все они прочно сидят на земле и стараются приумножить свою земельную собственность. Их помыслы, при этом, заняты, главным образом, военным делом. Они знают, что весь офицерский состав их ар-

мий тесно связан с землевладением и потому насквозь пропитан «идеологией аграриев».

Существует, однако, мнение, будто за последние годы промышленно-торговый капитал вторгается бурным потоком из города в деревню для овладения землей. Утверждают к тому же, что этот процесс зашел настолько далеко, что вся городская буржуазия в той или иной степени уже связана с земельной собственностью. Это мнение часто подкрепляется ссылкою на следующее замечание профессора Вагнера: «У каждого наблюдателя вызывает удивление то обстоятельство, что в Цицдао и других местах, даже наемные рабочие, ремесленники в городах, повара или домашняя прислуга видят величайшую для себя гордость в приобретении в своей родной деревне возможно большего количества земли» [1]). Отрицать наличность стремления «сесть на землю» у полу-пролетарских элементов города не приходится. Необходимо, однако, установить действительные количественные пределы этого явления. Проникновение китайского городского капитала в деревню отнюдь не создает классической картины капиталистической мобилизации земельной собственности. Преобладающим слоем землевладельцев остаются армейские элементы и джентри, сдающие землю в аренду крестьянам. Во всяком случае, не может быть и речи о том, чтобы городские пришельцы самостоятельно эксплоатировали землю. Капиталистически ведущееся сельско-хозяйственное предприятие, как уже сказано, является в Китае по большей части убыточным, и поэтому земля приобретается городской буржуазией только в надежде на рост ее цены или в силу тех побуждений, о которых говорит профессор Вагнер. Некоторые из наших исследователей крестьянского вопроса в Китае склонны преувеличивать приток капиталов в деревню извне, на основании данных, полученных при обследовании Гуандуна. Эти данные, однако, наименее убедительны, так как Гуандун — одна из богатейших провинций Китая, ежегодно получающая от эмигрировавшего из нее в заморские страны населения не менее 50—75 милл. долларов. Известно, что эмигранты особенно охотно посылают деньги на родину для приобретения земли. Кроме Гуандуна, такой же приток средств из-за границы в сколько-нибудь значительных размерах существует еще в Фуцзяни и в гораздо меньшей степени в остальных приморских провинциях. Внутренний Китай совершенно не участвует в получении этих благ из-за границы, и поэтому эмигрантские переводы никакого отношения к вопросу о переходе земельной собственности в этих внутренних провинциях не имеют.

Как показали новейшие исследования, китайская деревня владеет крайне ограниченным количеством средств производства, притом технически самого примитивного характера, и ее благополучие покоится на весьма шатком

[1]) Dr. W. Wagner, Die Chinesische Landwirtschaft, Berlin, 1926, стр. 131.

производственном базисе. Выше было уже сказано, что в общей стоимости сельско-хозяйственного капитала подавляющую часть (обычно $^4/_5$) составляют цена земли и цена построек. На долю собственно орудий производства обычно приходится не более 5—7%. Крестьянское хозяйство всегда висит на волоске, и, обычно, в предурожайный период крестьянину приходится прибегать к ростовщическому кредиту, чтобы дотянуть до жатвы. При таких условиях всякое нарушение равновесия крестьянского хозяйства военными грабежами, поборами и т. д., легко лишает крестьянина возможности самостоятельно продолжать производство, превращая его в простого арендатора или даже в пролетария. Северные милитаристы особенно прославились повальными грабежами сельского населения. В периодической прессе часто приходится читать жуткие описания такого военного разгула, лишающего крестьянина последней скотины, продовольственных запасов и т. д.

Даже деревенскому батраку, которому, казалось бы, нечего терять, приходится жестоко терпеть от притеснений со стороны военщины. Согласно характеристики английского консула в Фуцзяни, вопиющим бедствием китайского крестьянина является «полная неуверенность в своем существовании... Он может в любой момент попасть в руки разбойников, которые увлекут его в свои логовища в горах, там расстреляют его или будут терзать до тех пор, пока он не будет работать на них как раб или не достанет выкупа от родственников, жилища которых разграбили те же самые разбойники. Если ему удастся этого избегнуть, все равно, его захватит какой-нибудь военный отряд и заставит его, если только ему не удастся откупиться, таскать продовольственные запасы для какой-нибудь странствующей армии или отряда, занятых гражданской войной или грабежом провинции, в виде мести за поддержку провинцией какого-нибудь хищного политического авантюриста. За свою работу этот крестьянин не получит ни платы, ни какого-либо другого вознаграждения, его не защитит никакой закон. Обращение с ним самое грубое, и хорошо, если 50% подобных несчастных удастся вернуться к себе домой» [1]).

Таким образом, относительное финансовое процветание армий покупается дорогою ценою полного разорения населения. Солдат является в Китае сравнительно весьма привилегированной персоной. Еще в начале 90-х годов прошлого столетия, по характеристике Мак-Кензи, он выглядел как «средневековая реликвия». Он был вооружен луком и стрелами, трехзубцовыми вилами, мечом с двойной рукояткой, щитом, обтянутым воловьей кожей. Его пища была скудна, военная тренировка нелепа, дисциплина слаба [2]). Не то современный солдат. Он обычно хорошо экипирован, и получает достаточно

[1]) „Вопросы Китайской Революции" т. I, 1927, стр. 67.
[2]) Mac-Kenzie. Unveiled East, London 1907, стр. 211.

жалования, чтобы не только пропитать себя, но и доставить себе некоторый скромный комфорт (в китайском духе разумеется). Достаточно убедительным является сравнение денежных сумм, которые затрачивают солдат и крестьянин. Мы видели, что в гоминдановской армии солдат получает 10 долларов в месяц. Его ежедневная порция риса равна 1,4 фунта в день, или, примерно, 40 фунтам в месяц. Это немногим меньше одной трети пикуля риса. Цена пикуля риса для потребителя нормально составляет 8—8,5 долларов. Таким образом, солдат должен тратить на продовольствие около четверти своего жалованья. Если цена риса повышается, военное командование принимает меры к снабжению солдат рисом «по твердой цене». С этой целью в военный бюджет вносится особой статьей расход на покрытие убытков от продажи солдатам риса по цене значительно ниже покупной цены. Так было, по крайней мере, в гоминьдановской армии. Годовой доход солдата превышает 100 долларов. В глазах китайца это огромные деньги. Мы видели уже, что член крестьянской семьи в среднем тратит на приобретение промышленных изделий всего 8 кит. долларов в год. Таким образом, солдаты являются своего рода «аристократией» среди масс населения. Они боятся потерять свою «службу» и поэтому преданы генералу слепо, не разбираясь в том, борется он за правое или неправое дело.

В китайских условиях очень трудно провести грань между регулярной армией, с одной стороны, и бандитами и пиратами, — с другой. У последних есть своя военная организация, и нередко они снабжены не хуже, чем солдаты армий китайских генералов. Местный корреспондент из Фуцзяна описывает положение бандитов в этой провинции в следующих выражениях: «Они постепенно становятся все лучше и лучше вооруженными и экипированными. Они лучшие бойцы, чем регулярные солдаты, и могут победить в бою более чем равное количество правительственных войск». Бандиты бродят «маленькими группами, вооруженные автоматическими пистолетами, которые легко спрятать. Их очень трудно обличить, как бандитов». Эта профессия столь прибыльна, что «находятся люди, которые, покупая некоторое количество этих пистолетов, отдают их в пользование всяким авантюристам за фиксированный доход или за некоторое участие в «прибылях» [1]).

Поскольку гражданская война разрушает производственный базис деревни, создавая ежегодно огромные кадры разоренных крестьян, неизбежным становится соответственное увеличение «резервной рабочей силы». Эти люди выбрасываются из своих деревенских хижин, опустошаемых военной силой. Они не находят выхода в эмиграции из своей родной страны, потому что «желтый труд» изгоняется теперь из всех государств «прогрессивного капи-

[1]) „The China Weekly Review", Special Tariff Conference Issue, November 1, 1925, стр. 60—61.

тализма». Они не находят приложения своему труду в промышленности, потому, что промышленность развивается слишком медленно.

Становится очевидным, что подобная система не может существовать долго. Генеральские аппетиты рано или поздно должны наткнуться на известные границы. Это чувствуется достаточно остро уже сейчас при знакомстве с внутренней стороной финансового управления в Китае. Резюмируем здесь вкратце результаты наших наблюдений (подробное обоснование последних будет дано в следующих главах). Китайская финансовая система отличается крайней неэластичностью, так, что повысить сумму доходов довольно трудно. Китайские генералы не решаются на введение прямых налогов, боясь оппозиции со стороны имущих классов. Суррогатом прямого обложения за последние годы явились многочисленные принудительные займы у купцов и банкиров. В последнее время этот источник составлял до трети, а иногда даже до половины всех доходных поступлений. Однако, эта статья уже начинает сдавать, так как имущие классы порядочно разорены этой «кредитной» политикой генералов. Поэтому милитаристы попытались использовать в качестве последнего ресурса эмиссию. В ряде провинций денежная система уже расстроена беспорядочными выпусками. Как хорошо известно из опыта европейской войны, при усиленных выпусках покупательная способность денежной единицы держится довольно хорошо в первое время, но затем начинает быстро катиться вниз. В большей части китайских провинций этот предел уже перейден. Эмиссия становится особенно затруднительной при наличии у падающего денежного знака здорового конкурента в лице иностранной банкноты, разменной на серебро. Население начинает избегать падающих денег, и это окончательно сбивает их курс. Таким образом, финансовые ресурсы китайского милитаризма подходят к концу. Во всяком случае, рассчитывать на новое увеличение денежных доходов в будущем не приходится. Между тем, стихийный рост армии все еще продолжается и не может приостановиться вследствие постоянного увеличения массы разоренного крестьянства. Выше было уже сказано, что гоминдановское движение было в этом отношении внушительным толчком, всколыхнувшим массы и давшим армии новый обильный человеческий материал. Найти средства для пропитания этой армии является сейчас финансовой задачей, над разрешением которой бьются об'единения китайских милитаристов. В недавнее время Уханю приходилось содержать 12—14 корпусов, тогда как нормально эта провинция могла бы оплатить военные расходы только 3-х из них. Таким образом, финансовому кризису предстоит сделаться перманентным.

Гордиевым узлом проблемы экономического развития в Среднем Государстве является глубокий кризис, переживаемый деревней. Деревня растрачивает свой основной капитал. Она должна жертвовать слишком большой

частью своего дохода в пользу помещиков и государства, вследствие чего накопление в деревне становится невозможным. Грабежи и насилия, чинимые в деревне милитаристами, еще более подрывают ее благополучие и толкают ее по наклонной плоскости. Чрезвычайно высокий ростовщический процент отводит еще одно значительное русло от сельского-хозяйственного дохода, русло, по которому текут обильные ручьи, питающие ломбарды и ростовщиков. Необходимость продавать свои продукты в самый невыгодный с точки зрения сбыта момент снова бьет по карману крестьянина. В результате всех этих процессов промышленность лишается емкого рынка, каким могла бы явиться деревня. Но без этой предпосылки на развитие китайского капитализма нужно поставить крест, а для ее осуществления первейшими условиями являются: прекращение гражданской войны, т.-е. об'единение государства под твердой властью, а также радикальное решение аграрного вопроса. Эти две стороны предстоящей Китаю государственной и социально-экономической реформы (или революции), разумеется, тесно между собою связаны.

Если Китаю удастся порвать путы, связывающие его промышленное развитие, перед ним встанет вопрос: какие отрасли промышленности будут развиваться здесь успешнее всего? Было бы опасно возлагать надежды на быструю индустриализацию страны. Китаю будет не по силам тянуться за Западной Европой и Америкой в деле развития машиностроительной, электротехнической и др. отраслей тяжелой промышленности, требующих больших промышленных навыков и хорошо тренированного промышленного пролетариата. Даже Японии не удалось до сих пор справиться с этой проблемой в полной мере, и ее машиностроение находится в стационарном состоянии уже в течение ряда лет. Скорее всего Китаю предстоит развить у себя те отрасли промышленности, которые связаны с переработкой производимого им сырья. Уже в настоящее время он производит довольно большие количества хлопка, шелка, чая, табака и пр., всего на сумму не менее 1 миллиарда долларов. Однако, производство этих видов сырья без больших усилий может быть значительно увеличено. Возьмем в качестве примера хотя бы шелк. По словам экспертов этой отрасли промышленности, «современная площадь, занятая под тутовыми деревьями, может быть увеличена, по крайней мере, на 1.208.000 му (241.700 акров), или почти вдвое против теперешней. Сбор с теперешней площади также может быть удвоен, если к производству будут применены новейшие научные методы... Это даст продукцию коконов в размере 1.736.000 пикулей или сырого шелка в количестве 347.200 пикулей. Если бы мы могли ввести лучшие методы у фермеров, занятых разведением шелковичных червей, и уменьшить потери от болезней, мы могли бы увеличить производство сырого шелка до 694.400 пикулей в год. Япония произвела в 1922 г. около 400.000 пикулей сырого шелка; один Гуандун мог бы дать

две трети этого количества» [1]). К сожалению, в настоящее время не удается осуществить и малой части этих возможных в будущем достижений. Научные методы еще только ожидают своего применения, капитала не хватает, а плодородные площади, которые могли бы быть заняты полезными культурами, производят в огромных количествах мак, перерабатываемый в опиум. Иногда в литературе встречаются бодрящие сообщения о том, например, что «ценные работы по усовершенствованию культуры хлопка ведутся Нанкинским Университетом с целью улучшения условий произрастания хлопка, сообразно с современными методами использования специально отобранных и оклиматизированных семян» [2]). В действительности же подобные научные учреждения представляют редкое исключение, район их деятельности до крайности незначителен и результаты, ими добытые, не оказывают влияния на экономику страны. В стране царит полная примитивность способов производства.

Нам остается сказать несколько слов о том значении, какое имело бы для развития китайской промышленности восстановление таможенной автономии. Восстановление таможенной автономии гарантировало бы китайской промышленности систематическую и рационально-построенную охрану от иностранной конкуренции и тем самым облегчило бы возможность ее развития. Не приходится, однако, доказывать, что в теперешних условиях полного распада и деградации китайского сельского хозяйства никакая таможенная охрана не способна сама по себе вызвать расцвет китайской промышленности. Разрешение аграрного вопроса и прекращение гражданской войны имеют для индустриализации Китая несравненно большее значение, чем таможенная автономия. Таможенно-политические меры, как бы они ни были важны, не в состоянии решить вопроса о средствах, необходимых для развития китайской промышленности. На ряду с восстановлением таможенной автономии, потребуются также огромные капиталы, для которых китайский денежный рынок может послужить лишь второстепенным источником. Правда, за счет более рационального использования уже имеющихся в стране капиталов, работающих в настоящее время, главным образом, в спекуляции, а также за счет возвращения из-за границы денежных фондов китайских эмигрантов, можно было бы многое сделать. Однако, едва ли возможно широкое развитие китайской индустрии без притока иностранных капиталов. Таким образом, об'ективные предпосылки роста китайской промышленности, в конце концов, сводятся к: 1) ликвидации гражданской войны, 2) передаче земли крестьянам, 3) восстановлению таможенной автономии, 4) направлению

[1]) Howard and Buswell, назв. соч., стр. 168
[2]) Foreign Trade of China, 1921. Part I, Shanghai, 1922, стр. 24.

китайских капиталов в каналы производительного использования и 5) притоку иностранных капиталов. Дальнейшее изложение неоднократно даст нам возможность судить о том, в какой мере осуществимы эти предпосылки китайского экономического прогресса.

ГЛАВА II.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ.

Несмотря на чрезвычайную запутанность и хаотичность китайской денежной системы, представляющей пеструю мозаику из элементов, относящихся к совершенно различным историческим эпохам, каждый исследователь старается выйти возможно проще из лабиринта проблемы китайских денег, пользуясь компасом европейско-американской денежной теории.

Обычно соображения авторов, писавших о китайском денежном обращении, сводятся к следующему: формы китайской денежной ситемы весьма отсталы. Можно даже сказать, что у Китая совсем нет денежной системы и что, в лучшем случае, денежное обращение в этой стране может быть названо одновременным существованием «некоторого числа денежных систем». Китайцы все еще не вышли из той стадии валютной психологии, когда деньги представляются чистым товаром. Они всегда относятся с большим подозрением к бумажно-денежным знакам всех видов. С большим трудом удается навязать китайским массам неразменные бумажные знаки. Для них всякая бумажка есть лишь сертификат на получение соответствующего количества металла. Деньги принимаются ими по весу, а не по счету. Даже серебряные доллары, в их глазах, являются только кусками белого металла, расценимаемыми согласно их «внутренней ценности».

Во всех этих суждениях есть некоторые элементы истины. Но они дают слишком общее и, так сказать, «бестелесное» отображение действительности. Неправильно вообще привешивать к китайскому денежному обращению ярлычки с терминами, принятыми в нашей науке. Китайцы всегда находят свои оригинальные пути и создают особенные учреждения, которые, на первый взгляд, имеют большое сходство с нашими, но в действительности представляются коренным образом отличными. Конечно, «ничто не ново под луной», и едва ли можно в Китае открыть методы организации денежной системы, которые были бы неизвестны европейской истории в той или другой ее стадии. Но из хорошо известных элементов китайцы создают новые системы, которые становятся нам понятными только после тщательного анализа отдельных деталей.

Начнем с того, что китайцы привыкли к пользованию деньгами, как средством платежа, вместо непосредственного товарообмена, уже на протяжении многих веков. Весь рыночный оборот у них имеет строго организованный денежный характер. Не только в городах, но и в деревнях каждый готов платить или получать платежи в деньгах. Помимо металла, китайцы пользуются при этом бумажными знаками самых различных видов: банкнотами, правительственными бумажными деньгами, чеками, так называемыми «туземными приказами» китайских банков и т. д. Таким образом, деньги в китайском народном хозяйстве отнюдь не являются случайным и незначительным придатком, который легко может быть отброшен. Они связаны прочными органическими нитями со всем народным хозяйством. Для того, чтобы торговля могла совершаться беспрепятственно, оборот постоянно имеет в своем распоряжении известное количество денежных знаков, принимаемых всеми. Таким образом, существует постоянный спрос на деньги. Если известная разновидность денег выбывает из оборота, аннулируется, то ее место должно быть немедленно занято каким-нибудь другим знаком.

Достаточно, казалось бы, одного этого факта для того, чтобы придать китайским деньгам, если не всегда, то в известных условиях, «фиктивную» ценность, ценность, зависящую не только от материала, из которого они сделаны, но и от функционального значения в обороте. Простой клочок бумаги, за которым не скрывается никакого металлического резерва, не может обесцениться, если у оборота нет другого выхода, как только принимать эти деньги. Нам пришлось наблюдать, что одна и та же банкнота циркулировала с обесценением свыше 30% в Хунани, где оборот был перенасыщен различными бумажными знаками, и имела полную номинальную ценность в Цзянь-Си в условиях монопольного ее обращения. Опять таки, сравнительно высокий курс так называемого «мелкого доллара» [1]), в Кантоне об'яснялся, главным образом, тем, что в Гуандунской провинции существовал общий недостаток в средствах платежа.

При таком состоянии денежной системы в Китае с незапамятных времен кажется особенно странным, что до сих пор эта система представляет собою первозданный хаос, в котором нет никакого регулирующего и организующего центра. В Европе или Америке таким центром обычно является казначейство или эмиссионный банк. В Китае нет ничего подобного. Здесь в создании новых видов денежных знаков участвует всякий, кто полагает,

[1]) Твердо установленная самим оборотом в Китае терминология присваивает название „big dollar" (большой доллар) полноценной серебряной монете, а „small dollar" (мелкий доллар)—неполноценный билонный монете. Как увидим ниже, несмотря на одинаковую номинальную ценность, курс большого доллара всегда выше курса мелкого доллара.

что он сможет получить какую-нибудь прибыль на этой операции. Даже чеканка монеты, которая повсюду является регалией правительственной власти, анархически распылена в Китае между добрыми тремя десятками монетных дворов, каждый из которых совершенно не сообразуется с работою других учреждений подобного рода. Коммерческое отношение китайцев к делу чеканки монеты лучше всего выступает из следующего примера, рассказанного г. Кашном: «В провинции Шаньси нет собственного монетного двора. Это обстоятельство побудило губернатора заказать в 1923 году из Германии полное машинное оборудование для монетного двора с производительностью в 500.000 медных кружков в день. Новый монетный двор должен был быть организован в столице этой провинции, Сиань-фу. Оборудование прибыло в Шанхай ранним летом 1924 года и было препровождено в Ханькоу для дальнейшей доставки по назначению. Однако, вскоре после того губернатор Шэньсийской провинции Лю, решил об'явить войну. Чтобы получить некоторое количество боевого снаряжения из соседней провинции Шаньси, ему пришлось предоставить в залог губернатору провинции Шаньси оборудование монетного двора, и, вдобавок, некоторые другие виды фабричного оборудования (все еще лежавшие нераспечатанными в Ханькоу). Лю проиграл свою маленькую войну, и в результате, у Шаньси все еще нет станков для чеканки монеты, тогда как Шаньси имеет два монетных двора» [1]).

Эта небольшая история отражает хитросплетения китайского денежного обращения, пожалуй, лучше, чем иные толстые томы научных исследований Нужен ли данному правительству монетный двор или нет,—это просто вопрос калькуляции. В затруднительном случае его ничего не стоит продать на сторону. Кантонский монетный двор попробовал даже в момент крайней нужды получить иностранный заем и зарегистрироваться в Гонконге в качестве акционерной компании!

Таким образом, в Китае, в сущности говоря, не существует никакого правительственного контроля над составом денежного обращения. В любой китайской провинции в каждый данный момент никто не знает, какие денежные знаки являются законным платежным средством, какие нет. Повидимому, даже самая идея законного платежного средства в Китае утеряна. Об этом говорит, по крайней мере, один из лучших знатоков китайских финансов Уэджиль [2]). В текущем столетии пекинским правительством был издан ряд законов, регулирующих денежное обращение и банкнотную эмиссию. Однако, никто не считается всерьез с этими законами. Пекинское правительство раздает постоянно новые привилегии выпуска банкнот, но на большей ча-

[1]) „The China Weekly Review", Special Tariff Conference Issue, November 1925, „Some of the reasons of China's unstable currency".

[2]) S. R. Wagel. Chinese currency and banking, Shanghai, 1915, стр. 40.

сти китайской территории эти привилегии не имеют силы. Они и не нужны ни одному банку, так как каждый из них, если только он найдет нужным, может выпустить банкноту новой формы и в новых купюрах. Провинциальные власти также редко вмешиваются в денежный оборот. В результате одна и та же бумажка принимается в одном магазине и отвергается в другом. Политическое положение часто определяет судьбу денежных знаков, но обычно без правительственного вмешательства. Так, например, зимою 1925 года, когда влияние Чжан Цзо-лина в Пекине заколебалось, банкноты в 10 и 20 центов, выпущенные Frontier Bank'ом, и служившие прежде всего в качестве денег с устойчивой ценностью в мелком обороте, сразу исчезли, вследствие связи этого банка с Чжан Цзо-линовской группой. Другим примером могут служить банкноты Центрального Банка. Сфера их обращения распространялась на север одновременно с победами южных армий. Однако, это делалось без каких-либо декретов, под влиянием благоприятного общественного мнения. Передвигаясь в конце 1926 года из Кантона в Ханькоу через Цзянси, мы имели случай наблюдать этот процесс постепенного приобретения права гражданства новым бумажно-денежным знаком. Он входил в оборот самочинно и, так сказать, стихийно, так как распространялась на север власть национального правительства, а на банкнотах был портрет Сун Ят-Сена, вождя национально-революционного движения.

Цена денег, особенно в тех случаях, когда она превышает стоимость заключенного в них металла, держится только благодаря тому, что правительство или уполномоченные им учреждения обладают монополией выпуска этих знаков. Поскольку в Китае такой монополии нет, цена денег всегда определяется законом спроса и предложения. Если какой-нибудь вид денежных знаков поднимается в цене, вследствие усиленного спроса на него по каким-либо причинам (например, сезонного характера), сейчас же находится учреждение, приступающее к массовому производству этого вида денег. Так как конкуренция между создающими деньги органами очень сильна, то обычно на рынке ощущается «перепроизводство» денежных знаков. Но это перепроизводство является только первым шагом. Вслед за ним идет «порча» монеты. Процесс этой порчи не трудно изобразить в нескольких словах. Излюбленным об'ектом ее является билонная монета. Последняя, согласно закону о денежном обращении 1914 года, является неполноценными деньгами. Серебряное содержание в долларовой монете было установлено в 90% чистого металла, а для мелких монет — всего в 70%. Естественно, что хождение билонной монеты по номинальной ее ценности было бы возможно только в том случае, если бы количество этой монеты в обращении было ограничено и контролировалось бы какой-нибудь властью. В противном случае неизбежно начнется усиленное производство монеты с 70%-ным со-

держанием серебра, и она неминуемо станет обесцениваться по отношению к монете с 90%-ным содержанием. И, действительно, при наличии нескольких десятков монетных дворов, такое обесценение билонной монеты по отношению к серебряному доллару было неизбежно. Естественным пределом падения курса следует считать «издержки производства», т.-е. соотношение серебряного содержания в полноценной и билонной монете. Это обозначает, что, если исключить возможность понижения серебряного содержания против законной нормы, «нормальный» курс билонной монеты по отношению к полноценной, должен был бы установиться в 128—129 центов «мелкими деньгами» за 1 доллар «крупными деньгами». Но конкуренция между монетными дворами привела к тому, что возможность получения прибыли на чеканке билонной монеты быстро исчезла, и монета эта в соответствующей мере обесценилась. Тогда стали искать и открыли новые пути: уменьшение серебряного содержания. На этом пути, в сущности говоря, никаких границ не оказалось. Только известный контроль со стороны общественного мнения может воспрепятствовать окончательному обесценению билонной монеты. В некоторых случаях проводниками этого общественного контроля являются меняльные лавки. Они накладывают на монету цветной штамп, удостоверяющий, что в монете содержится нормальное количество серебра. Но меняльная лавка не является официальным учреждением. Меняльных лавок в Китае великое множество. Если можно чеканить «фальшивую монету» с пониженным содержанием серебра, почему нельзя подделать или, во всяком случае, злоупотребить цветным штампом! Тогда для населения остается прибегнуть только к мерам самозащиты. В Кантоне, например, где оборот особенно страдает от насыщения его билонной монетой с низким содержанием серебра, просачивающейся в оборот со всех сторон и изготовляемой не только монетными дворами, но и многочисленными частными фальшивомонетчиками, массы населения непременно пробуют каждую монету отдельно, чтобы убедиться в ее «подлинности». Для этого ее ударяют о камни тротуара, и по звуку население судит о ее пригодности служить орудием платежа. Ухо кантонца при этом настолько навострилось, что он редко ошибается.

Ухудшение качества монеты прогрессирует в Китае очень быстро. В Кантоне передавали, что профессора университета производили в течение трех лет испытания содержания серебра в билонной монете, которая наудачу изымалась из обращения. Результаты были следующие: 1923 год—близко к 70% серебра, 1924 год — 64% и 1925 год — всего 42%. В начале 1927 года в Ханькоу сам оборот установил для разных видов билонной монеты курсы в зависимости от года их чеканки: разменная монета с портретом Юань Ши-кая (старейшая) — 120 за 100, монеты 9 года Республики —

140 за 100 и монеты более позднего происхождения — 170 за 100. Итак различие в цене между отдельными видами билонной монеты достигало 42%! Это сравнение показывает, насколько сильна стала в последнее время тенденция производства фальшивой монеты.

В некоторых случаях реакция общественного мнения против порчи монеты оказывается настолько мощной, что перед нею вынуждены отступить корыстные расчеты производителей недоброкачественной монеты. Поистине, фактом, достойным удивления, является то, что порче подвергается только билонная монета, тогда как серебряный доллар остается в этом отношении нетронутым. Степень обесценения билонной монеты всегда измеряется по отношению к «стандартному» доллару, который рассматривается, следовательно, как незыблемый критерий степени доброкачественности мелкой монеты. Почему же он остается неизменным в своей ценности? Если решающими являются соображения прибыльности чеканки монеты, почему серебряный доллар оказывается в силах противиться общему течению и сохранять устойчивость курса? Закон 1914 года установил серебряное содержание доллара в 90%. Эта норма была позднее снижена законом до 89%. На практике именно это серебряное содержание доллар сохраняет и в настоящее время. Об'яснение этому можно найти только в том, что общество само не допускает порчи серебряного доллара, как основной базы всего денежного обращения. В виде иллюстрации приведем рассказанную в Китайском Ежегоднике на 1925—1926 г. историю борьбы между монетным двором в провинции Аньхуй и общественным мнением. Этот монетный двор стал чеканить доллар с очень низким содержанием серебра. По свидетельству Гонконгской банковской корпорации, в 1924 году серебряные доллары этой провинции содержали всего 78,9% белого металла, т.-е. на 10% меньше, чем было установлено Пекинским правительством. Общественное негодование по поводу этой порчи монеты проявилось очень бурно, и министерству финансов пришлось назначить специальную комиссию для обследования этого случая. Таможня наложила эмбарго на вывоз серебряных долларов из провинции Аньхуй. В конце концов, для успокоения публики пришлось приостановить деятельность монетного двора [1]).

Этот пример показывает с очевидностью, что социальный контроль над денежным обращением порой оказывается в силах предохранить денежное обращение от злоупотреблений. К сожалению, однако, этот контроль охватывает только некоторую часть циркулирующих денег.

Следующей важной особенностью китайской денежной системы является полная разобщенность денежного обращения отдельных провинций друг от друга. Только серебряный доллар имеет хождение почти повсюду (Гуандун-

[1]) The China Year-Book, 1925.

ская провинция является важнейшим исключением), да и то в некоторых провинциях к доллару пред'являются более строгие требования, чем в других. Так, например, иногда население отказывается принимать доллары с какими-нибудь из'янами, царапинами, зазубринами и проч. В других провинциях, наоборот, на долларах выдавливается какой-нибудь значок, без которого они не имеют хождения. Все остальные виды денежных знаков обычно обращаются в пределах одной только провинции. Это, в первую голову, относится к банкнотам. Как проводится в жизнь эта дифференциация находящихся в обращении банкнот одного и того же банка? Китайский банк, напр., имеет 4 «головных конторы»: в Шанхае, Тяньцзине, Ханькоу и Гонконге (правление банка находится в Пекине). Внешний вид банкнот, выпускаемых каждой из этих контор,—один и тот же, но в нижней части банкноты обозначается имя провинции, или города, в которых эта банкнота выпущена. Подобная децентрализация выпуска банкнот лишает правление Банка в Пекине всякой возможности контролировать денежный рынок и регулировать обращение банкнот своего банка. С другой стороны, отделение банка обязано принимать в платежи и разменивать банкноты только в том случае, если банкноты носят на себе имя провинции, в которой данное отделение банка находится. Если, например, банкнота Китайского банка с надписью Шаньдун будет представлена в Шанхайскую контору, последняя рассматривает ее, как «иностранную валюту». Для того, чтобы ею можно было платить в Шанхае, она должна быть обменена на местную валюту.

На этой почве создается любопытнейшая система взаимоотношений между отделениями одного и того же банка, при которой одно отделение может иметь крайне ограниченный серебряный резерв и быть близким к банкротству, в то время как другое отделение задыхается от избытка белого металла, нисколько не помышляя при этом помочь первому отделению. Разгадка этой полной разобщенности отделений кроется обычно в том, что каждому из них приходится действовать при другом политическом режиме, так что пересылка серебра из отделения в отделение может в такой обстановке превратиться в акт политической измены.

Однако, не только бумажные деньги имеют сферу хождения, ограниченную пределами одной провинции. То же самое можно сказать о многоразличных серебряных таэлях, которых нам придется коснуться ниже, а также о медной монете, которая циркулирует на всем протяжении китайской республики. Отсюда вытекает, что каждая провинция Китая имеет совершенно самостоятельную денежную систему, которая связана с обращением соседней провинции не в большей мере, чем бывают соединены между собою денежные системы разных государств. Тяньцзиньский, Хубейский, Кантонский доллары являются совершенно различными денежными единицами, с коле-

блющимися друг в отношении друга курсами, как это имеет место всегда для иностранной валюты. Обычно эти колебания междупровинциальных курсов определяются состоянием платежного баланса каждой провинции. Так, в начале 1927 года Гонконгский доллар стоял выше Шанхайского, а Шанхайский — выше Хубейского, несмотря на одинаковое серебряное содержание их. События, которые могут весьма чувствительно затронуть ценность Пекинского доллара, могут не оказать никакого влияния в Шаньси или Гуйчжоу. При таких условиях совершенно очевидно, что полный контроль над китайским денежным рынком представляется абсолютной невозможностью.

Переходим к конкретному описанию отдельных составных элементов в структуре китайского денежного обращения. Отметим заранее, что эти отдельные элементы, так же, как и доллары провинций, связаны между собою различными курсами, устанавливаемыми рынком. Так, медная монета колеблется в цене по отношению к серебряной, билонная серебряная монета по отношению к серебряному доллару, серебряный доллар по отношению к таэлю и каждый вид бумажных денег, в дополнение ко всему этому, обычно имеет особый курс в отношении разных видов металлических знаков. Основным и старейшим элементом китайского денежного обращения является медная монета. Медная монета существует в Китае в двух разновидностях. За много веков до начала нашей эры китайский оборот стал пользоваться нанизывавшимися в одну связку маленькими медяшками, с квадратной дырой посередине. Эти монеты не чеканились, а производились ручным способом. Медная единица именуется кэшем. Ее теперешняя рыночная ценность равна, приблизительно, одной тридцатой китайского цента. Кэши были орудием обращения в толщах китайского населения, что вполне понятно в стране, где еще не так давно целые семьи были способны жить, не голодая, при затрате от 50 до 60 кэшей (т.-е. около 2 копеек) в день. В этих же кэшах часто выражаются товарные цены даже в крупных отраслях торговли, как, например, на рынках чая, бобов и хлебных злаков [1]). Китайский торговый оборот вообще требует весьма дробного денежного знака, так как здесь покупают и продают, на наш взгляд, часто положительно невесомые единицы. Глядя на уличного разносчика, часто поражаешься крайней ограниченностью товарного ассортимента, который он предлагает покупателю. Всего-то у него товара на рубль, другой, а он умудряется удовлетворять им десятки и сотни покупателей. Вследствие бедноты китайских народных масс и вытекающей из этого необходимости давать денежное выражение цене микроскопических товарных порций, ки-

[1]) S. R. Wagel. Chinese currency and banking, стр. 305.

тайцы привыкли дробить свою денежную единицу почти что до бесконечности. По словам Спелдинга, серебряная единица Китая имеет такое большое количество десятичных подразделений, что оно должно было бы устрашить любого математика. Каждый из этих десятичных знаков имеет свое особое наименование вплоть до 1/1.000.000.000 части серебряной единицы. В китайских росписях доходов и расходов 7 десятичных знаков отнюдь не представляют редкого явления [1]).

В настоящее время кэши уже отошли в область прошлого. Их почти не производят больше, а рынок постепенно заполняется медными монетами, производимыми монетными дворами. Эти монеты бывают достоинством в 1, 2 и 5 центов, при чем 1 цент теоретически равен 10 кэшам. Снятие кэшей с рынка произошло, главным образом, в период мировой войны, когда под влиянием чрезвычайного роста цен на медь начался усиленный рост экспорта этого металла за границу. Так, например, за годы 1915—1919 провинция Шаньдун почти лишилась своей медной монеты, особенно старинных кэшей. Последние были переплавлены и вывезены в Японию в форме медных слитков. Полученное таким образом количество меди определялось в 160.000 тонн [2]).

Чеканка медной монеты нового образца началась лишь с текущего XX века, но она сразу достигла совершенно исключительных размеров. К концу 1905 года в Китае насчитывалось 16 монетных дворов, с 846 прессами, чеканящими медную монету. Эти монетные дворы при работе с полной нагрузкой были бы способны произвести в год 16 миллиардов кружков [3]). По отдельным годам колебания выпуска медной монеты в начале столетия были таковы:

1904	1.693.700.000	шт.
1905	7.500.000.000	„
1906	1.709.384.000	„
1907	2.851.200.000	„
1908	1.428.000.000	„

Общее количество монеты в один цент, выпущенной с 1900 по 1917 годы, определяется почти в 32 миллиарда кружков. Правительство расценивало еще в 1910 году общую ценность новой медной монеты в серебре в 100 миллионов таэлей, т.-е. около 140 миллионов кит. долл. [4]). С тех пор произошло почти полное изъятие кэшей во время мировой войны, и за последние годы наплыв медной монеты в оборот не прекращался, так что

[1]) W. Spalding, Eastern currency and finance, 4 изд. London, 1924, стр. 413—414;
[2]) Eduard Kann, The currencies in China, 2 изд., Shanghai, 1927, стр. 411;
[3]) Wagel, Currency and banking, стр. 108.
[4]) Kann, назв. соч., стр. 422—423.

к настоящему времени вся сумма медного обращения Китая едва ли ниже 200—250 миллионов рублей. Даже в городах медная монета занимает в обороте почетное место. У уличных торговцев можно видеть целые горы мелкой монеты, лежащие на лотках. По мнению большинства авторитетов, медная монета до сих пор является основою денежного обращения Китая. Так, например, 12 лет тому назад Уэджиль, изображал соотношение между медью и серебром в обороте следующим образом: В городах провинций Гуандун, Гуанси, Цзянси, Чжецзян и Цзяньсу 70—80% всех рыночных сделок совершаются в серебряной валюте, а остальные 20—30% — в медных кэшах; *в торговых центрах вдоль берегов верхнего Янцзы торговля идет частично* в серебре, частично в кэшах, в городах внутреннего Китая по обоим берегам Янцзы соотношение таково, что 10% сделок происходит в серебре и 90%— в кэшах; в провинциях вдоль реки Хуанхэ—98—99% составляют кэши и остальное — серебро. Если взять всю страну как целое, площадь, пользующаяся медью, превышает в 10 раз площадь, употребляющую серебро. Отсюда легко видеть, что Китай на самом деле является страной, пользующейся в денежном обращении медью, хотя иностранцы считают Китай страной, употребляющей для этой цели серебро [1]). С тех пор, как были написаны эти строки, соотношения значительно изменились: кэши почти исчезли из оборота, а серебро играет все более и более почетную роль. Но все же, несомненно, что и в настоящее время медному обороту уделяется в жизни Китая значительное место.

Насколько сложны расчеты, возникающие на почве существования кэшей с *постоянными колебаниями их курса в отношении серебра*, видно из следующего, заимствованного Спелдингом из одной местной газеты красочного описания этой монетной неразберихи. «Номинально цент или коппер равен 10 *кэшам*, а доллар — 1.000 *кэшей*, *но на практике во всем этом* деле нет никакой определенности. Доллар может стоить 1.400 кэшей, при чем каждые 100 кэшей состоят только из 80-ти, а каждые 80 кэшей содержат 60 больших и 20 маленьких кэшей. В то же самое время ценность коппера может колебаться в пределах от 8 до 11-ти кэшей. Доллар может иметь ценность от 70 до 75 сотых таэлей серебра, а этот последний может содержать от 90 до 100% чистого металла. Все эти величины подвергаются изменению в кратчайшие сроки. Они, к тому же, произвольно регулируются время от времени местными китайскими властями, всегда готовыми поспекулировать на рынке кэшей. Не трудно представить себе, какая возникает неразбериха при всех этих обстоятельствах. Однако, не заметно, чтобы китайцы были недовольны своей денежной системой. Они готовы тратить любое

[1]) S. R. Wagel, назв. соч., стр. 105.

количество времени, подвергая себя бесконечным хлопотам, чтобы удовлетворить всем тонкостям, необходимым при расчетах и платежах. Если китаец приходит в магазин в один прекрасный день, когда 93 кэшей стоят 100 и из этих 93 кэшей 70% должны состоять из больших кэшей и 30% — из малых кэшей, и он сделает в магазине покупку на 29 кэшей, оба — хозяин магазина и покупатель — охотно потратят час времени или около того, беседуя друг с другом о том, сколько составит 70% от 93% от 29» [1]).

Вследствие усиленного производства медной монеты в 1 и в 2 цента, курс медной монеты в отношении серебряного таэля быстро падал на протяжении последних лет, как видно из следующей таблички, изображающей движение курсов медной монеты в Ханькоу:

Годы	100 копперов равны в серебре		Один доллар обменивается в копперах	
	Высший курс	Нисший курс	Высший курс	Нисший курс
1915	таэлей 0,5190	таэлей 0,4900	144 центов в копперах	137 центов в копперах
1916	„ 0,5180	„ 0,4660	149 „	136 „
1917	„ 0,5500	„ 0,5040	140 „	103 „
1918	„ 0,5200	„ 0,4900	142 „	136 „
1919	„ 0,5160	„ 0,4700	147 „	138 „
1920	„ 0,4950	„ 0,4410	152 „	143 „
1921	„ 0,4690	„ 0,4200	168 „	150 „
1922	„ 0,3900	„ 0,3270	212 „	169 „
1923	„ 0,4360	„ 0,3740	189 „	162 „
1924	„ 0,3335	„ 0,2635	265 „ и 3 кэша	209 „ и 5 кэшей

За последние годы обесценение медной монеты продолжалось быстрым темпом, так что в настоящее время по всему Китаю на серебряный доллар можно получить несколько больше 300 одноцентовых монет, или свыше 150 двухценговых. Впрочем, этот курс чрезвычайно колеблется.

Переходим теперь к обращению серебряных слитков, называемых си-сы. Под этим именем известны в Китае слитки, напоминающие по своей форме сапог и носящие поэтому, по английски, соответствующее наименование «shoes». Ценность этих слитков си-сы выражается обычно в особой денежной единице, именуемой таэлем. Таэль редко появляется в форме монеты и обычно употребляется только, как счетная единица в денежном обращении. Таков, например, известный Хайгуаньский таэль, введенный иностранцами

[1]) Spalding, назв. соч., стр. 390—391.

в середине прошлого столетия для таможен; в Хайгуаньских таэлях ведется вся таможенная статистика. Таков же и Кунпинский таэль, в котором в прежнее время выражались все налоги и казначейские платежи. Он неоднократно служил также в качестве денежной единицы, в которой производилась подписка на капитал некоторых банков с правительственным участием. И Хайгуаньский, и Кунпинский таэль оба являются чисто счетною единицею не получающей никакого материального воплощения в монете или слитке. Они в идее представляют некоторое количество чистого серебра, совсем без лигатуры: первый из них имеет 583,3, а второй — 575,8 грана чистого серебра. Другие таэли обычно циркулируют в форме серебряных слитков. Таэль, в сущности говоря, является унцией серебра. Этим именем одновременно обозначается и единица веса и денежная единица. Однако, даже и в первом своем качестве таэль не имеет вполне определенной величины. Обычно указывается, что весовое содержание таэля равно 588,3 грана. Но по свидетельству Було, «шанхайский весовой таэль, приблизительно, на 2¾% легче, чем кантонский таэль: он весит в точности 564,2 грана» [1]). А так как, на ряду с этим, денежное воплощение таэля различается еще по чистоте пробы, то немудрено, что в пределах Китая циркулирует довольно значительное количество разновидностей этой денежной единицы. Обычно вслед за Морзе повторяется цифра в 170 разных таэлей. Однако, в новейшем исследовании Кана указана уже цифра в «несколько сот таэлей». Обычно обращающиеся в форме слитков, таэли имеют ценность от половины до 100 таэлей (примерно, от 75 коп. до 150 рублей), но в большинстве *своем циркулирующие сапожки имеют ценность в 50 таэлей.*

Переплавка прибывающего из-за границы в Китай серебра обычно доверяется специальным частным фирмам, носящим название «луфан». Каждый серебряный сапожок имеет на себе имя фирмы «луфана», название города, где этот «луфан» производит операции, и номер плавильной печи, из которой сапожок вышел. Однако, выпущенный «луфаном» слиток еще не годен для обращения. Он попадает затем в руки полуофициального учреждения — «кунг-ку-шу», на обязанности которого лежит произвести точную оценку слитка. Это делается всегда на глазомер, при чем проверка подобных оценок показывает, что они производятся с удивительной точностью. Эксперты при этом руководствуются, главным образом, цветом, блеском и общим видом серебра. Когда серебряный сапожок попадает из «луфана» к делегату от «кунг-ку-шу», последний, прежде всего, взвешивает его и пишет на нем вес китайскими чернилами. Затем уже, определив пробу, как упоминалось, на глаз (лишь изредка люди от «кунг-ку-шу» прибе-

[1]) M. Bouteau. Practical guide to Far Eastern Exchanges, Peking—Tientsin, 1923, стр. 89.

гают к помощи особого пробного камня), он затем дописывает китайскими чернилами свою оценку на поверхности сапожка. При этом проба слитка намеренно несколько преувеличивается, что служит для «кунг-ку-шу» источником дохода за его работу.

Казалось бы, что как раз наличность в китайском денежном обращении серебряных таэлей в форме слитков, является убедительным доказательством существования чисто «весового принципа» (а не монетного) в денежной системе. В сознании европейцев и американцев металлические слитки и монеты отделены друг от друга глубокой пропастью. Слиток является товаром, качество которого должно быть испробовано и установлено самим покупателем. Монета, наоборот, представляет собою «хартальные» деньги: созданные государством (или уполномоченными им органами) и покоящиеся на авторитете государственной власти. По представлению европейско-американской науки, слиток, чтобы войти в денежное обращение, непременно должен подвергнуться чеканке. Однако, лучше всего позабыть эти ясные и отчетливо отточенные принципы денежной теории, когда мы рассматриваем условия китайского денежного обращения. После того, как слиток прошел через «луфан» и побывал в «кунг-ку-шу», он становится, по китайскому представлению, не менее надежным средством платежа, чем серебряная монета. В условиях «срединного государства» какой-нибудь монетный двор, занятый фабрикацией полуфальшивых монет, едва ли является учреждением с лучшей репутацией, чем только что упомянутые фирмы, производящие плавку и испытание серебряных слитков. Серебряные таэли так же принимаются по счету, без проверки пробы и веса серебра, как и монета. Сверх того, обозначенное на них количество белого металла, как уже объяснено, не соответствует в точности действительному содержанию серебра, а бывает несколько выше, чтобы обеспечить известный доход «кунг-ку-шу». Серебряные таэли имеют, таким образом, в известном смысле условную ценность. В них то же есть известный элемент ценности, создаваемой государством. Разница между серебряными таэлями и монетами не качественная, а количественная.

В течение очень долгого исторического периода серебряные таэли были излюбленным средством платежа в крупном торговом обороте. Хотя первые серебряные доллары иностранного происхождения появились в Китае еще в конце XVIII столетия, однако, еще в начале XX столетия китайское население, по свидетельству Уэджиля, встречало их далеко недружелюбно. «Чрезвычайно характерно, что почти все виды серебряной монеты, которые были введены в обращение с конца XVIII столетия — испанский доллар, различные виды мексиканских долларов, американский доллар, японская иена, индийская рупия, — все они неизменно попадали в тигель для переплавки

или обращались в си-сы... С тех пор как в 1890 году Кантонский монетный двор начал чеканить доллары, происходила непрерывная глухая борьба между правительством и населением; правительство перечеканивало си-сы в доллары, а население переплавливало доллары обратно в си-сы» [1]). Эта борьба, однако, перешла в новую фазу с появлением в обращении нового серебряного доллара (с портретом Юань Ши-кая), впервые пущенного в обращение в 1914 году. Эта монета получила наименование «юаня» и с тех пор постепенно завоевала себе роль и значение основной денежной единицы Китайской республики. Огромное большинство товарных цен и всяких официальных платежей выражается теперь в юанъях. Юань вытеснил не только мексиканский и другие иностранные доллары, но и пеструю коллекцию долларов китайской чеканки с изображением дракона. После 10 лет существования юаньшикайский доллар проник во все глухие уголки внутреннего Китая и завоевал себе повсеместную популярность. Лишь в 1927 году Нанкинское правительство попыталось создать ему конкурента в лице сунятсеновского доллара, скопированного с сунятсеновского доллара старого образца 1912 года, когда этот доллар был выпущен в небольшом количестве в качестве юбилейного. По имеющимся сведениям, к концу 1917 года всеми монетными дворами в Китае было начеканено 184.946.487 юаньшикайских долларов [2]). Как сообщает Спэлдинг, с 1920 по 1924 год Китай поглотил свыше 322 миллионов стандартных унций серебра, при чем все это серебро почти целиком было использовано для чеканки юаньских долларов [3]). По данным Канна, за последние годы около половины привозимых из-за границы в Китай серебряных слитков шло на производство си-сы и около половины перечеканивалось в монеты [4]). Оценка обращающегося в настоящее время количества серебряных юаней может быть только приблизительной, но, во всяком случае, эта цифра, если включить в нее доллары в банковских резервах, не может быть меньше 300—400 миллионов долларов.

В конкуренции между таэлем и долларом победа все более склоняется на сторону последнего. Таэль владеет лишь одной прочной цитаделью: это — бассейн Янцзы. Конечно, принимая во внимание, что здесь находится Шанхай, можно признать, что таэлю еще очень рано петь отходную. Географическая ограниченность района его распространения вполне искупается финансовой мощностью оборотов этого района. Однако, и здесь в сознании передовых китайцев все больше и больше зреет мысль о необходимости

[1]) Wagel, назв. соч., стр. 315.
[2]) Kann, назв. соч., стр. 162.
[3]) Spalding, назв. соч., стр. 412.
[4]) Kann, назв. соч., стр. 225.

отказаться от этого дуализма денежной единицы, дуализма, который еще более запутывает и без того крайне сложную и хаотическую денежную систему Китая. Как это ни странно, кроме цепкой исторической традиции, серебряный таэль в Китае поддерживает еще иностранное влияние. Хайгуаньский таэль был, как указывает Уэджиль, изобретен и пущен в оборот иностранцами [1]). *Иностранные банки до сих пор оказывают предпочтение таэлю* перед долларом, — может быть потому, что безнадежная путаница китайской денежной системы открывает для них блестящие перспективы валютной спекуляции. Во всяком случае, главнейшее употребление, какое в настоящее время делается из серебряных таэлей, заключается в платеже ими таможенных пошлин; как известно, в Китае таможни находятся, главным образом, в руках англичан. Недавно таможенным управлением выпущена книга о собирании и использовании таможенных пошлин. В этой книге помещена чрезвычайно интересная таблица, показывающая, какими деньгами собираются таможенные пошлины в каждом из китайских портов. Из этой таблицы видно, что в огромном большинстве портов таможенные пошлины уплачиваются либо серебряными долларами, либо долларовыми бумажками. Исключение представляют: Шанхай, где 98% пошлин вносится шанхайскими таэлями, Ханькоу, где соответствующая цифра в ханькоуских таэлях равна 95%, Цзюцзян, имеющий 91% поступлений в туземных «приказах», выписанных в таэлях, Тяньцзинь, где 83% поступает в чеках и банкнотах в таэлевых единицах, и несколько других городов. Любопытны следующие замечания, которыми автор книги сопровождает таблицу. «Наблюдается резкий контраст с тем, что получалось, скажем, 20 лет назад. Сейчас употребление си-сы почти прекратилось, открыв путь, прежде всего, серебряному доллару или аналогичной монете, а затем банкноте. Это может быть принято за свидетельство благоприятной тенденции в сторону унификации денежного обращения». Однако, дальнейшие раз'яснения автора показывают, что, если этой благоприятной тенденции не удается восторжествовать, то в этом как раз повинна, в значительной мере, таможенная администрация. Как об'ясняется в цитируемой книге, согласно мирному договору между Великобританией и Китаем, заключенному в 1858 году в Тяньцзине, таможенные пошлины должны уплачиваться или слитками си-сы или иностранной монетой. На основании этого соглашения таможни считают себя вправе пред'являть к лицам, уплачивающим таможенные пошлины в серебряных долларах, особые требования. Чтобы пользоваться привилегией приема по счету, а не по весу, серебряная монета должна принадлежать к категории так называемых «чистых долларов», каждый из которых весит 72 кандарина кунинского таэля

[1]) Wagel, назв. соч., стр. 323;

и содержит 90% чистого серебра. Курс подобных долларов устанавливался на уровне 156.65 за 100 хайгуаньских таэлей, тогда как для долларов, не подходящих под этот стандарт, или для серебряного лома, или для монет, испорченных разными знаками на них, курс должен был быть соответственно ниже. Так как, однако, этот курс включает также стоимость переплавки серебра для отправки его за границу, тогда как обычно таможни имеют возможность реализовать монету на месте, то впоследствии таможни нашли возможным сделать некоторую скидку. Отсюда появление более льготного курса в 155.63 доллара за 100 хайгуаньских [1]). Таким образом, таможни создают искусственный спрос на таэли для уплаты пошлин, так как производить платеж серебряными долларами невыгодно для плательщиков таможенных сборов вследствие того, что таможня требует платежа из расчета, который не соответствует пробе и обычным свойствам фактически обращающегося доллара.

Тем не менее, как уже сказано, доллар постепенно отбивает у таэля одну позицию за другой. Чтобы убедиться в этом, интересно познакомиться с соотношением количества таэлей и долларов в видимых серебряных запасах Шанхая. Динамика этих запасов будет для нас поучительной еще и в том отношении, что она наглядно демонстрирует процесс постепенной концентрации серебряных фондов Китая в Шанхае. Мировая война, вызвавшая колоссальный спрос на белый металл, была причиною опустошения банковских касс Шанхая, но затем серебряные запасы Шанхайских банков начали расти с особой быстротой и давно превзошли довоенные нормы. На 31 декабря 1914 года наличность серебра Шанхайских банков определялась в 61.405.000 таэлей в форме си-сы, 21.295.000 долларов в виде монеты и 458 — в виде слитков, что в общей сложности составляло около 77—78 миллионов таэлей. В то время отмечалось, что эти запасы серебра чрезмерны для страны. Таможенный отчет 1914 года писал по этому поводу: «Запасы серебра в местных банках так велики, что банки не знают, что с ними делать». Затем начался отлив серебра за границу. К концу 1915 года Шанхайские банки имели только 39.439.000 таэлей и 17.500.000 долларов, а к концу 1916 года эти запасы снизились до 22.889.000 таэлей и 14.550.000 долларов, что составляет вместе не более 33—34 миллионов таэлей. Однако, вслед за тем вновь возобладала обратная тенденция, получившая особенно отчетливое выражение после мировой войны. В начале 1924 года общая сумма наличного запаса серебра в Шанхайских банках опять превысила 50 миллионов таэлей. В первые месяцы 1925 года эта сумма достигла 100 миллионов таэлей, а к 22 июня 1927 года составляла 75.564.000 таэлей

[1]) S. F. Wright. The collection and disposal of the Maritime and Native Customs Revenue since the Revolution of 1911, Shanghai, 1927, стр. 8—21.

и 80.010.000 долларов, а всего 133.171.000 таэлей, или около 200 миллионов долларов [1]). Таким образом, за последние 10 лет серебряные запасы Шанхая увеличились почти в 6 раз. Вместе с тем, в то время как в 1914 году таэлевым слиткам принадлежало около $^4/_5$ всего серебряного запаса, в настоящее время общая ценность таэлевых серебряных слитков в банковских резервах лишь не на много превышает ценность серебряной долларовой монеты. При этом, повидимому, именно иностранные банки продолжают оказывать предпочтение слиткам перед монетою, как можно усмотреть из следующего сопоставления состава серебряных запасов у китайских и иностранных банков в Ханькоу, по данным Китайского Экономического Бюллетеня [2]):

	Серебро в таэлевых единицах	Серебро в долларовых единицах
Китайские банки	4.100.000	9.500.000
Иностранные банки	4.267.000	3.510.000

Таким образом, тогда как запасы серебряных слитков у иностранных и китайских банков почти одинаковы, в руках китайских банков более, чем в 2½ раза, больше серебряной монеты, чем у иностранных банков.

Добавим теперь к изложенному выше о билонной монете несколько слов. Как уже упоминалось, она чеканится достоинством в 50, 20 и 10 центов. Вследствие необыкновенной пестроты серебряного содержания ее на всем протяжении Китая, курс этой монеты в отношении серебряного доллара всюду неодинаков. К этому присоединяется то обстоятельство, что в некоторых районах на мелкую разменную монету существует особенно интенсивный спрос, вследствие отсутствия в обращении стандартного доллара; мы имеем в виду, главным образом, Кантон. Здесь, несмотря на чрезвычайную испорченность билонной монеты, она обладает сравнительно очень высоким курсом, доходившим иногда до 118—120 долларов мелкой монеты за 100 стандартных долларов. Одновременно с этим, в Ханькоу монета с более высоким содержанием серебра, расценивалась подчас в 180 за 100.

Нормальное соотношение курса между таэлем и долларом составляет— 71 таэль за 100 долларов. Но временами эта пропорция доходит до 0,75. Тогда обычно монетные дворы усердно принимаются за чеканку монеты, и курс ползет вниз. Так, в Шанхае низший курс был в октябре 1926 года— 71.925, в ноябре — 72.162, в декабре — 73.00. В середине декабря 1926 года он поднялся уже до 74.55 [3]). В Ханькоу максимум достиг 75 в феврале 1927 года. Затем, курс быстро вернулся к нормальному уровню

[1]) „Far Eastern Capital and Trade", July 1-st, 1927;
[2]) „The Chinese Economis Bulletin," June 5, 1926;
[3]) „Far Eastern Capital and Trade", December 31, 1926.

после того, как распространились слухи о том, что национальное правительство предполагает возобновить работу Ханькоуского монетного двора. Эти колебания курсов таэля в долларах обычно вызываются сезонными причинами, как, например, необходимостью выплачивать большие суммы в долларах за сырой шелк или другие сельско-хозяйственные продукты. Большой спрос на доллары часто возникает и для выплаты жалования войскам. Что касается резкого под'ема курса доллара в Ханькоу в начале 1927 года, то он об'ясняется, повидимому, отливом серебряной монеты в Шанхай, тогда как запасы слитков, спрятанных у населения в качестве сокровищ, все еще были достаточно велики.

Интересно было бы сопоставить цифровые выражения долей серебряных слитков, долларовой и разменной монеты в китайском денежном обращении. Задача эта, однако, совершенно невыполнима. Можно лишь гадательно определить общую массу серебра в Китае, примерно, в миллиард долларов. Как мы видели, серебряные запасы Шанхайских банков (долларов и си-сы вместе) составляют около 200 миллионов. Обращение долларовой монеты за исключением находящейся в банках во всей стране не может быть меньше 200—250 миллионов долларов. Доля билонной монеты должна быть очень скромной и едва-ли превышает 50—100 миллионов. Наконец, скрытые запасы серебряных слитков у китайского населения, по подсчетам некоторых экспертов, достигают, по меньшей мере, 300—500 миллионов. С этими данными вполне согласуются приводимые в книге Ремера сведения о ввозе серебра в Китай. За период с 1871 до 1913 года этот ввоз достиг внушительной цифры в 300 миллионов хайгуаньских таэлей. Но в китайской истории полвека это лишь короткий эпизод. Серебряная торговля в Китае началась задолго до середины XIX века. Поэтому нет ничего невозможного в том, что Китай в настоящее время обладает миллиардным серебряным фондом.

Чтобы покончить с серебряным обращением Китая, упомянем еще, что в 1914 году, т.-е. на 3 году существования Республики, была сделана попытка урегулировать вопрос о чеканке монеты путем издания специального монетного устава. В дальнейшем мы воспроизводим основные положения этого устава. Согласно его первой статье, правительству принадлежит исключительное право чеканки и выпуска государственной монеты. Вторая статья провозглашает основной единицей денежного обращения монету, именуемую долларом (юань), причем той же статьей точно определено содержание чистого серебра в монете в единицах купинского веса. Устав твердо фиксирует серебряное содержание всех вообще видов допускаемых к обращению монет. Так, например, серебряная монета в 1 доллар должна иметь 90% чистого серебра, серебряная монета в 50, 20 и 10 центов — 70 процентов чистого серебра, никкелевая монета в 5 центов должна со-

держать 25% никеля и 75% меди, медные монеты в 2,1 цент и в 0,5, 0,2 и 0,1 цента должны содержать 95% меди, 4% олова и 1% свинца. Относительно обязательности приема монеты при платежах между частными лицами, устав предусматривает отсутствие всяких ограничений для серебряной монеты долларового достоинства, обязательный для приема максимум в 20 долларов для монеты 50-центового достоинства и максимум в 5 долларов — для монеты 20—и 10-ти центового достоинства. Для никелевых монет и для меди устанавливается предел в 1 доллар. Наиболее существенной статьей устава было постановление, согласно которому «правительство обязано принимать слитки серебра для чеканки из них серебряной монеты долларового достоинства, взыскивая при этом с каждого доллара по 6 ли кунпинского веса на покрытие расходов чеканки».

Если бы изложенный монетный устав был проведен в жизнь, китайская монетная система стояла бы вполне на уровне западно-европейских требований; в частности, в Китае установился бы принцип свободной чеканки серебряной монеты, которая обеспечивает автоматическое регулирование ценности денежной единицы. Вместе с тем, серебряный доллар стал-бы основою денежного обращения Китая, а разменные серебряная и медная монеты принимались бы по номиналу, а не по реальному металлическому весу. Однако, постановления устава так-таки и не были проведены в жизнь, и осуществление его принципов является одной из важнейших задач, стоящих перед китайским правительством, которое не на словах, а на деле будет проводить принцип унификации денежного обращения страны.

Переходим теперь к бумажным деньгам. Нам придется установить большое число разновидностей и этого типа средств обращения. Начнем с правительственных неразменных бумажных денег. В настоящее время их имеется в обороте достаточно большое количество. Обычно происхождение их таково: губернатор той или другой провинции создает свой банк, который сначала соблюдает принципы осторожности и умеренности в деле эмиссии, но постепенно попадает на скользкую дорожку выпусков без всякого удержу. Часто денежные знаки этого типа, вырвав у населения, при обмене на них, соответствующее количество реальных ценностей, которые пошли в казну генерала, затем бесследно исчезают из обращения. В каждой провинции имеются такие исторические напластования казначейских знаков, потерявших всякую ценность. Не вдаваясь в историю, мы попытаемся здесь дать картину современного обращения бумажных денег. Нам поможет в этом Китайский Экономический Бюллетень, напечатавший недавно сводку, касающуюся неразменных бумажных денег в Китае, — правда, далеко неполную. Наиболее известным видом бумажных денег является фын-пяо, выпускаемый Банком Трех Восточных Провинций. К концу апреля 1914 года вся сумма

обращения этих денежных знаков составила 8.700.000, при чем одни знаки выпускались в таэлях, другие в долларах, третьи в мелкой монете, четвертые в копперах. Даже в 1917 году обращение бумажных денег едва превосходило 10 миллионов долларов, но уже тогда бумажные знаки, выраженные в эквивалентах мелкой монеты, обнаруживали тенденцию к быстрому обесценению. Только вслед за тем, «для спасения положения», банк произвел выпуск бумажных денег в стандартных долларах, которые, собственно говоря, и являются современными фын-пяо. По сведениям Японской Торговой Палаты в Мукдене, обращение этих бумажных денег достигло в ноябре 1925 года колоссальной суммы в 511.725.000 долларов. Они, конечно, давно стали неразменными, а курс их настолько упал, что в середине 1927 года они расценивались в 11 долларов серебром за 100 бумажных.

Другой вид бумажных денег был выпущен в марте 1926 года в провинции Чжили провинциальными властями для финансирования военных операций. Обращение этих бумажных денег скоро достигло 2—3 миллионов. Знаки обесценились до 20—30% номинала. Под влиянием сильного протеста со стороны купечества, Чжилийские власти выпустили в 1926 году заем для выкупа этих бумажек. Выкупленная их часть была уничтожена, и в обращении их осталось сравнительно небольшое количество.

Военные бумажные знаки в провинции Шаньдун были выпущены Шаньдунским провинциальным банком для финансирования военной кампании генерала Чжан-Цзун-чана в долине Ян-цзы. Военных бумажных знаков всего было эмитировано около 7½ миллионов, причем с самого начала они были неразменными. Несмотря на неоднократные заявления о предстоящей их консолидации в заем, Чжан Цзун-чан продолжает выпускать их огромными суммами.

Большие злоупотребления по части эмиссии имели место и в Хэнани. Здесь было 2 учреждения, производящих эмиссию казначейского типа: Официальное Валютное Бюро и Хэнанский провинциальный банк. Бюро выпустило 13—14 миллионов долларов бумажек и около 21—22 миллионов коппероных банкнот [1]), что соответствует, примерно, сумме в 7 миллионов. Провинциальный банк ввел в обращение бумажек на 5 миллионов. Неизбежным следствием этого было резкое понижение курса этих знаков. Новые выпуски шли параллельно с из'ятиями и с сожжением ранее выпущенных бумажек. Одна хенанская банкнота обменивается на 80 медных центов, тогда как серебряный доллар стоит 570 таких центов.

[1]) Бумажные деньги выпускаются в Китае либо в серебряной (долларовой или таэлевой) либо в медной валюте. Пока они разменны, их курс зависит от рыночной котировки соответствующих металлических знаков.

О Хубейском провинциальном банке будет сказано подробно ниже. Им всего было выпущено на 90 миллионов медных (долларовых) связок, но реальная ценность этих бумажек при приходе национального правительства не превышала 7½ миллионов долларов [1]).

Однако, коллекция казначейских знаков, приведенная Китайским Экономическим Бюллетенем, далеко неполна. Не претендуя на исчерпывающую полноту, мы прибавим к ней несколько новых разновидностей. Может быть, самая интересная страница в истории китайского бумажного обращения это — так наз. доллар «дайфук», выпускаемый банками в провинции Фуцзянь. «Дайфук» является абстрактной денежной единицей, равной тысяче «стандартных» кэшей. Эти стандартные кэши не имеют ничего общего с реальным их воплощением в действительной жизни, которое, как известно, подвергалось за последние годы резкому обесценению, и выражают ценность кэшевой монеты, как она существовала полвека тому назад. Так как серебряный доллар представляет приблизительно ту же самую ценность, что и тысяча этих идеальных кэшей, доллар «дайфук» и серебряный доллар являются почти эквивалентами. Так, в середине октября 1926 года обыкновенный серебряный доллар обменивался на 1 доллар «дайфук» и 57 кэшей, а гонконтский доллар — на 1 «дайфук» и 120 кэшей. «Дайфук» считается за 0,7 таэля, потому что во времена действительного обращения стандартных кэшей таэль был равен 1.428 кэшам. Хотя туземные банки в провинции Фуцзян все еще применяют таэль, как основную счетную единицу в своей бухгалтерии, и перечисляют «дайфуки» в таэли прежде, чем внести любую сумму в свои книги, слитки си-сы давно уже исчезли с местного рынка. Бумажные деньги, выпускаемые в долларах «дайфук», бывают различных достоинств, начиная с 1 и до 200 долларов. Эта эмиссия производится 46 туземными банками в Фучжоу. Эти бумажные знаки очень плохо напечатаны, и подделка их чрезвычайно легка. «Приезжий, впервые появившийся в Фуцзяни, едва ли будет способен допустить, что эта бумажка является денежным знаком. Передают, что во время оккупации Фучжоу кантонскими войсками в 1922 году большие массы бумажных знаков в «дайфуках» были сожжены по недоразумению оккупантами. Им не приходило в голову, что эти клочки бумаги имеют какую-нибудь ценность» [2]). Дайфукские доллары выпускаются не только туземными банками, но и фуцзянским отделением Американского Восточного Банка. Последние имеют совершенно новую форму и выглядят на подобие обыкновенных банкнот. «Дайфуки» циркулируют только на фучжоуском рынке. Общая ценность всей их эмиссии составляет 10 миллионов дол-

[1]) „The Chinese Economic Bulletin", June 4, 1927, „Inconvertible notes in China".

[2]) „Chinese Economic Journal", February 1927 „The Dai Fook Dollar of Foochou".

ларов, вместе с некоторыми видами переводов в «дайфуках», выпущенных в небольшом количестве туземными банками под именем «шан-пяо».

Дальнейшим примером чисто казначейской эмиссии могут служить бумажные знаки, выпускаемые Футяньским банком в провинции Юньнань. Конференция по реорганизации финансовой системы, собравшаяся в городе Юньнань-фу в апреле 1926 года, опубликовала следующее сопоставление правительственных долгов этой провинции с обращением бумажных знаков названного банка (в юньнаньских долларах):

	Долг провинциального правительства Юньнани Футяньскому банку.	Выпуск бумажных знаков Футяньским банком.
1912 г. . . .	не было	600.000
1913 „ . . .	не было	3.100.000
1914 „ . . .	не было	4.110.000
1915 „ . . .	690.000	4.030.000
1916 „ . . .	1.140.000	4.000.000
1917 „ . . .	1.360.000	4.340.000
1918 „ . . .	1.670.000	4.410.000
1919 „ . . .	1.760.000	4.050.000
1920 „ . . .	2.120.000	6.230.000
1921 „ . . .	3.090.000	8.860.000
1922 „ . . .	8.570.000	14.820.000
1923 „ . . .	12.190.000	21.920.000
1924 „ . . .	19.270.000	25.690.000
1925 „ . . .	28.900.000	37.500.000

Но обесценение юньнаньского доллара за тот-же период происходило с быстротой, соответствовавшей темпу нарастания денежного обращения. Так, в июле 1925 г. курс юньнаньского доллара в отношении гонконгского был 204, а в июне 1926 г. — 337. Таким образом, вся циркуляция бумажных знаков Футяньского банка может быть оценена в полноценных долларах в 10—12 миллионов [1]).

Однако, приведенными разновидностями казначейских билетов все еще не исчерпывается вся их масса, обращающаяся на территории Китайской Республики. Ниже, в главе о финансах национального правительства, нам придется подробно познакомиться с эмиссионной деятельностью министерства финансов этого правительства, и тогда мы увидим, как многообразны были бумажные формы, в которые воплощалось эмиссионное творчество национальной революции. Фактически на территории провинций Гуанси, Хунань, Хубэй, Цзянзи и Хэнань совсем не осталось разменных бумажных знаков, выпускаемых китайскими банками. Возможно, что район перехода к чисто бумажно-денежному хозяйству еще значительно шире;

[1]) „The Chinese Economic Bulletin", September 11, 1926.

у нас просто нет сведений о том, сохранилась ли *разменная банкнота* где-нибудь в Сычуани, Гуйчжоу или Шэньси. Отметим еще, что финансирование последнего похода Фын Юй-сяна также происходило за счет казначейской эмиссии. Видевшие фыновские бумажки рассказывают, что они технически совсем плохо выполнены, заслуживая разве только служить наклейками для пивных бутылок.

Из изложенного видно, что чисто казначейская эмиссия в Китае достигает, по своей реальной ценности, не меньше, чем 100 миллионов долларов. Состав ее весьма пестр, но отрицать тенденцию к дальнейшему ее росту никак не приходится.

Переходим к банкнотам. Прежде всего придется сказать несколько слов об ее *экономической* природе в Китае. Европейская теория и практика приучили нас к мысли, что банкнота является наиболее эластичной частью денежного обращения, тесно связанною с потребностью оборота в кредите. Правда, *события последних десятилетий сильно пошатнули это* представление. Прежде всего, необыкновенно быстрое торжество чека над банкнотою в качестве средства обращения, *особенно в странах англо-саксонской* культуры, заставило банкноту потерять прежнюю эластичную связь с коммерческим оборотом и в значительной мере превратиться в сертификат на лежащий в эмиссионном банке металл. С другой стороны, мировая война принудила эмиссионные банки принять участие в финансировании боевых операций и в снабжении воюющих правительств деньгами, так что в некоторых *странах* банкнота приобрела явственный привкус бумажных денег. Но, в общем и целом, банкнота все еще остается векселем эмиссионного банка, попадающим в оборот и выходящим из него в соответствии с колебаниями рыночной кон'юнктуры.

Совсем иное положение занимает банкнота в Китае. Здесь нужно отчетливо различать три вида банкнот, в зависимости от того, выпускаются ли эти кредитные билеты казенными банками, иностранными банками, *или так* называемыми «современными» [1]) банками. Что касается бумажно-денежных знаков *казенных банков*, то их *бумажно-денежная природа не подлежит ни*какому сомнению. Пусть эти банки создавались с самыми добрыми намерениями. Пусть их организация копировалась с лучших иностранных образцов. Пусть выпускаемые ими кредитные билеты напечатаны в Америке и по внешнему виду не отличаются от банкнот, выпускаемых двумя другими категориями кредитных учреждений. По существу, однако, эта эмиссия в настоящее время почти полностью используется для финансирования генеральских походов. История этих банков есть история непрерывной деградации их банк-

[1]) О „современных" банках см. в главе V.

ноты. Еще несколько лет тому назад они могли похвастаться довольно хорошим покрытием своих кредитных билетов. Даже и сейчас такие банки, как например Шанхайское Отделение Китайского Банка, пользуются довольно прочной репутацией, и банкноты, выпускаемые ими, принимаются наравне с иностранными банкнотами. Но, в общем и целом, крах этих банков лишь вопрос времени. Они начали свою работу с очень большими серебряными резервами. Затем, в их активах с подозрительной быстротой стала расти статья казначейских векселей, воплощавшая генеральские займы. Металлическое покрытие падало, и в некоторых местах выпущенная ими банкнота фактически превратилась в неразменную бумажку, ничем не отличающуюся от всей массы обращающихся казначейских знаков. Степень обесценения таких неразменных банкнот варьирует на протяжении китайской территории весьма значительно, но все же нам не приходилось слышать, чтобы они падали ниже 50%.

Принципиально китайские банкноты являются разменными, и закон 1915 года о выпуске банковых билетов требовал для обеспечения размена, по крайней мере, 50%-ного металлического покрытия. В некоторых случаях, как нам доподлинно известно, покрытие падало значительно ниже этой законной нормы. Однако, китайское население относится с удивительной доверчивостью к банкноте ,несмотря на множество пережитых разочарований в этой области, и массовые набеги держателей банкнот на банки для размена происходят обычно только в моменты острых политических кризисов. Поэтому сплошь и рядом видимость размена сохраняется даже в условиях *быстро прогрессирующей инфляции*. В европейских условиях такая инфляция неминуемо вызвала бы прекращение размена и быстрое обесценение ставшей неразменною банкноты, выражающееся в под'еме товарных цен. Как ни странно, в Китае инфляция и под'ем цен сочетаются в большинстве случаев с сохранением размена. Этим об'ясняется и то обстоятельство, что в последние годы китайский денежный оборот требует все большего и большего количества серебра: бумажная масса растет с чрезвычайной быстротою, и, при сохранении размена, банкам приходится увеличивать свои серебряные *запасы, если не в соответствии* с увеличением банкнотной массы, что является для них невозможным, то хотя бы в более скромной степени. Отсюда большая поглотительная способность в отношении серебра китайского денежного рынка.

Ясно при этом, что сам по себе рост цен, вызываемый инфляцией, является каждый раз новым стимулом к увеличению денежной массы. Если мы грубо оценим денежное обращение Китая в полтора миллиарда долларов и допустим, что в течение какого-нибудь из последних лет произошел *прирост цен на* 10%, то естественно ожидать, что обороту потребуется до-

бавочная денежная масса в 150 миллионов долларов. Как сказано, эта потребность удовлетворяется преимущественно выпусками бумажных денег, требуя, вместе с тем, и некоторого добавочного насыщения оборота серебром.

Вопрос о банкнотах, эмитируемых «современными» банками, потребует немногих добавочных раз'яснений. Почти все эти банки имеют право самостоятельной эмиссии. Число их составляет около 25—30. Они довольно тесно *связаны с торговым оборотом и сравнительно стойко сопротивляются стремлениям* генералов использовать их эмиссию для своих финансовых задач. Поэтому, выпускаемые ими банкноты являются сравнительно здоровыми деньгами, а крахи подобных банков хотя и происходят время от времени, но все же сравнительно редко.

Однако, подлинной реальной связи с оборотом не имеет и этот сектор обращения банковых билетов. Активные операции «современных» банков по кредитованию промышленности и торговли отступают на задний план перед их комиссионной и спекулятивной работой. Их банкнота опирается на довольно значительные серебряные и валютные резервы.

Наконец, эмиссия иностранных банков представляет собою своеобразное явление, существующее, помимо Китая, только еще в колониальных и полуколониальных странах. Опираясь на свою экстерриториальность, иностранные банки руководятся в своей эмиссионной деятельности уставами, утвержденными для них соответствующими иностранными правительствами. Китайские власти бессильны что-либо изменить в этих уставах или как-либо контролировать деятельность этих банков. Правила, регулирующие право *эмиссии иностранных банков и определяющие обязательные для них металлические* резервы, весьма различны. Так, например, Гонконг—Шанхайская банковская корпорация руководится эмиссионным законом, составленным по типу Английского банка. Эта корпорация имеет право выпускать банкноты и другие обязательства, выплачиваемые по первому требованию, на общую сумму до 20 миллионов долларов не покрытыми. Остальная часть обращения должна иметь 100%-ный резерв. Другой пример: Комерческий Банк Индии не может увеличить своего обращения сверх суммы выплаченного капитала этой компании. Американские банки имеют различные уставы, особенности которых являются результатом неодинаковой строгости, которую отдельные штаты заатлантической республики проявляют в эмиссионном деле. Наибольший эмиссионный либерализм допускается французскими уставами. Неудивительно поэтому, что одним из немногих, если не единственным *иностранным банком, прекратившим платежи из числа кредитных* учреждений, обладавших правом эмиссии, был французский Banque Industrielle de Chine. Были случаи попыток со стороны смешанных китайско-иностранных банков производить эмиссию и на китайской территории, где они не

ограждены экстратерриториальными привилегиями от надзора и контроля со стороны китайских властей; однако, здесь их эмиссионная деятельность неизменно наталкивалась на упорное сопротивление. Подобный случай был, например, в Чанше с Азиатской Банковской Корпорацией. Местные власти Хунани, в лице провинциального собрания, единодушно признали, что «выпуск банкнот этим банком представлял бы нарушение монопольного права выпуска национальных бумажных денег и привел бы к нарушению нормальной деятельности денежного обращения этой провинции» [1]).

Благодаря чрезвычайно обильному притоку вкладов, иностранные банки всегда имеют раздутую серебряную кассу, так что в большинстве случаев их банкноты представляют не что иное, как серебряные сертификаты.

Таким образом, те тенденции, которые в европейском денежном обращении считаются признаками «вырождения» банкноты (разрыв с коммерческим оборотом и превращение либо в сертификаты на некоторое количество металла, либо в чистый бумажно-денежный знак, выпускаемый для потребностей казначейства) в Китае имеют явно господствующее значение. Билеты казначейских банков являются в подавляющей своей части теми же бумажными деньгами, билеты иностранных банков служат металлическими сертификатами. Промежуточное положение занимают банкноты «современных» банков.

Попытаемся теперь характеризовать банкнотное обращение Китая конкретными цифрами. Начнем с трех казенных банков: Китайского Банка, Банка Путей Сообщения и Центрального Банка Китая. Последний виденный нами баланс Китайского банка относится к концу 1924 года. Тогда цифра банкнотного обращения составляла у Китайского Банка 80 миллионов долларов. Рост был особенно быстрым в течение первых пяти лет Республики, когда банкнотная эмиссия возросла с 1.061.636 до 72.984.307. Затем последовало некоторое снижение, и банк опять вернулся к цифрам 6-го года Республики только в 1911 году. Однако, политические события последнего времени были стимулом к быстрому росту обращения этого банка. В октябре 1925 года, согласно данным проф. Ма, главы эмиссионного департамента Китайского банка, *лично нам сообщенным, денежное обращение Банка* достигло 110 миллионов. Один из видных работников этого банка передавал нам, что около 50—60% его эмиссии приходится на Шанхай. Ханькоускому отделению Китайского банка пришлось в последние месяцы, под давлением Уханьского правительства, очень значительно расширить свою эмиссию. Нажим Цзян Кай-ши на Шанхайское Отделение тоже был очень велик. Им было получено от Китайского Банка по одним сведениям 6 миллионов.

[1]) „Far Eastern Capital and Trade", August 20, 1926. „Right of Foreign Banks to issue Notes".

по другим—10 миллионов долл. В итоге можно считать, что эмиссия Китайского Банка к настоящему времени достигла 125—150 миллионов долларов.

Очень быструю динамику обнаруживают также цифры банкнотного обращения Банка Путей Сообщения. В 1-м году Республики банкнотное обращение этого Банка не доходило до миллиона, в 3-м году поднялось примерно до 6 миллионов, в 4-м сразу подскочило до 25 миллионов. Затем этот рост приостановился. Однако, в 9-м году было в обращении банкнот этого банка почти на 40 миллионов. Баланс на 31-е декабря 1924 года показывает цифру в 41.613.418 долларов. В настоящее время эмиссию этого банка можно приравнять, по крайней мере, к 50 миллионам.

Центральный Банк Китая начал свою эмиссионную деятельность только к концу 1924 года. В настоящее время он является финансовой твердыней национального правительства. В Гуандунской провинции его банкнотное обращение достигло к началу 1927 года 20 миллионов долларов. Кроме того, организованное в Ханькоу Отделение банка выпустило банкнот на 15 миллионов долларов. Эти последние банкноты резко обесценились, и в настоящее время курс их едва ли превышает 50% номинала. Таким образом, общую эмиссию Центрального Банка можно определить в 25—30 миллионов, а эмиссию всех трех казенных банков, взятых вместе, в 200 миллионов долларов.

Многочисленные «современные» банки, производящие эмиссию, пользуются ею, как уже сказано, отчасти для коммерческих целей, отчасти для снабжения генералов деньгами. Обычно банкноты каждого из таких банков имеются в обращении в количестве от 1 до 3 миллионов долларов. Так, например, одно из наиболее крепких кредитных учреждений этой категории — Чжэцзянский Промышленный Банк — развивало свою эмиссию на протяжении последних лет следующим образом [1]):

1921 . . .	1.702.426	долларов
1922 . . .	2.001.145	„
1923 . . .	2.000.000	„
1924 . . .	2.300.000	„

Если принять число банков этого типа в 25—30, а среднюю циркуляцию кредитных билетов у каждого из них в 2—2½ миллиона, мы получим итог в 60—75 миллионов долларов.

Переходя к вопросу об эмиссии иностранных банков, начнем с Гонконг-Шанхайской Корпорации. Общая сумма банкнот, выпускаемых в обращение этим учреждением, колеблется, на протяжении последних лет, между 40 и

[1]) „Far Eastern Capital and Trade", August 21, 1925 „Recent Progress of Chinese Banks".

50 миллионами [1]). Принимая во внимание, что очень значительная часть этих кредитных билетов обращается в Гонконге, т.-е. вне пределов Китая, и что антибританское движение в Китае вызвало чувствительное снижение количества этих банкнот, используемых в качестве орудия платежа в Гуандунской провинции, можно считать, что обращение этих банкнот в Китае ограничивается 20—25 миллионами. Принадлежащий англичанам Банк для Индии, Австралии и Китая имел к концу 1924 года в обращении банкнот на сумму 1.732.521 фунтов стерлингов; однако, лишь незначительная часть этих банкнот имела хождение в Китае. Международная Американская Банковская Корпорация, недавно влившаяся в один из крупнейших американских банков—Нью-Йорк Сити Бенк — увеличила свою эмиссию с 2.148.707 американских долларов в середине 1920 г. до 4.371.351 к концу 1924 года. Если к этому прибавить циркуляцию Восточной Банковской Корпорации также принадлежащей американцам, то общий итог достигнет в китайских долларах 11—13 *миллионов* [2]). *Затем одно из центральных мест среди иностранных банков, производящих эмиссию в Китае, занимает принадлежащий японцам Корейский банк. Эмиссия этого банка распространяется, главным образом, на Маньчжурию. Согласно данным проф. А. И. Погребецкого* в «Вестнике Маньчжурии», вся сумма банкнот выпущенных этим банком, достигала 133 миллионов иен. Из этой суммы 50% были поглощены *самой Кореей*, 30% — *Южной Маньчжурией*, 7—10% *Северной Маньчжурией*, а 10% рассосались по другим местам [3]). Таким образом, на долю Китая пришлось 40—50% или 60—65 миллионов иен. В китайских долларах эта цифра изменится лишь в незначительной степени. Далее, очень незначительное обращение в Китае имеют банкноты Иокогама-Спеши-Бенк. Общая эмиссия этого банка составляла в 1924 году около 3 миллионов иен.

Прибавив ко всем приведенным цифрам несколько миллионов на смешанные китайско-иностранные банки, мы увидим, что вся циркуляция иностранных банкнот в Китае достигает 110—115 миллионов долларов. Эти средства платежа имеют хождение, главным образом, в Северном и Южном Китае. Обращение в долине Янцзы почти свободно от примеси этих иностранных элементов.

За последние годы замечалось стремление со стороны иностранных банков сокращать свою банкнотную эмиссию в Китае. Делалось это, повидимому, по тем простым соображениям, что иностранные банки были и без того завалены китайскими и иностранными вкладами, имели огромные

---

[1]) Там-же, „Use of the Hongkong currency restricted".

[2]) „Far Eastern Capital and Trade", September 18, 1925, „American Banks in China".

[3]) „Вестник Маньчжурии", № 5—7 за 1925 г., Харбин, стр. 100.

серебряные резервы и поэтому совсем не нуждались в эмиссии, как источнике подкрепления их обширных активных операций. Лишь в самое последнее время замечается новое оживление эмиссионной деятельности иностранных банков, под влиянием усиленного спроса на иностранную банкноту, вызванного обесценением сделавшихся неразменными китайских банкнот. Эту картину можно было наблюдать с особенной ясностью в Ханькоу летом 1927 года. После об'явления в Ханькоу моратория население стало жадно искать твердой валюты и, в первую голову, обратилось к банкнотам Международной банковской Корпорации (ныне Нью-Йорк Сити Банк). Раньше этих банкнот почти не видно было в обращении. Теперь они были вытащены из под спуда и сделались предметом усиленной спекуляции. Причины этого явления слишком ясны для того, чтобы стоило особо на них останавливаться. Массы населения ищут устойчивой валюты и поэтому, естественно, предпочитают иностранную банкноту, разменную на металл, китайскому неразменному знаку. Здесь, однако, возникает грозная опасность для китайского банкнотного обращения. Поскольку, под влиянием беспрестанных требований о ссудах со стороны милитаристов, банки вынуждены производить инфляцию и допускать обесценение своих банкнот, они сами роют себе могилу, создавая победоносного конкурента в лице иностранной банкноты. Если начавшийся в Китае процесс разрушения бумажно-денежной системы приведет к полному подрыву доверия населения к китайскому знаку, неизбежно расслоение всей циркуляции на две части: одна, здоровая, будет представлена иностранными банкнотами, разменными на серебро, а другая, *находящаяся в состоянии прогрессивного ухудшения*, будет состоять из беспрерывно обесценивающихся бумажек. Нетрудно предсказать, каков будет результат такого параллелизма двух валют в Китае. Иностранный бумажный *доллар сохранит полностью свою ценность и поэтому легко сможет приобрести* в стране привилегированное положение, тогда как реальная ценность всей китайской бумажно-денежной массы будет таять, несмотря на *номинальное ее возрастание*.

На основании приведенных данных нетрудно подсчитать общую бумажно-денежную массу Китая: ее составляют казначейские знаки на сумму 100 миллионов долларов, банкноты казенных банков на 200 миллионов, банкноты «современных» китайских банков на 60—75 миллионов и банкноты иностранных банков на 110—115 милл. долларов, а всего 470—500 миллионов долларов. К этой цифре следует еще прибавить так наз. «туземные приказы», о которых будет сказано в главе о банках. Они являются до известной степени суррогатами банкноты; о цифрах, касающихся обращения их, у нас, однако, нет никаких сведений. Во всяком случае они обращаются по меньшей мере на сумму сотни-другой миллионов долларов.

Сравним с полученным нами итогом подсчеты общей цифры бумажного обращения в Китае, делавшиеся в прежние годы. Насколько отличаются результаты исследований отдельных авторов, видно из следующих примеров, приводимых американским автором Холлом в его книге о китайских банках. В 1912 году, министерство финансов определяло общее обращение приблизительно в 370 миллионов таэлей. Другое официальное сообщение относящееся к 1913 году, фиксировало размер бумажного обращения в 209 миллионов долларов. В следующем году цифра выпуска уже оценивалась всего в 162 миллиона, по одним источникам, и в 145 миллионов, по другим. Наконец, к тому-же периоду времени относится утверждение, что общая сумма обращения в Китае монет, слитков и бумажных денег должна быть расценена в 1050 миллионов долларов, из каковой суммы на долю банкнот приходится 300 миллионов. В 1915 году министр финансов пришел к новой цифре в 162 миллиона номинальных, или, принимая во внимание степень обеспечения бумажных денег в это время, — 113 миллионов долларов в серебре [1]).

Последняя оценка встречала доверие за последнее время у различных исследователей китайского денежного обращения, и во всех сочинениях, относящихся к последним годам, повторяется эта сумма в 162 миллиона долларов. Между тем, как раз период, непосредственно следовавший за китайской революцией 1911 года, характеризуется почти полным отсутствием доверия к бумажным деньгам у широких масс населения, вследствие краха старой системы бумажных денег. Поэтому в период 1912—1915 г.г. бумажно-денежное обращение и не могло достигнуть сколько-нибудь значительных размеров. Благодаря такому положению, даже столь компетентный писатель, как Уэджиль в его напечатанной в 1915 г. книге о китайском денежном обращении и банках, мог отнестись отрицательно к общим перспективам бумажно-денежного обращения в Китае. Однако, истекшее с тех пор десятилетие привело к постепенному восстановлению в обращении позиций бумажных денег, так что скромная цифра в 162 милл. оказывается теперь неверною. В начале этого периода было создано несколько новых эмиссионных учреждений, действовавших, на первых порах, с большой осторожностью и сумевших прочно укрепить банкнотное обращение на базе металла. Затем этим аппаратом воспользовались китайские генералы, начав массовую эмиссию в свою пользу. Уже в 1919 году подсчет одного китайского автора (Y. H. Hsu) [2]) дал внушительную цифру в 260.870.000 долларов, распределяющуюся на три основные части: банкноты китайских банков,

[1]) R. O. Hall. Chapters and documents of chinese national banking, Shanghai. год изд. не обозначен, стр. 116.

[2]) „The Chinese Social and Political Science Review", Vol X, January 1926, стр. 109.

имеющих привилегию выпуска, — 96.685.000 долларов, провинциальных и туземных банков — 122.973.000, иностранных банков — 46.212.000 За 10 лет (с 1915 по 1925 г.) бумажно-денежное обращение выросло в 3—4 раза. Таковы поразительные успехи, достигнутые милитаристами во славу своего приобретательства. Однако, генералы перешли уже разумную границу. Они вновь оживляют китайскую традицию безоглядного выпуска бумажных денег, традицию, ведущую к полной дезорганизации денежного рынка. И народно-хозяйственная система уже начинает мстить за себя, реагируя на новые выпуски бумажных денег резким их обесценением. Поэтому возможно, что бумажно-денежная масса Китая в дальнейшем начнет несколько сокращаться.

Для милитаристического хозяйства отсюда вытекает следующий вывод. Нормальных доходов генералам не хватает. Возможность заключения займов почти исчерпана. Эмиссия уже перешла за границу разумного ее использования. Банкнота становится неразменной, и ценность бумажно-денежной массы начинает падать. Поэтому генералам будет все труднее покрывать свои военные расходы, особенно, если принять во внимание стихийный рост армии.

Из всего изложенного видно, как опасно высказывать о китайском денежном обращении общие суждения и предсказывать грядущее изменения на основе данных сегодняшнего дня. Поскольку общеизвестна чрезвычайная приверженность китайцев многовековой традиции, вызывает удивление исключительная динамичность их денежной системы. За последнее десятилетие в ней произошел ряд коренных сдвигов. Старые кэши почти отошли в область предания, уступив место чеканной медной монете. Таэль все больше и больше пасует перед серебряным долларом, постепенно превращающимся в основную денежную единицу Китайской Республики. Мексиканские доллары и монеты с изображением дракона сменяются серебряным юанем, являющимся олицетворением после-революционного Китая. Бумажно-денежное обращение быстро разрастается, и в его сфере нарождается новый для Китая денежный знак — банкнота. Но затем эта банкнота постепенно перерождается в типичный казначейский бумажный знак старого времени. Так один за другим вторгаются в китайскую денежную систему новые элементы.

Часто высказывается взгляд, что в Китае резко разграничено денежное обращение города и деревни, не имея друг с другом ничего общего. Деревня это—сплошное царство меди; наоборот, город почти не знает медной монеты и употребляет серебро и бумажные деньги. Однако, в действительности такого резкого расхождения не существует. Нам пришлось, в виде опыта, разменять в довольно небольшой деревне Гуандунской провинции 5-долларовую бумажку, приобретя в мелочной лавочке всего-на-всего пачку спичек. Мы получили сдачу четырьмя долларовыми бумажками, а кроме того, несколь-

ко мелких серебряных монет, и лишь небольшую горсточку меди. За последнее время приходится встречать указания не то, что не только серебряные доллары, но и банкноты начинают проникать в деревню довольно большими массами. В период реализации урожая, со стороны деревни появляется значительный спрос на банкноты. На такой благоприятной почве возможно было-бы значительное увеличение бумажно-денежной массы в стране, если бы это увеличение развивалось с разумной постепенностью и соответствовало металлическим ресурсам банков. Но опасная инфляционная болезнь, которою успел захворать денежный организм Китая, грозит сорвать распространение бумажных знаков в деревне прежде, чем они успеют свить себе там прочное гнездо. С другой стороны, как уже указывалось выше, народные массы в городе широко пользуются медной монетой. Таким образом, утверждение, будто между городом и деревней существует в отношении денежного обращения глубокая пропасть, лишено всякого основания.

ГЛАВА III.

ЗОЛОТО И СЕРЕБРО.

За последнее время Китай остается почти единственной страной, настойчиво и упорно сохраняющей серебряную валюту. Весь азиатский восток, вслед за Ост-Индией и Филиппинами, постепенно перешел к системе так наз. твердых паритетов на золото. При этой системе сохраняется лишь видимость серебряного обращения, и за оболочкой из белого металла всегда просвечивает «золотая субстанция». В сущности, эта система лишь по традиции сохраняет серебро в качестве средства обращения. При установлении твердых курсов на золото совершенно безразлично, обращается ли в стране серебряная монета, или бумажный знак. Нужно думать, что рано или поздно страны, практикующие эту денежную систему, откажутся от неэкономного расточения народных средств и обратятся к бумажной валюте, либо предпочтут перейти к чисто золотому обращению. Во всяком случае, в той или иной пропорции бумажные деньги будут введены в обращение и начнут вытеснять серебро.

Характерным является пример Индии, где вековая приверженность населения к серебру начинает постепенно исчезать, и золото становится излюбленным средством накопления. На протяжении последних 100 лет Индия поглотила более чем на 5 миллиардов рублей драгоценных металлов. Однако, соотношение золота и серебра в этом потреблении изменилось очень значительно, как видно из следующего сопоставления: за годы с 1834—35 по 1864—65 серебро составляло в индийском ввозе благородных металлов 68%, а золото — 32%; в следующие 30 лет та же пропорция была — 72% и 28%, а на протяжении последних 30 лет, заканчивающихся 1924 — 25 годом, ввоз серебра упал до 45%, в то время как импорт золота поднялся до 55%. Таким образом, в первой половине XIX века в импорте драгоценных металлов Индии свыше $^2/_3$ составляло серебро, тогда как в текущем столетии доля серебра соответственно упала ниже 50% [1]). При таких условиях исчезает всякий смысл сохранения серебра в обращении, построенном

[1]) Royal Commission on Indian Currency and Finance, Vol. III, London, 1926 стр. 536.

на системе твердых паритетов на золото, и немудрено, что Индия, как подробнее будет рассказано ниже, твердо вступает на путь постепенной ликвидации своих серебряных запасов. Вообще нетрудно предсказать постепенное ослабление спроса на белый металл со стороны всей той части азиатского материка, которая оторвалась от серебряной валюты. В этом смысле наиболее прочной базой мирового потребления серебра является Китайская Республика, хотя по размерам ежегодного потребления белого металла Индия идет впереди Китая. Поэтому нам, естественно, надлежит выяснить, каковы общие перспективы мирового серебряного рынка и не угрожает ли Китаю большими народно-хозяйственными потерями его исключительная верность серебру, растерявшему значительную часть своих потребителей в мировом хозяйстве.

Как раз в последние годы явственно обнаружилось, что каждому из драгоценных металлов, играющих валютную роль, предстоит, повидимому, совершенно неодинаковая судьба. Проект индийской денежной реформы является, по мнению многих, отходной песней серебру, как валютному металлу. По словам известного американского экономиста Ляфлина, «в этом индийском проекте мы видим, как серебро, в конце-концов, покидает свою последнюю монетную твердыню, чтобы найти сомнительное существование за пределами денежного царства» [1]). В таком же духе высказался у нас недавно Г. Я. Сокольников: «Более скромный блеск серебра окончательно должен уступить место ослепительному сиянию золота. Валютная реформа в Индии, продолжая дело обесценения серебра, вместе с тем открывает новую главу — вытеснение серебра из Азии. Спутница капитализма, золотая валюта, победив в Европе и Северной Америке, перебрасывается в Индию, на тот же путь предстоит вступить и Китаю, поскольку он будет глубже захватываться капиталистической системой хозяйства и втягиваться на этой основе в мировой оборот товаров и капиталов» [2]).

Сообразно с этим, исторические пути обоих драгоценных металлов в мировом хозяйстве расходятся не только в том смысле, что золото вытесняет серебро, как валютный металл, но и в том, что в ценах желтого и белого металлов ожидаются совершенно неодинаковые изменения. Депрессивная тенденция, повидимому, прочно закрепляется на серебряном рынке. В то же время, для золота, наоборот, именно в последнее время некоторые, весьма авторитетные исследователи предрекают неизбежность, пусть медленного, но все же неуклонного повышения цены, которое должно привести

[1]) „The China Weekly Review", The amasing adventures of silver, by J. L. Laughlin, 11 декабря 1926 г.

[2]) „Проблемы мирового денежного обращения". Г. Сокольников. Метаморфозы мирового денежного обращения, М., 1927, стр. 13.

к длительной эпохе падения общего уровня товарных цен в мировом хозяйстве. Правда, эти предсказания вызывают решительный отпор у других авторитетных экономистов, ожидающих скорее стабилизации цены золота или даже ее падения. Во всяком случае, перспективы, открывающиеся перед золотом, несравненно радужнее, чем вполне отчетливо вырисовавшийся безрадостный гороскоп серебра.

Воспроизведем здесь вкратце сущность страстных споров, поднявшихся вокруг проблемы будущей цены золота. Теоретиком, попытавшимся обосновать неизбежность депрессивной полосы в мировом хозяйстве под влиянием нарастающего недостатка в желтом металле по сравнению со спросом на него, был популярный экономист Густав Кассель, признанный авторитет Лиги Наций по валютным вопросам.

Его схема такова. За период времени с 1850 по 1910 год уровень товарных цен в золоте почти не изменился. За это время мировые запасы золота увеличились в 5,2 раза, что соответствует цифре ежегодного прироста в 2,8%. Эту цифру и можно признать нормальным ежегодным нарастанием товарооборота, требующим соответствующего увеличения золотого обращения. Между тем мы несомненно вступаем в фазу в истории мировой золотопромышленности, когда она не сможет больше итти вперед таким интенсивным темпом. По исчислениям Касселя, к концу 1923 года мировой запас золота составлял 3.623 миллиона фунтов стерлингов. Действительное производство золота в 1924 году составило 79.4 миллиона, что дает только 2,19% мирового накопления золота до начала 1924 года. Если допустить, что нормальная потребность в приросте желтого металла составляет 3%, то мировая продукция должна была бы равняться 108,7 миллионам фунтов стерлингов. Таким образом, в сравнении с современной продукцией, получается дефицит в 29,3 миллиона [1]). Принимая, в общем, теорию Касселя, один из знатоков мирового производства драгоценных металлов, Иосиф Китчин, приводит такой расчет: если исходить из потребности мирового хозяйства в золоте, равной 100 милл. фунтов в 1920 году, то при увеличении этой цифры на 2,8%, при условии счета по сложным процентам, потребность в золоте возрастет до 132 миллионов к 1930 году и 174 миллионов к 1940 году. С этими цифрами нужно сравнить действительное производство золота, достигающее сейчас только 80 миллионов фунтов, никогда не превосходившее 96 миллионов и составившее в среднем 74 миллиона на протяжении последних 8 лет [2]).

Таким образом, мир поставлен перед необходимостью экономить золото. Это может быть сделано только путем применения денежной системы,

[1]) Commission on Indian Currency and Finance, Vol. III, стр. 594—595.

[2]) Там-же, стр. 525;

состоящей в сосредоточении золотых запасов у центральных органов, регулирующих денежное обращение, т.-е. путем максимального из'ятия его из реального оборота. Если же будут исчерпаны и эти возможности экономии золота, а отставание мирового производства золота от потребностей оборота все еще будет иметь место, то наступит момент, когда миру, чтобы избежать катастрофы, придется отказаться от золотой валюты [1]).

Однако, наряду с Касселем, Китчином и др., есть также группа экономистов, настроенных несравненно более скептически в отношении будущих судеб желтого металла. Они не настаивают на неизбежности нового обесценения золота, но они считают его, по меньшей мере, столь же вероятным, как и под'ем цены золота. Размеры добычи золота гораздо эластичнее, чем это кажется Касселю. Понижение уровня товарных цен должно автоматически вызывать действие корректива в виде роста производства желтого металла. Ожидать быстрого темпа развития мирового хозяйства тоже не приходится. По словам южно-американского ученого, Лефельта, «оценивая положение на много лет вперед, можно утверждать, что увеличение на 2% в год будет, конечно, достаточным, если не чрезмерным. Мы не можем ожидать более значительного роста товарооборота. Правда, в столетие, предшествовавшее войне, увеличение, может быть, составляло 3%, но тот быстрый рост населения, который имел тогда место, едва ли может сохраниться и уже теперь встречает препятствия. Было бы ошибкой полагать, что национальное богатство всех государств будет увеличиваться более, чем на 2%; даже и такая оценка означает, что в течение одного столетия национальное богатство всех стран возрастет по сравнению с настоящим временем в 7 раз» [2]). Наконец, следует принять во внимание, что золото в денежном обращении не может рассматриваться изолированно и что количество его не воздействует непосредственно на уровень цен. Золотые запасы теперь сконцентрированы в значительнейшей своей части в эмиссионных банках и казначействах, а действительное обращение состоит почти исключительно из бумажных знаков. Таким образом, проблема сводится, в сущности говоря, к тому, в каких пределах будут эмиссионные банки расширять кредиты на основе имеющихся у них золотых фондов. И так как большей частью мирового запаса золота владеют Соед. Штаты, можно смело утверждать, что проблема желтого металла подменяется проблемой доллара. «Будущая эволюция ценности золота зависит от того, повторится ли такое же спекулятивное ускорение американского хозяйственного темпа, которое в период

---

[1]) Там-же, стр. 598;

[2]) The Economist", 20 ноября 1926 г., стр. 859—860.

1917—1920 г.г. привело к повышению цен и обесценению доллара и золота [1]).

Таким образом, конкретные очертания будущего для золота в значительной мере зависят от того, как Соед. Штаты распорядятся своим огромным золотым фондом.

Существует мнение, что Соединенные Штаты собрали за военный и послевоенный периоды, такое неимоверное количество желтого металла, что они смогут удовлетворять им растущую мировую потребность в золоте. Сами американские экономисты склонны были одно время изображать дело таким образом, будто весь мир концентрирует свое свободное золото в Заатлантической Республике с тем, чтобы использовать его для восстановления золотого обращения, когда придет для этого время. В 1913 году мировой запас золота составлял 6.085 миллионов американских долларов, из какового фонда Соединенным Штатам принадлежало всего 1.917, России — 872, Франции — 679, Германии — 296, Аргентино — 285, Австро-Венгрии — 251 миллион долларов и пр. В 1925 году, при увеличении мировых ресурсов до 9.771 милл. долларов, на долю Соед. Штатов приходится уже 4.409 миллионов. Их запас увеличился на 2½ миллиарда долларов, или на 5 миллиардов рублей. Наряду с этим значительными скоплениями желтого металла обладают: Франция — 711 милл., Соединенное Королевство — 706 миллионов, Япония — 527 миллионов, Испания — 490, Аргентина — 446 милл. и пр. Однако, не говоря уже о других государствах, Соединенные Штаты в последнее время все тверже и упорнее отстаивают ту точку зрения, что они могут пожертвовать лишь самой ничтожной частью своего золотого запаса. Он необходим Соединенным Штатам для того, чтобы поддерживать чрезвычайно разросшееся за последнее десятилетие здание американского народного хозяйства,—в частности, для того, чтобы обеспечить свободную и неограниченную выплату депозитов, общая сумма которых возросла за военный и послевоенный периоды (1913 по 1925 год) с 18 до 47 миллиардов долларов. В 1925 году Америка решилась уделить из своего золотого запаса 100 милл. долларов Германии, в виде займа, чтобы помочь окончательному восстановлению финансового хозяйства этой страны. Это было сделано в согласии с предначертаниями плана Дауэса, в осуществлении которого американцы чувствуют «авторскую» заинтересованность. Вывоз золота из Соед. Штатов составил в 1925 году 134 милл. золотых долларов. Однако, вслед за этим, Соед. Штаты стали еще скупее, и в настоящее время они об'являют свой фонд желтого металла едва достаточным для их собственных нужд. Более того, европейские государства стали прибегать в довольно внушитель-

[2]) D-r Kurt A. Hermann. Die Zukunft des Goldes, Berlin, 1925; стр. 43;

ных размерах к практике хранения своих краткосрочных резервов в американских банках. Приток валюты по этому руслу в Соед. Штаты оказывается столь значительным, что казначейство признает его наиболее неустойчивой и опасной статьей платежного баланса, на которую оно не в состоянии оказать никакого регулирующего воздействия [1]).

Как бы то ни было, едва ли можно ожидать нового периода денежно-кредитной инфляции из-за неосторожного использования Соед. Штатами тех скрытых возможностей [2]), которые воплотились в их золотом фонде. Для урегулирования мирового рынка золота не нужна даже предлагаемая Лефельтом сложная международная организация. Искушенные опытом военного и послевоенного денежного хозяйства, европейские и американские государства будут настойчиво проводить политику «стабилизации». Если не произойдет неожиданной радикальной ломки, мировое хозяйство будет переживать циклические колебания, но не допустит новой «большой волны» в движении цен.

Перейдем теперь к характеристике серебряного рынка. Нормальная продукция серебра в последние годы составляет 240 миллионов унций чистого серебра ежегодно. Из этого количества 73% приходится на долю Америки. Расчет потребления серебра для предстоящего периода 1926—1935 г.г., произведенный упомянутым выше Китчиным, воспроизведен в следующей таблице:

Промышленное потребление и искусство	60.000.000	до	80.000.000	унций
Индия: частный импорт	50.000.000	„	70.000.000	„
чеканка (в среднем)	30.000.000	„		„
Китай	30.000.000	„	50.000.000	„
Чеканка:				
Европа	25.000.000	„	35.000.000	„
Америка	15.000.000			
Африка	5.000.000			
Остальная Азия	15.000.000			
Все ожидаемое в этот период ежегодное потребление	230.000.000	до	300.000.000	унций

Казалось бы, на мировом рынке существует идеальное равновесие между спросом на серебро и его предложением. Однако, легко обнаружить подводные камни, представляющие опасность для всей современной производя-

[1]) См. Economist, 17 Сентября 1927 г.

[2]) Hermann, назв. соч., стр. 82 и сл. говорит о „скрытой потенциальной инфляции", (Die latente inflation), которую народное хозяйство может во всякое время претворить в действительную инфляцию.

щей серебро, промышленности. Из приведенной сводки потребления серебра видно, что мировое производство этого металла поддерживается, в сущности говоря, спросом со стороны двух государств: Индии и Китая, поглощающих свыше $^2/_3$ мировой продукции. Оставляя пока в стороне Китай, остановимся на Индии. Выше было уже показано, что народные массы Индии начинают оказывать явное предпочтение золоту перед серебром. Не входя в изложение истории индийского денежного обращения, вкратце укажем, что после перехода от серебряного обращения к твердым паритетам на золото в конце прошлого века, Индия в общем ориентировала свою рупию по фунту стерлингов. Однако, колебания, которые пережил фунт в пожаре мировой войны, показали индусам всю ненадежность и неустойчивость опоры, в которой они прислонили свою рупию. Возникло течение в пользу денежной реформы, в результате чего была сформирована правительственная комиссия, подвергшая вопросы денежной реформы всестороннему обсуждению. Комиссия колебалась между чисто золотой валютой и системой твердых паритетов на золото, при которой курсы регулировались бы неограниченной покупкой и продажей всех разменных на золото валют. В результате, комиссия приняла компромиссное решение, отвергнув идею о введении золота непосредственно в обращение и найдя возможным ограничиться беспрепятственным разменом банкнот на золотые слитки. При этом было предположено, что в обращении сохраняются серебряные и бумажные рупии. Однако, конкретные предложения, выдвинутые комиссией, означали целый переворот в мировом положении золота и серебра для ближайших лет. Резерв бумажно-денежного обращения, которым располагала Индия к концу апреля 1926 года, содержал золота на 300 милл. рупий и серебра на 850 миллионов рупий из общего запаса в 1.850.000.000. Из этого количества серебра, подавляющая часть состояла из серебряной монеты (770 миллионов) [1]. Все количество серебряных рупий в Индии определяется в 3.500.000.000 рупий, из которых около 2.700.000.000 было в обращении [2]. Таким образом, Индия обладает огромным запасом серебряной монеты, которую правительство считает необходимым постепенно ликвидировать и превратить в золото. Индия, таким образом, предполагает повторить операцию, произведенную в 70-х годах прошлого столетия Бисмарком. Тогда шла речь всего-на-всего о 50-ти миллионах унций, которые в течение нескольких лет были реализованы на мировом рынке, вызвав резкое падение курса серебра, распадение латинского Монетного Союза, демонетизацию серебра в Соединенных Штатах и тяжелый удар по серебряным сбережениям в Индии. Теперь намечается операция в несравненно большем мас-

[1]) Royal Commission on Indian Currency and Finance. Vol. I. Report of the Commission, 1926, стр. 6;
[2]) там-же, Vol. V, стр. 277;

штабе. По расчетам комитета, в течение десяти лет должно быть выброшено на рынок 687 миллионов унций серебра. Состав резерва для покрытия бумажных денег должен коренным образом измениться, так как для участия серебра в резерве намечалось установление следующих ограничений: общая сумма серебра не должна превышать 700 миллионов рупий к концу 3-го года реформы, 500 миллионов — от конца 3-го года до конца 6-го года, 350 миллионов от конца 6-го до конца 10 года и 250 миллионов после этого [1]).

Для проведения реформы, по предположениям Комитета, необходимо около 100 миллионов фунтов стерлингов, из которых 50 миллионов должны быть истрачены в первый же год (15 милл. при приступе к реформе и 35 миллионов в следующие месяцы). Комитет при этом расчитывал получить соответствующие суммы золота, в виде займа, из Соединенных Штатов и Англии; но так как золотые запасы Англии довольно ограничены, то вся помощь золотом должна была идти со стороны Соед. Штатов.

Нетрудно видеть, что вся эта реформа должна вызвать глубокие изменения одновременно на золотом и серебряном рынке. Ежегодная мировая продукция золота составляет всего около 800 миллионов рублей. Для проведения реформы, по подсчетам Комитета, потребовалось бы золота почти на миллиард, а по мнению некоторых критиков реформы — даже втрое более. При общем недостатке золота в мировом хозяйстве такой отлив золота в Индию неизбежно вызвал бы резкое его вздорожание на мировом рынке. Но еще более ощутительные последствия индийская денежная реформа должна была бы вызвать на серебряном рынке. Из года в год Индия потребляла от трети до половины мировой продукции серебра, или, в абсолютных цифрах, 80—100 миллионов унций. Теперь она предполагает не только совершенно прекратить правительственные закупки золота, но еще выбрасывать его в среднем за год до 70 миллионов унций. Такое исключительное сжатие потребления белого металла не может, вместе с тем, вызвать соответствующего сокращения производства, так как не меньше, чем на $^2/_3$, серебро является продуктом не чисто серебряных руд, а получается в качестве побочного продукта при добыче олова, свинца и др. металлов. Добавочные издержки производства для выделения серебра при этом процессе являются настолько малыми, что выработка серебра будет продолжаться даже при очень низких на него ценах. Производство меди быстро растет в последние годы, особенно в связи с растущим применением электричества. В Соединенных Штатах, например, в настоящее время производятся эксперименты по передаче электрической энергии на большие расстояния. Это развитие электротехнической промышленности потребует таких больших количеств меди, что и неизбежный побочный продукт меди, серебро будет поступать на рынок значитель-

[1]) там-же, Vol. I, стр. 58—59;

ными массами. Только очень резкое падение цены на серебро может чувствительно отозваться на его производстве.

Заинтересованные в вопросе — как производитель серебра — Соединенные Штаты увидели в проекте индийской денежной реформы настолько серьезную угрозу своей серебряной промышленности, что перед лицом Комитета, допрашивавшего экспертов для всестороннего выяснения вопроса, сочли необходимым предстать столь авторитетные представители американского финансового и научного мира, как вице-председатель Нью-Йорк Сити Бенк Робертс, а также управляющий Федеральным Резервным банком Нью-Йорка Стронг, в сопровождении двух известных экономистов — профессоров Голландера и Спрэга. Робертс указал, что в Соединенных Штатах проект вызвал большие опасения и даже страхи. По его словам, серебряная промышленность Соединенных Штатов имеет большой политический вес. Она рассеяна на большом протяжении, на территории гористых западных штатов с очень редким населением, имеющим, однако, по конституции Соед. Штатов, в Сенате равное представительство с самыми богатыми и густо населенными штатами. Реальные интересы, связанные с серебряной промышленностью, определяются в 500 миллионов долларов. Робертс сослался на свой разговор с представителем медной компании Анаконды (которая является крупнейшим серебряным предприятием Соед. Штатов), сказавшим ему: «Серебро дает нам всю нашу прибыль и несет значительную часть издержек. Естественно, что оно является очень важным фактором в нашем деле». То же можно сказать об огромном большинстве других медных рудников, пользующихся мировой известностью: они продают медь почти по себестоимости, а всю прибыль реализуют на серебре, пользуясь чрезвычайно низкими издержками производства его. По словам проф. Голландера, производители меди отнюдь не являются кликою хищных монополистов. Они представляют собою многочисленную, хорошо организованную группу предприятий, охватывающих почти всю отрасль металлического производства Соед. Штатов, за исключением железа. Поэтому, едва ли у Индии могут быть серьезные основания ожидать предоставления займа Соединенными Штатами, поскольку обсуждение вопроса о займе неизбежно будет происходить в крайне неблагоприятной атмосфере, создаваемой представителями металлической промышленности. Американцы указывали, что намечаемая комиссией цена серебра в 24 пенса за унцию явится совершенно нереальной в условиях массовой реализации белого металла правительством Индии. Цена серебра может упасть вдвое против теперешней, нанося жестокий ущерб держателям серебра в самой Индии [1]).

---

[1]) Там-же, Vol V, стр. 266—268, 278, 285 и др.

Представители Заатлантической республики, выступавшие перед индийской комиссией по денежной реформе, особенно подчеркивали, что общественное мнение Соед. Штатов традиционно встает на защиту серебра, независимо от материальных интересов, в силу сентиментальной привязанности американцев к белому металлу. Эта привязанность мешала Соед. Штатам резко повернуть от серебра к золоту в то время, как другие государства проделали эту эволюцию легко и спокойно, и побуждала их в течение многих лет упорно искать благополучного разрешения серебряной проблемы, в сотрудничестве с Индией. Индия была в то время страной серебряной валюты, а Соед. Штаты придерживались биметаллистической системы. Задача обеих стран сводилась к сохранению за серебром его исторической роли в качестве валютного металла. И только после неудачи Брюссельской конференции 1890 года, рассеявшей последние надежды на возможность спасти серебро путем международного соглашения, Индия «с отчаяния» решительно повернула к системе твердых паритетов на золото. Тогда и Соед. Штатам не осталось ничего другого, как отказаться от регулярных закупок белого металла, производившихся на основе Акта Шермана. Точно так же после мировой войны Соед. Штаты без колебаний пошли по пути восстановления своего серебряного запаса, часть которого была продана в период непомерно высоких цен 1920—1921 г.г. Таким образом, американцы старались показать, что традиционный «сентиментализм» в отношении серебра, а отнюдь не забота о рентабельности серебряной промышленности, заставляет их ратоборствовать против индийской денежной реформы.

Однако, оппозиция со стороны американского финансового мира не поколебала реформистских стремлений индусов. Закон о реформе денежного обращения прошел в законодательном собрании в марте прошлого года, правда, небольшим большинством голосов 68 против 65, и его немедленному проведению в жизнь помешала лишь оппозиция со стороны британского правительства в Индии. Принимая во внимание, что к 15 мая 1927 года казначейский запас серебра успел подняться до 1.034 милл. рупий, подлежавших, в случае введения проекта реформы в действие, реализации в течение предстоящих трех лет часть серебряного запаса достигает 328 миллионов рупий [1]). Таким образом, депрессивная тенденция, повидимому, обеспечена серебру на довольно долгое время.

Нельзя не указать, что в падении серебряных цен, произошедшем за последние годы, не в малой степени повинна шанхайская золотая биржа, к которой постепенно переходит решающее слово на серебряном рынке. В не-

[1]) „Far Eastern Capital and Trade", July 1, 1927 Trend of Silver prices in half year; см., однако, информацию, Economist'a от 17 сент. 1927 г. о задержке в прохождении закона через Законодательный Комитет и намерении администрации провести его в жизнь без законодательной санкции.

скольких словах остановимся на эволюции, которая была пережита организацией мирового рынка серебра за последние годы. До мировой войны центром торговли серебром была Англия. В Лондоне организация рынка серебра была довольно своеобразна. Ежедневно сходились представители четырех крупнейших брокерских фирм, торгующих серебром, для установления цены на белый металл. Эта цена передавалась по телеграфу во все концы мира и фактически регулировала все покупки и продажи серебра не только в Лондоне, но и в других странах, ориентирующихся на Лондон. По сообщению Спэлдинга, цена серебра определялась, в конце-концов, довольно случайными причинами, так как ни у покупателей, ни у продавцов серебра, не было реальной заинтересованности в цене белого металла. Продавцами серебра являются по большей части владельцы предприятий, переплавляющих металл из руды. Продавая серебро, они одновременно покупают руду, устанавливая сами цену ее, в зависимости от той цены, которую они получили за готовый металл. Что же касается покупателей серебра, то первенствующее значение среди них имеют правительства, приобретающие металл для чеканки; они сравнительно мало заинтересованы в цене серебра, так как покупка этого металла производится ими отнюдь не с коммерческой целью, а чеканка монеты всегда обеспечивает им известную прибыль. Правда, значительное количество белого металла употребляется и для других целей, помимо чеканки, но серебряный рынок так организован, что эти раздробленные покупатели не оказывают влияния на цену металла, довольствуясь тем его остатком, который образуется на рынке после закупки серебра правительствами для чеканки.

Принимая во внимание ничтожность собственной добычи серебра в Англии, монополия последней на мировом рынке серебра, естественно, должна была рано или поздно поколебаться. Мировая война только послужила в этом отношении могучим толчком. В настоящее время Америка почти эмансипировалась от прежней зависимости от Лондонского рынка. Англия является теперь, как показывают, например, цифры таможенной статистики 1926 года, распределительным центром местного значения, снабжающим американским золотом одну лишь Индию. Так, в 1926 г. Англия ввезла всего 79.194.381 унции чистого серебра, в том числе 32.631.539 унц. из Соед. Штатов и 23.596.636 унц. из Мексики и почти целиком вывезла это серебро в Индию: весь экспорт белого металла составил 79.551.429, т.-е. был почти в точности равен импорту, а доля в нем Индии достигала 60.092.782 унции, т.-е больше 75% [1]). Соединенные Штаты имеют два своих центра торговли серебром — Нью-Йорк и Сан-Франциско, распределяющие большую часть добычи Мекси-

[1]) „Far Eastern Capital and Trade", March 4-th, 1927, „Poor outlook for silver. not viewd confidently".

ки, Канады и Соед. Штатов. Серебро прибывает к этим двум пунктам рельсами и по воде, и направление движения определяется, главным образом, тем обстоятельством, является в данный момент основным покупателем Китай или Индия. Серебряные цены Шанхая, Гонконга, Бомбея и Лондона, достигают Нью-Йорка около 10 часов утра, и он торгует с Лондоном утром, а после полудня — с Сан-Франциско. Кабельное сообщение между Нью-Йорком и Лондоном действует с такой быстротой, что ответ получается в течение 15-ти минут. Пароходы, груженые серебром, отходят в Лондон из Америки каждую субботу и за 7 дней достигают Саутгемптона, так что серебро прибывает в Лондон в следующий понедельник, пропутешествовав 9 дней. В отличие от Лондона, Нью-Йорк не имеет официальной котировки серебра, которая автоматически регулировала бы цены. Около полудня одна из старинных Нью-Йоркских фирм, торгующих серебром и пользующихся хорошей репутацией, выпускает свой бюллетень. Но эти котировки никогда не основываются на действительной рыночной цене серебра в Нью-Йорке. Поэтому Нью-Йорк представляет собою, в отличие от Лондона, открытый с утра до вечера рынок серебра, с колебаниями цен, приспособляющимся к спросу и предложению [1]).

Таким образом, на серебряном рынке до последнего времени доминировали производители. Лишь в последние месяцы все упорнее пробивается убеждение, что диктатура на рынке серебра начинает переходить к потребителю. Эту доминирующую позицию присвоил себе Шанхай, благодаря тому, что он обладает огромными видимыми запасами серебра и в то же время мощной спекулятивной организацией, которая сознательно стремится использовать каждое изменение в конъюнктуре серебряного рынка, чтобы сознательно форсировать колебания цен и реализовать на разнице огромные прибыли.

За последние годы общая тенденция серебряного рынка была явно понижательной. Конечно, главная часть потери на цене серебра относится ко временам давно прошедшим. Еще недавно одна из крупнейших брокерских фирм Самюэль, Монтегю и К-° в отчете за 1926 год напомнила, что за 3.000 лет до нашей эры серебро расценивалось в 10 раз дороже золота, что доказывается найденными, при раскопках в Греции в прошлом году, в гробнице, относящейся к указанному периоду, драгоценными украшениями, в которых массивные золотые части были отделаны серебряными инкрустациями. Однако, эти времена далеко в прошлом. Гораздо реальнее для нас резко понижательное движение, начавшееся во второй половине прошлого столетия. После того, как цена серебра колебалась в течение многих десятилетий между 59 и 61 пенсом за унцию на Лондонском рынке, она резко пошла вниз в 70—90-х годах и упала до 23—24 пенсов в 1907—1911 г.г.

---

[1]) Kann, Currencies in China, стр. 6—7.

Самый низкий пункт был достигнут в начале великой войны, когда курс серебра упал ниже 22 пенсов, а соотношение между ценностью золота и серебра было 1 : 42,46. Затем произошел наделавший много шума непродолжительный взлет серебра вверх до 80—90 пенсов, т.-е. более, чем в 4 раза против низшей точки, после чего началось новое падение. В 1920—1925 г.г. цена серебра как будто прочно установилась на уровне 30—31 пенса. Однако, 1926 и начало 1927 года были свидетелями нового понижательного движения, которое было особенно подстегнуто слухами об индийской денежной реформе и использовано шанхайскими спекулянтами для бешеных продаж серебра.

Какой же тенденции можно ожидать на серебряном рынке в ближайшем будущем? Находятся видные специалисты, расценивающие весьма оптимистически будущее серебра, и они стоят на той точке зрения, что Китай может явиться емким рынком белого металла в ближайшие годы. Такое мнение высказал, например, Е. Канн в выпущенном им специальном обзоре рынка драгоценных металлов и валюты за 1926 год. Канн сомневается в том, что новое индийское законодательство по денежному обращению принизит престиж серебра, как средства помещения сбережений. Если цены белого металла будут достаточно привлекательны, население Индии едва ли откажется от покупки серебра только на том основании, что правительство хочет демонетизировать белый металл. Относительно же китайского спроса, автор высказывает твердое убеждение в предстоящем его резком повышении. Иностранная торговля Китая быстро растет из года в год. Генералы широко практикуют почти безграничный выпуск банкнот, не имеющих соответствующего обеспечения. Однако, «банкноты, выпущенные провинциальными властями могут быть, в конце-концов, аннулированы». Тогда, «новые выпуски бумажных денег должны будут опираться на соответствующие серебряные резервы». Пока беспорядки в политической жизни будут противодействовать нормальному проявлению коммерческой деятельности, китайский спрос на белый металл, правда, едва ли может возрасти. «Но в равной мере справедливо, что Китай мог бы легко поглотить, для самых законных своих нужд, всю мировую добычу серебра, по крайней мере, на протяжении ближайших трех лет, чтобы достичь умеренной степени экономического восстановления» [1]).

Однако, другие авторитеты не разделяют оптимизма Канна по вопросу об улучшении положения серебряного рынка. Так, пессимизмом заражен годовой обзор рынка драгоценных металлов известной фирмы Самюэль, Монтегю и К-°. Уменьшение выработки серебра, в связи с падением цен на него

[1]) E. K a n n, Review of the Bullion and Exchange Markets, Shanghai, 1926.

может произойти только у стран, являющихся незначительными производительницами серебра. Что же касается спроса, то «все предзнаменования говорят не в пользу блестящего будущего серебра. Если не считать Китая, оно всюду перестало быть базисом денежного обращения. Даже в качестве материала для билонной монеты использование серебра сделалось весьма ограниченным». *Не следует также возлагать преувеличенных надежд на рост* потребления серебра массами населения в Индии в случае падения цены белого металла, так как «пункт насыщения всегда должен существовать, и очень значительный чистый импорт 1925—1926 г.г. заставляет предполагать, что в случае, если спрос не будет стимулироваться дальнейшим падением цены, ввоз может начать сдавать». По мнению отчета, «есть все основания предполагать, что с течением времени традиционная привычка к серебру попадет под воздействие изменяющихся обстоятельств, и что народ Индии станет настолько использовывать новые, создаваемые государством возможности помещения сбережений, что практика хранения запасов серебра станет уменьшаться, хотя сильная склонность индусов к употреблению серебра для драгоценностей и других целей украшения может сохраниться». Китай, с другой стороны, согласно оценки отчета «уже снабжен в полной мере, если не сверх меры» [1]).

Пересматривая, таким образом, один за другим элементы спроса на белый металл в восточных странах, мы убеждаемся в том, что резкого роста нельзя ожидать ни в одном из звеньев спроса. Попробуем покинуть Азию и поискать перспектив в других частях света. Промышленное использование белого металла, повидимому, несколько повышается из года в год, особенно в связи с потребностями кинематографической и химической отраслей промышленности. Наоборот, использование серебра для чеканки значительно сузилось после того, как целый ряд государств, в период резкого взлета цены серебра, ограничил содержание белого металла в монете. Такие мероприятия были проведены: в 1917 году в Коста-Рике, в 1918 и 1919 г.г. в Стрете Сеттльменте, в 1919 г. в Чили, Мексике, Нидерландах, Цейлоне и Канаде, в 1920 г. — в Великобритании и Сиаме и в 1922 году — в Перу, Французском Индокитае и Японии. В одном из заседаний индийского комитета по денежной реформе ожсуждался вопрос о том, не вызовет ли падение цены серебра переход к усиленному использованию серебряной монеты, вместо бумажек, в мелком обороте. Вице-председатель Нью-Йорк Сити Бенк Робертс высказал, однако, решительное сомнение по этому поводу, так как «мелкие банкноты все же еще дешевле, чем серебро [2]).

---

[1]) „Far Eastern Capital and Trade", March 4, 1927.
[2]) Royal Commission on Indian Currency and Finance, Vol. V, стр. 271.

Следует еще особо остановиться на позиции Соед. Штатов. Мы уже говорили о сентиментальных побуждениях, заставляющих американцев по традиции выступать на защиту серебра. Можно было бы, казалось, ожидать, что этого сентиментализма хватит также и для того, чтобы, при современном богатстве Соед. Штатов, притти на помощь производителям серебра большими закупками этого металла. Действительность, однако, не подтверждает подобной гипотезы. Американцы красноречиво доказывают необходимость сохранения Индией или Китаем серебряных запасов, но сами принимают решительные меры к сокращению удельного веса серебра в их денежной системе до минимума. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно бросить взгляд на след. таблицу чеканки разных видов монеты в Соед. Штатах, по данным ежегодного отчета Директора монетных дворов [1]).

	Золото	Серебро	Более мелкие монеты	Общая сумма
1915	23.968.401	4.114.097	2.062.840	30.145.339
1916	18.525.026	8.880.800	6.337.550	33.743.376
1917	10.014	29.412.300	6.118.089	35.540.403
1918	—	25.473.029	5.972.662	31.445.691
1919	—	11.068.400	9.709.100	20.777.500
1920	16.990.000	25.057.270	8.166.650	50.213.920
1921	10.570.000	89.057.535	1.155.310	100.782.845
1922	80.680.016	84.325.030	71.600	165.076.646
1923	45.365.000	66.283.038	2.927.080	114.575.118
1924	206.010.000	21.627.040	2.309.690	229.946.730
1925	192.380.000	19.874.218	4.202.645	216.456.863

Таким образом, в деле обслуживания колоссально выросшего хозяйственного оборота Соед. Штатов металлической монетой, *золото решительно вытесняет* серебро. По подсчетам того же Директора монетных дворов, золотой запас Соед. Штатов на голову населения составлял в девятидесятых годах прошлого столетия всего 9—10 долл., а сейчас — около 39, тогда как серебра было в середине тех же 90-х г.г. около 9 долл. на душу, а теперь соответствующая цифра немногим превышает 7 долл. [2]). Могут возразить, что эта тенденция неизбежна с укрупнением товарооборота, вызывающим торжество золота в обращении. Кто же станет спорить против этого? Но в руках руководителей американского денежного хозяйства есть простой способ несколько задержать развитие этой тенденции: денежный оборот не делает разницы между золотыми и серебряными сертификатами, покрытыми соответствующими количествами обоих металлов в казначействе, и поэтому представлялось бы возможным увеличить относительную

[1]) Annual Report of the Director of the Mint for the Fiscal Vear ended June 30, 1926, Washington, 1926, стр. 97.

[2]) Там-же, стр. 105.

долю серебряных сертификатов и их металлического покрытия. Между тем, по данным Контролера денежного обращения, из общей суммы денег в 8.372.981.468 долл. приходилось на долларовые серебряные монеты всего 533.493.778 и на билонное серебро — 288.894.475 долл., т.-е. вместе несколько меньше 10% денежной массы [1]). В Китае соответствующая цифра равна, по крайней мере, 30—35%. Такова приверженность к серебру американских финансовых деятелей!

Приведем, в заключение, еще один факт, характеризующий серебряную политику Соед. Штатов. Достаточно известно, что в 1918 году, под влиянием огромного роста потребности в серебре для отправок в Индию, Соединенные Штаты согласились, по так. наз. Акту Питтмана, выпустить довольно значительное количество белого металла, с тем, что оно будет впредь закупаться хотя бы небольшими порциями после падения цены серебра. На этой операции американское казначейство бесспорно заработало некоторую толику денег. В настоящее время остается закупить еще 15 миллионов унций. Это совершенно ничтожная величина, примерно, равная месячной продукции. Однако, по последним сведениям, американцы не хотят принести на алтарь своей серебряной промышленности даже и этой ничтожной жертвы. По сообщению «Capital and Trade», в последние месяцы стала известной оппозиция со стороны младшего секретаря казначейства Соед. Штатов против дальнейших покупок серебра на основе Акта Питтмана, так как правительство Соединенных Штатов уже переплатило 58 миллионов золотых долларов за серебро, покупаемое, согласно Акту Питтмана, если считать его стоимость по «нормальным рыночным ценам». По его мнению, в этом серебре нет никакой нужды, так как приобретение его доведет излишек серебра в казначействе Соед. Штатов до 20 миллионов серебряных долларов, в сравнение с тем количеством, которым оно располагало до Акта Питтмана [2]). Такова исключительная осторожность, с которой американцы относятся к увеличению своих серебряных запасов, нисколько не стесняясь в то же время уговаривать индусов покупать белый металл в прежнем масштабе — 100 миллионов унций в год. *Такова же политика англичан в Китае по отношению к белому* металлу. Эта политика явственно проступает в недавнем постановлении крупнейшего иностранного кредитного учреждения в Китае — Гонконг-Шанхайского банка — о том, чтобы перенести 14.400.000 китайских долларов из серебряного в золотой (стерлинговый) резерв по курсу 2 шиллинга 1 пенс, что составляет 1.500.000 фунтов. Стерлинговый резерв доведен до 6 милл. фунтов, тогда как серебряный падает до 13½ милл. китайских долла-

[1]) Annual Report of the Comptroller of the Currency, December 10, 1926, Washington, 1927, стр. 105.

[2]) „Far Eastern Capital and Trade", July 1, 1927.

ров [1]). Это мероприятие Гонконг-Шанхайского Банка служит плохим предзнаменованием для серебра, так как валютные курсы в Китае в значительной мере «делаются» именно этим банком. Иностранцы, следовательно, сознательно подготовляются к возможной катастрофе на серебряном рынке, предполагая все издержки этой катастрофы пред'явить к оплате индусам и китайцам. Таким образом, представители белой расы, по обыкновению, собираются выйти сухими из воды, за что «желтым» придется жестоко расплачиваться, подпирая своими боками гордое здание европейско-американской цивилизации.

К каким мерам способны прибегать наименее разборчивые представители европейско-американского финансового мира для поддержания, хотя бы и временно, курса серебра на высоком уровне за счет азиатских стран, явствует из следующего эпизода. К д-ру Сун Ят-сену, а впоследствии к Национальному правительству, неоднократно обращался от имени одной американской банковой группы делец, — повидимому, авантюристского типа, с предложением допустить ввоз в Китай больших масс серебряной монеты с изображением Сун Ят-сена за известную компенсацию в пользу правительства, в виде процентного отчисления с ввозимого серебра. Последний проект этого рода был представлен в марте 1927 г. и его содержание сводилось к следующему: Национальное правительство разрешает американской компании, под наименованием «Китайский трест», зарегистрированной в Соед. Штатах, импортировать на 300 милл. долларов серебряной монеты, при чем в этом общем количестве 100 милл. должны составлять долларовые монеты, 150 милл. — двадцатицентовые монеты и 50 милл — десятицентовые монеты. Серебряное содержание этих монет должно в точности соответствовать требованиям китайского монетного закона. Национальное правительство должно взять на себя обязательство об'явить специальным декретом новую монету основной валютой в провинциях, на которые распространяется его власть. «Китайский трест» должен уплачивать Национальному правительству 10% с номинальной ценности билонной монеты и 4% с полноценных долларов, следовательно, с суммы в 300 милл. долл.—21 милл. Нетрудно понять, какие цели преследовались американцами при составлении этого проекта. По теперешней цене серебра 300 милл. долл. это — около 250 милл. унций серебра, т.-е., примерно, годовая продукция белого металла. Пред'явление такого громадного спроса на серебряном рынке вызвало бы невероятный ажиотаж и резкий взлет цены серебра вверх. Покупательная сила белого металла временно увеличилась бы в значительной пропорции. На Сун Ят-сеновские доллары американцы закупили бы при таких условиях сравни-

[1]) „The Chinese Economic Bulletin", April 23, 1927.

тельно очень дешево (в пересчете на золото) обычные предметы китайского экспорта, золотую валюту и т. д. А затем, когда ввозная программа на 300 милл долларов серебряной монеты была бы исчерпана, серебро катастрофически полетело бы вниз. Однако, это обстоятельство уже не затронуло бы «Китайский трест»: он к этому времени закончил бы благополучно свою чисто спекулятивную операцию, предоставив Китаю самому разделываться с последствиями своей нечистой игры.

В связи с изложенным, с полной ясностью вырисовывается затруднительное положение, в которое в настоящее время попадает Китай, как единственный представитель чисто серебряной валюты. Мы видели, что запасы серебра только лишь в монете и таэлевых слитках достигают в Китае внушительной цифры в 1 миллиард серебряных долларов. Потребление серебра в Китае для искусств и разного рода украшений также играет значительную роль, особенно на юге. Китайские мастера производит из серебра вазы и разные предметы для обеденного стола, украшения всякого рода, пряжки для волос, браслеты, кольца и многие другие предметы. За последнее время стало признаком хорошего тона посылать друзьям поздравления, выгравированные на серебре. Развилась также особая форма искусства, а именно — фотографии, воспроизводимые на серебряных пластинках и на эмали. Таким образом, белый металл приобретает в изящных искусствах Китая все возрастающее значение. В общем и целом, с серебром связаны в Китае огромные интересы, так что произошедшее за последние годы снижение цены серебра с 31 до 25—26 пенсов означает для всего Китая потерю, по крайней мере, в 250—300 миллионов долларов. Однако, это, повидимому, всего лишь первая фаза в том процессе обесценения белого металла, который еще предстоит пережить мировому рынку. Индия уже поняла, что, чем раньше она освободится от давящих ее масс белого металла, тем меньше будут жертвы, которые ей придется принести. Поэтому она приступает к освобождению от серебра организованно и, вероятно, несмотря на причитания со стороны американских производителей серебра, она сумеет производить свои продажи таким темпом, чтобы не сразу дезорганизовать рынок. Все же дальнейшее падение цены белого металла неизбежно. Тем более знаменательно, что Китай, при современной его политической раздробленности и полном расстройстве его денежного рынка, совершенно бессилен противостоять грядущим событиям на мировом рынке серебра. Когда Индия прекратит свои закупки белого металла и, наоборот, превратится в продавца его, тогда Китай, в сущности говоря, останется единственным твердым его покупателем. Китай и сейчас покупает серебро, так сказать, не от богатства, а от бедности, поскольку не умеет организовать свой денежный рынок согласно требованиям современной валютной тех-

ники. Только в Китае огромные массы серебра в монете имеют хождение по своей действительной ценности, расцениваясь как товар. Если бы удалось об'единить китайскую денежную систему, концентрировать серебряные запасы в руках единого эмиссионного банка и дать ему возможность свободно ими распоряжаться для регулирования курсов, теперешние запасы серебра оказались бы для Китая чрезмерными и он смело мог бы реализовать некоторую часть их на мировом рынке. Однако, сейчас Китаю не приходится задумываться над конкретной программой активных действий в этой области. Его удел — терпеть и ждать. После окончательного выхода из игры Индии, на Китай ляжет главная тяжесть поддержания равновесия на мировом рынке серебра, во славу американской серебряной промышленности. Остается только непонятным, откуда обнищавший Китай берет средства для закупок серебра на мировом рынке. Эта загадка раз'яснится в следующих главах нашего исследования.

ГЛАВА IV.

СПЕКУЛЯЦИЯ.

Оживленная спекуляция на валютном рынке или на бирже, разоряющая преимущественно средние слои населения и обогащающая только немногих искушенных опытом руководителей спекулятивной игры, достигает высшего развития только в новейшей стадии развития капитализма. Когда законодательство разрешает заключение так называемых срочных сделок, при которых становится возможной продажа бумаг и валюты, не находящихся в обладании спекулянтов в момент заключения валютной сделки, возможности чисто азартной игры расширяются, а потери и выигрыши увеличиваются до крайности. К этому нужно добавить, что в наше время биржа не является больше местом свободного разворачивания стихийных рыночных сил, становясь простой игрушкой банков. Несмотря на то, что, по видимости, биржевые котировки устанавливаются согласно закону спроса и предложения, банки берут на себя роль вожаков неорганизованных масс спекулянтов, не сознающих того, что они являются орудиями чужой воли. «Демократия» изгоняется с биржи так же, как ее изгоняют с современного рынка вообще, в наш век колоссальных промышленных концернов и финансовых магнатов.

В Китае биржа и валютный рынок насквозь пропитаны духом спекуляции самого худшего сорта. Все силы посвящаются здесь не устранению колебаний в рыночных ценах и курсах, но, наоборот, использованию всякой возможности для того, чтобы с чрезвычайной энергией форсировать естественное колебательное движение цен вверх и вниз. Огромные капиталы брошены в эти операции. Каждый месяц приносит новый маневр на бирже, являющийся исходным пунктом для неожиданного движения цен и создающий новые богатства и новые банкротства.

Центром спекуляции в Китае является Шанхай. Здесь спекуляция разделяется на два основных потока. Международные валютные курсы формально устанавливаются иностранными банками. Но в то же время Шанхайская золотая биржа вторгается с непреодолимой силой в процесс образования валютных котировок и постепенно становится всемогущим органом, определяющим взаимоотношения цены золота и серебра в масштабе мирового рын-

ка. С другой стороны, фондовая биржа вовсе не участвует в спекуляциях на иностранной валюте. Ее область ограничивается исключительно игрой на акциях и облигациях.

Иностранные банки, устанавливающие международные курсы, окружены сворой чрезвычайно активных и богатых спекулянтов, производящих сделки на суммы, во много раз превышающие их реальную собственность. В некоторые периоды общая сумма сделок, заключаемых этими спекулянтами без соответствующего обеспечения в их руках, достигает 75—100 миллионов долларов. Они ведут массовую спекуляцию либо на повышение, либо на понижение золота и соответственно с этим закупают или продают огромные массы валюты. Они до крайности подвержены панике и крайне чувствительны ко всякому политическому, общественному или иному событию, происходящему в самых различных концах земного шара. Мы воспроизведем здесь только два-три эпизода из богатой драматическими моментами истории шанхайского спекулятивного рынка за последние годы. Так, в середине августа 1925 года здесь царило крайнее возбуждение, вызванное новостями о хорошем урожае в Индии. Китайские спекулянты немедленно начали продавать фунты стерлингов. Когда это настроение достигло высшей точки, на рынке стали распространяться слухи о мнимой смерти Чжан Цзо-лина. Затем появились сведения о наводнениях и тайфунах в Японии. Все эти события были в пользу серебра и против золота. По словам биржевого отчета «сердца спекулянтов ожесточились» и они начали бешеную продажу иен и стерлингов[1]). Еще более замечательный случай понижательной активности спекулянтов имел место в июле 1925 года, когда было опубликовано предсказание хорошо известного итальянского ученого Бендани относительно якобы предстоящего нового землетрясения в Японии, точную дату, которого — 21 июня — он не преминул указать. Возникла подлинная паника и началась безудержная продажа иен. Наоборот, распространения в начале 1925 года слухов о предполагаемом возвращении Англии к золотому обращению было достаточно для массовой закупки фунтов стерлингов.

Масштаб этих операций возрастает от месяца к месяцу. Так, например, всеми признается, что падение цен на серебро в августе и сентябре 1926 года остается в значительной мере на совести шанхайских спекулянтов. Оно было результатом «согласованных действий» торговцев золотом. «Вся обстановка *сложилась в их пользу, так как запасы белого металла в Шанхае* тяжело давили на местный рынок, далеко превосходя потребности нашей торговли». В течение этого периода шанхайские спекулянты «диктовали серебряные цены и курсы иены, так что в первую неделю августа сумма

[1]) „Far Eastern Capital and Trade", August 21, 1925, „Money and exchange".

заключенных ими срочных сделок на покупку золота достигала приблизительно 70 миллионов иен, включая все виды иностранной валюты. Эта сумма непокрытых срочных сделок скоро возросла до 80—100 миллионов иен (*опять таки включая все виды золотой валюты*), *являясь наивысшей за все* время существования Шанхайского порта... Суммируя данные о положении вещей за этот период, можно сказать, что Шанхайский валютный рынок находился под контролем китайских спекулянтов... Другие главнейшие рынки серебра, а именно: Лондон, Нью-Йорк и Бомбей только следовали за колебаниями шанхайского рынка» [1]).

Излюбленным об'ектом шанхайской спекуляции является японская иена. Это обстоятельство легко об'ясняется не только территориальной близостью Японии, но, в первую очередь, и значительным притоком японского капитала в Китай в течение последних лет и вообще оживлением экономической деятельности японцев в Китае. Об этом мы будем подробнее говорить ниже. *Появление на рынке больших количеств реальных, физически ощутимых* иен подливает масла в огонь шанхайского спекулятивного духа. Удивительные последствия этого вмешательства китайских спекулянтов в судьбу японской валюты получили отчетливую характеристику в работе Е. Канна, лучшего авторитета по вопросам китайского денежного обращения. «Шанхайская золотая биржа в течение 1924—1926 г.г. управляла ценностью японской иены и к середине сентября 1926 года вернула ее обратно к уровню, отставшему всего на 2% от золотого паритета... Естественно, шанхайские валютчики получили могущественнейшую поддержку со стороны улучшения экономической конъюнктуры в Японии и со стороны спекулятивных закупок иены в других частях мира. Но эти закупки были исключительным следствием тактики, вдохновлявшейся шанхайской золотой биржей. Можно установить с полной достоверностью, что за улучшение курса иены на протяжении 2½ лет с 38 до 48¾ американских центов, члены золотой биржи в Шанхае несут ответственность по крайней мере в размере 75%... Сделки с иеной в Шанхае далеко превосходят по своему масштабу обороты с иностранной валютой любого японского города. Благодаря производимым в Шанхае огромным операциям с иеной, главным образом, так наз. золотыми спекулянтами, этот город превратился в своего рода мировую расчетную палату для сделок в японской валюте» [2]).

Здесь финансовое положение Китая предстает перед нами во всей его современной извращенной перспективе. Банковский прогресс был здесь

[1]) „Far Eastern Capital and Trade", October 9, 1926, „The factors responsible for the drop in exchange".

[2]) „The China Weekly Review" December 4, 1926, E. Kann „How Shanghai influences the world's prices for gold and silver".

очень медленным, и среднее китайское кредитное учреждение является карликом по сравнению с титантами такого калибра, как, например, Гонконг-Шанхайская банковская корпорация или Иокогама Спеши Банк. *В то же время китайский капитал, покидая свои позиции в банковском* деле, ищет новых путей для деятельности и оказывается достаточно мощным для того, чтобы отнять у тех же иностранных банков руководящую роль в деле определения междувалютных курсов. Один китайский банкир определил, в личном разговоре с нами, удельный вес различных влияний на валютном рынке Китая в следующей последовательности: 1) китайские спекулянты, 2) иностранные банки, 3) китайские банки.

Обратимся теперь к характеристике работы фондовой биржи. Она располагает в Китае для своей деятельности гораздо меньшим бумажным материалом, чем соответствующие учреждения Западной Европы или Америки. Акционерная форма собственности не очень популярна в Китае. Фондовая *спекуляция концентрируется на каучуковых акциях, хотя предприятия*, занятые производством каучука, расположены вне пределов китайской территории. Эти акции, следовательно, не стоят ни в какой связи с подлинными интересами китайской промышленности и торговли. Это как нельзя яснее подтверждает, что фондовая биржа в Китае служит исключительно орудием в руках спекулянтов, а не используется, как центральный распределитель ценных бумаг среди лиц, ищущих прочного и длительного помещения своего капитала. По выражению экономического журнала, который нам приходится часто цитировать, участие в спекуляции на фондовой бирже Китая не может быть успешным без долгого опыта; *если такого опыта* нет, то, как говорит биржевой отчет этого издания, в девяти случаях из десяти результатом попыток новичка заняться спекуляцией будет то, что он останется «без рубашки» [1]). Котировки фондовой биржи обычно основываются не на действительной ценности различных бумаг, а устанавливаются согласно желаниям руководящих групп маклеров.

Главная фондовая биржа в Китае находится в Шанхае. Список акций, допущенных здесь к котировке, очень ограничен. Преобладающую роль, как сказано, играют акции каучуковых предприятий. Кроме них, мы находим в небольшом количестве акции гостиниц и магазинов, страховых кампаний, хлопчатобумажных предприятий, пароходств и еще особую группу «разных». Цены на каучуковые акции подвержены чрезвычайным *колебаниям*, потому что для них определяющим моментом является котировка каучука в Лондоне. Издержки производства каучука не превышают 1 шиллинга и,

[1]) „Far Eastern Capital and Trade", April 24, 1925 „Dealings in Shanghai stocks and shares".

следовательно, цена в 1 шиллинг 6 пенсов может вполне удовлетворить производителя. Тем не менее, даже на протяжении последних лет бывали моменты, когда она подскакивала до 4 шиллингов 6 пенсов. Таким образом, неудивительно, что отчеты крупных маклерских фирм, которые пытаются предсказать движение каучуковых цен, напоминают «сказки из 1001 ночи», как замечает журнал «Far Eastern Capital and Trade».

Законодательство, регулирующее в Китае деятельность акционерных кампаний, не имеет существенных отличий от других государств. Образцом послужило японское законодательство. Особенности этого законодательства охарактеризованы *М. Е. Гильчером в следующих словах:* «Итак отличительные признаки китайского закона: влияние и усмотрение администрации; преувеличенное влияние учредителей на вопрос об учреждении общества, так как в их руках доклад учредительскому собранию; строгое проведение принципа решения вопросов по большинству голосов акций, отсутствие карательных мер за использование голосов через подставных лиц с целью обхода постановления устава об ограничении голосов, принадлежащих отдельным акционерам» [1]). Из этой сухой юридической характеристики явствует все же, что главнейшей особенностью положения акционерных кампаний в Китае является еще большая чем в Западной Европе свобода, предоставляемая деятельности учредителей и других воротил в управлении акционерных кампаний. Следует прибавить, что китайский закон фиксирует низкий лимит для купюры отдельных акций: она не должна стоить меньше 20 юаней, а в случае немедленной и полной оплаты ее стоимости, — не меньше 5 юаней [2]). Разумеется, такое понижение купюры акции создает возможность для широкой «демократизации» владения ими и вовлечения в спекуляцию широких масс населения.

Что касается положения фондовых бирж, то оно урегулировано законом от 29 декабря 1914 года и позднейшими дополнениями к нему от 10 мая и 25 мая 1915 года [3]). Важнейшие элементы этого законодательства сводятся к следующему: фондовые биржи учреждаются в форме акционерных компаний; их капитал не должен быть ниже 100 тысяч юаней, при чем биржа может начать функционировать не раньше, чем оплачена половина этого капитала. Биржа должна представить в виде залога сумму, равную по крайней мере ⅓ ее капитала. Этот залог должен состоять наполовину из звонкой монеты, наполовину — из облигаций государственных займов. Залог

[1]) М. Э. Гильчер. Очерки китайского акционерного права. Высшая школа в Харбине. Известия юрид. фак. Т. I, Харбин, 1925. стр. 16—17.

[2]) Législation commerciale de la république de Chine, publiée par la commission de l'exterritorialité, Pekin, Fevrier 1924, стр. 111.

[3]) Там-же, стр. 169—187.

должен быть помещен в банке, которому предоставлено производство казначейских операций в данном городе. Биржа может требовать от своих маклеров известной денежной гарантии. Фондовым биржам разрешается вести операции за наличные и на срок, при чем покупка и продажа ценностей на срок или т. п. операции могут производиться только в помещении самой биржи. Биржа должна публиковать каждый день официальные котировки каждого вида ценностей как для наличных сделок, так и для срочных. Для взимаемого биржей куртажа устанавливается довольно высокий предел в размере 5% с суммы сделки. Котировки устанавливаются администраторами биржи и ее директором. Способы установления биржевых курсов должны быть зафиксированы в статутах биржи.

Выше было уже сказано, что минимальная купюра акции была определена китайским законом в 5 юаней. Но в действительности даже этот низкий минимум не соблюдается с достаточной строгостью. Как видно из выпущенной недавно специальной книги, посвященной каучуковым акционерным кампаниям, из 40 предприятий, деятельность которых описывается в этой книге, 23 выпускали акции достоинством в 1 таэль и ниже. Общая сумма акций, обращающихся на шанхайской фондовой бирже, должна быть, во всяком случае, не ниже 10 миллионов.

Любопытно, что эти огромные суммы, затрачиваемые шанхайскими спекулянтами на приобретение акций каучуковых предприятий, должны рассматриваться как помещение китайского капитала в иностранных государствах. Однако, для каждого очевидно, что эти акционеры психологически являются совершенно чуждым элементом для кампаний, в которых они формально принимают участие.

Как видно из изложенного, излюбленными об'ектами спекуляции на шанхайском рынке являются японская пена и каучук, т.-е. ценности, отнюдь не связанные органически с народно-хозяйственной жизнью Китая. Нужно, однако, отметить, что даже те товары, которые производятся в самом «срединном государстве», часто становятся об'ектом самой дикой спекуляции, если только китайские торговцы имеют какую-нибудь возможность, благодаря сосредоточению в их руках значительной части предложения данного товара, влиять на цены или диктовать свои условия мировому рынку.

Так обстоит дело, например, с чаем и антимонием (сурьмой). Спекулятивный характер цен на чай отмечается новейшим исследователем чайного производства и чайной торговли Б. П. Торгашевым. Для довоенного чайного рынка показательны следующие приводимые им погодные колебания цен (*см. таблицу на стр. 124*):

Таким образом минимальные цены часто оказываются в 5—7 раз ниже максимальных. Спекуляция с чаями, по свидетельству Торгашева, достигла

Сорта чая	1910		1911	
	максимум	минимум	максимум	минимум
Линту	110.00	15.00	100.00	16.25
Кимун	80.00	14.00	90.00	20.00
Аньхуа	44.00	9.50	45.00	15.00
Хубей	25.00	9.50	27.50	12.00
Хунань	30.00	8.55	31.00	10.00

Сорта чая	1912		1913	
	максимум	минимум	максимум	минимум
Линту	104.00	16.00	100.00	16.00
Кимун	85.00	20.00	72.00	22.50
Аньхуа	35.00	10.70	37.50	11.90
Хубей	23.00	11.00	24.10	12.50
Хунань	27.50	10.50	24.50	10.40

своего предела во время мировой войны [1]). Однако и в настоящее время колебания чайных цен даже в пределах одного и того же месяца поражают своими размерами. Так, по данным журнала «Far Eastern Capital and Trade» на сорт чая, известный под именем чуньми, наивысшая цена в январе 1927 г. была 60 таэлей, низшая 10 таэлей, в феврале на тот же сорт наивысшая цена составляла 54, низшая 10, в марте соответствующие цифры были 50 и 13. Для сорта жуйми максимальные и минимальные цены были: в январе 58 и 18, в феврале 33 и 10.5, в марте 43 и 9 [2]). Мы взяли на удачу два сорта; однако и другие сорта не намного отставали от них по размаху колебаний цен.

Такую же картину дает и цена на антимоний. Помесячные колебания цен этого металла воспроизводятся в следующей таблице (см. таблицу на стр. 125):

Приведенные цены относятся к китайскому и японскому антимонию (обыкновенных марок) на Нью-Йоркском рынке. Как видно из таблицы, движение цен на антимоний отличается крайней нервностью. Так, с июня

[1]) Boris P. Torgasheff. China as a tea producer, Shanghai, 1926 стр. 195—198.

[2]) „Far Eastern Capital and Trade; June 10, 1927.

	1923	1924	1925	1926	1927
Январь	6.81	10.19	17.33	23.38	13.92
Февраль	7.20	10.79	19.87	21.67	14.43
Март	8.75	11.42	15.49	19.36	12.83
Апрель	8.38	9.92	12.49	17.11	14.19
Май	7.43	8.62	16.37	11.60	—
Июнь	6.84	8.39	16.61	11.58	—
Июль	7.05	8.47	17.71	14.46	—
Август	7.67	9.68	17.63	15.93	—
Сентябрь	7.52	10.98	17.06	15.36	—
Октябрь	7.83	11.44	17.98	13.98	—
Ноябрь	9.03	14.30	19.83	13.27	—
Декабрь	9.18	14.98	21.67	13.21	—
Средняя	**7.81**	**10.77**	**17.50**	**15.91**	—

1924 года начинается подъем, доводящий цены с 8.39 до 19.87 на протяжении какого-нибудь полугодия. С января 1926 года по май того же года цена резкими скачками снижается с 23.38 до 11.60. Остается только прибавить, что производство антимония сосредоточено почти на 90% в Китае и поэтому производители его в Хунани, где почти целиком концентрируется добыча этого металла, заставляют даже Нью-Йорк подчиняться своим спекулятивным *фокусам* [1]).

Таким образом в китайском народном хозяйстве спекуляция играет несравненно большую роль чем где бы то ни было. Как было выяснено в первой главе нашего исследования, причина этого заключается в том, что производительное использование накопленного богатства в Китае оказывается почти невозможным, и китайский капиталист, идя по линии наименьшего сопротивления, стремится путем спекуляции урывать большие барыши, пользуясь совершенно дезорганизованным состоянием народного хозяйства.

[1]) „Far Eastern Capital and Trade", June 17 1927, стр. 45.

ГЛАВА V.

БАНКИ.

Возникновение банков в Китае относится к незапамятной древности. Организации банковского типа занимались здесь переводом денег для торговых операций за много веков до того, как что-нибудь подобное стало зарождаться в Европе. Однако, существующая в Китае в настоящее время кредитная система сравнительно недавнего происхождения, так как после революции 1911 года, по обстоятельствам, которых мы коснемся ниже, огромное большинство так наз. туземных банков потерпело крах.

Китайские банки существенно отличаются от европейских. У них, прежде всего, иной основной стержень работы. Их отнюдь нельзя назвать, по аналогии с западно-европейскими банками, финансовыми центрами страны, собирающими ее свободные капиталы для распределения между отдельными отраслями народного хозяйства. Базисом существования китайских банков всех разновидностей является валютная спекуляция. Выше была уже охарактеризована денежная система Китая с ее многообразием провинциальных видов денежного обращения, с ее различными валютными курсами между всеми видами медной и серебряной монеты. Всякий междупровинциальный товарооборот и всякое путешествие вызывают, поэтому, беспрестанный спрос на размен денег, дающий огромные прибыли банкам и меняльным лавкам. Валютные операции и дают основной тон банковской работе в Китае. Китайцы, несомненно, обладают выдающимися дарованиями и развитым вкусом к валютной работе, выработавшимися благодаря продолжительному историческому опыту.

Вместо с тем, в Китае еще не успел народиться и получить широкий размах, в западно-европейском духе, режим фондового капитализма, при котором банки сами и через своих клиентов приобретают многообразные связи с промышленными и торговыми предприятиями. Акционерная форма собственности, как уже было сказано выше, вообще находится в Китае еще в зародышевом состоянии, и обращающийся на китайских фондовых биржах материал имеет обычно явно выраженный спекулятивный характер. Китайская спекуляция символически воплощается в каучуковые акции. Наоборот,

чисто промышленных бумаг Китай еще почти не знает. Это в корне подрезает возможность внедрения банков в промышленность обычными путями, усвоенными западно-европейскими кредитными учреждениями. Единственным исключением, повидимому, являются японские банки. Однако, японские банки особенно тщательно скрывают свою работу от нескромных взоров постороннего наблюдателя, так что точных сведений о связи этих банков с китайскою промышленностью привести нельзя.

Следующей особенностью китайской денежной системы является то, что туземные банки обычно оказывают кредит не в вещной, а в личной форме, не требуя по общему правилу никакого обеспечения. Нужно сказать, что в огромном большинстве случаев это обстоятельство не подрывает устойчивости китайских банков, так как они близко знают всю свою клиентуру; кроме того, существующая в Китае чрезвычайно прочная семейная солидарность связывает как бы круговой порукой с должником всех членов его семейства.

Выпуск бумажных денег всегда был одной из операций, особенно охотно практикуемых китайскими банками. При этом, поскольку банковская деятельность в Китае почти не подвергается правительственной регламентации, естественно, происходили постоянные злоупотребления со стороны банков в пользовании печатным станком, и рынок наводнялся большими массами бумажных денег. Правительственные учреждения конкурировали в этом отношении с банками. В последние два десятилетия царствования маньчжурской династии начались усиленные выпуски бумажных денег провинциальными банками, аналогичными казенным палатам нашего прошлого. Эти провинциальные банки, о которых мы мимоходом уже говорили выше, должны были посылать центральному правительству собранные ими с населения государственные налоги. При этом возможность использования печатного станка способствовала исправному выполнению провинциальными банками этой функции. Правительство вначале пробовало протестовать, так как предпочитало серебро бумажным деньгам. Однако, по мере утверждения новых денег в провинциальном обороте оно примирилось с нововведением. В этом увлечении бумажно-денежной эмиссией провинциальные банки нашли подражателей в лице худшей части частных туземных банков, искавших способа пополнить свой скудный основной капитал. Незадолго до революции 1911 г. разыгралась бешеная спекуляция на почве стремления этих банков поправить свои пошатнувшиеся дела. Они бросились очертя голову в спекулятивную игру землями, иностранными фондами и, наконец, каучуковыми акциями. Это был период спекулятивного возбуждения на каучуковом рынке, и банки поддались влиянию общего рыночного настроения, закладывая принадлежавшие им земли, постройки и товары, чтобы получить деньги для игры. Вся эта афера окончилась массовыми банкротствами банков. Еще более сокру-

нительный удар нездоровой части китайской банковой системы нанесла революция 1911 года. Она смела почти целиком всю бумажно-денежную постройку Китая, существовавшую в то время. Бумажные деньги настолько лишились доверия населения, что в следующем 1912 году Нанкинскому военному правительству пришлось прибегнуть, при содействии дезорганизованной солдатской массы, к жестоким наказаниям за неприем бумажных денег, стремясь вернуть бумажным знакам возможность хождения. О дальнейших перипетиях в истории бумажных знаков рассказано выше, в главе о денежном обращении.

Наконец, особенного внимания заслуживает то обстоятельство, что генералы постоянно накладывают руку на китайские банки, что заставляет вклады и текущие счета искать более спокойного прибежища в иностранных банках на концессиях. Как передают, в Китае даже наиболее видные участники гражданской войны, прославившиеся своей анти-империалистической ориентацией, держат свои личные деньги именно в иностранных, а не в китайских банках, поскольку там этим деньгам не грозит конфискация в случае поражения, понесенного таким генералом... Это явное предпочтение, оказываемое торгово-промышленными предприятиями и частными лицами — не только иностранцами, но и китайцами — иностранным банкам имеет важнейшие последствия для кредитной системы Китая. Оно ослабляет до крайности китайские банки, лишая их живительного питания средствами, изъятыми из народного хозяйства. Им приходится работать преимущественно на собственные капиталы, обычно весьма скудные. Это, далее, часто заставляет китайские банки пускаться в сравнительно рискованные операции, с целью получить большие прибыли на находящиеся в их распоряжении относительно крайне скромные средства. Тем самым китайские банки превращаются в ненадежные, шаткие учреждения с сомнительной репутацией, что еще более отпугивает от них население. Огромное большинство китайских кредитных учреждений страдает при этом еще и от того, что при самом их основании им обычно удается собрать очень незначительные капиталы. Кредитная система Китая отличается, таким образом, крайней раздробленностью и микроскопичностью масштабов китайских банков. В беседе с нами руководитель валютного отдела одного из крупнейших китайских банков в Шанхае подчеркнул, что концентрация капитала в банковом деле является насущнейшей задачей банковой политики в Китае, и что только создание мощных банковских об'единений может вернуть кредитным учреждениям потерянное доверие населения и вызвать новый приток вкладов.

С другой стороны, иностранные банки, переобремененные «чужими деньгами», при свойственном им нежелании увязывать средства в китайские предприятия в сколько-нибудь значительных размерах, часто не находят

применении своим пассивам. Особенно в моменты обострения гражданской войны, начинается паломничество китайского капитала на территорию иностранных концессий. Эти вклады притекают преимущественно в форме серебряной монеты и слитков, так что иностранные банки оказываются буквально завалеными белым металлом. Они часто прибегают даже к сознательному противодействию притоку вкладов, понижая процент, платимый по пассивам. Таким образом китайское народное хозяйство теряет вдвойне: китайские банки остаются рахитичными, не имея в связи с этим возможности финансировать здоровые народно-хозяйственные начинания; китайские же капиталисты, держащие деньги в иностранных банках, получают на свои сбережения сравнительно очень незначительный доход.

Переходим к конкретному описанию современной структуры кредитной системы Китая. За последние 15—20 лет кредитная система Китая значительно развилась. В Китае насчитывается сейчас 22 европейских и американских банка, имеющих на китайской территории около 100 отделений. Многие из этих банков обслуживают не только Китай, но и другие страны азиатского востока, почему по их капиталам и балансам нельзя судить о масштабе их работы в Китае. Так, например, принадлежащий французам Банк Индо-Китая представляет собой весьма мощное кредитное учреждение с внушительной банкнотной эмиссией. Однако, в Китае его деятельность остается почти незаметной, и банковые билеты Индо-китайского банка попадаются в обороте сравнительно редко. Крупнейший иностранный банк в Китае это — Гонконг-Шанхайская Банковская Корпорация, учрежденная еще в 1867 году с разрешенным капиталом в 50 миллионов гонконгских долларов и с выплаченным капиталом в 20 миллионов. Из других банков, кроме уже упомянутого Банка Индо-Китая, с выплаченным капиталом в 75 миллионов франков, назовем принадлежащую американцам Интернациональную Банковскую Корпорацию, с капиталом в 5 миллионов золотых долларов, слившуюся недавно с таким колоссом, как Нью-Йорк Сити Бенк, английский Банк Индии, Австралии и Китая с капиталом в 3 миллиона фунтов стерлингов, наконец наш Дальне-Восточный банк в Харбине, учрежденный в 1923 году, с капиталом в 1 миллион мексиканских долларов. Этот банк имеет 7 отделений, и масштабы его работы очень выросли за истекшие 5 лет.

Наряду с европейско-американскими следует отметить существование японских банков (31), ведущих энергичную работу и сумевших завязать за последние годы многочисленные связи с китайским народным хозяйством. Из этих банков крупнейшими являются: Чосен-банк (Корейский банк) с собранным капиталом в 50 миллионов иен, банк Мицуи с капиталом в 100 миллионов иен и Иокогама Спеши—банк с капиталом в 100 миллионов иен.

Что касается китайских банков, то при уже упомянутой чрезвычайной распыленности туземного банкового капитала, дать точные цифры, касающиеся их работы, совершенно невозможно. Между банком, с одной стороны, и банкирской или даже меняльной конторой трудно провести строгую разграничительную линию. Воспользуемся, однако, приведенным в Китайском Ежегоднике списком китайских банков, составленным очень тщательно Е. Кианом [1]). Китайская кредитная сеть состоит, по данным этой сводки, из 137 банков, имеющих в общей сложности около 400 отделений. Разрешенный капитал этих банков выражается внушительной цифрой в 478 миллионов кит. долларов, а собранный капитал составляет около 183 миллионов. Крупнейшими банковскими центрами являются: Шанхай, в котором сосредоточены правления 30 китайских банков, Пекин — с 25 правлениями, Тяньцзин с 13-ю правлениями, Наньчан и Цзинан — с 5-ю правлениями каждый, Ханькоу — с 4 правлениями, Мукден — с 3 правлениями. Как следует из данных той же таблицы, за последние годы учредительская деятельность в банковой области была довольно интенсивной. Ежегодно учреждалось около 10—20 банков с общим капиталом в 7—20 миллионов долларов. Однако, это показывает в то же время, что средний собранный капитал, приходящийся на каждый из этих банков, представляет очень скромную величину.

Европейские и американские банки, работающие в Китае, во многих отношениях вынуждены приспособляться к местным условиям работы. Именно этим об'ясняется то обстоятельство, что, например, до краха 1911 г. они предоставляли китайским банкам кредиты без всякого обеспечения. Погашение подобных кредитов должно было производиться по первому требованию европейско-американских банков. Когда после революции разразилась банковая катастрофа, многие китайские банки оказались неспособными ликвидировать задолженность, и только с этого времени европейские банки стали гораздо осторожнее лавировать на этом скользком пути.

Иностранные банки почти монополизировали в своих руках финансирование внешней торговли Китая. Именно, благодаря этому, почти вся попадающая в Китай иностранная валюта сосредоточивается в этих банках. По словам Тин Шэн-вея, секретаря Китайского банка, попытки китайских банков отвоевать хотя бы некоторую часть операций с валютой у иностранных банков были до сих пор тщетны. Он об'ясняет это тем обстоятельством, что внешняя торговля Китая, в подавляющей своей части, производится иностранцами и они, естественно, несут для продажи полученную от торговых операций валюту в свои банки. Однако, как указывают некоторые исследователи, китайские купцы играют немалую роль в развитии экспорта из этой

[1]) The China Year Book, 1925. стр. 960—983.

страны. Скорее всего невозможность поколебать монопольную позицию иностранных банков в валютном деле определяется отсутствием солидных заграничных связей у китайских банков, ограниченностью их ресурсов, недостаточным знакомством с этим видом операций, а также, в немалой степени, косностью китайских банкиров. Между тем, бесконтрольное хозяйничание иностранных банков в сфере фиксисовых взаимоотношений Китая с заграницей приходится признать одной из наиболее темных сторон империалистического обхвата Китая. Фактически все дело установления междувалютных курсов оказывается отданным в руки частных, да к тому-же еще чужих кредитных учреждений, меньше всего заинтересованных в регулировании курсов в интересах народного хозяйства и денежной системы Китая. Китай попросту не знает внешней валютной политики в европейском смысле этого слова. Между тем, даже иностранные исследователи, например, Уаджиль, признают, что иностранные банки часто, при фиксации междувалютных курсов, в погоне за прибылью забывают о национальных интересах Китая [1]). Фиксируемые иностранными банками курсы имеют для Китая тем большее значение, что этими курсами определяется сумма серебряных долларов, которую стране приходится ежегодно платить в качестве процентов и погашения задолженности по иностранным займам, валюта которых почти всегда выражена в золоте. Повидимому, банки не останавливаются даже перед сознательной фальсификацией курса путем усиленных продаж серебра к моменту платежа процентов по займам. В одном из таможенных изданий сообщается, что даже «главный инспектор чувствовал себя вынужденным протестовать против котировок, устанавливаемых при платежах по некоторым займам», хотя тут же присовокупляется, что «по общему правилу банки не извлекали несправедливой выгоды из невозможности для Китая выйти на открытый рынок за приобретением валюты для производства очередных платежей по иностранным займам». Однако, вслед за тем, таможенное издание сообщает, что в годы чрезвычайного повышения цены серебра, когда китайское правительство имело возможность приобретать на свои серебряные доллары большие количества золотой валюты, расхождение между официальными курсами банков и котировками вольного рынка было настолько велико, что «премия при сделках на наличные временами достигала размеров шиллинга на таэль сверх официально публикуемых банками курсов» [2]).

Как уже сказано, главнейшая операция иностранных банков в Китае заключается в кредитовании внешней торговли. Кредит предоставляется преимущественно в форме ссуд под транспортные документы и длится обычно

[1]) Wagel, Chinese currency and banking, стр. 389.
[2]) Stanley F. Wright. The Collection and Disposal of the Customs Revenue, стр. 71—72.

4 месяца, иногда 3 месяца. Бывают случаи (но редко) шестимесячного кредита. По замечанию Спеддинга, «правильнее рассматривать эти кредиты, как разрешение со стороны импортера банку предоставлять известные кредиты экспортеру под ответственность импортера» [1]). Таким образом кредитование внешней торговли протекает в таких формах, что банкам почти не приходится нести риска.

Выше было выяснено, что колоссальные фонды, которыми распоряжаются иностранные банки, собраны ими из всех каналов китайского народного хозяйства. Прибыль, которую иностранный капитал реализует на торговле продуктами китайского сельского хозяйства, является огромною. Нам передавали, что на каждой такой операции обычно удается получить до 100% прибыли. Эти несуразно высокие «накидки цен», на продукты сельского хозяйства, равных которым, пожалуй, не найти во всем мире, вызываются постоянной нуждой китайского крестьянина в деньгах, заставляющей его преждевременно продавать свои продукты за бесценок. Таким образом, иностранный капитал использует, за счет китайских же денежных фондов, крайнюю финансовую слабость деревни для жестокой ее эксплоатации. Слабость же деревни всецело об'ясняется высасыванием из нее огромных средств милитаристами, помещающими затем награбленные средства в иностранные банки. Таким образом, китайский милитаризм сам создает крайне благоприятную почву для эксплоатации китайского населения иностранным капиталом.

Чтобы дать более конкретное представление о работе иностранных банков в Китае, разберем баланс крупнейшего из них — Гонконг-Шанхайской Банковской Корпорации. За 60 лет своего существования этот банк сумел развить свои операции в исключительно широком масштабе. Сумма баланса корпорации на конец 1924 года достигла внушительной цифры в 684.584.659 кит. долларов. В пассиве подавляющую часть составляют текущие счета и вклады, достигающие в общей сложности почти 525 миллионов или 80% баланса. Выше об'яснены причины этой необыкновенной успешности накопления иностранными банками «чужих денег». Пример Гонконг-Шанхайской Банковской Корпорации наглядно иллюстрирует преимущество, которым обладают в этом отношении иностранные банки. Банкноты в обращении выражаются цифрой в 50 миллионов, что составляет не более 7—8% общей суммы. Наконец в пассиве фигурирует выплаченный капитал банка в размере 20 миллионов, резерв в стерлингах — около 39 млн. и серебряный резерв — 25½ миллионов. Приведенные цифры позволяют сделать следующие выводы: 1) вклады и текущие счета банка превышают его собственный ка-

[1]) Spalding, назв. соч., стр. 448.

питал в 25 слишком раз. 2) благодаря выгодным условиям работы, банку удалось накопить резерв, превышающий более чем вдвое собственный капитал банка, 3) эмиссия является для банка лишь добавочным подспорьем и у него нет мотивов для напряженного ее усиления.

Перейдем к активу. Здесь, прежде всего, бросается в глаза необычно высокий в сравнении с западно-европейской практикой процент наличности в отношении суммы баланса. К концу 1924 года наличность достигала 98½ млн. долларов. К этому следует прибавить принадлежащие банку слитки драгоценных металлов — на сумму около 5 миллионов. Продуктивные активы, тем не менее, тоже выражаются в довольно значительных цифрах. Общая сумма учтенных векселей, займов, кредитов, векселей к получению, а также трассировок и драфтов в пути подходит к 460 миллионам. Наконец в активе значится также 87 млн. долларов в фондах британского правительства, индийских, колониальных и др. ценных бумагах.

Насколько можно судить по приведенным данным, Гонконг-Шанхайская Корпорация, повидимому, далеко не в полной мере использует свои наличные ресурсы для предоставления кредитов народному хозяйству. Еще меньше стремится она добиться привлечения новых средств со стороны для развития своих производительных активов. В годовом отчете Корпорации за 1923 год отмечается, что сравнительно незначительный рост вкладов, особенно в стерлинговой валюте, об'ясняется тем, что банк не ведет активной политики по привлечению таких вкладов, вследствие «трудности найти применение для наших ресурсов и вследствие дешевизны денег в Лондоне» [1]). Поэтому банк и не препятствует, по словам отчета, своим конкурентам отбивать у него вклады путем взвинчивания платимых по пассивам ставок. Во том же отчете банк протестует против предоставления английским купцам на Дальнем Востоке права участия в специальных фондах, отпущенных правительством для кредитования внешней торговли. «Спасения нужно искать не на этом пути. *Восточные банки располагают достаточными ресурсами, которые в любой момент* могут быть направлены на финансирование всякого здорового начинания» [2]). Таким образом располагая большими средствами и избегая широкого их инвестирования в промышленные и торговые предприятия, Гонконг-Шанхайская Банковская Корпорация вынуждена искать для денег иного применения. В результате, в банковском активе появляются фонды ценных бумаг. С одной стороны, рост этих фондов диктуется патриотическими (разумеется, не китайскими, а английскими) побуждениями. В уже упомянутом отчете за 1923 год определенно подчеркивается, что значительное увеличе-

[1]) Hongkong and Shanghai Banking Corporation. Yearly report and balance sheet, 31-st Dec. 1923, стр. 11.
[2]) Там-же стр. 20.

чие счета фондов в активе объясняется разбуханием портфеля казначейских векселей британского правительства. Однако, вместе с тем, в этой статье банковского актива большую роль играют всякого рода ценные бумаги, приобретаемые в расчете на повышение курса и, благодаря умелому пополнению своего портфеля фондов, Гонконг-Шанхайская Банковская Корпорация реализовала на протяжении ряда лет крупные прибыли, за счет которых она могла, например, после японского землетрясения 1923 года легко погасить потери на японских бумагах за счет курсовых разниц прошлых лет, оставив еще немалый запасец на будущие времена.

Пример Гонконг-Шанхайской Банковской Корпорации, этого крупнейшего иностранного банка в Китае, показывает, как относительно ничтожна польза, приносимая чужим банковским капиталом китайскому народному хозяйству. Иностранные банки *остаются здесь инородным телом*. Они отвлекают свободные средства китайского народного хозяйства в посторонние русла. Они отчасти демобилизуют эти средства, о чем свидетельствуют пассивно лежащие массы белого металла в кассах банков. Они отчасти направляют эти средства по опасному пути фондовой спекуляции, при чем фондовая игра ведется даже не на китайских, а на чужих заграничных бумагах. Наконец, аккумулируя за счет китайского народного хозяйства огромные капиталы и резервы, раздуваясь на основе полученных прибылей, иностранные банки берут в свои руки регулирование валютных курсов, подавляя грандиозностью масштаба своей работы мизерные китайские банки.

Среди китайских банков нужно, прежде всего, выделить три крупнейших банка, связанных с *казначейством*, *это* — Китайский банк (Bank of China) и Банк Путей Сообщения (Bank of Communications) на севере и Центральный Банк Китая (Central Bank of China) на юге. Китайский банк организован еще в 1905 году под именем банка «Ху Пу», но был преобразован и получил современную форму уже после революции (в 1912 г.). Реорганизаторы этого банка задались задачей превратить его в эмиссионное учреждение по западно-европейскому образцу, подчеркнув в его уставе, что им «учреждается банк с целью выпуска в обращение обеспеченных надлежащим образом банковых билетов, как удобного средства циркуляции, а также с целью развития на всей территории китайского государства обращения здоровых металлических денег, организации денежных расчетов и снабжения жителей *страны средствами кредита*, а также выполнения других обязанностей во имя общественных интересов». Предполагалось постепенно лишить все другие банки права выпуска своих билетов, а Китайский Банк сделать не только единственным органом банкнотной эмиссии, но и регулятором всего денежного и кредитного хозяйства. Из этих первоначальных предположений в действительности, однако, ничего не вышло. Китайский Банк не только не сумел

приобрести первенствующего значения в банковой системе страны, но к тому же является даже весьма отсталым в отношении банковой техники. Он гораздо более сродни «ямыню», т.-е. китайскому правительственному учреждению, бюрократической канцелярии со всеми ее обычными недостатками. Формы работы, применяемые в Китайском Банке, скопированы с японских образцов почти без всяких изменений [1]).

Китайский Банк является акционерным учреждением. Первоначально предполагалось собрать для него капитал в сумме 60-ти миллионов долларов, из которых половина должна была принадлежать правительству. Однако, последнее внесло на протяжении первых четырех лет деятельности банка всего 4 миллиона с небольшим, а частная подписка в конце 6 года существования банка достигла едва 3½ миллионов [2]). Лишь путем усиленного нажима со стороны правительства эта сумма постепенно была доведена почти до 20 миллионов. Однако, в следующие годы финансовые затруднения, переживаемые центральным правительством, вынудили его распродать почти весь свой портфель акций Китайского Банка. Правительство часто пользовалось этими акциями в качестве залога при получении в банках краткосрочных ссуд. Так как оно не имело возможности своевременно погашать эти займы, заложенные акции обычно в конце-концов доставались учреждению, выдавшему ссуду. В настоящее время акции перешли в частные руки целиком, и Китайский Банк является, таким образом, формально частным учреждением [3]), что не мешает центральному правительству и провинциальным властям продолжать свою политику непрестанного выжимания из него денег.

За последние годы операции Китайского Банка развиваются довольно медленно, как можно видеть из следующей таблицы (в тыс. долл.):

	1919 г.	1921 г.	1924 г.
Капитал	60.000	60.000	60.000
Резервный фонд	4.016	5.978	6.636
Долгосрочные вклады	35.663	39.877	37.823
Текущие счета	145.796	136.312	162.120
Кредитные билеты в обращении	61.680	62.937	80.699
Баланс	317.431	312.519	314.829

[1]) R. O. Hall, Chapters and documents on chinese national banking.

[2]) Chang-Kia-Ngan. The Bank ot China". Эта статья перепечатана в „Readings in economics for China", ed. by Remer, 2 изд., Shanghai, 1924, стр. 358—366.

[3]) „Far Eastern Capital and Trade", October 29 1926, „The two National Banks of China".

Китайский Банк производит три главнейшие операции: во-первых, он предоставляет персональный кредит, во-вторых, он открывает кредит под товарное обеспечение, имея для хранения товаров специальные склады, и, наконец, выдает ссуды под обеспечение ценных бумаг. По активным операциям он взимает от 8 до 9%, а в его отделениях и агентствах бывают даже случаи предоставления небольших ссуд фермерам из 2—2½% в месяц. Пассивные ставки значительно ниже: по текущим счетам — 2% в год, по вкладам на срок не менее 6 месяцев — 5%, по вкладам на срок не менее года — 6%. Частных вкладов в Китайском Банке почти нет. Обычно текущие счета открываются либо в таэлях, либо в долларах. Раньше практиковались еще золотые счета, но в настоящее время банк воздерживается от открытия таких счетов.

Котировки акций Китайского Банка показывают, что он переживает довольно тяжелую депрессию. Героическим периодом его истории были годы 1917—1919, когда биржевая цена его акций поднялась с 75 до 100% номинала. В современных биржевых котировках, публикуемых в прессе, мы тщетно искали отметок теперешней цены. По сообщению секретаря банка, к концу 1925 года они стояли на высоте 59—60 за 100.

Банк Путей Сообщения основан еще императорским декретом 8 декабря 1907 года, при чем ему ставилось задачей об'единение под общим контролем 4 групп правительственных предприятий, а именно: почты, железных дорог, телеграфов и пароходных линий. Официальным мотивом организации банка было проявленное Китайским Банком недостаточное уменье справиться с задачей регулирования междувалютных курсов. С самого начала Банк Путей Сообщения попал в руки небольшой влиятельной группы политических деятелей, получивших имя «клики цзяотун». Эта клика заправляет министерством путей сообщения, а министерство управляет банком. Душою банка, на всем протяжении его истории, является один из крупнейших финансовых деятелей Китая, Лян Ши-и, получивший прозвище «бога богатства». По замечанию одного из исследователей китайских финансов Холла, правильное понимание банковских событий в Китае за последние 10 лет невозможно без знакомства с карьерой Лян Ши-и. Он выступал почти во всех ведомствах китайской администрации, начав с главного управления железными дорогами, которое в Китае квалифицируется как «гора меди и рудник золота». В 1914 году одна из местных газет утверждала о Лян Ши-и, что он «может одновременно контролировать финансы Республики, ремонтировать и строить железные дороги, открывать банки и организовывать акционерные компании с иностранцами». Одна из лондонских газет сообщала даже, что «под его дудку пляшет большинство из тех, кто принимает участие в распоряжении китайскими миллионами». Приведем еще характеристику личности этого

своеобразного героя китайского банковского мира. «Лицо и фигура восточного Санчо-Панцы, с чудаковатыми манерами, в постоянно попошенном платье. Он не говорит на иностранных языках и никогда не путешествовал. По своей трудоспособности он является соперником Ли Хун-чжана. Он приводит в движение рычаги машины, распределяющей почести и награды, теплые местечки и посторонние доходы. Ляи окружен хорошо организованной сворой своих протежэ и сторонников, которые широко разбросаны по разным углам пекинской администрации. Несмотря на множество атак со стороны враждебных групп, его сила и влияние постоянно возрастали с 1908 года, когда он был назначен, благодаря покровительству Юань Ши-кая, министром путей сообщения. Среди литературной братии он пользуется солидной репутацией как ученый и любитель китайского искусства. Но влияние, которое он приобрел на Юаня, является результатом его неистощимой инициативы и административного гения» [1]).

В настоящее время Банк Путей Сообщения является довольно крупным кредитным учреждением. Общий итог его баланса, составленного на 31 декабря 1924 года, достигает 154.645.515 кит. долларов. В пассиве главнейшими статьями являются: капитал в 20 миллионов, полученные банком ссуды — около 20 миллионов, вклады на срок — около 19 миллионов и текущие счета — 53 миллиона с небольшим, наконец, банковые билеты в обращении — несколько меньше 42 миллионов. В активе наибольшее значение принадлежит следующим статьям: касса составляет около 18½ миллионов, ссуды на срок — 8 миллионов, ссуды под закладные — около той же цифры, ссуды до востребования — 34 миллиона, займы, предоставленные правительству — 46 миллионов, вклады в других банках — несколько менее 10 миллионов, ценные бумаги — 13 миллионов. Структура этого баланса ясно показывает, что производительная работа банка отнюдь не отличается особенным напряжением. Почти половина актива составляется из ссуд правительству, кассы и собственных фондов.

Банк Путей Сообщения считается финансовым органом Чжан Цзо-лина. Поэтому в период военных неудач последнего в конце 1925 года кассы банка подверглись ожесточенному натиску со стороны вкладчиков.

Третий казенный банк — Центральный Банк Китая — значительно моложе своих собратьев. Он основан Кантонским правительством в августе 1924 года. Этому банку ставились большие задачи по развитию народного хозяйства и регулированию денежного рынка, а капитал его должен был состоять из 10 миллионов долларов, которые предполагалось получить путем внешнего займа. Фактически же банк превратился в типичное казначейство,

[1]) Hall, назв. соч., стр. 62—63 приложений.

снабжающее правительство деньгами, в то время как коммерческие его операции заглохли, не успев расцвести. Он выдает ссуды правительству без всякого обеспечения, по простым запискам министра финансов. Несмотря на это, его деятельность развивалась довольно благополучно за истекшие 3—4 года, благодаря тому, что банк был на первых порах чрезвычайно осторожен в выпуске кредитных билетов. За первые четыре с половиной месяца его деятельности он эмитировал всего 135.853 доллара, при наличии серебра в кассах банка на тот же срок не меньше, чем на 200.000 долларов. В последующие годы эмиссия банка стала развиваться усиленней, однако, его банкноты лишь вытесняли из обращения мелкое серебро и банкноты Гонконг-Шанхайского банка, вследствие чего они нисколько не обесценивались, в то время как вытесняемые ими серебро и валюта концентрировались в кассах банка. Благополучие банка в Кантоне и было основано, с одной стороны, на осторожной и разумной эмиссионной политике, удачно утилизировавшей положение денежного рынка, а с другой стороны, на умелом использовании наступившего в этот период относительного спокойствия и мирного преуспеяния провинции. В последнее время в Гуандуне начался новый под'ем революционной борьбы, вызвавший, если судить по газетам, значительное обесценение банкнот Центрального Банка. Ханькоуское отделение Центрального банка, о котором будет рассказано ниже, развивалось значительно менее успешно, нежели его правление. Это отделение родилось в обстановке напряженного политического кризиса, в провинции, которая уже была полностью насыщена бумажно-денежными знаками, и в момент резкого увеличения военных расходов, потребовавшего усиленной работы печатного станка. Поэтому Ханькоускому отделению удалось продержаться всего 3 месяца, после чего банкнота отделения стала неразменной и начала обесцениваться.

По сообщениям, появившимся в печати в 1925—1926 гг., китайское правительство задолжало Китайскому Банку в общей сумме 28 миллионов и Банку Путей Сообщения 22 миллиона. Относительно последнего сообщалось также, что его резервы были недавно «опустошены» [1]). Эти данные относятся, повидимому, лишь к займам центрального правительства и не учитывают бесконечных провинциальных позаимствований из тех же банков. Сверх того правительственная задолженность Центральному Банку Китая составляет не менее 35—40 миллионов долларов. В общей сумме все три казенных банка финансировали правительство не менее, чем на 125—150 миллионов долларов. При таких условиях, разумеется, эти банки являются в коммерческом смысле мертвецами. Кроме того, все они имеют архаическую организацию и едва ли могут стать во главе реформационного движения, ко-

[1]) „Far Eastern Capital and Trade", October 29. 1926.

торое могло бы возродить банковскую систему Китая к новой жизни. Они пробуют усвоить некоторые новые формы банковской техники и политики, но задача эта неосуществима без коренной перестройки этих банков сверху донизу.

Следующей категорией кредитных учреждений Китая являются так называемые провинциальные банки. Прошлое этих банков восходит к правительственным меняльным лавкам, существовавшим столетие тому назад. Эти меняльные лавки служили для правительства передаточным механизмом, распространявшим медные монеты и выпускаемые правительством бумажные деньги. В период 1909 и следующих годов произошла реорганизация этих правительственных меняльных лавок в провинциальные банки. В большинстве случаев эти банки были полуофициальными учреждениями, в которых правительству принадлежала часть капитала. Они быстро росли, и значение их увеличивалось. Весь капитал, собранный для организации этих банков можно определить, примерно, в 25 миллионов долларов. В большинстве случаев попытки об'единения под одной банковской кровлей правительственного и частного капитала оказывались неудачными. Участие правительства обычно тянуло банки ко дну, так как правительство упорно заставляло провинциальные банки производить безграничную эмиссию для казначейских целей. Иногда частному капиталу удавалось выжить из банка правительство, и тогда работа банка становилась несравненно более успешной. Иллюстрацией может служить Чжецзянский Промышленный Банк, являющийся в настоящее время одним из наиболее солидных кредитных учреждений Китая. Начало этому банку было положено в 1909 году — об'единением правительственного капитала в 300.000 таэлей и частного капитала в 240.000 таэлей. В то время банк не был прибыльным предприятием, что повлекло за собой несколько его реорганизаций. Однако и после этих реорганизаций, несмотря на некоторые достигнутые успехи, банк далеко не преуспевал. Лишь 6 лет тому назад капитал банка был доведен до 2 миллионов, и так как Чжецзянское правительство не смогло подписаться на соответствующую долю, частным акционерам удалось захватить в свои руки почти весь капитал банка. Правительство, видя, что оно не может удержать в банке прежнее влияние, попыталось административными мерами захватить банк в свои руки. Однако, результатом конфликта оказалось окончательное разделение обеих сторон, происшедшее лишь недавно [1]).

Операции провинциальных банков заключаются в выполнении обычных функций коммерческого банка: они принимают вклады, предоставляют займы, учитывают векселя и т. д., но производят все эти операции без доста-

[1]) Cheng-Tao-Tung, „Financial organisation", Shanghai, 1925 стр. 235—236.

точного соблюдения коммерческих принципов, чем подвергают себя большому риску. Их капитал обычно очень невелик и они нередко злоупотребляют своим положением правительственного банка. Они не останавливаются перед чисто спекулятивными операциями, приобретая подчас акции и облигации иностранных предприятий. Отношение туземных банков к провинциальным — недоверчивое и скептическое, почему туземные банки обычно стараются не давать залеживаться в своих кассах бумажным знакам, выпускаемым провинциальными банками.

Китайские туземные банки [1]) отличаются глубоко своеобразным строем жизни и работы от своих европейских и американских собратьев. Многие поражающие особенности этих банков выявляют перед нами яркие национальные черты, запечатленные в них уже много веков тому назад. Туземные банки не знают регулярных часов работы: они открыты днем и ночью и не соблюдают даже воскресений. Они не признают двойной бухгалтерии. Их книги привели бы в трепет рядового нашего бухгалтера. Между тем эти книги на протяжении тысячелетий прекрасно служили коммерческим целям банков. В туземном банке вы не найдете арифмометра: его заменяют своеобразные туземный банк имеет специальный кадр опытных людей, снующих повсюду и с такой же быстротой справляется на этих счетах со всеми четырьмя действиями, как работающий на арифмометре европеец. В то время, как управляющий «современным» банком сидит в своем банке и принимает клиентов, туземный банк имеет специальный кадр опытных людей, снующих повсюду и обращающихся к крупным китайским фирмам с предложением принять заем. Эти люди должны быть хорошо известны и знать все правила вежливости, так как, в противном случае, глава фирмы, к которой они обращаются, может отказаться принять заем. Обычно процент по займу не высок, не более 6—7 промиль в месяц [2]). Туземные банки являются частными предприятиями, капитал которых принадлежит одному лицу, или собран среди небольшого числа компаньонов. Сумма в 50—100 тысяч таэлей считается для такого банка вполне приличным капиталом. В одном Шанхае число туземных банков, об'единенных в банковскую ассоциацию учреждений этого типа, превышает 80. В Ханькоу туземных банков насчитывалось свыше 40. Можно думать, что во всем Китае их не меньше полутысячи. Владельцы банка несут неограниченную ответственность по всем его обязательствам. Часто капитал туземного банка даже не фиксирован в определенной сумме. Некоторая часть туземных банков широко пользуется эмиссией своих «приказов», о которых

[1]) Деление китайских банков на туземные (native) и современные (modern) установлено самой жизнью и прочно укоренилось в литературе.

[2]) „Far Eastern Capital and Trade", June 17, 1927 „Comparatvie modern banking results"

будет сказано ниже, что часто вызывает кредитную инфляцию и финансовые кризисы. В результате нередко происходит то, что в европейской практике называется «набегом» на банки, а на китайском языке обозначается именем «кун пяо». В таком случае банк раньше всего удовлетворяет держателей своих билетов. Если не хватает средств для одновременного удовлетворения претензий вкладчиков и держателей билетов, банк обычно об'являет «хоу ши» — вид частичного моратория. При этом, как сказано, требования держателей билетов удовлетворяются полностью, но вкладчикам на известный срок запрещается требовать обратно свои вклады. Обычно после «хоу ши» банк попадает в ликвидацию.

Если судить по числу лиц, добивающихся разрешения открыть банк, банковское дело в Китае представляется в коммерческом отношении далеко не безвыгодным. Для предупреждения чрезмерного роста банковской сети некоторые провинции прибегают даже к ограничению общего количества банков известной цифрой. Ни один банк не может быть открыт в данном городе, пока не ликвидируется какой-нибудь из старых. Таким образом, множество банкиров in spe ожидают своей вакансии [1]).

Укажем еще несколько своеобразных черт в операциях туземных банков, отличающих их от других видов кредитных учреждений. Туземный банк не может начать своих операций, пока сумма доверенных ему на короткие сроки вкладов не достигнет значительной цифры. Для своих операций туземные банки не имеют строгих правил, которые не должны быть ничем нарушены. Даже срочные вклады могут быть частично выданы назад, прежде обусловленного срока, в случае «крайней нужды». Когда банковскому клиенту предоставляется возможность трассировать на банк в известной фиксированной сумме, то иногда установленный предел для таких трассировок не соблюдается строго и вкладчикам предоставляется превышать его. Каждый обязан погасить свои долги к китайскому новому году, но по специальному соглашению клиенты могут получить право на пролонгацию задолженности. Таким образом, различные личные связи соединяют китайского банкира с его клиентелой, и он никак не может игнорировать индивидуальных условий, в которых находится в каждый данный момент его клиент.

Выше было уже сказано, что китайские банки занимаются преимущественно валютной спекуляцией. В частности, на долю туземных банков выпадает фиксирование курса таэля в отношении серебряного доллара, полноценной монеты в отношении неполноценной и установление междупровинциальных курсов. Они устанавливают также ежедневно процентную ставку для активных операций. Высота этого процента имеет огромное значение

[1]) The Chinese Economic Bulletin, January 1925, № 202, стр. 3—4.

для экономической жизни Китая. Процент фиксируется три раза в день и определяется в известном отношении к тысяче таэлей. Если, например, дневной процент определен в двадцать кандарин (1 таэль равен 100 кандаринам), то годовой процент может быть получен путем помножения этой цифры на 365, т.-е. составит 7,30%. Традицией установлен максимальный размер для дневного процента в 70 кандарин, что соответствует годовой его высоте в 25,55% [1]).

Туземные банки тесно связаны с торговым оборотом, являясь как бы органической его частью. Даже по своему происхождению туземные банки *являются как бы придатком* к торговому предприятию. По замечанию одного китайского автора, «план организации туземного банка имеет большое сходство с китайской семейной системой. Они были первоначально организованы для целей попечения и заботы о доходе от собственности или других фондов, принадлежащих богатым семействам, или для финансовой поддержки какого-либо коммерческого учреждения, а коммерческие учреждения часто построены на семейных связях» [2]). Часто высказываются *сомнения по поводу целесо*образности такого совмещения в одних и тех же предприятиях торговых и банковских функций. Как бы там ни было, туземные банки прочно вросли в торговлю, особенно внешнюю, выполняя в ней очень важную роль. Чтобы выяснить значение туземных банков для внешней торговли, дадим, предварительно краткую характеристику механизма финансирования внешней торговли Китая. Удобнее всего это сделать описанием импортной операции. Если китайскому купцу какой-нибудь внутренней провинции нужно купить иностранный товар, он неизбежно обращается к посреднику. Посредник этот является необходимым звеном в торговом аппарате, потому, что, поскольку он идеально знает рынок, он дает согласие принять на себя риск, проистекающий из того, что импортный товар *закупается в золотой валюте*, и, следовательно, размер платежа за него может значительно измениться к моменту доставки, в зависимости от колебаний курсов валюты. Операция обычно финансируется следующим образом: купец, желающий произвести закупку, оплачивает в одном из местных банков, производящих междупровинциальные операции, перевод на город, в котором предстоит произвести платежи. В этом городе перевод заменяется в том банке, который должен платить по нему, приказом банка. Посредник уплачивает приказом иностранному купцу. Но иностранный купец не нуждается в приказе туземного банка, так как он не может его использовать для своих платежей в обороте с другими иностранцами. Он обычно отсылает туземный приказ своему банку, который должен кредитовать его счет

[1]) „Bulletin Commercial d'Extrême Orient", апр. 1925, 139—148.
[2]) Cheng-Tao-Tung, назв. соч., стр. 206—207.

на соответствующую сумму. Однако, для иностранного банка этот приказ не является наличными деньгами. Он лишь временно кредитует счет купца и стремится получить деньги по приказу с того туземного банка, на который приказ выписан. Однако, в действительной практике, такие туземные приказы погашаются не путем платежа наличных денег, а путем сконтрации, т.-е. взаимного пред'явления к платежу приказов туземных банков и чеков иностранных банков. Дело в том, что по экспорту иностранцам обычно приходится платить китайским посредникам большие суммы чеками на иностранный банк, в связи с чем создается почва для производства взаимных расчетов, без помощи наличного серебра.

Мы ограничились пока чисто формальным описанием механизма финансирования внешней торговли Китая. Здесь, однако, возникает важнейший народно-хозяйственный вопрос: ограничивается ли дело только временным взаимным кредитованием по туземным приказам, с одной стороны, и по чекам, с другой, или иностранные банки, располагающие несравненно большими фондами, чем китайские туземные банки, постоянно финансируют их путем принятия на счета туземных приказов? В прежние годы, до революции 1911 года, иностранные банки прямо предоставляли так называемые «chop-loans», по которым деньги могли быть востребованы у туземных банков в любой момент. Эти займы отличались еще и тем, что они предоставлялись без всякого материального обеспечения, на «слово заемщика». После массового краха 1911 года *иностранные банки стали гораздо осторожнее в предоставлении* кредитов туземным банкам, но, повидимому, не прекратили окончательно этой практики. В связи с этим, иностранные банки пользуются большим влиянием на туземные банки и имеют возможность, путем нажима на них, добиваться желательных изменений в направлении финансирования внешней торговли. Поскольку торговое предприятие часто представляет с туземным банком нераздельное целое, влияние иностранных банков на внешнюю торговлю Китая становится еще более значительным.

Как видно из предшествующего изложения, туземные банки широко пользуются эмиссией в виде своих приказов, которые являются векселями банка, оплачиваемыми в известный срок. Момент платежа часто отсрочивается *на месяц и даже больше. Как об'ясняет проф. Ма, положение* туземного приказа на рынке гораздо сильнее, чем положение чека, выпущенного современным китайским банком. «Современный банк не может получить платеж по чеку от туземного банка, потому что туземные банки не производят платежа наличными по чеку иначе как путем клиринга, а современный банк, не будучи членом гильдии, не может представить чек в гильдию. Единственный способ получить платеж по чеку, это использовать для этой цели какой-нибудь туземный банк, являющийся членом гильдии. По этим соображениям все со-

временные банки должны держать вклады в туземных банках для того, чтобы пользоваться привилегией получать при их посредстве платежи. По таким вкладам они получают очень низкий процент, тогда как туземные банки предоставляют займы купцам из очень высоких ставок и делают хорошие прибыли на них» [1]). По словам другого автора, «приказы служат той же цели у туземных банков, что и банкноты у иностранных банков» [2]).

Несмотря на то, что туземные банки с поразительным упорством отстаивают свои позиции в кредитной системе страны, нужно думать, что ликвидация их является лишь вопросом времени. Правда, в Китае подобные «переходные периоды» могут длиться десятилетиями и даже столетиями; находятся ученые, доказывающие, что будущее принадлежит именно туземным, а не современным банкам. Однако, сомнения по этому поводу возможны лишь *сейчас, в обстановке полного политического и народно-хозяйственного* развала «срединного государства». Если в Китае наладится твердый порядок и развитие производительных сил страны будет поставлено на прочные рельсы, современная техника и в банковском деле (так же как и в других отраслях народного хозяйства) рано или поздно одержит верх над устаревшей рутиной.

Уже сейчас в Китае появился новый тип «современного банка». Впервые подобные кредитные учреждения стали организовываться около 30 лет тому назад. Они стараются во всем итти вровень с веком. Большая часть директоров и высшего персонала этих банков побывала в Европе или Америке, где изучала банковскую практику и завязывала коммерческие отношения. *Эти банки популяризуют себя путем разных публикаций в иностранной* прессе. Один из шанхайских банков дошел до того, что постоянно командирует, на срок в три года, кого-либо из наиболее способных своих служащих для работы в иностранный отдел одного из крупнейших нью-йоркских банков. Такой служащий содержится за счет пославшего его банка и по возвращении его в командировку направляется новый служащий. Некоторые китайские банки стали учреждать за границей отделения и агентства. Такие филиалы имеются в настоящее время в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Гаване и др. [3]). Современные банки интересуются преимущественно операциями с иностранной валютой и стараются овладеть финансированием внешней торговли. Однако, в этой области для них оказывается непосильной борьба с иностранными банками. Один из этих банкиров горько жаловался нам на то,

---

[1]) „The Chinese Economic Bulletin", № 264, March 13, 1926, „Why Chinese Native Banks are more powerful than Modern Banks".

[2]) Chang-Tao-Tung, назв. соч., стр. 206—207.

[3]) „Far Eastern Capital and Trade", January 1, 1926, „The Growth of Modern Banks in China".

что даже часть внутреннего товарооборота, а именно междупортовая торговля, находится под финансовым контролем иностранных банков.

Приведем несколько цифр, характеризующих деятельность главнейших современных банков за последние годы (в тысячах долларов):

	Чистая прибыль.			Вклады.		
	1924	1925	1926	1924	1925	1926
Кантонский банк	662	597	1.234	23.567	20.204	21.957
Банк Восточной Азии	786	1.903	459	8.007	15.142	18.344
Чжецсянский Промышленный банк	392	416	394	8.044	13.190	18.753
Банк Китая и Южного моря	1.127	1.362	1.217	19.764	22.533	32.613
Валютный банк Китая (в иенах)	1.235	1.158	575	12·399	15.540	15.376
Китайско-Американский Коммерческий банк	451	560	—	11.778	15.486	—
Банк Союза Чун-Фу	298	204	172	8.502	3.503	8.832
Коммерческий банк Китая (в таэлях)	238	212	235	5.031	6.294	6.561
Соединенное Сберегательное Общество	232	485	770	3.032	7.400	1.266
Национальный Коммерческий банк	502	839	609	20·880	26.630	34.843
Национальный Коммерческий Сберегательный банк	280	190	255	3.018	3·115	5.959
Шанхайский Коммерческий Сберегательный банк	389	469	485	16.811	23.256	33.335
Континентальный банк	897	881	656	15.442	23.090	29.311
Коммерческий банк Янь-Е	1.708	1·886	1.438	23.255	27.701	34.325
Банковская Корпорация Цзин-Шен	1.331	1.356	1.259	28.706	26.874	32.829

Как видно из этих данных, финансовые результаты деятельности современных банков оказываются довольно удовлетворительными, хотя отдельные цифры обнаруживают значительные колебания. Во всяком случае, интересно сопоставить прибыли современных банков с доходами других категорий кредитных учреждений в Китае. Из приведенной сводки видно, что прибыль преуспевающего современного банка все же редко превосходит 1—1½ миллиона долларов. В то-же время один только Гонконг-Шанхайский банк получил в 1926 году чистой прибыли свыше 17 миллионов. Все 85 туземных банков Шанхая за тот-же срок реализовали всего лишь 3 с небольшим миллиона таэлей. Из сопоставления этих цифр не трудно заключить, кому достается львиная доля барышей от банковской работы в Китае.

В заключение скажем несколько слов о принадлежащей иностранным банкам привилегии хранения государственных доходов, поступающих в таможни [1]). Таможенные пошлины до революции 1911 года целиком поступали в специальные «таможенные банки». Иностранная инспекция, руко-

[1]) См. „The China Weekly Review" от 10 окт. 1925, ст. G. Zay Wood. „The allocation of the Customs Funds".

водящая таможнями, передавала каждый цент «даотаям», китайские таможенным чиновникам, а последние должны были уже сами заботиться о том, чтобы платежи по иностранным долгам производились аккуратно. Эта система была снесена революцией. «Таможенные банки» не выдержали жестокого политического и экономического шторма и потерпели крушение. «Даотаи» прекратили работу с первого же момента наступившей смуты. Иностранная инспекция взяла тогда распределение таможенных доходов в свои руки. В настоящее время таможенные пошлины, получаемые так называемыми морскими таможнями, через которые проходят товары, ввозимые из-за границы и экспортируемые за границу, почти целиком поступают на хранение в Гонконг-Шанхайский Банк. Часть средств еще до последнего времени направлялась только Русско-Азиатскому Банку, добившемуся этой привилегии на том основании, что Россия-де предоставила Китаю заем в 1896 году. Доход от морских таможен превышал в последние годы 100 миллионов кит. долларов. Для китайского народного хозяйства и для китайских банков это, конечно, весьма внушительная сумма.

Наряду с поступлениями от морских таможен, китайское правительство получает еще некоторый добавочный доход от так. наз. «туземных» таможен. Эти суммы также депонируются в иностранных банках. Привилегия хранения их разделена между 7-ю учреждениями: Гонконг-Шанхайской Банковской Корпорацией, Иокогама Спеши Банком, Русско-Азиатским Банком (ныне ликвидируемым), Банком Индо-Китая, Международной Банковской Корпорацией, недавно слившейся с Нью-Йорк Сити Бенк, Индерландским Банком и Бельгийским Банком для заграницы. При незначительности ресурсов, поступающих через туземные таможни, на долю каждого из названных банков приходится немного. Приводим, исчисленные в хайгуаньских таэлях, данные о поступлении доходов через туземные таможни за последние годы.

1921	1922	1923	1924	1925	1926
4.871.293	4.362.452	4.490.130	4.175.962	4.788.977	4.622.688

Таким образом, львиная часть таможенных поступлений хранится в Гонконг-Шанхайском Банке, а иностранные банки других национальностей стараются, с большим или меньшим успехом, урвать у него для себя хоть скромную частичку этих поступлений. Еще на Вашингтонской Конференции представителями разных стран (Японией и Францией) заявлялись притязания на более значительное участие в распоряжении таможенными суммами. В этом дележе пирога таможенных доходов не приняли участия лишь китайские банки, которые, казалось бы, по самой природе вещей, должны были бы являться хранителями таможенных доходов китайского государства.

Следует, однако, указать, что собираемые в настоящее время большинством провинциальных правительств Китая добавочные *таможенные пошлины* в размере 2½—5% с цены товаров депонируются в китайских, а не иностранных банках. Таким образом, первая брешь пробита, и, нужно думать, китайским банкам удастся в не очень отдаленном будущем отвоевать у иностранных банков свою естественную прерогативу хранения таможенных доходов.

Изложенное выше показывает, нам кажется, с достаточной ясностью, что крупные успехи и быстрый рост иностранных банков в Китае об'ясняются не столько превосходством банковской техники, или более совершенными методами банковской политики, сколько привилегированным режимом, отстаиваемым для себя в этой стране империалистическими державами.

ГЛАВА VI.

БЮДЖЕТ И НАЛОГИ.

Китай издавна отличался центробежным направлением финансовой политики, предоставлявшей провинциям значительную сферу финансовой самостоятельности. Правда, во времена маньчжурской династии, императорская власть была достаточно крепка для того, чтобы путем давления на провинции, обеспечивать себе возможность безбедного и даже пышного существования. В сравнительно еще недавние времена, в Пекин стекались со всех концов империи налоговые поступления в натуральной форме. Так, Чжецзян посылал чай, сатин, шелк, дерево, древесное масло, фрукты и т. д.; Хунань отправляла дерево и воск или свечи, Цзянси снабжала полотном, чаем, сушеными грибами, палочками для писания, лотосом, лотосовой мукой, финиками, бумагой для писем, деревом и т. д.; Гуандунь доставлял ладан, жесть, клей, воск или свечи, груши, дерево, кухонные принадлежности. Сверх того, все южные провинции снабжали Пекин рисом, а северные хлебом или маисом. Эти натуральные сборы, вслед за тем, консолидировались в денежные, являясь по своим размерам вполне достаточными для Пекинского правительства [1]). Позже денежные налоги в каждой провинции собирались местными финансовыми властями, во главе которых стоял гражданский комиссар, а в Пекин переводились лишь остатки сумм, после оплаты всех провинциальных расходов. Эта система финансового управления на местах выглядела достаточно хаотично и безалаберно. По характеристике одного китайского автора, «эта система была разительным примером бесполезной растраты сил и средств, потому, что, если к примеру, взять провинцию Гуандунь, не менее чем 8 различных провинциальных учреждений переводили средства каким-нибудь четырем десяткам различных учреждений в Пекине и в других местах, без всякого участия, а порой, что еще хуже, без всякого ведома Департамента Доходов [2]). Главным налогом в провинциях был поземельный налог, но значительнейшая часть этого налога рас-

---

[1]) Chuan-Shih-Li. Central and Local Finance in China, New-York, 1922 стр. 47.

[2]) Там-же, стр. 58.

ходовалась на содержание местной администрации, так что богдыхану отправлялась лишь небольшая доля.

Сохранившийся отчетный материал свидетельствует о том, что дотации, отправлявшиеся провинциями центру, выражались в довольно солидных суммах. Так, накануне революции, по бюджету 1911 г. все провинциальные расходы составили 335.940.748 долларов, из которых 172.366.021 доллар были израсходованы на месте, а центр получил 174.902.441 доллар, из которых, в свою очередь, выплатил в виде вспомоществования отдельным провинциям 11.327.714. Среди отдельных провинций, оказывавших центру наибольшую поддержку, упомянем: Цзянсу, давшую в 1911 г. 41.173.941; Гуандунь, сделавший переводов в том же году на 21.747.983 доллара; Сычуань, отправивший 16.818.079 долл., Чжили, у которой размер дотации составил 14.357.267 и др. Провинциями, обычно нуждавшимися в финансовой поддержке центра, были: Юньнань, Синьцзян, Тибет и др.

После революции система денежных подкреплений центра провинциями первое время держалась довольно крепко. Правда, по бюджетам 1913—1914 и 1916 г.г. общий итог переводов провинциальных средств Пекину колебался уже в пределах всего лишь 30—40 миллионов. При этом приведенные выше цифры в 30—40 миллионов являются лишь бюджетными предположениями. В действительности же поступления из провинций в центр составляли, например, в 1913 г. всего 5.600.000, тогда как субсидии центра провинциям не превысили 2.800.000. Причина этого, однако, заключается в том, что управление таможен и соляная администрация поступили в непосредственное ведение центрального правительства. Поэтому с начала революции сумма провинциальных доходов резко падает и в то же время провинциальные дотации центру снижаются почти до нуля. Поэтому, на первый взгляд, революция привела к некоторой централизации финансового аппарата Китая. Так продолжалось, однако, очень недолго, а затем в связи с полным политическим развалом страны местные органы министерства финансов совершенно эмансипировались от центра, и доходы стали целиком расходоваться на местах, независимо от того, поступали ли они от национальных или местных налогов.

Яркую картину этого процесса постепенного финансового отложения провинций от центра рисует Чан Ин-хуа, крупный чиновник Пекинского министерства финансов. Его исследование охватывает период 1919—1921 годов. В эти годы Пекинское правительство получало еще довольно значительную часть соляного дохода, поземельного налога, сборов с табака и вин, гербовых сборов, сборов пекинского округа и некоторые другие. Однако, обязательные платежи (на содержание финансового аппарата, оплату процентов по государственному долгу и пр.) были настолько велики, что, поскольку в те-

чение указанного трехлетия в среднем в год было получено 330.190.000, а принудительно израсходовано 315.812.000 долларов, остаток, которым министерство финансов имело возможность свободно распорядиться, выражался в весьма мизерной сумме — 14.378.000 долларов. Это составляет в месяц всего 1.198.000 долларов. В то же время расходы центрального правительства на войска и полицию составляли в месяц 5.885.000, а административные расходы — 3.120.000, так что общая сумма расходов достигала 9.005.000, а дефицит выражался круглой цифрой — 7.807.000 долларов. Пекинское правительство было поэтому уже в названные годы в неоплатном долгу, который нарастал из года в год в угрожающей прогрессии, как это видно из следующих цифр (в тысячах долларов) [1]):

	1914	1915	1916	1917	1918
Войскам и полиции	150	2.094	1.375	1.613	2.063
Гражданской администрации .	125	7	271	1.312	504
Всего . .	275	2.101	1.646	2.925	2.567

	1919	1920	1921	1922	Всего.
Войскам и полиции	27.609	26.604	44.691	29.103	134.302
Гражданской администрации .	7.679	14.171	21.735	18.040	63.844
Всего . .	35.288	40.775	66.426	47.143	198.146

Таким образом, начинаясь с пустяков, ежегодное увеличение задолженности доходит к 1920—1922 г.г. до 40—70 миллионов долларов. По словам Чжан Ин-хуа, накопление текущей задолженности пекинского правительства в только что приведенной сумме 198.146.000 об'ясняется почти целиком удержанием местных доходов провинциальными властями; к тому же сроку эти недоимки за провинциями достигли 187.191.000 долларов.

Финансы пекинского правительства за последние годы пришли в такое крайнее расстройство, что правительству пришлось неоднократно назначать специальные комиссии для обследования своего финансового положения и выработки мер урегулирования своей финансовой системы. Последняя такая комиссия, заседавшая под председательством д-ра В. В. Яня, составила временный бюджет китайского народа на 1925 г., охватывающий центральный и провинциальные бюджеты. Этот бюджет, правда, является в значительной

[1]) Chan—Ying—Hua, The Financial Reconstruction of China, Peking, August 1923 стр. 12—15.

мере теоретическим, так как он построен на предположении, что центральное правительство попрежнему получает целиком ряд налогов, в действительности удерживаемых местными властями, а, с другой стороны, уплачивает полностью проценты, отчасти даже и погашение, не только по так наз. обеспеченному, но и по необеспеченному долгу (см. ниже). Кроме того, в основу исчисления провинциальных бюджетов положен довольно устаревший материал, сильно преуменьшающий доходы и расходы отдельных провинций. Тем не менее, попытка комиссии д-ра Яня построить общий бюджет Китая является весьма ценной, и мы находим нелишним воспроизвести здесь его основные выводы. Доходы центрального правительства, по этому бюджету, составляют 284.308.280 долл. при расходах в 309.658.486 долл. Главнейшие доходы это — таможенные пошлины (около 120 миллионов), соляной доход (около 100 милл.) и сбор с вина и табака (около 50 миллионов). Среди расходов центральное место занимают платежи по государственному долгу, исчисленные в сумме — 166.466.939 долларов. Из этой суммы на платежи по иностранным займам приходится 90.295.149 и по внутренним займам — 76.171.790. Около трети этой суммы представляют платежи по необеспеченному долгу и фактически в расходы не попадают. Сверх этого общего бюджета пекинского правительства существуют отдельные бюджеты министерства финансов и министерства путей сообщения. Первый из них охватывает доходы и расходы важнейших монетных дворов, правительственной типографии и правительственной бумажной фабрики. Этот бюджет сведен без дефицита в сумме около 100 миллионов долларов. Бюджет министерства путей сообщения показывает 184.068.882 доллара в доходной части и 254.994.276 долларов в расходной части. Расходный бюджет включает не только все операционные расходы железных дорог, но и платежи по займам, наличность которых и вызывает существование дефицита в этом бюджете в размере свыше 70 миллионов долларов. Провинциальные бюджеты входят в общую сводку цифрой в 177.254.360 долларов по доходам и 274.703.471 по расходам, давая в общей сложности дефицит около 100 миллионов. Военные расходы поглощают значительнейшую часть провинциальных поступлений, составляя 196.859.696 долларов, что дает 67,8% по отношению к общей сумме расходов. Главнейшие статьи доходов в провинциальных бюджетах: поземельный налог — около 85 миллионов и ликин — около 40 миллионов. Подытожив все приведенные составные части китайского бюджета, мы увидим, что доходы его составляют, примерно, 750 миллионов, а расходы около 950 миллионов, так что дефицит выражается круглю в 200 миллионов или около четверти бюджета. Суммируя государственные и провинциальные расходы, получим, что, согласно бюджету д-ра Яня, платежи по долгам входят в расходную смету в сумме 230 миллионов, пути сообщения (без платежей по

займам) — в сумме 180 миллионов, военные расходы — в сумме 300 миллионов и прочие — в сумме 130 миллионов [1]).

Как уже сказано, бюджет д-ра Яня совсем нереален. В действительности пекинское правительство располагает настолько мизерными суммами, что по целым месяцам не платит жалованья, часто не зная, где раздобыть несколько сот тысяч долларов. На состоявшейся в Балтиморе конференции, обсуждавшей отношения между Америкой и Китаем, один из знатоков китайских финансов д-р Фредерик Ли охарактеризовал положение пекинского правительства в следующих выражениях: «Положение в настоящее время таково, что доходы, имеющиеся в распоряжении китайского правительства для административных целей, составляют всего 7 миллионов в год, а покрыть ими нужно расходов на 128 миллионов. Другими словами, расходы превышают доходы в 17 раз. Разумеется, никакая финансовая политика не дала бы возможности просуществовать и выполнить что-нибудь при таких обстоятельствах» [2]).

Таким образом, финансовое управление Китая децентрализуется все больше и больше. Провинция становится основной финансовой единицей. А в пределах провинции, как это уже было показано в первой главе, происходит разделение между видимым и невидимым финансовым аппаратом. Первый из них находится под контролем провинциальных властей и служит почти исключительно для финансирования военных расходов. Он сосредоточивается в больших городах. А на местах маленькие местные сатрапы собирают огромные средства для себя лично и для аппарата, который они должны содержать. Они не получают от казны никакого жалованья, и в то же время берут на себя функции взыскания и отправки в провинциальный центр известной наперед фиксированной суммы денег. Как мы увидим, главнейшими их финансовыми ресурсами являются поземельный налог и ликин.

Характерно при этом, что финансово-административная анархия приводит в провинции к полному отсутствию твердых географических единиц. Каждый налоговый департамент по-своему перекраивает карту административных делений провинций, считаясь с соображениями ведомственной целесообразности. Поскольку от каких-либо уездов ожидаются поступления в незначительных размерах, эти уезды вовсе игнорируются данным департаментом. В то же время в других уездах департамент организует свое отделение, наконец, в иных случаях отдает в уезде данный налог на откуп. В одном и том же уезде различные города могут являться административно-финансовыми центрами по сбору различных налогов.

[1]) „Chinese Economic Journal“ за июнь 1927 г. „Chinese National Budgets“ стр. 512—524.

[2]) American Relations with China, стр. 84.

На практикующейся в Китае системе откупов следует остановиться более подробно. Экономическое развитие Европы давно осудило эти систему на слом. Поэтому, когда европейцу приходится в Китае заниматься практически финансовыми вопросами, он относится к откупам, как к какому-то непонятному пережитку прошлого, как к пережитку мрачному и омерзительному. Однако, позднее понемногу начинает становиться ясным, что в китайских условиях откупа являются неотъемлемой составной частью финансовой системы, будучи нисколько не лучше и не хуже других ее элементов. В самом деле: сдача какого-нибудь налога на откупа конкурирует с другим методом взимания налогов, когда, вместо откупщика, в уезде садят без жалования чиновника министерства финансов, обязанного лишь платить провинциальному казначейству известную фиксированную сумму. Не трудно понять, что в сущности принципиального различия между этими двумя формами финансового управления нет. Обычно в качестве откупщика выступает тот же самый чиновник, прошедший долголетнюю школу в данной отрасли финансовой администрации и сколотивший в ней изрядный капитал взяточничеством и пр. Поскольку провинциальные власти всегда нуждаются в деньгах, он может заплатить данный налог за несколько месяцев вперед, и, таким образом, сэкономить себе часть суммы, которую он раньше должен был твердо выплачивать провинциальному комиссариату финансов. Если бы финансовые власти прибегали к заключению займа, результат получился бы тот же самый. Даже преемственность финансового управления при сдаче данного налога на откуп сохраняется.

Нельзя, однако, отрицать того, что откупная система создает тысячи возможностей для всякого рода злоупотреблений. Хотя общим правилом является сдача налогов с публичного торга, однако, иногда эти дела устраиваются и келейным образом за соответствующую мзду. При таких условиях казне наносится явный ущерб. Даже на торгах бывают случаи, когда хорошо спевшаяся компания бывших чиновников достигает между собою соглашения и, саботируя торги, получает возможность взять налог на откуп по очень дешевой цене. Однако, финансовое ведомство обычно имеет твердо выработанную шкалу требуемых им платежей за каждую отдаваемую на откуп статью. Размеры этих платежей установлены на основе продолжительного исторического опыта. Сверх того, правительство иногда прибегает к системе откупов в таких случаях, когда сбор соответствующего налога был бы затруднительным или неудобным для его органов. Так, один из видов опиумных сборов, налог с каждой лампы, в Хубэйской провинции отдается на откупа полиции, которой, конечно, гораздо сподручнее, чем органам министерства финансов, разбираться в том, кто курит опиум и кто нет, производя для этого всякого рода обыски.

Близкой, по существу, к откупам является система установления монопольной продажи какого-нибудь товара. Так, в отношении соли принят такой порядок, что право покупки и продажи соли принадлежит ограниченному числу купцов, которые обязаны, с другой стороны, продавать свой продукт по установленной правительством цене. Пользующиеся монополией купцы обязаны выбирать особые билеты, за которые уплачивают правительству *довольно высокий сбор*. Обычно так же организована и торговля опиумом. В данном городе устанавливается контингент лавок, имеющих право торговать опиумом, при чем владельцам этих лавок вменяется в обязанность выбирать особые патенты, дающие им право торговать опиумом «на вечные времена». Разумеется, почти каждая смена власти приводит к необходимости возобновлять эти «вечные» патенты.

Налоговая система Китая чрезвычайно примитивна. Большая часть налогов существует с очень давних времен в нереформированном виде. В сущности, основные виды обложения в Китае можно разбить на две группы: обложение предметов первой необходимости (соль, керосин, ликинные сборы) и обложение «порока» (опиум, игорные дома, табак и вино, проституция и т. д.). К этим видам обложения нужно присоединить стоящие несколько особняком таможенные пошлины, взимание которых находится в руках иностранцев, а из прямых сборов—поземельный налог. Кроме того, за последние годы начинают входить в обиход многочисленные гербовые сборы, а также кое-какие налоги с предприятий. В приведенном перечне указаны, однако, лишь основные виды обложения. Китайская же практика очень склонна к установлению огромного числа сравнительно малочувствительных для налогоплательщика мелких податей и сборов. Характерной иллюстрацией может служить Хунаньский бюджет на 1922 г. Помимо обычных видов обложения мы находим здесь: налог с крепостных документов, налог с ломбардов налог на лицензии, горный налог, налог на дома, гостиницы, лодки, рикши, паланкины, на удобрение, на театры, различные доходы от правительственных предприятий, монетного двора, лесов, школы шелководства, женских училищ, модельного гончарного предприятия, школы чайного дела, различные доходы от судов, правительственных газет, продажи книг и газет и даже от входных билетов в увеселительные заведения. Пожалуй, еще более характерный перечень новых налогов был установлен в провинции Чахар (округ Калгана) в апреле 1925 г. В то время верховным властителем этой провинции был генерал Фын Юй-сян. В этот перечень входят налоги на разного рода хлебные злаки, уголь, налог на уличные лампы, налог на электрические уличные лампы, ресторанный налог, налог на шкуры, налог на убой, ставки которого колеблются в зависимости от того, подвергались убою корова или верблюд, лошадь или осел, свинья или овца, налог с публичных домов, дифференци-

руемый по категориям проституток, на игру в маджон, на чайные листья, на телеги, на папиросы и еще на многое другое [1]). Особенно популярны за последнее время налоги, устанавливаемые с товаров во время их следования по железным дорогам и другим путям сообщения. Здесь возможность уклонения от налога минимальна, чем и пользуются финансовые власти, взимая налоги с обращения товаров с правого и виноватого. При этом не разбираются, принадлежат товары китайцам или иностранцам. В результате, иностранцы вопят об «оргиях» незаконного обложения [2]).

При примитивности всей техники обложения финансовые власти всегда стремятся заполучить подлежащий обложению товар в казенные склады, где он и подвергается обложению. Так, например, в целом ряде провинций обстоит дело с обложением табаку. Табачные листья должны с плантаций поступать в казенные склады, при выходе из которых они подвергаются обложению. Такая же система установлена и для опиума. В Хубее, например, опиум, получаясь из Сычуани, поступает на склады в Ичане; там оплачивается ввозной пошлиной, и затем под правительственным контролем следует по Янцзы в Ханькоу, где снова сдается в правительственный склад. Отсюда он опять-таки выпускается только по оплате соответствующих пошлин. Нам пришлось посетить Ханькоуский опиумный склад. Опиум хранится здесь в больших деревянных ящиках, которые открываются по требованию владельца, после чего опиум взвешивается и пошлина платится с 90% чистого веса. Естественно, возникает вопрос: почему с 90, а не со 100%? Раз'яснение, полученное нами на складе, заключалось в том, что в оптовой опиумной торговле 100% товара всегда считается за 90. Таков своеобразный уклад китайской жизни, где часто одна величина «условно» принимается за другую!

Дадим краткую характеристику отдельных видов обложения и их финансовых результатов и попробуем подсчитать реальную сумму государственных поступлений. Начнем с таможенного обложения. Таможенный режим Китая является наглядной иллюстрацией политики, которую капиталистические державы проводят в отношении Китая. С середины XIX в. Китай лишился возможности оказывать какое бы то ни было влияние на уровень своих таможенных пошлин и вообще на таможенную политику. Было бы излишним доказывать здесь, какое огромное значение для экономического развития страны имеют таможенные пошлины и в фискальном отношении, и в целях защиты национальной промышленности, и в интересах улучшения валюты. Китаю не пришлось применить этого орудия, не пришлось использовать современные методы таможенной борьбы, и только в настоящее время передовые деятели

[1]) „The Special Tariff Conference", Tientsin, May 1925, стр. 32 (прил.)
[2]) Там-же, стр. 35—37.

этой страны начинают прозревать, требуя таможенной автономии с целью ведения активной и сознательной таможенной политики по западно-европейскому образцу [1]).

По нанкинскому договору с Великобританией, вошедшему в силу с 1863 года, контроль над таможнями окончательно перешел в руки европейцев. С этих пор основным фундаментом таможенной системы Китая стало взимание 5%-ной таможенной пошлины с цен как ввозимых в Китай товаров, так и с китайского экспорта. Этот принцип сохранился до настоящего времени. Преобладающее большинство таможенных сборов определяется при этом в форме так наз. специфических пошлин, что, разумеется, при колебаниях цен на ввозимые и вывозимые товары, приводит то к усилению, то к ослаблению покровительства в отношении их. Для конца XIX века были, например, опубликованы данные, показывающие, что к тому времени наивысшая пошлина составляла 3,85% с цены, тогда как в некоторых случаях она опускалась до совершенно ничтожной величины (0,04% для рогов носорога, 0,06% для имитации кораллов, 0,58% для вееров из перьев). При таких условиях время от времени становится необходимым пересмотр тарифа. Первый пересмотр был произведен еще в 1858 г. За ним почти через полвека последовал второй — в 1901 г. Около этого времени Великобритания, Соед. Штаты и Япония обещали Китаю пересматривать тариф каждые 10 лет; однако, новый тариф был выработан только в 1918 г., в условиях еще не установившегося равновесия мирового хозяйства после войны, и поэтому в 1922 г. потребовался новый пересмотр, который был произведен весьма тщательно, при чем в основу новых ставок были положены товарные цены за время с 1 октября 1921 г. по 1 марта 1922 г. Этот тариф вступил в силу с 1923 года.

Современный тариф Китая разработан довольно детально; он состоит из 352 статей. К беспошлинному ввозу допущены только: иностранный рис, хлебные злаки и мука, золото и серебро как в слитках, так и в монете, печатные книги, географические карты, периодические издания и газеты. Все остальные товары облагаются по статьям таможенного тарифа, а если они не подходят ни под одну из них, то с них взимается 5-процентная ставка с цены.

По форме китайский таможенный тариф укладывается в рамки конвенционных договоров, со включением формулы наибольшего благоприятствования; при этой системе любая уступка, предоставляемая какой-либо стране, автоматически распространяется на все другие государства. При этом предо-

[1]) Интересна в этом отношении работа *Chih-Chu*. The Tariff Problem in China New-York, 1916; исторический и фактический материал, собранный в книге Дзин-Цу, отчасти использован в дальнейшем изложении.

ставлению наибольшего благоприятствования является односторонним, так как Китай не получает взамен такой же привилегии от своего контрагента и вынужден оплачивать ввозимые им товары по ставкам общего или максимального, а не конвенционного или минимального тарифа [1]).

Не приходится доказывать, что китайская таможенная система является абсолютно нерациональной с народно-хозяйственной точки зрения. 5-процентное обложение нисколько не гарантирует национальную промышленность от иностранной конкуренции. Огульное обложение всего ввоза и тем более вывоза давно оставлено в европейских государствах, так как ставки обычно дифференцируются для отдельных групп товаров в зависимости от возможного покровительственного и фискального характера пошлины. Особенно нерациональным является одинаковое обложение сырья и готовых фабрикатов. При такой системе обложения сырье для промышленности удорожается и, следовательно, для промышленности, перерабатывающей это сырье, ослабляется возможность конкуренции с иностранцами. Таким образом, реформа таможенного режима Китая является настоятельной. Еще по Великобританско-Китайскому договору, заключенному в 1902 г., Китаю было обещано, что средний уровень обложения будет доведен до 12½%, правда при условии отмены ликина. Вашингтонская конференция высказалась в пользу разрешения установления для Китая надбавки к таможенным пошлинам в размере 2½% с цены ввозимых товаров, а для предметов роскоши проектировалась надбавка в 5%. Таким образом, средний уровень таможенных пошлин должен был подняться до 7½—10%. Однако, государственные деятели Китая прекрасно понимают, что Китай не может удовлетворяться даже *таким повышением таможенных пошлин. При обсуждении китайского тарифного* вопроса в Вашингтоне, тогдашний министр иностранных дел Китая Веллингтон Ку настаивал на немедленном повышении таможенных пошлин до 12½%, высказав, кроме того пожелание, чтобы «в течение 5 лет с момента соглашения был выработан и утвержден новый таможенный режим на основе максимальной ставки в 25% с ценности товаров для всякого предмета, импортируемого в Китай. В пределах этой ставки Китай будет свободно регулировать и устанавливать импортный тариф по своему усмотрению» [2]).

После вступления в силу нового тарифа 1922 года, значительно возросли собираемые таможнями доходы. Помимо того, в связи с повышением общего уровня цен, обороты внешней торговли Китая в последние годы быстро увеличиваются, а поэтому и поступления таможенных пошлин растут очень быстро. Согласно последнему отчету таможен в 1926 году поступления

[1]) Ting-Mien-Liu. Modern Tariff Policies with special Reference to China, Peking, 1925, стр. 70—71.

[2]) The Special Tariff Conference, стр. 26.

пошлин, собираемых как так называемыми морскими таможнями, так и туземными таможнями, находящимися в руках той же иностранной таможенной администрации, дали около 115 миллионов долларов.

Постановления Вашингтонской конференции о повышении ставок китайских таможенных пошлин были самочинно осуществлены Кантонским правительством в 1925 г. Иностранцы считали этот поступок «незаконным». Однако, когда власть национального правительства начала распространяться на бассейн Янцзы, иностранцы предпочли сделать широкий жест и, по инициативе англичан, об'явили о своей готовности допустить собирание этой надбавки к таможенным сборам в 2½% для предметов широкого потребления и в 5% для предметов роскоши на всей китайской территории, с тем, чтобы собираемые таким путем суммы поступали в распоряжение местных властей. Поскольку Шанхай, дающий около 40% всех таможенных пошлин, находился в то время еще в руках северных милитаристов, расчет иностранных держав был вполне ясен: они хотели, делая вид, что идут навстречу требованиям китайского общественного мнения, дать Чжан Цзо-лину новые средства для борьбы с Гоминданом. Однако, эта игра сорвалась: Шанхай был взят национальной армией, и в настоящее время выгода от введения 2½-процентного сбора досталась Нанкинскому правительству. Если бы торговля в 1927 году протекала, примерно, в тех же размерах, как и в прошлом, увеличение таможенных пошлин могло бы дать на всей китайской территории до 60—70 миллионов новых поступлений. В действительности же в этом году едва ли удалось собрать больше 40—50 миллионов.

Переходим теперь к ликину. Ликин является видом внутренних таможенных сборов, взимаемых с товаров при их прохождении из одной провинции в другую или даже в пределах той же самой провинции. Ликин представляет налог сравнительно недавнего происхождения. В первый раз он был установлен в некоторых провинциях, в качестве временной и крайней меры, в период Тайпинского восстания, именно в 1853 г. Но постепенно он был воспринят финансовыми органами всех провинций и стал одним из главнейших налогов Китая. Ликинные барьеры распространены по всей стране, иногда на расстоянии 20 миль один от другого. Особенно часто они встречаются в Гуандуне и Хубее. В 1921 г. число зарегистрированных ликинных станций во всем Китае определялось в 735. Но это только станции, каждая из которых имеет еще, в среднем, 15—20 подстанций. Так, например, в провинции Цзянсу всего имеется 44 ликинных станций, а подстанций насчитывается 511 [1]). Во всем Китае их, вероятно, до 10.000. Так как каждая из них «питает» не менее 10 чиновников, а каждый китаец, в среднем, имеет

[1]) „The China Weekly Review", 20 авг. 1927, „Likin and its abolition".

семью в 5—6 чел., то ликин является источником дохода, примерно,, для полумиллионного населения. Обычно ликинные станции расположены по линиям железных дорог и вдоль рек. Нередко ликин отдается на откупа.

Первоначально ликин был, повидимому, необременительным налогом, в соответствии со своим именем: ли означает одну тысячную часть таэля, а кин, по одной версии, металл, а по другой—пожертвование. Но мало-по-малу ликин вырастал во все более и более значительную величину и сейчас является для населения одним из самых обременительных налогов. По словам Уэджиля, «обычно думают, что ликин, собираемый в одной провинции с известной категории благ, редко превышает 5% с цены товара, т.-е. не превышает суммы, уплачиваемой за него таможенной пошлиной; но, поскольку товару приходится проходить через несколько провинций, ликин может достигнуть и 20% ценности товара» [1]). Калькуляция Уэджиля основана на предположении, что каждый товар платит ликин в размере 3% на станции отправления и затем около 2% на каждый дальнейшей станции, где производится досмотр. Его схема *является правильной только для тех случаев*, когда с товара взимается (в пределах одной провинции) помимо первого всего лишь один добавочный платеж. Однако, очень трудно установить в этом отношении какое-либо общее правило, так как практика взимания ликина чрезвычайно различна в отдельных провинциях. В некоторых провинциях существует, например, общий порядок, согласно которому ликин взимается вообще только один раз, тогда как в других провинциях ликин подлежит оплате на каждой станции. В литературе приводилось немало разительных случаев, когда ликинные платежи действительно достигают весьма внушительных размеров. По свидетельству такого компетентного исследователя, как Морзе, в Гуандуне, между Кантоном и Учжоу, на расстоянии 200 миль по западному берегу, функционируют 6 постов для взимания ликина, вызывая большую задержку в пути и излишние платежи. Вдоль Великого Канала между Ганьчжоу и Цинцзяном пункты, взимающие ликин, расположены на расстоянии почти 10 миль один от другого, и в этой части Цзянсу, лежащей к югу от Янцзы, имеется всего свыше 250 пунктов. Китайский автор Дзин-Цу рисует такую картину вздорожания стоимости товаров под влиянием взимания ликина. Местное промышленное предприятие учреждено внутри провинции Цзянсу, и для него сырье привозится из Сычуани или Хунани. Согласно торговым обычаям, купцы должны платить ликин сразу же с отправного пункта. Когда продукт доходит до Ханькоу, где он должен быть перегружен на речной пароход, следующий в Цзянсу, в морской таможне должна быть уплачена полностью экспортная пошлина и половина транзитной пошлины. При следо-

[1]) S. R. Wagel, Finance in China, Shanghai, 1914, стр. 382.

вании из договорного порта Цзянсу во внутрь той же провинции еще раз уплачивается ликин. Таким образом, когда сырье прибывает на фабрику, оно, помимо экспортных и транзитных пошлин на сумму 7½%, уже уплатило дважды ликин, который каждый раз составлял по меньшей мере 5%. Таким образом, вся сумма пошлин уже достигает 17½%. Если произведенные предприятием готовые товары предназначены к экспорту, то они опять должны оплачивать полностью ликин по всей территории, через которую они должны пройти. Эти налоги составят около 10%, следовательно, всего вместе с обложением сырья, до 27½% [1]). Конечно, подобные случаи представляют исключение. В среднем же, можно считать правильным, подсчет Уэджиля, согласно которому ликин составляет около 5% с ценности товаров.

Формально ликинные станции должны взимать сборы на основании специального тарифа. Этот тариф, напр., в Хубэйской провинции представляет собою весьма детально разработанную налоговую шкалу, содержащую до тысячи отдельных ставок. Классификация товаров, правда, носит несколько специфический характер, приспособляясь к местному потреблению и к местным рыночным условиям. Среди основных групп, на которые разбиваются все товары, встречаются, например, «товары Сычуаньских, Гуаньдунских и Фуцзянских торговцев», или «морские продукты, продовольствие и колониальный товар», или «бумага, шкуры, перья и проч.». Особенно богатый ассортимент собран в группе медикаментов, где встречаются: птичьи гнезда, оленьи рога, «медицинские жемчуга», слоновая кожа, морская лошадь, морской дракон и др. Тариф построен на принципе взимания 3% с фиксируемой отдельно для каждой ставки цены товара. В прежнее время ставки тарифа определялись в копперах, теперь же сделана попытка перевести их в серебро. С 1914 г. самый тариф не пересматривался, несмотря на чрезвычайные сдвиги, происшедшие с того времени в товарных ценах. Цены товаров за этот период по меньшей мере удвоились. В то же время курс медной монеты значительно упал. Перевод меди в серебро предполагается произвести из расчета: 1.000 кэшей = 53 серебряным центам. Так как рыночный курс серебряного доллара в настоящее время значительно выше 3.000 кэшей, реформа должна увеличить тяжесть ликинного обложения. Кроме самого ликина, взимается обычно несколько надбавок к нему. Так, в Хубэе: 1) 10% на фонд в пользу голодающих; 2) 5% — надбавка на народное образование: 3) 4% на обесценение денег; 4) 2% — сбор за выдачу сертификата и 5) 2% дополнительных сборов. Вместе это составляет 23%, т.-е. почти четверть основного налога. Следует добавить, что, подобно таможенному тарифу, ликинное обложение построено на принципе равномерного взимания

[1]) Chin-Chu, назв. соч., стр. 86—87.

с цены всех товаров, что как уже отмечалось выше, в корне противоречит европейской практике таможенного обложения.

Но наиболее существенным моментом во всей организации ликина является то, что самое существование тарифа и вся формальная процедура его взыскания выступают лишь, как видимость, прикрывающая совершенно бесконтрольный произвол со стороны ликинных властей. По этому поводу мы имели беседу с заведующим Ханькоуской ликинной станцией. Заведующий откровенно об'яснил, что на практике никогда не производится точный обмер или взвешивание товара для определения размера ставки на основании тарифа. Существует кадр испытанных специалистов, которые с удивительной точностью определяют количество груза в данной партии «на глаз». Мы задали вопрос, можно ли вполне доверять ликинным инспекторам, которые, при всей точности глаза, несомненно способны злоупотреблять своим положением, неправильно определяя количество товара с целью получения взятки. На это, заведующий ответил нам, что относительно таких злоупотреблений сомневаться не приходится. Инспектора получают слишком мало жалования, чтобы иметь возможность жить на него. Отказаться, однако, от услуг инспекторов невозможно, так как такие специалисты с точным глазомером воспитываются годами. Перейти-же к действительному обмеру и взвешиванию товаров невозможно, так как это вызвало-бы чрезвычайные задержки при прохождении товаров. Таким образом, ликинная система, повидимому, до тех пор, пока она не будет снесена до основания, останется в ее современном виде, со всеми своими чисто китайскими особенностями.

Изложенным не исчерпывается однако своеобразие в постановке ликинных сборов. Как уже сказано, по общему правилу, ликин должен уплачиваться только один раз. У сборщиков ликина имеется, однако, лишь в одном случае, возможность потребовать дополнительного платежа ликина, а именно — если при первоначальном досмотре товара количество последнего было преуменьшено и, сообразно с этим, налог взят в меньшем, против ставки, количестве. Согласно положению о ликине, в таких случаях налог взимается в 3—5 кратном размере со всего груза. В связи с этим правилом, выросла любопытная практика: каждый раз, когда товар приходит на новую станцию, оказывается, что на предыдущей станции его количество было преуменьшено. Поскольку при этом никаких мер и весов не употребляется, нет ничего удивительного, что «глазомер» ликинного инспектора на каждой новой станции находит количество груза выросшим по сравнению с предыдущей станцией. Остается выход: вместо того, чтобы платить, по требованию инспектора, штрафной ликин в увеличенном размере, выгоднее удовле

[1]) „The Special Tariff Conference", стр. 31.

творить притязания инспектора в частном порядке: тогда окажется, что количество груза в сущности не изменилось.

Определить общую сумму ликина, взимаемого во всем Китае, едва ли возможно. Последние оффициальные данные относятся к 1920—1922 г.г. Сумма ликина в то время составляла около 42—43 милл. долларов. Хотя в нашем распоряжении нет цифр, относящихся ко всем провинциям, тем не менее, мы можем привести несколько примеров, показывающих за последние годы значительный рост ликинного дохода в отдельных провинциях. Так, например: «сумма собираемого в Маньчжурии ликина составила в 1925 г. 17.309.847 долларов, из которых Фынтянь собрал 4.587.680, Гирин — 5.942.767 и Хэйлунцзян — 6.779.400». Между тем, в 1920 г. доход от ликина в трех восточных провинциях по оффициальным данным составлял: Фынтянь — 4.169.733, Гирин — 1.267.087 и Хэйлунцзян — 537.087. Таким образом, только в трех названных провинциях произошло увеличение на 11.300.000. Для Гуандуна соответствующая цифра была в 1926 г. около 12 миллионов в кантонских мелких долларах или в полноценном серебре — 10 миллионов. Между тем, в оффициальном списке 1920—1922 г.г. по Гуандунской провинции значится всего 2.545.568. Нельзя, впрочем, отрицать некоторого снижения в других провинциях, напр., в Хубэе и Хунани. Но, во всяком случае, за последние годы через оффициальный аппарат провинциальных финансовых комиссариатов проходило не меньше 50—60 миллионов. Конечно, сверх того, огромную сумму составляют всякие нелегальные поборы и взятки, взимаемые под флагом ликина. Английская газета «Peking and Tientsin Times» два года тому назад определяла действительную сумму поступлений от ликина в 120 миллионов [1]). Интересный подсчет делает журнал «Far Eastern Capital and Trade». Применяемый им метод заключается в следующем. Внутренняя торговля в Китае, как и в других странах, не может быть меньше внешней торговли. В Соединенных Штатах, например, отношение внутренней торговли к внешней составляет 5½ : 1 (в круглых цифрах 50 миллиардов и 9 миллиардов). Для Китая журнал допускает отношение двух к одному. В хайгуаньском таэлях можно определить грубо внешнюю торговлю Китая в 1.800 миллионов. Если мы удвоим эту сумму и допустим, что ликин составляет 5% с цены товара, то общая сумма собранного ликина должна составить 180 миллионов таэлей или в мексиканских долларах 250 миллионов [2]). Приведенный расчет даст, быть может, несколько преувеличенную цифру. Во всяком случае, не приходится сомневаться в том, что

[1]) „The Special Tariff Copterence", стр. 31.

[2]) „Far Eastern Capital and Trade" от 23 июля 1926 г. „Can likin be abolished in China".

фактический сбор ликина в несколько раз превышает официальные данные о количестве сбора его.

Суммируя доходы от морских таможен, включая 2½%-ную прибавку, и официальные поступления ликина, мы получим внушительный итог в 225—250 миллионов долларов.

Переходим к поземельному налогу. Выше уже было указано, что этот налог имеет архаическую организацию и что ставки его не менялись с 1713 года. Около 1713 года была произведена перепись населения, а также опись всех земельных угодий, после чего были зафиксированы «на вечные времена» ставки для отдельных об'ектов поземельного обложения. Поскольку, в связи с этим, для отдельных провинций и округов определились контингенты налога, он приобрел, в сущности, характер раскладочного сбора, при чем распределение контингента налога между отдельными земельными владениями было предоставлено местным властям. Центральное правительство разбило все земли на 27 категорий, в зависимости от степени их плодородия и, установив для каждой категории максимум и минимум обложения, оставило за местной финансовой администрацией полную свободу определения реальных ставок в этих пределах. В результате разные деревни одного и того же округа уплачивают различные ставки поземельного налога.

В связи с различными историческими наслоениями, из которых вырос поземельный налог, этот налог и сейчас слагается из нескольких сборов, переведенных, однако, в деньги и об'единяемых в общий оклад. В основе лежат: налог с самого участка земли и налог с полученного урожая; обе доли налога определяются в рисовых единицах, но взимаются по твердой цене риса — в деньгах. Налог варьирует также в зависимости от того, являются владельцы земли частными лицами или принадлежат к служилому сословию в роде, напр., посаженных на землю солдат. Кроме того, государство имеет свои земли, сдаваемые в аренду. Поземельный налог, как и другие китайские подати, обычно обрастает разного рода прибавками и наддачами.

Уплата налога, по общему правилу, лежит на собственнике земли, а не на арендаторе. При этом нередки случаи, когда при продаже земли владелец ее, в целях увеличения получаемой им платы за землю, берет на себя обязательство и впредь уплачивать поземельный налог. В этих случаях поземельный налог превращается, в сущности говоря, в личное обязательство прежнего собственника земли, а самая земля становится свободной от всяких податей.

Ставки поземельного налога, по данным проф. Вагнера, варьируют в пределах от 0.01 до 0.25 хайгуанских таэлей с одного му земли [1]). Однако,

[1]) W. Wagner. назв. соч., стр. 137;

сам Вагнер приводит пример, когда фермеру в Шаньдунской провинции пришлось заплатить 0.7143 таэля [1]).

Интересные сведения были сообщены нам хубэйским провинциальным комиссариатом финансов о взимании поземельного налога в этой провинции. В настоящее время в провинции существует четыре вида сборов: поземельный налог, зерновой налог, доходы, получаемые с военных колонистов, и специальные сборы с земли. Первый налог взимается во всех 69 округах провинции, второй — только в 41, третьи — в 53 округах и четвертые — в 16. Контингент поземельного налога установлен для Хубэя в 1.111.600 таэлей. Ставки налога прежде были определены в таэлях, но уплачивались по курсу — три связки кэшей по 1000 штук каждая за один таэль. Теперь таэли переводятся на серебряные доллары по курсу 1.40 за таэль. Зерновой налог в провинции составляет 276.000 «ши» (об'емная мера) риса. За каждое «ши» раньше взималось 6 связок кэшей. Теперь они тоже переводятся в доллары по курсу 2.80 за «ши» риса. Значение других двух сборов ничтожно, и мы не станем на них останавливаться. По другим сведениям того же комиссариата, с каждого му земли причисляемой к т. н. обыкновенным землям, взимается от 0.006 до 29.148 пинт (?) риса. (Таким образом, максимум в данном случае превосходит минимум в 5000 раз). За каждое «ши» риса взимается от 0.2545 до 2.9741 таэля. К каждому таэлю поземельного налога прибавляется подушная подать в размере от 0.047 до 0.1296 таэлей. Сверх обыкновенных земель имеются еще «поля, название которых было изменено», «земли, пожалованные для защиты родины» и т. д., но для этих земель дифференциация ставок не столь велика.

Со взиманием поземельного налога в Китае связаны наибольшие злоупотребления и сокрытия. В большей части провинций поземельные книги погибли во время Тайпинского восстания, так что в настоящее время невозможна, без специального обследования, даже проверка числа и размеров владений. В Хубэе, напр., таких обследований, за истекшие со времени восстания 70—75 лет, и не было. Впрочем, и до Тайпинского восстания дело обстояло, повидимому, не лучше. «Так, например, в царствование Юн Жэня площадь возделываемой земли в провинции Сычуань, по официальным данным, составляла всего 158.852 цин (1 цин равен 100 му), но после систематической проверки и регистрации в действительности там оказалось 429.979 цин» [2]).

Таким образом, поземельный налог является наиболее типичным из тех, характерных для Китая, сборов с населения, которые идут не столько в каз-

[1]) W. Wagner, назв. соч., стр. 643;
[2]) „The Chinese Economci Bulletin" от 18 июля 1927 года.

ну, сколько финансовым агентам правительства. По мнению одного из наиболее авторитетных знатоков китайского сельского хозяйства, проф. Вагнера, «мы отнюдь не зайдем слишком далеко, а вероятно, наоборот, останемся значительно позади действительности, если определим незаконные, с нашей точки зрения, добавления к поземельному и хлебному налогу, как превышающие, в среднем для всего государства, в пять раз легальный поземельный налог». Вагнер категорически оспаривает мнение, будто поземельный налог Китая является отнюдь не обременительным. По его расчетам выходит, что китайский крестьянин платит с земли в 15 раз больше, чем платил прусский сельский хозяин до 1866 г.[1]). Хотя первоначальные ставки 1713 г. были относительно низки, в настоящее время едва ли найдется в Китае провинция, в которой общая сумма фактически уплачиваемых поземельных податей с одного му земли была бы меньше 0,30—0,40 таэля. Принимая во внимание, что обрабатываемая площадь в Китайской Республике, несмотря на значительную разноголосицу источников, может быть определена в миллиард му, можно сделать вывод, что общее поступление поземельного налога должно быть не меньше 300—400 миллионов долларов против официально собираемых 80—90 миллионов.

Бесспорно, одно из выдающихся мест в китайской налоговой системе занимает обложение опиума. Курение опиума, как давно известно, является одним из самых ужасных социальных бедствий срединного государства. До XX столетия китайцы пользовались опиумом преимущественно иностранного происхождения. Однако, постепенно посевы мака начинают играть значительную роль в китайском сельском хозяйстве, и уже в 1900 г. Морзе определил производство опиума в Китае в 360.000 пикулей. За последние годы посевы мака начинают эпидемически распространяться в китайском земледелии. Это является отчасти результатом политики принуждения, проводимой китайскими генералами. По словам представителя Китая на Женевской опиумной конференции Альфреда Сы, «нужда милитаристов в деньгах была одной из причин, заставлявшей их терпеть или поощрять культуру мака. Добрая часть этих денег употреблялась на покупку оружия, ввозимого из-за границы»[2]). Как устанавливает Международная Анти-опиумная Ассоциация в Пекине, в состав которой входят китайские представители на ряду с иностранными, понуждение крестьян к посевам мака осуществляется мерами как военного, так и экономического порядка. Первые заключаются в том, что крестьяне, отказывающиеся сеять мак, подвертаются расстрелу. Экономическое воздействие заключается в том, что с участков земли,

[1]) W. Wagner, назв. соч., стр. 643;

[2]) Sao-Ke Alfred Sze. Geneva Opium Conferences, Baltimore, 1926 стр. 38.

засеянных другими культурами, но не маком, взимается та же самая высокая ставка поземельного налога, которую милитаристы устанавливают специально для земель, на которых растет мак. Эта ставка доходит до 2—12 долларов с му земли. В провинциях Гуйчжоу и Суччуань установлен даже особый налог «на ленивых», т.-е. налог, который приходится уплачивать крестьянам, не желающим возделывать мака [1]).

Потребление опиума в Китае за последние годы принимает поистине катастрофический характер. Приведем несколько характерных описаний этого зла, поражающего целые провинции. Так, в Фуцзяне «земля, на которой раньше произрастали пшеница, сахарный тростник и табак, отводится в настоящее время для производства мака. Прежде опиум расценивался в 16 долларов за унцию. Сейчас его можно купить за доллар, во многих местах и дешевле». В Шэнси «в одной только долине реки Вей, в 30 из 96 округов, составляющих эту провинцию, налог с мака достиг 15 миллионов долларов в 1924 г. Этот налог является главной поддержкой военных властей». Эта провинция «буквально насыщена опиумом... чиновники занимаются своим делом за курением трубок... вся провинция, от кули до губернатора, от купцов до студентов, от нищих до фермеров, предаются курению опиума. Подсчитано, что по крайней мере 90% населения провинции, мужчины и женщины одинаково, являются курильщиками опиума». В Сычуани «опиум оказывает поражающее воздействие на денежный рынок, влияя не только на курсы, но даже на отдельные отрасли банкового дела... тщательное и очень осторожное исследование устанавливает, что в Чунцине, по крайней мере, 75% взрослых курят опиум. Что является гораздо более потрясающим фактом, это то, что даже дети и грудные младенцы регулярно питаются опиумом их родителями» [2]). В Чжэцзяне недавно на богатой погребальной церемонии в буддистском монастыре было потрачено опиума на 2.000 долл. для «угощения» присутствующих [3]).

Возделывание опиума наиболее распространено в провинциях Сычуань, Юньнань и Ганьсу. Курение опиума распространено почти по всей китайской территории, за исключением одной провинции Шаньси, где принимаются строгие меры для искоренения этого порока. Наибольшие поступления от обложения опиума показывают провинции: Цзянси, Сычуань, Хубэй, Шэньси и Юньнань. Для китайских финансовых властей характерна следующая лицемерная точка зрения на курение опиума: порок этот едва ли искореним; государство должно вести с ним упорную борьбу; однако, пока он

[1]) „Opium Cultivation and Traffic in China". An Investigation in 1925—26 by The International Anti-Opium Association, Peking, Июль 1926, стр. 2.
[2]) „The China Weekly Review", от 1 ноября 1925 года, стр. 59, 91, 66.
[3]) „Opium Cultivation and Traffic in China". стр. 8;

не искоренен, нужно извлекать из него некоторую пользу путем тяжелого его обложения. Таким образом, государство получает доходы, а лица, преданные пороку, наказываются высокими ценами, которые им приходится платить за опиум. В этом отношении весьма любопытен декрет, опубликованный недавно генералом Ли Фу-яном, назначенным директором особого «Бюро по запрещению опиума» в провинции Чжили. Генерал проливает не мало крокодиловых слез по поводу ужасных бедствий, связанных с курением опиума, высказывая убеждение, что этот порок вызывает больше несчастий, чем наводнения и дикие звери. Генерал об'является анти-опиумный крестовый поход. Но поскольку исцелиться от курения опиума сразу невозможно, курильщики пока-что подлежат тяжелому обложению. Каждой категории курильщиков, в зависимости от возраста, дается срок, в течение которого они должны исцелиться от недуга, при чем до исцеления им придется платить лицензии. Так курильщики моложе 40 лет должны избавиться от порока в течение 3-х месяцев и платить по 8 долларов в месяц, курильщики моложе 50 лет получают 4 месяца на исцеление и платят всего 6 долларов, курильщики моложе 60 лет должны прекратить курение в течение 5 месяцев и платят 4 доллара. Вместе с тем, генерал обещает, что тем курильщикам, которым не удастся исправиться в назначенный срок, будет дан дальнейший «мораторium»,—конечно, опять за соответствующую мзду. Об'являя крестовый поход против опиума, генерал Лифу-ян в то же время поспешил послать специальных чиновников в Гонконг и Сингапур для изучения постановки там налаженной англичанами опиумной монополии с целью ввести ее и в подчиненной ему провинции [1]).

На основании различных источников, мы можем в грубых цифрах определить поступления от опиума: в 15 миллионов в провинции Хубэй, 25 — 40 миллионов в провинции Сычуань, 15 — 20 миллионов в Шеньси, 20—25 миллионов в провинции Цзянсу, 15—20 миллионов в провинции Ганьсу, 5—6 миллионов в Гуандуне, вероятно, столько же в Юньнани и т. д. Всего, таким образом, опиумный доход должен составлять по всему Китаю не меньше 120—150 миллионов долларов. Нужно сказать, что при этом обложение опиума все-же является относительно не очень обременительным. В настоящее время рынок опиума в Китае показывает все признаки перепроизводства, так что местами цена его падает до 50 центов за унцию [2]). Но нормально унция опиума расценивается около 1 доллара, что соответствует цене пикуля в 1000—1200 долларов. Между тем, в отдельных провинциях, например, в Хубэе, обложение привозимого в эту провинцию

[1]) „The Central China Post" от 15 марта 1927 г.
[2]) „Opium Cultivation and Traffic", стр. 1—2.

из Сычуани опиума составляло 320 долларов с пикуля, включая в эту сумму как налог на сбор опиума, так и налог на потребление. К этому следовало бы прибавить лишь небольшую сумму лампового налога (при курении опиум сжигается в особых лампах) с курильщика опиума. Таким образом, обложение составляет не больше 30—40% с цены.

Система взимания соляного налога была реорганизована в 1913 году при помощи иностранцев. Еще и сейчас во многих провинциях иностранцы принимают активное участие в управлении соляными сборами, и лишь на территории национального правительства дело это постепенно переходит целиком в руки китайцев. Норма обложения установлена президентским мандатом 1913 г. в 2½ доллара за пикуль; однако, в настоящее время, ставки соляного налога варьируют от 20 центов с пикуля в Шандуне до 3 долларов 50 центов в Юнлани. Общая сумма поступления соляного дохода, за вычетом административных расходов, составила в 1926 г. 64.287.000 долларов. В эту сумму входят все удержания соляного дохода провинциальными властями, но она включает только доходы, собираемые органами, находящимися в непосредственном ведении центральной соляной администрации, созданной иностранцами. В 1926 г. только две провинции: Гуандунь и Ганьсу успели обзавестись собственной организацией по собиранию соляного дохода, независимой от пекинского центра, находящегося в руках иностранцев [1]). В Гуандуне доход от соли составлял около 10 миллионов в стандартных долларах. Таким образом, всего соляной доход в Китае должен был составить не меньше 80 миллионов. Интересно сопоставить цифры поступления соляного дохода за ряд лет [2]):

(в серебряных долларах):

	Общее поступление (вкл. местные удержания), за вычетом административных расходов.	Присвоение соляного дохода провинциальными властями.	Платежи Пекинскому правительству.
1918 г.	71.565.000	15.635.000	56.600.000
1919 „	80.606.000	26.341.000	48.122.000
1920 „	79.064.000	23.911.000	39.388.000
1921 „	77.987.000	18.414.000	52.060.000
1922 „	85.789.000	31.668.000	47.193.000
1923 „	79.545.000	33.466.000	31.275.000
1924 „	70.544.000	33.030.000	52.681.000
1925 „	73.634.000	—	32.935.000
1926 „	64.287.000	47.672.000	8.888.000

[1]) „The Chinese Salt Administration" by W. R. S.; напечатано в „Readings in Economics for China", стр. 288.

[2]) The Chinese Economic Bulletin", от 29 янв. 1927 г.

На других налогах мы здесь особо останавливаться не будем. Попробуем дать, на основании сказанного, краткую сводку китайского бюджета последних лет. Прибавим лишь, что в последние годы большую роль в китайских провинциальных бюджетах начинают играть всякого рода займы, часто составляющие до трети бюджета провинции и даже больше. Об этих займах будет подробно сказано в следующей главе. Данные, относящиеся к доходам железных дорог, заимствованы из официальной статистики министерства путей сообщения за 1925 г. Поступления мелких налогов взяты в грубой цифре:

1. Таможенные пошлины и ликин	225—255	млн. долларов.
2. Поземельный и хлебный налог	100	„ „
3. Опиумный налог	120—150	„ „
4. Соляной доход	80	„ „
5. Железные дороги, почта, телеграф, телефон	150	„ „
6. Сбор с табака и вин, гербовый сбор и разного рода мелкие налоги	70—100	„ „
7. Правительственные промышл. предпр. . .	20—30	„ „
8. Обложение азартных игр (в Кантоне) . .	10	„ „
9. Займы	150—200	„ „
Всего . . .	925—1070	млн. долларов.

Таким образом, можно кругло определить официальные доходы Пекинского и провинциальных правительств в 1 миллиард долларов. Сверх этого, невидимые доходы, из которых главнейшие поступают по поземельному налогу и ликину, должны составить не меньше 600—700 миллионов. В общем, цифра китайского бюджета колеблется в пределах от 1½ до 2-х миллиардов долларов.

ГЛАВА VII.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ КИТАЯ.

Внешний долг Китая вырос в результате военных неудач. Его фактически не было до середины 90-х годов прошлого столетия. Несчастная война с Японией сразу взвалила на плечи Китая тяжелое бремя долга, примерно, в полмиллиарда рублей. По словам Райта, «эту войну можно с полным основанием назвать главным источником последующих финансовых затруднений Китая» [1]). Однако, Райт, разумеется, несовсем прав, так как еще большие обязательства были возложены на Китай после подавления боксерского восстания державами капиталистического мира. Общая сумма долга, подлежавшая выплате была определена в 450 миллионов, а процентов—в 532 миллиона хайгуаньских таэлей. Из этих сумм на долю России приходилось почти 29%, Германии — 20%, Франции — немногим меньше 16%, Великобритании—11¼%, Японии и Соедин. Штатов по 7 слишком процентов, Италии — 6%, Бельгии — 2%. Остальные нации вынуждены были довольствоваться сравнительно незначительными суммами. Таким образом, Китаю предстояло выплатить в качестве «издержек» боксерского восстания (если считать погашение вместе с процентами) почти 1 миллиард хайгуаньских таэлей, что в то время превышало 1½ миллиарда золотых рублей.

Для уплаты указанных контрибуций — японской и боксерской — Китаю пришлось заключить ряд заграничных займов. Справедливую характеристику чрезвычайно тяжелых условий этих займов дает тот-же Райт. По его словам, условия этих займов лишают правительство самого надежного источника доходов для покрытия текущих государственных расходов — таможенных пошлин, которые почти целиком предназначаются служить целям оплаты государственного долга. Договоры о займах содержат статью, устанавливающую, что до тех пор, пока платежи не будут погашены полностью, управление таможнями остается под иностранным контролем. В этих условиях нельзя не усмотреть «принижения суверенитета Китая и урезывания его административных прав». Как указывает Райт, все займы, которые от имени Китая выпускались на заграничных рынках, имели вы-

[1]) S. F. Wright. „The Collection and Disposal of the Maritime and Native Customs Revenue Since the Revolution of 1911", 2 изд., Shanghai, 1927, стр. 69.

пускной курс ниже паритета. Поэтому вся выгода от продажи облигаций сверх зафиксированного соглашением курса, выпадала на долю не Китая, а иностранных финансовых синдикатов, которым предоставлялось распространение этих займов. Бывали, например, отдельные эпизоды, когда Китаю доставалось всего 95% номинальной цены, а массы держателей получали облигации по 105 или 106. К этому надо прибавить, что 1) все займы являются долгосрочными, имея продолжительность от 20 до 45 лет, что 2) процент на капитал, если исходить от чистой выручки займа, был достаточно высок и что 3) валюта займов выражена в золоте, так что Китай находится в полной зависимости от междувалютного курса в день выплаты процентов и погашения. Таким образом, все условия займов определенно складываются против интересов Китая. Китай даже не имеет права по своему желанию сокращать срок займа, уплачивая вперед. Это практически приводит к тому, что он не лишен возможности конвертировать займы из более низкого процента [1]).

Выше уже было сказано, что Китаю пришлось жестоко расплатиться за боксерское восстание. Звучат злой насмешкой следующие строки из недавно изданной Синей Книги: «Отчет Совещательного Комитета и другие документы, относящиеся к китайской контрибуции»: «Великобританское правительство обнаружило большую заботливость, стремясь увериться в том, что каждое притязание, заявленное со стороны англичан на удовлетворение из сумм контрибуции, действительно представляет минимальное требование за потери или убытки, понесенные в результате боксерского восстания» [2]). Если даже принять во внимание военные расходы по подавлению боксерского восстания вместе с частными потерями, то и в этом случае установленная контрибуция составила, вероятно, не меньше утроенной суммы названных категорий расходов. Преувеличение было столь явным, что уже с 1908 года отдельные нации начинают приходить к пониманию необходимости понизить платежи Китая. Первыми выступили Соединенные Штаты, уменьшившие свои требования с 24.440.778 до 13.655.492 американских долларов. Экономия на этих платежах дала возможность китайскому правительству создать высшее учебное заведение Цин-Хуа, около Пекина, являющееся одним из лучших образовательных учреждений Китая. Затем в конце 1917 г. Китаю была предоставлена отсрочка платежей по боксерской контрибуции на 5 лет, чтобы приохотить его к выступлению в мировой войне на стороне Антанты. Вместе с тем, после об'явления Китаем войны Германии, повисли в воздухе германские платежи контрибуции, а после

[1]) Wright, назв. соч. стр. 70—71.

[2]) „Report of the Advisory Commitee together with other Documents respecting the Chinese Indemnity", 1926, стр. 6.

русской революции стало неясным, кому платить русские взносы. Сначала, по настоянию царского посла в Пекине, ему некоторое время предоставлялась возможность распоряжаться платежами по контрибуции, но затем платежи эти прекратились. Когда в 1922 году истек срок отсрочки, большинство держав обнаружило, как выражается уже цитированная Синяя Книга, «широко распространившееся нежелание заставлять Китай придерживаться буквы его обязательств. Китай был их союзником в Великой войне. Он сверг правительство, при котором произошли боксерские жестокости. Он делал величайшие усилия, несмотря на весьма серьезные внутренние трудности, чтобы войти в семью демократических наций на основах равенства. Поэтому Западные державы были склонны обнаружить свое благорасположение по отношению к новой Республике каким-нибудь практическим и существенным образом» [1]). Однако, иностранные державы отнюдь не решили совсем отказаться от боксерских платежей. Немецкая и русская доли этих взносов были использованы в качестве обеспечения ряда внутренних китайских займов. Остальные же платежи решено было посвятить разного рода просветительным и культурно-экономическим мероприятиям. Каждая нация, согласившаяся на подобную «жертву», оставляла распоряжение фондами за собою под тем предлогом, что прямой отказ от платежей, при существующих политических условиях в Китае, мог бы иметь ужасные последствия в смысле усиления и увеличения продолжительности гражданской войны, так как освободившиеся огромные средства были бы, вероятно, использованы для военных надобностей [2]). Во всяком случае, как бы там ни было, платежи по боксерской контрибуции приобрели в настоящее время совершенно иную природу и лишь в условном смысле могут считаться внешним долгом Китая. Их можно скорее рассматривать как принудительное использование части государственных доходов Китайской Республики для просветительных целей и культурного строительства. Между тем, как раз боксерская контрибуция составляет весьма значительную часть официальной внешней задолженности Китая. В Китайском Ежегоднике за 1925 г. приведены данные на конец сентября 1922 г. — относительно различных видов иностранных долгов, имеющих обеспечение. Согласно этой сводке, обеспеченные иностранные долги достигали суммы в 120.694.032 фунтов стерлингов и 164.438.290 франков. Из них на долю боксерской контрибуции приходилось около 72.031.427 фунт. стерлингов, так что, если перевести стерлинги и франки в общую валюту, удельный вес боксерских платежей выразится в 58% общей суммы [3]).

---

[1]) Report, стр. 45;
[2]) Там-же;
[3]) China Year—Book, 1925, стр. 735;

Нужно сказать, что вплоть до последних лет облигации государственных займов Китая пользовались на европейских рынках полным доверием и котировки их были достаточно высоки. Китай стал прибегать к европейскому кредиту, как уже упоминалось, только с конца XIX века, и в первые же годы за китайскими займами сразу установилась эта высокая репутация. Так, например, в 1896 г. 6%-ные облигации поднялись до 122,8. Боксерское восстание нанесло тяжелый удар китайскому кредиту. В 1902 г. облигации только что упомянутого займа упали до 83, что означало потерю в 33%. Политические события последних лет и вызванная ими финансовая дезорганизация страны явились добавочной причиной снижения курсов китайских облигаций. Приведем, в качестве примера, облигации Хугуанской железной дороги. В 1911 г., когда они были впервые выпущены, цена их стояла на довольно высоком уровне 97. В том же году они достигли своего высшего курса — 99. До мировой войны котировки их никогда не падали ниже 85, а средняя цена была 93. И вот, чтобы судить о глубине их падения, достаточно сказать, что в 1924 г. курс этой бумаги колебался в пределах между 39½ и 59½ [1]).

Приводим ниже список главнейших иностранных займов Китая с указанием оставшейся по ним суммы долга к концу 1925 г. и началу 1926 г. [2]).

4%-й золотой заем	1895 г.	4.380.491	фунт	стерлингов
5%-й „ „	1896 г.	5.595.150	„	„
4½%-й „ „	1898 г.	10.156.425	„	„
5%-й „ „	1912 г.	4.762.752	„	„
5% й реорганизац. заем	1913 г.	24.495.780	„	„
5%-й „ „	1914 г.	100.000.000	„	„

Железнодорожные займы.

Шанхай-Нанкинской жел. дор.	. . . . .	2.900.000	фун. стерлингов
Тяньцзинь-Пукоуской „	„	3.250.000	„ „
Хугуанской „	„	5.501.020	„ „
Лунхайской „	„	3.600.000	„ „

До сих пор мы говорили о так называемых обеспеченных внешних займах. Их отличие от других займов заключается в том, что ежегодная уплата амортизации и процентов по этим долгам гарантируется тем, что таможня собирает свои доходы специально для того, чтобы удовлетворять претензии иностранных кредиторов. Некоторые из этих займов обеспечиваются также соляными доходами, что является не менее надежной гарантией, так как соляная администрация находится почти целиком в руках иностранцев. Идея

[1]) G. R. Paul. Chinese credit as gauged by certain chinese bonds „Far Eastern Capital and Trade“ от 14 авг. 1925.

[2]) J. R. Baylin. Foreign Loan Obligations of China, Tientsin, 1925.

обеспечения займов какими-нибудь фиксированными наперед и особенно надежными доходными поступлениями, привитая китайцам иностранцами, пустила в Китае в настоящее время глубокие корни, так что китайский финансовый деятель вообще не мыслит себе выпуска займа без указания специального для него покрытия. Однако, в практике китайского государства бывали случаи, когда финансовая помощь из-за границы диктовалась не столько коммерческими, сколько политическими соображениями. Этой помощи придавалась форма займа, по существу же это была военная субсидия. Особенно часто склонны были вкладывать суммы в такие займы японцы. Внешние займы этого типа были обычно не обеспечены. За последние годы они обнаружили тенденцию к быстрому возрастанию. Об этом можно судить из сопоставления источников, относящихся к различным периодам, иногда довольно близким один к другому. Так, по расчетам Чжан Ин-хуа, иностранная необеспеченная задолженность Китая составляла в 1922 г. 228½ миллионов долларов. Большая часть этой задолженности состояла из полученных от Японии краткосрочных займов, общая сумма которых доходила до 150 миллионов [1]). В 1925 г. Паду, финансовый советник Пекинского правительства, устанавливает уже значительно более высокую цифру необеспеченного иностранного долга — 330 миллионов, за исключением железных дорог [2]). Таким образом, в какие-нибудь три года эта задолженность выросла на 50%.

Железнодорожные займы представляют какую-то промежуточную категорию. Они обеспечиваются доходами от железных дорог, часть которых находится под контролем иностранцев; но милитаристическое движение в Китае в настоящее время развернулось так широко, что мощная фигура иностранного представителя на железных дорогах вынуждена была посторониться, отдав целиком железные дороги на «поток и разграбление» китайским генералам. В результате, доходность железных дорог упала до минимума, и платежи по железно-дорожным займам поступают неисправно. В начале прошлого года об этом напечатал характерную заметку японофильский журнал «Дальне-Восточное Обозрение», меланхолически вопрошая, какая разница между отказом от долгов в русском стиле и хроническим просрочиванием долгов в китайском стиле. Китай не отказывается открыто от долгов, но он просто не платит их. Некоторые из его обязательств автоматически погашаются без уплаты единого цента. Так, например, держатели займа Хугуанской железной дороги получили новое извещение о 6 тираже погашения на 15 июня 1927 г. в сумме 115.240 фунт. стерлингов. Извещение сопровожда-

[1]) Chang-Jing-Hua, назв. соч., стр. 24—26;
[2]) G. Padoux. The Consolidation of China's unsecured Indebtedness and The Creation of a chinese Consolidated Budget, Peking, Июль 1925, стр. 2.

ется указанием, что «проценты по займу перестанут нарастать на облигации, подлежащие погашению, и на суммы, назначенные для их оплаты». По этому поводу журнал американской биржи пишет: «Счастливы те держатели облигаций займа, чьи номера не попали в тираж погашения. Игра заключается в том, что проценты по китайским облигациям не платятся уже свыше года. Однако, игра эта приобретает особую остроту, если принять во внимание, что держатель облигации, вышедшей в тираж, не получает ничего, так как китайское правительство не поместило в банках необходимой наличности для погашения их. На его облигации ставится штемпель, обозначающий, что облигация выходит из оборота, т.-е. не может быть продана. Таким образом, его положение хуже положения того держателя, облигации которого не вышли в тираж, так как последний может продать свои облигации по 25 центов за доллар на Нью-Йоркской Фондовой Бирже. Если китайское правительство будет продолжать регулярно производить тиражи в предусмотренное условиями займа время, оно ликвидирует остаток своего долга, не уплатив ни одного доллара ни в качестве амортизации, ни в качестве процентов. Поистине это замечательный образец финансирования» [1]).

Было бы, однако, неправильно думать, что Китай действительно ликвидирует свои долги только что описанным путем. Как раз, наоборот, в общем и целом, Китай был исключительно пунктуален в выплате своих долгов. К этому надо прибавить, что весь процесс погашения иностранной задолженности Китая идет за последние годы, с чрезвычайной быстротою. Это лучше всего доказывается следующей сводкой, которую мы заимствуем из Китайского Экономического Бюллетеня [2]).

		В серебряных долларах	
		31 декабря 1915 г.	31 декабря 1925 г.
Обеспеченный долг	Внутренний . .	91.242.120 [3])	195.842.742
	Внешний . . .	1.978.187.925 [4])	1.150.201.653
Неутвержденный долг		42.947.189 [4])	910.493.565
	Весь долг: . .	2.112.377.234	2.256.537.960

Из этой таблицы видно, что на протяжении 10 лет характер китайского государственного долга совершенно изменился. В 1915 году он состоял почти целиком из долгосрочной иностранной задолженности, имевшей прочное

[1]) На 31-е июля 1916 г.

[2]) Включая долги министерства финансов на 31 июля 1916 г. и долги министерства путей сообщения на 31 августа 1916 г.

[3]) „The Far Eastern Review", за март 1927 г. „Liquidation by Non-Payment", стр. 102.

[4]) „The Chinese Economic Bulletin" от 30 окт. 1926 г.

обеспечение в виде таможенных пошлин; эта доля китайской задолженности достигала 93,7% всей суммы. Весь внутренний обеспеченный долг составлял всего лишь 4,3%, а неутвержденный долг, внутренний и внешний вместе,— 2%. Элиминируя при рассмотрении вопроса эти два незначительных добавления к иностранному обеспеченному долгу, можно утверждать, что еще 10 лет тому назад Китай не имел никаких других долгов. Но в 1925 г. положение коренным образом отличалось от 1915 г. Хотя общий итог задолженности был почти прежний, внутренний состав задолженности выявлял совершенно новые пропорции. Абсолютная цифра обеспеченного иностранного долга уменьшилась почти вдвое, составляя в отношении к общей сумме только 51%. Участие внутреннего обеспеченного долга увеличилось до 8,7%. Однако, наиболее радикальная перемена произошла с текучим долгом, который возрос с 2 до 40% [1]).

Нетрудно вскрыть причины, давшие возможность успешного погашения иностранной задолженности. В книге Райта приведены интересные данные о поступлении и расходовании таможенных пошлин с 1912 по 1925 г. погодно. В 1912 г. морские и туземные таможни вместе собрали таможенных сборов всего около 40 миллионов хайгуанских таэлей, а в 1925 г. соответствующая сумма была уже выше 71 миллиона. Между тем, ежегодные платежи по займам не только не имеют тенденции возрастать, но даже уменьшаются по мере погашения отдельных займов. Цена серебра в настоящее время немногим отличается от цены его в 1912 г. Следовательно, тяжесть платежей в золоте остается почти неизменной. Поэтому неудивительно, что, тогда как в 1912 г. почти вся собранная сумма таможенных пошлин (около 85%) шла на платежи по иностранным займам, в 1925 г. иностранные платежи составляли уже только около 60%, да и из них подавляющая часть падала на боксерскую контрибуцию, которая, как выяснено выше, не может уже считаться в настоящее время иностранным долгом.

Забегая несколько вперед, укажем, что за последние годы таможенные пошлины начинают служить важным подспорьем в обслуживании системы внутреннего кредита. Главный инспектор таможен в настоящее время является одновременно руководителем учреждения, именуемого «Службой по консолидации национального долга». В сущности почти все доходы этой Службы состоят из поступлений от таможен. А так как за последние годы главный инспектор таможен имеет возможность уделять внутреннему кредиту все большие суммы, то, естественно, что консолидированный внутрен-

[1]) Укажем, однако, что к абсолютным цифрам, фигурирующим в данной и аналогичных ей сводках нужно относиться с большой осторожностью. Иностранные долги выражены в золотой валюте и обычно переводятся в китайские доллары по курсу дня. Так как за последнее время произошло резкое обесценение серебра, сумма иностранных долгов в кит. долл. должна была возрасти.

ний долг пользуется всеобщим доверием и расценивается высоко. Укажем, что еще в 1920 г. служба внутреннего долга получила из таможенных доходов около 5.750.000; в 1921 г. эта цифра увеличилась до 10.280.000, в 1922 г. составила 10.880.000, в 1923 г. несколько снизилась до 9.430.000, в 1924 г. снова поднялась до 14.660.000, а в 1925 г. достигла рекорда в 18 миллионов с небольшим [1]). Сообразно с этим в расходах по внутреннему долгу все большее и большее значение приобретает погашение долга по сравнению с процентами, как это видно из следующих данных (в серебряных долларах) [2]):

	Погашение	Проценты
1921	9.234.564	8.793.191
1922	11.083.500	11.015.374
1923	7.526.811	10.308.018
1924	9.046.812	9.891.382
1925	13.925.161	9.257.829
1926	22.237.907	8.240.962

Таким образом, за 6 лет не только увеличивается на 60% бюджет платежей по внутреннему долгу, но в нем коренным образом меняется соотношение погашения и процентов: в первые годы погашение и проценты выражаются почти одинаковыми суммами, тогда как в 1926 году первая цифра превосходит вторую без малого в три раза. Ежегодная амортизация обеспеченного внутреннего долга превышает 20 миллионов, что составляет почти 10% от самой суммы этого долга.

Не менее успешно идет погашение долгов, обеспеченных доходами от соляной монополии. В приложении № 7 мы приводим баланс доходов и расходов Соляной Администрации. Как видно из этого баланса, 20—25% всех соляных доходов употребляется на платежи по обеспеченным долгам. Среди этих долгов особенно почетное место занимает Китайский Государственный Заем для приобретения экс-японской соляной собственности в Цындао, на основании китайско-японского соглашения 1922 г. Ежегодные платежи по этому займу составляют 8—9 миллионов. Другие займы, оплачиваемые из соляных доходов, это — англо-французский заем 1908 г., Хугуанский железно-дорожный заем 1911 г. и китайский правительственный 5%-ный золотой заем Крисп 1912 года.

Все эти данные свидетельствуют о том, что ликвидация китайского обеспеченного долга происходит чрезвычайно быстро. Новых долгосрочных займов Пекинское правительство не получает уже в течение ряда лет. Между тем, цифра ежегодного погашения внешнего и внутреннего долга составляет

[1]) Wright, назв. соч., стр. 199—214; приложение № 6 дает конкретное представление о поступлении и расходовании там. пошлин в настоящее время.

[2]) Срв. приложение № 8.

не менее 60 миллионов. Поскольку весь консолидированный долг едва-ли превышает в настоящее время 1.300—1.400 миллионов долларов, а, по мере погашения, сумма процентов уменьшается и, следовательно, и доля погашения может возрастать, становится очевидным, что в какие нибудь 15—20 лет Китай мог-бы остаться без внешнего долга. Однако, как было сказано выше, условия займов были таковы, что Китаю не было предоставлено права производить частичное погашение до срока. Поэтому амортизация внешнего долга должна растянуться до 1960 г. Согласно расчетам уже упомянутого Паду, платежи из таможенных доходов должны были составить в серебряных долларах: в 1923 г. — 94 миллионов с небольшим, из которых 58 миллионов приходится на иностранные и 36 миллионов на внутренние займы; заметное снижение этой цифры происходит только, примерно, к 1931—32 г., когда платежи снижаются до 65 миллионов, — правда, почти целиком за счет взносов по внутренним долгам: платежи по внешним займам к этому периоду все еще составляют 59 миллионов, тогда как внутренние займы требуют уже только 6 миллионов. К 1938 г. внутренние займы, обеспеченные таможенными пошлинами, вовсе ликвидируются, а внешние займы все еще требуют почти 50-миллионного платежа. Они падают ниже 40 млн. только к 1944 г., снижаются до 15 млн. в 1946 г. и остаются на этом уровне до 1960 г. [1]).

Переходим теперь к более подробному рассмотрению внутренних займов. Начнем с довольно неудачных кредитных операций старого Маньчжурского правительства. Правительство пробовало получить что-нибудь на внутреннем рынке еще в конце прошлого века. Оно приняло все меры для успешного проведения этих займов, вплоть до того, что обещало высокие чины подписчикам на сумму в 10.000 таэлей и больше. Однако, даже такие экстраординарные приманки не помогли. Неудача займов богдыханского правительства обусловливалась, главным образом, отсутствием современного кредитного аппарата в стране, вследствие чего нельзя было наладить регулярного распространения облигаций в массах населения. Кроме того, у денежных слоев населения не было еще навыка держать свои сбережения в ценных бумагах, поскольку не было достаточного доверия к правительству. Сравнительно успешное размещение внутренних займов начинается уже после установления Республики. Министерство финансов провело всего 15 кредитных операций. Две из них были сделаны специально для выкупа прежних займов и поэтому не идут в счет; две другие были только разрешены правительством, но их не удалось реализовать; наконец, два займа уже погашены целиком. Таким образом, всего осталось 9 займов, к которым сле-

[1]) G. Padoux. The Financial Reconstruction of China and The Consolidation of China's Present Indebtedness, Peking 1924, стр. 13.

дует прибавить несколько не вполне удачных операций последних лет на сравнительно очень небольшие суммы. Вся внутренняя задолженность с твердым обеспечением составляет в настоящее время около 200 миллионов долларов. Сверх того, имеется несколько необеспеченных займов, курс которых, в связи в этим, испытывает чрезвычайные колебания, в зависимости от платежеспособности казначейства в данный момент. В общем, можно констатировать, что обеспеченные займы котируются на китайских биржах очень высоко, принося всего 6—7%. Это показывает, что в Китае имеется очень интенсивный спрос на такие помещения капитала, которые гарантированы от риска, неизбежно присущего всякому коммерческому начинанию в этой стране. Насколько поднялись курсы внутренних займов после перехода управления ими в руки иностранных таможен видно из следующего сопоставления. Облигации займа 5 года Республики стояли в 1922 г. на уровне всего 36—40 за 100. К концу 1923 г. они котируются уже в 55—58 за 100, в 1924 г. поднимаются до 75—83, в 1925 г. (если исключить январь) не спускаются ниже 83,8, а в 1926 г. временами достигают 98. Аналогичную эволюцию проделывают курсы и других консолидированных займов [1]).

Совсем по иному складывается судьба необеспеченного внутреннего долга. В Китайском Экономическом Бюллетене были даны интересные об'яснения характера краткосрочной задолженности Китая. Эти займы делаются у местных банкиров, промышленных организаций и отдельных частных кредиторов. Они обычно обеспечены облигациями внутренних займов, казначейскими облигациями, правительственными акциями в промышленных и коммерческих предприятиях, почтовыми марками и копировыми денежными знаками. Процент, уплачиваемый по этим займам, чаще всего колеблется между 12 и 20. Но так как существует обычай вычитать вперед процент за период от 3 месяцев до 1 года, то реальная оплата по займам достигает 18—25%. Среди банков, готовых снабжать деньгами Пекинское правительство, на первых местах стоят: Китайский Банк, Банк Путей Сообщения, Банк Промышленного развития Китая, Пекинская Банковская Ассоциация и др. Иностранные банки представлены в этом списке только Бельгийским Банком для заграницы и Китайско-Французским Банком. Прочие иностранные банки умеют игнорировать требования Пекинского правительства о предоставлении ему займа.

Мы видели выше, что Пекинскому правительству удалось уже накопить неотвержденных долгов почти на целый миллиард. Однако, за последние годы власть Пекинского правительства становится все более и более призрач-

[1]) Wright, назв. соч., стр. 234—235.

ной, и, в связи с этим, центр тяжести в создании текучей задолженности Китая переносится на провинции. В настоящее время едва ли можно указать хотя бы одну провинцию, которая не имела бы долга. Размеры задолженности часто не ясны не только провинциальной финансовой администрации, но и самим кредиторам. Понятно почему: за 17 лет, протекших с революции 1911 года, в каждой провинции происходила бесконечная смена властей. В некоторых случаях старые долги признавались, в других отвергались. Иногда гибли все документы, на основании которых можно было бы установить цифру задолженности прежних правительств. Случается, что многолетние притязания какой-нибудь группы купцов настолько теряют убедительность, что подлежавший возвращению им долг уже не включается в провинциальную сводку задолженности. Однако, при соответственном случае притязания этих купцов снова вынимают из-под спуда для того, чтобы показать возможно большую цифру долгов. Ниже мы приведем подробные данные по нескольким провинциям относительно размеров задолженности. В грубых цифрах можно прикинуть, что за время, протекшее с революции 1911 г., в провинции среднего масштаба накопилось долгов не меньше, чем на 40—50 миллионов, что составляет для всего Китая еще 1 миллиард, сверх 1 миллиарда краткосрочной задолженности пекинского правительства. Даже более реальные долги должны выразиться цифрою не менее 500 миллионов. Если мы прибавим их к цифрам приведенной выше сводки Китайского Экономического Журнала, то несомненно окажется, что неутвержденный долг в настоящее время имеет уже преобладание над консолидированным. Поэтому, одной из важнейших задач упорядочения китайских финансов является задача пересмотра краткосрочной задолженности для выяснения того, подлежит ли она вообще оплате, в каких размерах и в каком порядке.

Чрезвычайно интересны те формы, в которые выливаются провинциальные займы. Эти формы многообразны и едва-ли поддаются какой-нибудь строгой классификации. Нередки случаи выпуска обычных облигационных займов, хотя местное население и относится к ним с крайним предубеждением, не веря в длительность существования провинциальных правительств. Сплошь и рядом облигации этого рода сразу же по выпуске котируются не выше 50%. Национальное правительство в Кантоне попыталось приучить население к новому типу: лотерейному займу, расчитывая на общеизвестную склонность китайских масс к азарту. Однако, попытка эта закончилась не вполне удачно, так как облигации займа сразу стали выпускаться в больших количествах и почти навязывались населению, в частности крестьянам, через местную администрацию. Любопытный эксперимент был произведен тем же национальным правительством в Ханькоу. В период перехода к чисто бумажно-денежному обращению, когда денежные знаки стали

сильно обесцениваться, а обращение серебра было запрещено, правительство об'явило выигрышный заем, в котором выигрыши должны были выплачиваться в серебре. Вместе с тем не выигравшие билеты, могли быть обменены на облигации долгосрочного займа.

Иногда провинциальное правительство прибегает к выпуску краткосрочных казначейских обязательств, платя по ним сравнительно высокий процент. Однако, поскольку было немало случаев отказа провинциальных властей от платежа по таким обязательствам, эти обязательства также не популярны у китайского населения.

Далее идут займы у банкиров, купцов, торговых палат и т. д. Милитаристы давно уже пришли к убеждению в необходимости пообщипать местную буржуазию, не платящую в Китае никаких прямых налогов. В сущности говоря, эти займы и являются суррогатом такого прямого обложения буржуазии. Эта категория займов фигурирует в разных провинциях в весьма различных вариантах, начиная от добровольного займа и кончая прямым вымогательством, имеющим лишь по видимости форму кредита. Конкретные формы, в которые эти займы выливаются, зависят от реального соотношения сил. Иногда, при предоставлении займа, банк умеет выговорить себе настолько льготные условия, что провинциальное финансовое управление фактически попадает к нему в кабалу. Мы приводим в качестве примера в приложении № 9 текст соглашения между Хунаньским комиссариатом финансов и местным отделением Китайского Банка. По этому соглашению, Китайский Банк фактически становится провинциальным казначейством, монопольно собирающим все правительственные доходы и осуществляющим контроль над ними. Вместе с тем, банк связывает провинциальное финансовое ведомство твердым регламентом в расходовании собираемых средств. Бывают, однако, противоположные случаи. Так, в Ханькоу в списке займов, заключенных революционными властями вскоре после занятия этого города, значатся займы у некоторых частных предприятий. Эти займы подлежат погашению из сумм, которые должны быть «добровольно пожертвованы» этими предприятиями правительству. Одно из этих предприятий оговаривает при этом, что в сумму долга, подлежащую погашению, путем добровольных пожертвований, включаются также займы, предоставленные этим предприятием прежнему правительству. Почти всегда займы у кредитных учреждений и частных лиц имеют специальное обеспечение в виде поступлений от того или другого налога. Нами уже указывалось выше, что такова всеобщая практика в Китае. Подчас один и тот же налог служит для покрытия ряда займов, так что правительство теряет всякую надежду когда-нибудь вернуть себе доходы от этого налога. Сплошь и рядом дело при этом обстоит так, что, уплачивая своему кредитору часть долга за счет каких-нибудь налоговых

поступлений, местная финансовая администрация одновременно вынуждает его предоставить в еще большей сумме новый заем, обеспеченный опять-таки тем же налогом. Таким образом, задолженность растет как снежный ком, фактически являясь ничем иным, как своего рода налогом на имущие классы.

Этот вид кредитных операций конкурирует с другим видом: с вымогательством денег у банков за счет производимых последними эмиссий. В этих случаях все тяготы кредитных операций перелагаются на широкие массы населения, пользующиеся денежными знаками. В главе о денежном обращении было уже выяснено, насколько велики суммы, извлеченные генералами посредством эмиссии для финансирования своих военных операций.

Приведем, в виде иллюстрации, современное состояние задолженности по нескольким южным провинциям. Так как эта сторона китайских финансов почти не подвергалась исследованию в литературе, мы остановимся на этом вопросе с некоторой подробностью. В отдельных провинциях положение оказывается далеко неодинаковым. Так, Гуандун имел в 1926—27 г.г. хорошо организованную финансовую систему. В этой провинции долги по займам являлись действительно долгами. На протяжении одного только 1926 г. этот источник дал 30.574.000 долларов в кантонской мелкой единице. Платежи по долгам производятся в Гуандуне регулярно. Каждый месяц около 1 миллиона долларов затрачивается на погашение казначейских сертификатов, выплату выигрышей по лотерейным займам, уплату процентов и пр. Всего в 1926 г. эти расходы достигли 9.430.000 долларов. Вычитая эту цифру из поступлений от кредитных операций, мы можем определить чистый приток за этот год средств от займов в Гуандуне в 20 миллионов.

В Хубее общая сумма долгов по займам может быть определена в 25—30 миллионов стандартных долларов. Около 12—13 миллионов составляют займы у банков, воплощенные по большей части в векселя военных властителей, имеющие в настоящее время весьма сомнительную ценность. Займы у купеческих гильдий и торговых палат достигают, примерно, 10 миллионов. За короткий промежуток времени, с 27 сентября по 21 ноября 1926 г., были получены временные займы от разных учреждений, включая банки, на сумму в 2.257.347 долларов. В списке кредиторов фигурируют такие разнообразные учреждения, как, например, Ханькоуская водопроводная и электрическая компании, Ханькоуская гильдия менял, компания по очистке соли Чу-Та, гильдия соляных купцов и т. д. В приведенную нами цифру общей задолженности по Хубею включены только те займы, относительно которых сохранились хотя бы какие-нибудь документальные данные. Однако, к списку займов прежнего Хубэйского правительства присоединено такое примечание: «Помимо приведенного итога, имеются займы на сумму около 30 миллионов долла-

ров, предоставленные прежним Хубэйским правительственным бюро по денежному обращению провинциальному правительству, за срок с 19 августа 1911 г. до наших дней, когда бюро действовало в качестве казначейства провинциального правительства. Что же касается займов у банков и менял, то были и другие займы и счета между казначейством и банкирами; но вследствие исчезновения этих счетов, сумма займов не может быть установлена». Здесь перед нами характерный пример задолженности, предающейся забвению под давлением сменяющих один другой политических переворотов.

В Хунани за последние годы едва ли накопилось долгов больше, чем на 10 миллионов. Финансовая администрация генерала Тан Шэн-чжи определила долги прежних правительств в 4.450.000. Все эти займы были обеспечены доходами от соли. Из них 2.245.000 было получено от банков, а остальное — от соляных купцов и Торговой Палаты. С мая по июнь 1926 г. во время борьбы между генералом Тан Шэн-чжи и генералом И, новые позаимствования из тех же источников составляли 1½ миллиона. После этого, по инициативе Тан Шэн-чжи, был выпущен новый заем полупринудительного характера, подписка на который определялась в зависимости от размеров собственности, с применением небольшой прогрессии. Облигации этого займа были выпущены в период с мая по октябрь 1926 г. на общую сумму в 3.800.000 долларов. Таким образом, задолженность Хунани сравнительно мала. Однако, тем же провинциальным комиссариатом финансов в Хунани была составлена сводка старых долгов, в которой перечислено займов почти на 50 миллионов.

В Цзянси задолженность определена Комитетом по урегулированию провинциальных финансов в 40 миллионов долларов. Этот долг состоит из двух групп займов. Долг банкам достигает 25 миллионов. В эту сумму входят следующие отдельные статьи задолженности: Провинциальному Банку и туземным банкам—21 млн., Китайскому банку — 1.700.000 долларов, Формозскому Банку — 1½ миллиона иен и т. д. Вторую группу займов составляют выпущенные Цзяньсийским провинциальным правительством 2 долгосрочных займа: облигации займа 10 года Республики на общую сумму 5.450.000 долларов и облигации 14 года на сумму в 10 миллионов долларов.

Задолженность одной из богатейших провинций Китая—Цзянсу—составляет около 30 миллионов. Эта задолженность складывается из трех групп займов. Первую группу составляют долги банкам. Список этих займов очень велик; обеспечениями им служат: доходы от соли, керосина, ликина, от налога на коконы, от налога на свиней, на лекарства и пр. Всего банковская задолженность составляет 9.058.548 долларов, плюс 254.134 таэля. Далее идут облигационные займы, составляющие в общей сумме 9.876.000. Повидимому, проценты по этим займам не уплачиваются, так как из только что приведен-

него общего итога, 2.550.000 составляют долг по процентам. Наконец, 10.471.813 долларов провинциальное правительство Цзянсу задолжало различным провинциальным округам по военным издержкам.

В провинции Чжэцзян, первая кредитная операция была произведена в 1912 г., когда здесь были выпущены первые военные обязательства погашаемые по истечении трех лет. Первый провинциальный заем был выпущен в 1922 г., второй в 1923 г., при чем оба эти займа должны были пополнить провинциальное казначейство, опустошенное вследствие голода, постигшего эту провинцию. В 1924 г. был выпущен третий провинциальный заем для *покрытия военных издержек этого года. Тою же зимою были выброшены* на рынок четвертый провинциальный заем и две серии казначейских знаков. Весною 1925 г. появился реорганизационный заем, для упорядочения провинциальных финансов. Сумма второго займа составляла 2 миллиона, а опроцентование — 14,4 годовых; третий провинциальный заем выразился в сумме 1½ миллиона, четвертый составил 2 миллиона, реорганизационный заем достиг цифры в 3 миллиона. Весною 1926 года был выпущен новый консолидационный заем на 3.600.000. Два выпуска казначейских билетов дали около 3 миллионов. Кроме того, провинциальные власти время от времени прибегали к помощи банкиров и купцов для удовлетворения назревших финансовых нужд.

Приведенные примеры вполне подтверждают высказанную выше гипотезу, что провинциальную задолженность в настоящее время нужно определить минимально в 500 миллионов долларов.

В заключение постараемся установить общую сумму платежей, которую Китай ежегодно уплачивает по государственному долгу. Мы уже процитировали в предыдущей главе подсчет Китайского Экономического Журнала, согласно которому, в случае полной оплаты погашения и процентов по всем обеспеченным и необеспеченным долгам, включая железнодорожные займы, платеж должен составить около 250 миллионов долларов. В действительности же Китай платит значительно меньше. Если мы исключим железнодорожные долги, платежи выразятся в сумме 166.466.938 долларов, из которых на внешние займы приходится 90.295.149 и на внутренние—76.171.790 долларов. Эти цифры Китайский Экономический Журнал сопроводил следующими раз'яснениями: «Сюда включены как хорошо обеспеченные, так и недостаточно обеспеченные займы, в соотношении 58,4% и 41,6% для внутренних займов и 69,1% и 30,9% для иностранных займов. Выведенная сумма для необеспеченных внутренних займов, составляющая 41,6%, включает падающие на 1925 год *как амортизацию, так и платеж процентов, потому что* некоторые из этих займов, как, например, серебряная доля облигаций так называемого 96-миллионного займа, имеют регулярные амортизационные

таблицы, и, поэтому, платежи по ним, причитающиеся в 1925 г., легко могут быть исчислены. Платежи в погашение необеспеченных иностранных займов не включены в сводку, потому, что все они в действительности давно пересрочены и попытка уплаты их сразу в один год должна была бы вывести из равновесия весь бюджет. Одних только платежей процентов и комиссии за 1925 г. достаточно, чтобы составить 27.897.603 доллара, или 30,9% всех платежей по иностранным займам» [1]).

Согласно приведенным выше данным, платежи по обеспеченным займам (необеспеченные займы, как уже упомянуто выше, в настоящее время *вообще не оплачиваются Китаем*) *немногим превышают 100* миллионов долларов. Из этой суммы следовало бы сделать довольно большой вычет суммы боксерских платежей, идущих сейчас почти целиком на внутренние потребности самого Китайского государства. В 1924 г. платежи по этой категории обеспеченных займов составили почти 15 миллионов шанхайских таэлей, а в 1925 г. — немногим больше 34 миллионов шанхайских таэлей. Резкое повышение цифры в 1925 г. об'ясняется тем, что в этом году были произведены большие выплаты Франции, Бельгии и Италии задержанных в предыдущие годы платежей из-за разногласий о том, следует ли их платить в золотой или бумажной валюте. Однако, даже и эти платежи, в конце-концов, поступили в распоряжение китайского народного хозяйства, на основании соглашения с соответствующими государствами. Таким образом, из приведенной цифры в 100 миллионов, необходимо исключить не меньше 20 миллионов ежегодных взносов по боксерской контрибуции, которые уже потеряли свою природу платежей по займам. Остается всего 80 миллионов. К ним нужно прибавить платежи по железнодорожным займам, точную цифру которых установить крайне трудно. Выше уже были приведены сообщения иностранной прессы о том, что в настоящее время если не все, то значительная часть этих долгов вообще не оплачивается. С другой стороны, кое-что иностранцам удается урвать по железнодорожным займам из сумм соляных доходов; но размеры этих полу'чений сравнительно незначительны. Если мы примем во внимание, что Китайский Экономический Журнал определяет всю сумму железнодорожных платежей в 70 миллионов ежегодно, то едва ли фактически оплачиваемая часть их превосходит 20—25 миллионов долларов. Следовательно, всего платежи по займам, достигают, вероятно, 100 миллионов. Наряду с этим из года в год нарастает ком текучей задолженности, давно просроченной и бесконечно обрастающей новыми процентами. Китайские финансовые деятели давно уже носятся с мыслью о выпуске *единого консолидированного займа для ликвидации этой краткосрочной за-*

[1]) „Chinese Economic Journal" за июнь 1927 г., стр. 513—514.

долженности. Не подлежит сомнению, что это было бы лучшим выходом из создавшегося положения. Мы полагаем, однако, что предварительно пришлось бы заняться тщательным анализом этой краткосрочной задолженности, чтобы установить, какие долги подлежат оплате и какие нет.

ГЛАВА VIII.

БАЛАНС МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ, ПЕРЕВОДЫ ОТ ЭМИГРАНТОВ И ПОМЕЩЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ КАПИТАЛОВ В КИТАЕ.

Нельзя не согласиться с утверждением Уэджила, что «не существует никаких средств получить точные цифры большинства слагаемых» баланса международных платежей и что, следовательно, все утверждения, построенные на анализе соответствующего цифрового материала, «не имеют ценности с точки зрения точной статистики» [1]). Тем не менее, эти вычисления все же имеют познавательное значение, являясь как-бы цифровыми иллюстрациями, выясняющими внутреннюю структуру экономической жизни данной страны, и дающими общую характеристику тех изменений, которые вносятся в жизнь страны фактом экономических и финансовых взаимоотношений с иностранными государствами. Вот почему задача в отношении Китая заключается в том, чтобы, давая характеристику платежного баланса в цифрах, отнюдь не ограничиваться этим, а одновременно дать исследование экономических процессов, лежащих в глубине народного хозяйства под доступной статистическому анализу видимостью цифр баланса.

Руководясь этими соображениями, начнем анализ проблемы баланса с рассмотрения следующей экономической проблемы. Как было разъяснено выше, Китай имеет резко отрицательный торговый баланс и в то-же время ввозит большие количества серебра. Кроме того, он должен оплачивать проценты по займам и дивиденды на помещенные иностранцами капиталы. К этому следует прибавить, что, в отличие, например, от Японии,—Китай, в общем, имеет потребительский, а не производственный тип внешней торговли. Важно выяснить, кто открывает Китаю эту возможность потреблять иностранные товары, не давая взамен свои собственные продукты в соответствующих количествах. В общем, можно считать установленным, что две статьи актива платежного баланса оспаривают друг у друга честь этой заслуги: иностранное инвестирование капиталов и переводы от китайцев, эмигрировавших в заморские страны. Что оба эти источника были в доста-

[1]) S. R. Wagel, Finance in China, Shanghai, 1914, стр. 217.

точной мере изобильными на протяжении последних двух-трех десятилетий, никто не может отрицать. Исследованию подлежит лишь вопрос о том соотношении, в котором они покрывают отрицательные статьи платежного баланса. Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим те исчисления баланса международных платежей Китая, которые производились до сих пор.

Только два автора попытались изучить движение активных и пассивных статей этого баланса за относительно долгий период: *Уэджиль и проф.* Ремер. Первый из названных исследователей приводит баланс внешних платежей Китая к концу 1913 года на основе данных о получках и выплатах за период с 1864 по 1913 год. Чтобы сделать сравнимыми подсчеты Уэджиля с подсчетами проф. Ремера, мы исключили из активов и пассивов сводки Уэджиля валовые цифры внешней торговли, оставив только сальдо, произвели ту-же операцию с движением благородных металлов и соединили вместе несколько незначительных статей. В результате его схема принимает следующий вид (в миллионах хайгуанских таэлей) [1]):

Пассив		Активы	
Перевес ввоза товаров над вывозом	2.379	Капитал иностранных фирм, главным образом в форме привозимых грузов	1.000
Перевес ввоза драгоценных металлов	228	Суммы, истраченные на постройку городов и концессий (Шанхай и пр.)	1.000
Иностранные займы	1.288	Жел. дороги и рудники . . .	200
Переводы иностранцев в их родные страны	600	Иностран. посольства, гарнизоны, военные суда	650
Другие статьи	350	Переводы от китайских эмигрантов заграницей	845
		Прочие статьи	1·150
Всего . .	4.845	Всего . .	4.845

Из этой схемы мы видим, что в течение полувекового периода Китай ввез из-за границы товаров и драгоценных металлов на огромную сумму в 2.600 миллионов хайгуанских таэлей больше, чем вывез. Если перевести эту сумму в доллары, она составит — 3.600.000.000. Согласно калькуляциям Уэджиля, возможность для Китая иметь такие огромные избытки по импорту была создана, главным образом, притоком иностранных капиталов, при чем переводы от китайцев, живущих в заокеанских странах, выражались в несравненно меньших цифрах. По его мнению, этот инвестированный капитал стремился, в первую голову, организовывать торговые предприятия и строить города и в гораздо меньшей степени шел в промышленность.

[1]) Wagel, назв. соч., стр. 474—475.

На основании материалов, собранных проф. Ремером, приходится сделать совершенно иные заключения. Он дает отдельные таблицы для 4-х периодов, *покрывающих в общей сложности*, как и у Уэджиля, полстолетия. Проф. Ремер избирает однако, для своих подсчетов иной исходный пункт, начиная с 1871 года и доводя исчисления до 1921 года. Соединяем его цифры в общую для всего периода сводку: [1])

Пассив		Актив	
Чистый импорт серебра . . .	361	Переводы эмигрантов	2.054
Избыток ввоза товаров	2.920	Новые займы	920
Платежи процентов и погашения по займам и контрибуциям	910	Помещение капитала иностранцами (отдельными лицами и корпорациями)	300
		Расходы на „иностранные" железные дороги	300
		Прочие статьи	259
Всего . .	4.191	Всего . .	3.833

Как уже сказано, эти данные приводят к совершенно другим выводам, чем вышеприведенная схема Уэджиля. Характерно, что одно только перенесение исходного момента для исследования, обнимающего в обоих случаях пятидесятилетний период, увеличивает избыток ввоза товаров и драгоценных металлов с 2.600. до 3.300 *млн. хайгуаньских таэлей*. Здесь мы имеем прямое указание на постоянно ухудшающееся положение международного баланса Китая. Что же касается вопроса о пропорции между иностранными инвестированиями и китайскими переводами среди активных статей баланса, то ответ проф. Ремера прямо противоположен заключению Уэджиля. Если принять переводы эмигрантов за 100, то у Уэджиля приток капитала составит, примерно, около 240, а у Ремера—75.

Отметим еще одну своеобразную черту всей этой проблемы. Было сделано много отдельных попыток подсчитать международный баланс Китая в точных цифрах для какого-нибудь одного года. При этом, чем ближе подходили авторы этих подсчетов к настоящему времени, тем труднее было им свести концы с концами, т.-е. наскрести достаточное количество активов, чтобы покрыть пассивы. Часто цитируемый баланс такого почтенного исследователя, как Морзе, относится к самому началу текущего столетия. В этом балансе оказывается даже излишек активных статей на 17 миллионов таэлей. Оставляя в стороне небольшие слагаемые, мы воспроизводим главнейшие статьи этого баланса. Начнем с пассива: ввоз товаров — 310.453.428 таэлей, слитки и монета, ввезенные *из-за границы*, — 37.000.000, ежегодные платежи по займам и контрибуциям — 4.410.000,

[1]) C. F. Remer, Foreign Trade in China, стр. 222–225.

чистая прибыль иностранных резидентов, купцов и пр., а также иностранных пароходных и страховых обществ — 22.750.000. Главные статьи актива в схеме Морзе таковы: вывоз товаров — 236.205.162, вывоз слитков и монеты — 33.046.000, контрабандная торговля по сухопутной русской границе — 20.000.000, деньги и материалы, прибывающие из-за границы для развития железных дорог и рудников — 27.000.000, содержание иностранных миссий, консульств, гарнизонов, флотов, а также суммы, затрачиваемые на содержание и починку иностранных судов, содержание религиозных миссий, госпиталей и школ и на расходы иностранных путешественников — 51.500.000, переводы из-за границы — 73.000.000 [1]). Для 1912 года Уэджиль дает нам новую схему. В его подсчете, все еще удерживается равновесие активных и пассивных статей, но избыток, найденный нами в балансе Морзе, исчезает. Пассивный излишек по торговому балансу и балансу драгоценных металлов поднимается с 75 до 130 миллионов, проценты и амортизация по займам тоже дают увеличение на 7 миллионов, и, наконец, переводы различных сумм за границу, вместе с фрахтами и страховыми премиями, тоже дают рост на 7 миллионов; сверх того, Уэджиль сбавляет избыток экспорта в сухопутной контрабандной торговле с 20 до 4 миллионов. Особенное недоверие наш автор проявляет по отношению к переводам от китайцев, живущих за морем: он вычитает из цифры Морзе 33 миллиона. Все эти новые статьи пассива и уменьшения активных статей дают дефицит в 120.000.000 таэлей. Чтобы сбалансировать счет, Уэджиль прибавляет 24.000.000 на расходы по содержанию дипломатических миссий, армий, миссионеров, туристов и пр. Затем он избирает две новых статьи: капитал, помещенный в торговле, и капитал, потраченный на постройки в договорных портах, составляющие вместе 80.000.000. Таким образом уменьшение переводов компенсируется введением притока капитала извне [2]).

Мы воспроизведем здесь лишь еще одну схему, принадлежащую американскому автору Нельсону и относящуюся к 1925 году. Эта схема проникнута пессимизмом. Активы по своему итогу далеко уступают пассивам. Средний пассив по торговому балансу последних лет исчисляется в 200 миллионов долларов, излишек импорта по драгоценным металлам — 60.000.000 и проценты по иностранной задолженности — в 165.000.000 (50.000.000 — железнодорожные займы и 115.000.000—прочие). Все статьи вместе дают 425.000.000. Что же касается активов, то в исчислении их Нельсон оказывается чрезмерно осторожным. Он оценивает переводы в 100.000.000 долларов, содержание миссионеров, школ и госпиталей—в 35.000.000, расходы на

[1]) H. B. Morse. The Trade and Administration in China, 3 revised edition, 1921, стр. 328—329.

[2]) S. R. Wagel, назв. соч., стр. 473;

дипломатические миссии, консульства, армии и флоты—в 40.000.000 и расходы на туристов — в 10.000.000. В итоге активов не получается даже 200. 000.000, и дефицит достигает огромной суммы в 225—250.000.000 долл., при полной неизвестности, откуда он может быть покрыт[1]). Таким образом, Нельсон воскрешает тенденцию Морзе недооценивать приток иностранных капиталов. Однако, если в начале XX века можно было игнорировать эту статью, не нарушая резко равновесия в международном балансе платежей, то в настоящее время недооценка этой статьи в международных финансовых взаимоотношениях Китая неизбежно приводит к тупику, к образованию глубокой пропасти между активами и пассивами. Разумеется, в балансе актив и пассив должны взаимно уравновешиваться, и всякий, кто приходит к схеме вроде нельсоновской, должен показать, каким образом поддерживается равновесие на валютном рынке при таком значительном расхождении положительных и отрицательных статей. Возможно, конечно, что на самом деле не производится часть платежей, фигурирующих в пассиве схемы того или другого исследователя, как это, например, имеет место в отношении процентов и амортизации по так наз. «необеспеченному» иностранному долгу в Китае. Однако, и это соображение не приходится принимать во внимание, так как при калькуляции международного платежного баланса для той или другой страны, должны как в активе, так и в пассиве, учитываться только действительно произведенные, а не «причитающиеся» платежи.

Из сказанного выше ясно, что неверно в подсчетах Нельсона; он сильно преувеличивает платежи процентов по займам и, в то же время, забывает об иностранных инвестированиях. В отношении платежей можно сделать следующие замечания. Согласно Уэджилю, платежи в 1912 г. составляли 51.000.000 таэлей. Это было как раз после китайской революции и незадолго до начала мировой войны. Оба эти события почти прекратили для Китая возможность производить займы за границей, — по крайней мере регулярно. Необеспеченные долги все время остаются неоплачиваемыми. Что же касается иностранных займов и контрибуций, то бюджет платежей по этим долгам в серебре выражался для 1926 года в 53.183.909 шанхайских таэлей, т. е. примерно, той-же цифрой, что и 10 лет назад. Таким образом, итог пассива у Нельсона преувеличен не меньше, чем на 50.000.000. Он, далее, совершенно игнорирует иностранные инвестирования. Таковы причины дефицита в его схеме.

Попробуем теперь самостоятельно проверить проблему количественного соотношения эмигрантских переводов и инвестирований иностранного капи-

[1]) Y. Nelson, „Changing factors in the economic life of China". Supplement to Commerce Reports publ. by the Bureau of the foreign and domestic commerce, Янв. 1925, стр. 5—6.

тала в ежегодном платежном балансе Китая. Начнем с эмигрантов. Экспорт людей всегда сопутствует недостатку капитала. Поэтому не удивительно, что эмиграция из Китая происходит в очень широком масштабе. Эта эмиграция приняла бы гораздо более грандиозные размеры, если бы ищущий счастья на чужбине представитель желтой расы не натыкался на законодательные рогатки. Проф. Ремер цитирует следующие, заимствованные им из различных источников, цифры относительно числа китайцев, проживающих за границей: [1])

Ратцель	1876	2,3	миллиона чел.
Уильямс	1899	4	„ „
Эткинс	1900	3	„ „
Морзе	1903	7,3	„ „
Готтвальдт	1903	7,6	„ „
Ричард	1908	9	„ „
Мак Нейр	1921	8,6	„ „

Последняя цифра, основанная на консульских донесениях и других источниках, устанавливает цифру китайского населения в заокеанских странах свыше 9.600.000 чел. [2]). Но с точки зрения вопроса о денежных переводах можно игнорировать китайских жителей острова Формозы, поскольку они являются не эмигрантами, а туземным населением покоренной японцами территории; большинство из них не имеет ни бытовых, ни экономических связей с населением китайского континента. Из остальных 7½ миллионов около 2 млн. живут в Голландской Ост-Индии, 1.200.000 в Индии, 1.000.000 во Французском Индо-Китае, 500.000 в Гонконге, 500.000 в Стрете-Сэттльменте, 150.000—в Сиаме, 150.000 в Соед. Штатах, 100.000 в Европейской части СССР и Сибири, и т. д.

Несомненно, что эмигрировавшие за границу китайцы принадлежат в своем большинстве к пролетарскому классу и поэтому не могут делать больших сбережений. Однако, характерно, как быстро китайцы из различных социальных прослоек акклиматизируются в новой экономической среде и как велики их успехи на поприще иностранной промышленности и торговли. Печатные источники и слышанные нами личные отзывы единодушно свидетельствуют, что китайцы за границей являются ледюжинными купцами, банкирами, спекулянтами и даже промышленниками. По словам Ремера «китайцы в Стрете-Сэттльменте, как сообщают, работают в области банкового дела, судоходства, производства жести и разведения каучука». Они являются «главарями всех крупнейших предприятий», они же служат «посредниками в торговле Сингапура и Малайских островов». Многие большие имения на Яве принадлежат китайцам или управляются ими. Они играют большую

[1]) C. F. Remer. назв. соч., стр. 219.
[2]) „The Chinese Economic Bulletin", 1 янв. 1927 г.

роль в торговле повсюду в Голландской Ост-Индии. «Они монополизировали розничную торговлю и являются посредниками между голландскими импортерами и экспортерами и туземными производителями и потребителями». В Сиаме китайцы «поставляют большую часть плотников, машинистов, механиков, а также являются собственниками лошадей или кучерами». На Филиппинских островах китайцы держат в своих руках 90% розничной торговли и значительную часть оптовой. «Они здесь поставляют посредников, без которых Восток и Запад не могли бы вести между собой торговлю». «В Японии, Корее и Сибири китайцы ведут с успехом коммерческие дела. В Соед. Штатах и Канаде они являются владельцами ресторанов, фермерами и содержателями прачечных, а некоторое число их занято в торговле этих стран с Китаем» [1]).

Если китайцы остаются в чужих странах в качестве наемных рабочих, они получают здесь более высокую оплату труда, чем у себя на родине. В опубликованной несколько лет тому назад монографии Тан Шана по вопросу об эмиграции приведены интересные цифры, позволяющие сопоставить уровень заработной платы, получаемый китайцами у себя на родине и за границей. В Китае, по данным, относящимся к провинциям Чжэли, Фуцзянь и Гуандун, заработная плата рабочих, занятых перемалыванием риса, составляет от 0,10 до 0,50 долларов в день, в Голландской Ост-Индии рудокопы получают по контрактам—0,24 флорина в течение первых 180 дней своей работы, 0,36 во вторые 180 дней, 0,41 по прошествии 3-х лет, 0,46 по прошествии 5-ти лет. На Филиппинах простые рабочие оплачиваются в размере от 0,50 до 1,20 песо в разных местностях островов. В Стрейтс-Сеттльменте заработок сельско-хозяйственных рабочих варьирует от 0,70—1,50 долларов, в Малакке, до 2,40—3,60 (с едой) в Сингапуре. В Трансвале рудокопы, занятые добычей золота, получали 1 шиллинг и 6 пенсов в день. Наконец, во Франции, в период мировой войны, китайские рабочие, привезенные сюда вследствие острого недостатка в рабочей силе, зарабатывали от 1 до 5 франков в день, в зависимости от характера работы, плюс 10-долларовая прибавка в месяц [2]). Как ни различны все эти ставки, однако, не подлежит сомнению, что почти во всех странах, где китайцам приходится применять свой труд, они оплачиваются по более высоких ставок, чем у себя на родине. Поэтому неудивительно, что размеры их сбережений за границей должны составлять значительные суммы, особенно, если принять во внимание их удивительную способность довольствоваться полуголодным существованием и сберегать сколько возможно.

[1]) C. F. Remer, назв. соч., стр. 218—219.
[2]) Ta-Chen. Chinese Migrations with special Reference to Labor Conditions, ed. by Bureau of Labor Statistics, июль 1923, стр. 159—100.

Однако, нельзя забывать того, что не все китайцы, живущие за границей, посылают свои сбережения домой. Так, те из зажиточных китайцев, которые уже в течение нескольких поколений живут в чужих странах, часто настолько срастаются с местным населением, что окончательно порывают с Китаем и целиком помещают свои сбережения в местной промышленности и торговле. Например: китайцы в Ванкувере (Канада) за 15 лет увеличили свои хранимые в банках сбережения с 100.000 до 3.000.000 ам. долларов. Раньше они чурались банков, придерживали сбережения у себя дома, а затем отсылали их в Китай. Теперь они вкладывают свои сбережения в банки на своей новой родине [1]). Только те китайцы, которые родились в Китае и лично эмигрировали в чужие страны, составляют главный контингент лиц, делающих переводы домой. Помимо того, часть китайских эмигрантов ищут счастья на чужбине со специальной целью быстро сколотить возможно больший капитал и вернуться с ним в Китай. У этой категории эмигрантов сбережения обычно бывают наибольшими.

Вместе с тем, часто быстрота накопления зависит от возможности отослать в ближайшее-же время накопленные деньги на родину. Дело в том, что не все китайцы грамотны и умеют пользоваться почтовыми переводами. Ждать в течение ряда месяцев случая для отсылки денег оказией часто не хватает выдержки, и тогда деньги растрачиваются без остатка. Правда, в некоторых странах, где имеется большое китайское население, организуются специальные фирмы, так наз. шиу-кэ, которые занимаются разъездами между некоторыми странами, например между Явой и Китаем, поддерживая связи, с одной стороны, с китайскими деревнями и, с другой, с эмигрантами, вышедшими из этих деревень. Работа таких организаций часто бывает вполне налаженной, и люди с небольшими средствами охотно доверяют им свои сбережения для отправки на родину. Богатые же китайцы переправляют домой накопленные ими средства через банки.

Попробуем подойти к вопросу о размерах китайских сбережений. Конечно, здесь наши выводы будут крайне гадательными, тем более, что рассмотрение вопроса следовало бы расчленить в зависимости от имущественного положения лиц, делающих переводы, тогда как мы можем сделать лишь самую грубую прикидку для всей эмигрантской массы. По данным произведенных за последние годы бюджетных обследований, средний размер сбережений китайской семьи, независимо от размера ее дохода, колеблется в пределах от 0,8 до 4,0%. Нужно, однако, сказать, что цифры, относящиеся к одной из групп обследованного населения, а именно — к китайской прислуге, дают совсем иную картину. Очевидно, китайцы, работающие в качестве прислуги,

[1]) „Japan Advertiser", 13 октября 1925 г. „Chinese in Vancouver".
[2]) Ta-Chen, назв. соч., стр. 61.

считают эту работу временным занятием и стараются сберечь как можно больше денег, чтобы перейти на работу иной квалификации. Они получают далее, готовое содержание. По данным Дитмера, процент сбережений у обследованной группы в 93 чел. прислуги, составлял в отношении к сумме произведенного ими расхода: [1]).

Размер расхода	% посылаемый домой
30— 49 долларов	4,5
50— 69 „	25,0
70— 89 „	36,0
90—109 „	47,0
110—129 „	53,5

По своему психологическому типу, значительная часть эмигрантов, несомненно, принадлежат к категории лиц, накапливающих такой же относительно высокий процент сбережений.

Что касается конкретных размеров сбережений, делаемых китайцами за границей, то в нашем распоряжении имеются только цифры, относительно уже упомянутой китайской рабочей массы, эмигрировавшей во Францию в период войны. Их было всего около 140.000 чел., из которых, около 40.000 работало под начальством французов и около 100.000—под руководством англичан. Труд китайцев употреблялся для самых различных работ: на рудниках, фабриках, железных дорогах, в лесах, доках, при производстве аэропланов, орудий, в химических лабораториях, в угольных рудниках, в строительной промышленности и т. д. Согласно сообщению китайского посла в Лондоне, в мае 1919 г., президенту китайской республики, сумма депонированных во французских банках сбережений китайских рабочих, составила около 50.000.000 франков. Поскольку эта сумма составилась из сбережений 130—140.000 рабочих за 19 месяцев, очевидно, что среднее сбережение в месяц выражается в цифре около 20 франков. Так как к этому времени франк успел претерпеть значительное обесценение, можно считать эту сумму равной, примерно, 2½ китайских долларам.

Несомненно, что китайские рабочие, привезенные во Францию во время мировой войны, находились в благоприятных условиях по сравнению с китайскими рабочими в других странах. С другой стороны, среди китайских эмигрантов имеется значительная прослойка зажиточной буржуазии, зарабатывающей и посылающей домой тысячи долларов. Таким образом, мы едва ли сильно преувеличим, если возьмем цифру в 25—30 долларов на человека, что при 7½ миллионах эмигрантов, из которых вероятно, не менее пяти по-

[1]) G. G. Dittmer, „An Estimate of the Standard of Living in China" „Readings in Economics for China", стр. 241—263.

сылают деньги домой, составит внушительную сумму в 125—150 миллионов долларов.

Приведенный подсчет подтверждается имеющимися в печати данными о размерах фактических переводов денег через банки. По сообщению журнала «Far Eastern Capital and Trade», американскими консулами в портах провинций Гуандун и Фуцзянь, являющихся центрами эмиграции, было установлено, что переводы за год составили: в Амое — 42 миллиона кит. долларов, в Фучжоу — 30 миллионов, в Сватоу — 38 миллионов. Генеральный консул Соед. Штатов в Гонконге Трэдуел определяет для 1923 и 1924 г.г. сумму переводов от китайцев, живущих за морем, в 250 миллионов долларов в гонконгской валюте, при чем из этой суммы 80% предназначалось для торговых целей. Вследствие забастовки и бойкота 1925 года цифры за этот год должны были быть ниже на 25% данных 1923 года. Для Кантона данных, по словам журнала, еще не получено: во всяком случае, можно смело установить общую сумму переводов для всех портов в пределах от 150 до 200 миллионов долларов [1]). Гораздо более скромный итог переводов дает китайский журнал Шэн-Хо («Жизнь»); его цифра составляет для 1924 года 45.950.000 и для 1925 года 43.100.000. Журнал приписывает уменьшение переводов в 1925 г. невыгодным международным курсам. Из всей приведенной суммы 32% прошло через частные почтовые агентства, 16% — через китайские банки, 36% — через иностранные банки и 16% было лично отвезено домой эмигрантами. Данные журнала «Жизнь» резко расходятся с данными других источников. Однако, при ближайшем их рассмотрении оказывается, что они касаются лишь небольшого сектора китайской эмиграции. В самом деле, приведенные итоги получены на основе следующей сводки [2]):

Страна	1924	1925
Стретс-Сэттльмент	19.400.000	19.026.000 дол.
Филиппинские острова	15.500.000	13.228.000 „
Голландские колонии на островах Южного моря	11.050.000	10.846.000 „

Таким образом, сумма в 45.000.000 не охватывает Австралии, Гавайских островов, Сиама, Японии, Индии, Гонконга, Французского Индо-Китая, не говоря уже о Европе и Америке. Следовательно, расхождение двух подсчетов не так уж велико, если принять во внимание, что первый из них, относящийся к провинциям Гуандун и Фуцзян, почти исчерпывает целиком район китайской эмиграции, тогда как второй едва ли покрывает больше одной трети всех переводов.

[1]) „The Far Eastern Capital and Trade" от 8 окт. 1926 г., „Remittances of oversea chinese".

[2]) „The Chinese Economic Bulletin" от 23 окт. 1926 г., стр. 247.

Финансовая поддержка, оказываемая китайской эмиграцией своей родине, представляет исключительное явление даже в масштабе мирового хозяйства. 150 миллионов долларов—сумма далеко не маловажная, если учесть, что даже эмигранты, скопившиеся в Соединенных Штатах Северной Америки, *со всех концов земного шара за долгий период*, охватывающий не меньше столетия, ежегодно посылают в свои родные края всего около *300—350.000.000 американских долларов* [1]). Между тем, количественно вся масса скопившихся в Соединенных Штатах эмигрантов превышает, вероятно, раза в три китайскую эмиграцию. За пределами Китая, китайские эмигранты типа предпринимателей оказываются гораздо более удачливыми, чем у себя на родине. Бывают случаи исключительных карьер людей, принадлежащих к категории self made men в американском стиле. Английский автор Мидльтон Смит рассказывает о китайце Тоокэй Лью-йию, которого он сравнивает с «самим» Карнеги. В 1858 г. этот не имеющий друзей кантонский мальчик прибыл в Сингапур. 4 года он служил в лавке на Рыночной улице и к концу этого времени накопил около 10 фунтов. С этой суммою он открыл лавку под фирмою Хэн-Луи, ставшей впоследствии знаменитой повсюду в Малайских Штатах. После нескольких лет успешной работы он попал в Перак, где потерял все свое состояние. Впоследствии фортуна снова улыбнулась ему, когда он обратился к горной промышленности, сосредоточив свою необыкновенную энергию на производстве жести. Все, до чего он дотрагивался, превращалось в деньги. И когда в 1917 г. он умирал 72-летним стариком, его состояние расценивалось в 5 миллионов фунтов стерлингов [2]).

Что касается притока иностранных капиталов в Китай, то нужно отметить существование двух различных видов внедрения иностранного капитала. В одних случаях, приток иностранного капитала является благодетельным для страны, куда он направляется. Иностранные капиталисты являются пионерами новых отраслей промышленности и торговли, строителями новых предприятий, на основе усовершенствованной техники, распространителями на практике новой, более высокой стадии материальной культуры. Такое значение имел, например, приток иностранных капиталов в Соединенных Штатах в 60-х и 70-х годах прошлого столетия, в Канаде с начала текущего века до мировой войны, в России в 80-х и 90-х годах XIX столетия. Но есть и другая разновидность иностранного инвестирования, когда капитал приходит заведомо с паразитическими целями, когда его цель — возможно скорее нажиться за счет прямого грабежа местного населения. В колониальных и полу-

[1]) См. Economist of 17 сентября 1927 г. Действительные цифры в милл. долл.: 1920—700, 1924—355, 1925—360, 1926—333.

[2]) C. A. Middleton-Smith. The British in China and Far Eastern Trade. London, 1920, стр. 107—109.

колониальных странах инвестирование капитала обычно имеет именно такой характер. В Китае иностранцы сами лишили себя возможности успешно развивать местную промышленность, поскольку они принудительно установили крайне невысокий уровень таможенных пошлин. Они предпочитали иметь в Китае отдушину для своих избыточных товаров, чем развивать здесь промышленность, которая рано или поздно могла бы развиться в их конкурента. Они построили здесь лишь несколько тысяч километров железных дорог, реализуя при этом, опираясь на свою монополию, огромные прибыли. Незадолго до мировой войны они пришли к убеждению, что наиболее рационально организовать широкую эксплоатацию Китая можно путем создания банковского консорциума, который будет снабжать Китай заграничными капиталами планомерно в строгой постепенности, дабы не допускать излишней конкуренции между странами-кредиторами. Действительность разбила эти предначертания финансистов империалистических стран, так как с начала мировой войны приток капитала из Европы и Америки в Китай сделался почти невозможным. За последние годы одна лишь Япония продолжает свою упорную политику мирного завоевания Китая, совершенно оторвавшись при этом от банковского консорциума.

Вся деятельность иностранного капитала в Китае, выразилась, коротко говоря, в предоставлении государственных займов, которыми Китай оплатил контрибуцию после неудачной Китайско-Японской войны 1894—1895 г.г. и боксерского восстания, в постройке железных дорог, в создании сравнительно небольшого числа образцовых промышленных предприятий и в постройке «международных поселений» и «концессий», в чисто европейском стиле и с большими претензиями на роскошь. К этому нужно прибавить, что иностранцы сумели создать в Китае мощную организацию внешней торговли, которая дает им возможность, покупая китайское сырье и продавая свои фабрикаты, реализовать огромные прибыли. Займами давным-давно щедро оплачены действительные военные издержки Японии и держав, участвовавших в подавлении боксерского восстания, так что в настоящее время продолжающиеся платежи по этим займам являются печальным памятником порабощения Китая. Железные дороги захвачены почти повсюду милитаристами, с которыми не в силах бороться даже всемогущие в Китае иностранные посольства. Железнодорожный транспорт служит почти исключительно боевым задачам китайской гражданской войны и в настоящее время, в значительной своей части, пришел в почти полное разрушение. Исключение составляют, главным образом, две образцовые железные дороги Китая — Восточно-Китайская и Южно-Маньчжурская. Во всяком случае, капитал, инвестированный в железные дороги, в достаточной степени истерзан. Промышленность за последние годы находится на точке замерзания, хотя в части

ее, принадлежащей иностранцам, происходят значительные перемещения, заключающиеся в том, что к японцам переходят предприятия, принадлежавшие прежде другим национальностям. В общем и целом, можно сказать, что иностранный капитал, служащий действительно производительным целям народного хозяйства, т.-е. затраченный в промышленность и железные дороги, выражается сравнительно в очень скромных цифрах. Мы считаем возможным, считаясь с рискованностью этой оценки, определить всю сумму материальных интересов иностранцев в Китае, приблизительно, в 5—6 миллиардов кит. долларов, из которых, однако, на долю производительных инвестирований приходится не более 1.200—1.500 миллионов долларов, т.-е. около ¼. Остальное представляет собою или простые денежные претензии, или довольно громоздкий инвентарь торговых организаций, или просто особняки, гостиницы и виллы, служащие для приятной и праздной жизни.

О сколько-нибудь значительных помещениях капиталов в Китае, можно говорить только в отношении Японии, Великобритании, Соединенных Штатов и Франции. О Японии будет сказано в специальной главе. Начнем, поэтому, с Великобритании. Об ее инвестированиях в Китае существуют весьма преувеличенные представления. Подчас приходится слышать утверждения, что экспорт английских капиталов в Китай достигает 2½ миллиардов американских долларов. Мы сейчас попытаемся доказать, насколько подобные оценки далеки от истины.

За несколько лет до войны известный английский статистик Джордж Нейш сделал в Лондонском Статистическом Обществе два доклада о размещении английских капиталов за границей. Эти два доклада с тех пор принято считать классическими в вопросе об английских инвестированиях. Правда, в своей основе цифры Нейша представляют лишь сводку эмиссий иностранных займов на лондонской бирже, как было указано в прениях по докладу проф. Кейнсом. Однако, Нейш собрал огромный материал по отдельным акционерным обществам, работающим за границей, и, вероятно, довольно полно охватил эту форму инвестирования, наряду с облигационными займами. Сверх того, при окончательном подсчете английских капиталов, размещенных за границей, он сделал прибавку, примерно в 10% к итогу, на неподдающиеся точному учету частные инвестирования. Дефектом работы Нейша нужно считать также и то, что он исходил при своих подсчетах из номинальной суммы эмиссии, как бы ни увеличилась биржевая цена бумаг за время, истекшее с момента выпуска бумаг на рынок. Однако, все эти дефекты, нужно думать, распространяются в равной мере на данные, характеризующие английские инвестирования в любой стране, и не мешают определить, на основании цифр Нейша, удельный вес Китая в общем экспорте капиталов из Великобритании.

колониальных странах инвестирование капитала обычно имеет именно такой характер. В Китае иностранцы сами лишили себя возможности успешно развивать местную промышленность, поскольку они принудительно установили крайне невысокий уровень таможенных пошлин. Они предпочитали иметь в Китае отдушину для своих избыточных товаров, чем развивать здесь промышленность, которая рано или поздно могла бы развиться в их конкурента. Они построили здесь лишь несколько тысяч километров железных дорог, реализуя при этом, опираясь на свою монополию, огромные прибыли. Незадолго до мировой войны они пришли к убеждению, что наиболее рационально организовать широкую эксплоатацию Китая можно путем создания банковского консорциума, который будет снабжать Китай заграничными капиталами планомерно в строгой постепенности, дабы не допускать излишней конкуренции между странами-кредиторами. Действительность разбила эти предначертания финансистов империалистических стран, так как с начала мировой войны приток капитала из Европы и Америки в Китай сделался почти невозможным. За последние годы одна лишь Япония продолжает свою упорную политику мирного завоевания Китая, совершенно оторвавшись при этом от банковского консорциума.

Вся деятельность иностранного капитала в Китае, выразилась, коротко говоря, в предоставлении государственных займов, которыми Китай оплатил контрибуцию после неудачной Китайско-Японской войны 1894—1895 г.г. и боксерского восстания, в постройке железных дорог, в создании сравнительно небольшого числа образцовых промышленных предприятий и в постройке «международных поселений» и «концессий», в чисто европейском стиле и с большими претензиями на роскошь. К этому нужно прибавить, что иностранцы сумели создать в Китае мощную организацию внешней торговли, которая дает им возможность, покупая китайское сырье и продавая свои фабрикаты, реализовать огромные прибыли. Займами давным-давно щедро оплачены действительные военные издержки Японии и держав, участвовавших в подавлении боксерского восстания, так что в настоящее время продолжающиеся платежи по этим займам являются печальным памятником порабощения Китая. Железные дороги захвачены почти повсюду милитаристами, с которыми не в силах бороться даже всемогущие в Китае иностранные посольства. Железнодорожный транспорт служит почти исключительно боевым задачам китайской гражданской войны и в настоящее время, в значительной своей части, пришел в почти полное разрушение. Исключение составляют, главным образом, две образцовые железные дороги Китая — Восточно-Китайская и Южно-Маньчжурская. Во всяком случае, капитал, инвестированный в железные дороги, в достаточной степени истерзан. Промышленность за последние годы находится на точке замерзания, хотя в части

ее, принадлежащей иностранцам, происходят значительные перемещения, заключающиеся в том, что к японцам переходят предприятия, принадлежавшие прежде другим национальностям. В общем и целом, можно сказать, что иностранный капитал, служащий действительно производительным целям народного хозяйства, т.-е. затраченный в промышленность и железные дороги, выражается сравнительно в очень скромных цифрах. Мы считаем возможным, считаясь с рискованностью этой оценки, определить всю сумму материальных интересов иностранцев в Китае, приблизительно, в 5—6 миллиардов кит. долларов, из которых, однако, на долю производительных инвестирований приходится не более 1.200—1.500 миллионов долларов, т.-е. около ¼. Остальное представляет собою или простые денежные претензии, или довольно громоздкий инвентарь торговых организаций, или просто особняки, гостиницы и виллы, служащие для приятной и праздной жизни.

О сколько-нибудь значительных помещениях капиталов в Китае, можно говорить только в отношении Японии, Великобритании, Соединенных Штатов и Франции. О Японии будет сказано в специальной главе. Начнем, поэтому, с Великобритании. Об ее инвестированиях в Китае существуют весьма преувеличенные представления. Подчас приходится слышать утверждения, что экспорт английских капиталов в Китай достигает 2½ миллиардов американских долларов. Мы сейчас попытаемся доказать, насколько подобные оценки далеки от истины.

За несколько лет до войны известный английский статистик Джордж Пейш сделал в Лондонском Статистическом Обществе два доклада о размещении английских капиталов за границей. Эти два доклада с тех пор принято считать классическими в вопросе об английских инвестированиях. Правда, в своей основе цифры Пейша представляют лишь сводку эмиссий иностранных займов на лондонской бирже, как было указано в прениях по докладу проф. Кейнсом. Однако, Пейш собрал огромный материал по отдельным акционерным обществам, работающим за границей, и, вероятно, довольно полно охватил эту форму инвестирования, наряду с облигационными займами. Сверх того, при окончательном подсчете английских капиталов, размещенных за границей, он сделал прибавку, примерно в 10% к итогу, на неподдающиеся точному учету частные инвестирования. Дефектом работы Пейша нужно считать также и то, что он исходил при своих подсчетах из номинальной суммы эмиссии, как бы ни увеличилась биржевая цена бумаг за время, истекшее с момента выпуска бумаг на рынок. Однако, все эти дефекты, нужно думать, распространяются в равной мере на данные, характеризующие английские инвестирования в любой стране, и не мешают определить, на основании цифр Пейша, удельный вес Китая в общем экспорте капиталов из Великобритании.

Для 1910 г. Нейш исчислил всю сумму экспортированного из Великобритании капитала в 3.191.836.000 фунтов стерлингов, а, с округлением за счет упомянутой выше прибавки, в 3.500.000.000 фунтов стерлингов. В первый из этих итогов Китай входит составной статьей в размере всего 26.809.000 фунтов, что составляет меньше 1%, тогда как на долю Индии пришлось по той же сводке (вместе с Цейлоном) — 365.399.000 и даже на долю Японии — 53.705.000. Из всей массы инвестированных капиталов Америка получила 1.700.000.000, или 53%, Азия — 500.000.000, или 16%, Африка — 455.000.000, или 14%, Австралия — 387.000.000, или 12% и Европа — 150.000.000, или 5%.

Нейш указывает даже отдельные слагаемые, из которых у него получился для Китая итог в 27 миллионов фунтов. Воспроизводим ниже его сводку [1]):

Правительственные займы	22.477.000
Инвестирования в промышленность и торговлю	1.401.000
Электричество и свет	9.000
Инвестирования в землю и др. финансовые операции	1.879.000
Газ и вода	373.000
Рудники	350.000
Трамваи	320.000

Эта сводка безусловно неполна. Пропуски могут быть об'яснены отчасти тем, что экспорт капитала направлялся непосредственно в Гонконг и уже оттуда затем расходился радиусами по всей китайской территории (таково, например, положение для Гонконг-Шанхайского Банка). Однако, на весь Гонконг приходится у Нейша всего 3.104.000 фунтов.

По данным того же Нейша, за 1908—1910 г.г. общая сумма английских инвестирований за границей достигала 516.861.083 фунтов, из которых на долю Китая приходится 7.381.225. В отношении общего итога это не составляет даже 1½%. Каждый из этих трех лет в отдельности дает такие цифры:

1908	5.031.225
1909	740.000
1910	1.610.000

Как видно из этих данных, максимум эмиссии за год для Китая дал всего 5 милл. ф. ст. Если исходить даже из этой цифры для всех довоенных лет, если, во-вторых, увеличить долю Китая за счет Гонконга и, в-третьих, иметь в виду, что Нейшем пропущены в его сводках пароходные компании, имеющие для Китая большое значение, а затем «округлить» цифры не 10-процентной прибавкой, как для других стран, а 20-процентной, все же едва ли после всех этих манипуляций итог к началу мировой войны превзойдет 70—80 милл. фунтов.

[1]) Journal of the Royal Statistical Society, Jan. 1911, стр. 183.

За время войны Великобритания финансировала, главным образом, своих союзников. При этом Китаю перепадали лишь жалкие гроши. В 1919 г. Нейш писал: «Серьезная оценка приводит к заключению, что Великобритании принадлежат в настоящее время инвестирования на общую сумму в 5 миллиардов фунтов, против которых она сама должна заграницe 1½ миллиарда. Даже после скидки на погашенные долги и после списания всех сомнительных инвестирований, чистая и реальная ценность наших иностранных инвестирований составит по меньшей мере 3 миллиарда»[1]). «Встречные требования» мы можем здесь оставить в стороне. След. к 1919 году экспорт капиталов из Англии достиг, примерно, 47—48 миллиардов рублей. С тех пор иностранная эмиссия составила в миллионах рублей:

1920	480
1921	840
1922	1.260
1923	1.150
1924	1.175
1925	950
1926	1.150

За весь период это дает около 7 миллиардов, а с прежними инвестированиями — около 55 миллиардов. Если мы возьмем 2—2½% от этой суммы на долю Китая (хотя, несомненно, что за последнее десятилетие удельный вес китайских бумаг в общей сумме иностранных эмиссий Англии уменьшился, а отнюдь не увеличился), то мы тем самым наметим максимальный предел для английского инвестирования в Китае. Он составляет след., 1.100—1.300 миллионов руб., или 1.200—1.500 миллионов китайских долларов.

Примерно, к этой же цифре мы подойдем и с другой стороны. В Синей Книге, изданной в 1925 г. и посвященной положению труда в Китае, приведен, между прочим, перечень капиталов английских промышленных компаний в одном лишь Шанхае. Итог этого перечня дает 26.679.127 фунтов стерлингов, т.-е. свыше 300 милл. кит. долларов[2]). Однако, не подлежит сомнению, что этот итог сильно разводнён капиталом торговых предприятий. Так, например, две трети всей суммы, а именно свыше 19 миллионов фунтов стерлингов, составляет капитал одной только Англо-Американской табачной компании. Эта компания имеет, правда, несколько крупнейших табачных фабрик в Китае. Но, одновременно с этим, она ведет грандиозную торговлю европейскими и американскими папиросами и табаком, так что торговая доля ее капитала, вероятно, значительно преобладает над промышленной. В этой же сводке нетрудно обнаружить несколько чисто-торговых организаций,

[1]) T. H. Boggs „The International Trade Balance in Theory and Practice, New York, 1922, стр. 116.

[2]) Papers respecting Labour Conditions in China, London 1925, стр. 94—95.

а также транспортных предприятий. Если промышленные и, в значительной части, торговые интересы Англии в одном лишь Шанхае перечень оценивает в 300.000.000 долларов, то, повидимому, для всего Китая инвестиции Англии вряд ли превышают утроенную сумму, т.-е. не достигают и 1 миллиарда кит. долларов. Обыкновенно очень преувеличивается инвестирование британского капитала в железные дороги Китая. Из очень добросовестной сводки, сделанной А. Я. Канторовичем, видно, что из общей суммы всех затрат в капитал железных дорог, равной 1.092.000.000 долларов, на долю Англии приходится всего 132 миллиона, или 12,2% [1]). Правда, участие других стран резко преувеличивается тем, что на долю двух концессионированных дорог, Восточно-Китайской и Южно-Маньчжурской, приходится свыше 600 миллионов долларов, тогда как для одной из них, — Восточно-Китайской,—реальную стоимость по современной оценке нужно было бы выразить гораздо более скромной цифрой. Тем не менее, и в абсолютных и в относительных цифрах, роль Англии в китайском железнодорожном транспорте сравнительно очень скромна. Главная заинтересованность англичан связана с государственными займами, общая сумма которых, как мы видели, достигает в настоящее время 1 миллиарда с небольшим. Немалая доля этих займов размещена в французских, бельгийских, японских и американских руках. На долю англичан едва ли приходится более 50% общей суммы. Эти займы за последние годы регулярно погашаются, а вместе с ними постепенно отмирает задолженность Китая по отношению к Великобритании. Во всяком случае, на долю этого кредитора, в общей сложности, едва ли приходится более 1½ миллиардов кит. долларов.

Американские инвестирования в Китае, по новейшим подсчетам, составляют 69.300.000 ам. долларов, не считая капитала, затраченного на создание таких просветительных и благотворительных учреждений, как госпитали, миссионерские школы, колледжи, рокфеллеровские институты и пр. Указанная сумма разбивается на следующие статьи [2]):

1. Облигации и другие правительственные ценности	20.000.000
2. Железно-дорожные облигации и концессионные займы	9.300.000
3. Инвестирования в земли, здания и т. д.	30.000.000
4. Долгосрочные кредиты китайскому правительству и отдельным министерствам	10.000.000

На инвестировании капиталов других национальностей в Китае мы особо останавливаться не будем, вследствие их относительной ничтожности.

[1]) А. Я. Канторович. Иностранный капитал и железные дороги Китая М., 1926, стр. 137.

[2]) „Far Eastern Capital and Trade" от 24 сент. 1926 г.

Приток иностранных капиталов в Китай происходит в больших суммах, в сущности говоря, только на протяжении двух десятилетий: примерно, с 1895 по 1914 г. При этом, приток денег в форме иностранных государственных займов не оказывал особенного влияния на платежный баланс, так как займы эти специально предназначались для уплаты контрибуций и расходовались поэтому почти без остатка. Эти займы непроизводительного назначения играли довольно большую роль в общей государственной задолженности Китая. Так, по подсчетам одного китайского автора, относящимся к концу 1916г., непроизводительные займы к тому времени (за исключением произведенного погашения), достигали 66.885.289 фунтов стерлингов, тогда как производительные займы составляли всего лишь 36.021.216 фунтов, т.-е. были почти вдвое меньше непроизводительных займов[1]). Общая сумма иностранных капиталов, затраченных за указанное двадцатилетие на производительные и непроизводительные цели, независимо от того, притекали ли они в форме займов, или непосредственно инвестировались в банки, железные дороги, промышленные предприятия и пр., должна была составить 3—3½ миллиарда кит. долларов, т.-е. в среднем около 150—175 миллионов в год. Начиная с момента мировой войны, как об этом подробно будет сказано ниже, приток капитала идет только из Японии, при чем размеры инвестиций сокращаются не очень значительно: в среднем, примерно, до 125—150 миллионов в год. Правда, за последние годы эта сумма, повидимому, имеет тенденцию несколько снизиться. Во всяком случае, эмигрантские переводы в этот период приблизительно соответствуют количественно притоку иностранных капиталов.

Эти две активные статьи платежного баланса, японские инвестиции и эмигрантские переводы, являются тем фундаментом, на котором покоится сильно разросшееся за последнее время здание внешней торговли Китая с ее пассивным балансом. Можно сказать, что японцы, с одной стороны, эмигранты—с другой, дают возможность Китаю ввозить значительно больше товаров, чем он вывозит, и, следовательно, до известной степени, жить за счет мирового хозяйства.

---

[1]) Chung-Kuei-Cheng „The financial Phases of China's Foreign Trade" „The Chinese Social and Political Science Review", Peking, янв. 1926.

ГЛАВА IX.

ЯПОНИЯ И КИТАЙ.

Япония и Китай являются территориально близкими соседями; тем не менее, пути их экономического развития идут в совершенно различных направлениях. Народное хозяйство Китая, как мы видели, находится в состоянии застоя, если не регресса. Баланс упорного труда «крестьян сорока столетий» является более, чем скромным. Победа машины идет чрезвычайно медленно, вследствие исключительной дешевизны рабочей силы. Только в последнее время начинают создаваться, на фоне феодализма, новые индустриальные центры, и один лишь Шанхай горит ярким факелом развитого капитализма.

Совсем другую картину представляет Япония. Япония в середине прошлого столетия твердо становится на рельсы капиталистического развития. Ее промышленный рост идет в искусственно ускоренном темпе. Положение, которое Япония занимает в экономике Азии, можно сравнить с ролью Германии в экономике Европы до мировой войны. При сравнительно скромных естественных богатствах и недостатке капиталов, обе эти страны развиваются чрезвычайно интенсивным темпом только благодаря крайнему напряжению всех своих ресурсов. В Германии, а вслед за ней и Японии такое положение вещей привело к так называемой «перекапитализации», т.-е. к помещению в промышленность даже и временно свободных капиталов, представляющих оборотные средства страны. Государство, которое рискует направить свое экономическое развитие по этому пути, оказывается в положении неустойчивого равновесия. Любая туча на политическом горизонте, любой неблагоприятный поворот в экономической кон'юнктуре, могут вызвать жестокий финансовый крах. Только усиленное снабжение капиталами из-за границы может несколько смягчить детские болезни этого форсированного роста капитализма. При отсутствии притока капиталов извне неизбежно перенапряжение кредита внутри страны и искусственное разрастание бумажно-денежного обращения.

Приведем лишь несколько цифр, характеризующих рост народного хозяйства в Японии за последние полвека. Лучшей иллюстрацией этого роста

могут служить цифры увеличения капиталов акционерных компаний в Японии. Первая фондовая биржа была здесь организована сорок девять лет тому назад. Весь капитал акционерных компаний, составлявший в конце 1894 года 249 мил. иен, вырос до 9.240 мил. иен к концу 1924 года. Вместе с тем, резерв этих компаний поднялся до 2.560 мил. иен.

Промышленный уклон развития страны лучше всего виден из следующих данных, показывающих, как изменилось участие разных народнохозяйственных групп в общем капитале акционерных компаний. В конце 1894 года на долю торговли приходилось 49% капитала, транспорт составлял 33%, а обрабатывающая промышленность—всего 18%. К концу 1913 года, т.-е. накануне мировой войны, пропорции изменились следующим образом: доля промышленности увеличилась до 43%, тогда как торговля все еще сохраняла 44%, а участие транспорта упало до 12%. Наконец, в 1927 году промышленность снова возросла до 48%, тогда как участие торговли уменьшилось до 33%, а транспорт стоял на 11%.

Чтобы показать темп развития промышленности за последние 15 лет, приведем еще цифры об увеличении количества промышленных предприятий и числа рабочих в них [1]):

Годы	Число предприятий	Число рабочих	Продукция в иенах
1909	32.390	918.000	796.000.000
1922	46.427	1.691.000	5.689.000.000
1924	48.394	1.977.000	нет данных

Промышленное развитие Японии за истекшие полвека характеризуется колоссальным ростом промышленных концернов, возглавляемых крупнейшими руководителями промышленного развития Японии. Отцом этой «солнечной системы», как ее называют в Японии, является виконт Шибузава, с которым связаны тесными узами такие гигантские фирмы, как Мицуи, Мицубиши и др. Любопытно, что эта «солнечная система» охватывает не только чисто экономические интересы, но также «международные отношения», «почетные должности», «коммерческое образование», «благотворительность» и т. д. [2]).

Чтобы охарактеризовать огромные интересы, связанные с каждым из этих концернов, достаточно привести хотя бы список предприятий, находящихся в распоряжении Мицуи. Сюда относится банк Мицуи с капиталом в 100 миллионов иен, трест Мицуи с капиталом в 30 миллионов иен, горная компания Мицуи с капиталом в 100 миллионов иен, Мицуи-Буссан-Кайша с капиталом в 100 миллионов иен, складочная компания Тошин с капиталом

[1]) W. B. Cunningham, Report on the cotton spinning and weaving industry in Japan, 1925—1926 London, 1927 стр. 5.
[2]) См. The Japan Times, Overseas Trade Edition February 25, 1927, стр. 11.

в 15 миллионов иен. Таковы крупнейшие предприятия, принадлежащие Мицуи. Помимо того, этот концерн связан многочисленными нитями с промышленными предприятиями и концернами в электротехнической, железоделательной, бумажной, хлопчато-бумажной, сахарной и других отраслях промышленности. Так, руководители дома Мицуи контролируют Горную и Пароходную компанию Хоккаидо с капиталом в 70 миллионов иен, Стальные заводы Японии, — второе по величине сталелитейное предприятие Японии, поставляющее крупные орудия армии и флоту, со смешанным англо-японским капиталом в 30 миллионов иен, бумажную фабрику Оджи, с капиталом в 50 миллионов иен. Капитал Мицуи можно найти и во многих текстильных предприятиях. В Шанхае Мицуи принадлежит несколько хлопчато-бумажных фабрик. Вблизи Осаки они оборудовали крупнейшее целлюлоидное предприятие Японии. Китайское правительство является должником фирмы Мицуи на большие суммы по поставкам оружия. Буссан-Кайша получила от китайского правительства радио-концессию и соорудила вблизи Пекина радио-станцию стоимостью в 5 миллионов иен. Мицуи принадлежат также к числу крупнейших акционеров Южно-Маньчжурской железной дороги. Общая сумма капитала, которая находится под контролем дома Мицуи, доходит, вероятно, до миллиарда иен, что является для Восточной Азии колоссальным состоянием.

По словам редактора журнала «Far Eastern Review» Дж. Б. Ри, восхваляющего на японские деньги успехи промышленности Страны Восходящего Солнца и персонально магнатов этой промышленности, род Мицуи, прослеживает свое происхождение от владетельного дома, жившего в шестом веке нашей эры, выгодно отличаясь чистотой крови от американских Асторов, Вандербильдов и Гульдов. На протяжении веков предприятие Мицуи представляло чисто семейный концерн, в состав которого входило 11 колен рода Мицуи, называвшихся по имени главного мужского представителя каждого колена [1]).

Японии удалось достичь в деле развития промышленности таких успехов что она сразу заняла прочное место в семье капиталистических держав. Однако, как уже сказано, у японцев не было собственных капиталов, которые дали бы возможность развивать народное хозяйство таким сказочно быстрым темпом. Япония воспользовалась благоприятным случаем, какой ей предоставила мировая война, для того, чтобы быстро двинуть вперед свое промышленное развитие за счет иностранных ресурсов. Воюющие державы платили огромные деньги за поставляемые им товары, и за счет этих иностранных источников японская промышленность начала расти вне всякого соответствия с реальными возможностями страны. Согласно характеристике одного английского экономиста, стимул иностранного спроса в период войны вызвал

[1]) „The Far Eastern Review", June-July 1925, стр. 497 и сл.

форсированный рост промышленности и торговли, который задерживается с возвращением мирового хозяйства к нормальным источникам снабжения товарами. Этот ускоренный рост в период мировой войны оказался возможным только благодаря широкому предоставлению кредитов всеми банками страны, встретившими, вследствие этого, 1920-й год с большею частью своих активов в омертвелом состоянии; общее положение банков страны стало вообще крайне неустойчивым [1]). Банкнотное обращение, составлявшее 385 млн. в декабре 1914 года, увеличилось до 1.555.000 в декабре 1919 года. Инфляция шла ускоренным темпом.

Однако, окончилась промышленная горячка в Японии, связанная с мировой войной. Большинство других стран, во главе с Англией и Соед. Штатами, были вынуждены принять энергичные меры для введения чрезмерно разросшейся промышленности в нормальные границы. Это было проделано посредством дефляции, т.-е. искусственного сжатия денежного обращения. Неизбежным последствием дефляции было резкое понижение цен, воспринятое мировым рынком, как острый промышленный кризис. Однако, этот кризис был неизбежным последствием нездоровой кон'юнктуры, дававшей промышленности колоссальные прибыли и создававшей нездоровое разрастание промышленных предприятий.

Япония не пожелала следовать благоразумному примеру передовых капиталистических держав. Она предпочла загнать своеобразную инфляционную болезнь вовнутрь народно-хозяйственного организма. Об'яснить это нежелание Японии произвести «чистку» своей промышленности можно только тем, что в отличие от других капиталистических государств, в Японии промышленные интересы определенно преобладают над финансовыми. Как замечает уже цитированный нами английский наблюдатель японской промышленной и финансовой жизни, «большая часть современных промышленных и торговых предприятий Японии находится в руках небольшого числа промышленных семейств, интересы которых разветвляются достаточно широко, чтобы охватить экономическую деятельность всякого рода, включая банки... Совершенно очевидно, что финансовая политика этих фирм определялась в гораздо большей мере промышленными, чем чисто финансовыми интересами и что все их огромное влияние было брошено против мероприятий, которые могли бы усилить промышленную депрессию [2]).

При таких условиях неудивительно, что повышательное движение японских цен в течение ряда лет обгоняет рост уровня мировых цен. Уже на протяжении десятилетий японские индексы цен растут несравненно быстрее, чем в других странах. По данным Oriental Economist, если принять уровень

[1]) „The Economic Journal", ol. XXXV, May 1925, стр. 76.
[2]) „The Economic Journal", назв. ст., стр. 77.

иен 1873 года за 100, то уже к кануну мировой войны, т.-е. 1913 году, индекс поднимается до 232, затем судорожно скачет вверх, достигая вершины в 1920 году, когда он составлял 594, и затем медленно спускается к 1923 году до 459 [1]).

Особенно характерна кривая, изображающая движение цены риса. По словам инж. А. М. Окороков а, «каждая война, которую приходилось вести Японии, оставляла после себя тяжелое наследие в виде повышения стоимости жизни. Цены на рис, который является главным предметом питания, служат показателем положения. До войны с Китаем один пуд риса расценивался в 69 сен, тогда как в ближайшие после нее годы — в 92 сен, повысившись на 30%. До войны с Россией стоимость одного пуда риса установилась в 1,28 иен, после войны она повысилась немедленно до 2,00 иен, увеличившись на 30%. До европейской войны один пуд риса стоил 1,98 иен, в конце 1920 г. он дошел до невероятно высокой цены—6,72 иен, т.-е. повысился на 350% [2]).

Если сравнить движение цен в разных странах за десятилетие, следовавшее за началом мировой войны, то среди стран, сохранивших денежное обращение в сравнительно нормальном состоянии, Япония оказывается занимающею крайнее место по росту индекса. Так, к концу 1925 года индекс шанхайского «Бюро рынков» составлял 158,1, тогда как в Японии по данным «Восточного экономиста» он достигал 203,8, в Индии Калькутский индекс был 163, а Бомбейский — 155, индекс Экономиста в Соединенном Королевстве выражался числом 157,9, в Соед. Штатах, по оценке разных учреждений и экспертов, заключался между 152,1 и 164, в Канде не превышал 140 [3]).

Таким образом, если Японии удалось на время сохранить видимость промышленного благополучия, то за этот успех пришлось заплатить сравнительно очень дорого: товарные цены в Японии оставались слишком высоки, если принять во внимание падение мировых цен, и это чрезвычайно затрудняло дальнейшее развитие японского экспорта. В годы войны Япония имела очень выгодный для нее торговый баланс. После 1918 года баланс этот сразу обернулся против Японии. Приведем соответствующие данные внешней торговли Японии в тысячах иен.

Год	Экспорт	Импорт	Баланс
1915.	708.306	532.449	+ 175.357
1916.	1.127.468	756.427	+ 371.040
1917.	1.603.005	1.035.811	+ 567.193
1918.	1.962.100	1.668.143	+ 293.956

[1]) S. Uyehara, The Industry and Trade of Japan, London, 1926, стр. 14.
[2]) Инж. А. М. Окороков, Япония. Торговля, промышленность, земледелие и экономическое положение. Т. I, Токио, 1923, стр. 117.
[3]) См. The Shanghai Market Prices Report, July – September and October December 1926, стр. 22 — 25.

1919.	2.098.872	2.173.169	— 74.587
1920.	1.984.394	2.386.174	— 387.780
1921.	1.252.877	1.614.154	— 361.817
1922.	1.637.451	1.890.308	— 252.856
1923.	1.447.750	1.982.230	— 534.476
1924.	1.807.233	2.453.390	— 646.151
1925.	2.305.095	2.571.804	— 266.709
1926.	2.044.721	2.377.476	— 332.755

Необходим был очень значительный фонд для того, чтобы покрывать этот перевес импорта над экспортом, и если за время войны Японии удалось скопить довольно большой золотой запас за границей, то за последние годы она непрерывно расходовала его, и в результате к 1926 году этот золотой запас был почти окончательно исчерпан, как это видно из следующей таблички [1]):

	миллионы иен
конец 1921 года.	855
„ 1922 „	615
„ 1923 „	445
июнь 1925 „	285
конец 1925 „	258
июнь 1926 „	222

Следует при этом отметить, что землетрясение 1923 года нанесло народному хозяйству Японии чрезвычайно тяжелый удар. По новейшим подсчетам, убытки, вызванные землетрясением и последовавшим пожаром, определяются в 5½ миллиардов иен, т.-е., примерно, соответствуют жертвам, которые подчас той или другой нации приходится нести в результате опустошительной войны. Однако, даже и землетрясение не поколебало стремления японских банковских кругов завуалировать понесенные потери дальнейшей инфляционной политикой.

Из года в год продолжалась эта политика создания искусственного благополучия, делая экспорт японских товаров за границу все более и более затруднительным. Однако, в 1926 году Япония была вынуждена начать политику «спуска на тормозах». Курс иены, упавший после землетрясения более чем на 20%, в 1925—1926 г.г. быстро пошел вверх благодаря удачному заключению заграничных займов, эффект чего был вдобавок до крайности усилен бешеной спекуляцией на повышение иены, разыгравшейся на шанхайской бирже. Иена почти вернулась к паритету. Удорожание иены знаменовало новое повышение цен на экспортные товары и ухудшало положение Японии на мировом рынке. Началось падение цен, но оно было слишком медленным, так как искусственно задерживалось продолжавшейся политикой широкого кредитования промышленности и торговли. Один из япон-

[1]) The Japan Year-Book. 1927, стр. 453.

ских журналов характеризовал положение народного хозяйства в 1926 году в следующих словах: «Заработная плата и цены значительно понизились; однако, падение их было недостаточным, чтобы компенсировать невыгоды высокого курса иены на мировом рынке. Иена обогнала заработную плату и цены в оздоровительном процессе... Действие экономических законов беспощадно. Правительство может принимать искусственные меры, но народнохозяйственный мир как целое, подвержен естественному воздействию экономических законов, которые требуют дальнейшего урезывания, прежде чем сможет укрепиться всеобщая тенденция в сторону улучшения» [1]).

Чрезвычайно интересно, что английскому народному хозяйству тоже приходится страдать из-за высокого курса фунта стерлингов, и эти страдания особенно обострились после форсированного и экономически недостаточно обоснованного возвращения Англии к золотому фунту. Но в то время, как Англия реагирует на эти затруднения, связанные с повышением курса валюты, сжатием производства, Япония, наоборот, расширяет развитие своих производительных сил до крайнего предела. Лучшей иллюстрацией может служить сравнение современного положения английской и японской хлопчато-бумажной промышленности. Приведем данные такого авторитета в этих вопросах, как английский профессор Кейпс. Мировое потребление хлопка всех видов в настоящее время приблизительно равно довоенному потреблению. Однако, изменение в потреблении хлопка хлопчато-бумажной промышленностью обеих только что упомянутых стран было обратно пропорциональным. В то время, как Япония увеличила потребление почти на 80%, доля Ланкашира за это же время упала на 30%. Еще более удивительными являются цифры статистики проработанных часов. «Вплоть до мая 1923 года нормальная рабочая неделя в Японии была — 132 часа. С этого времени она уменьшилась до 120 часов, т.-е. до 2-дневных смен в 10 часов. Количество действительно проработанных в течение недели в среднем часов в довоенное время было не меньше 118 часов. В Великобритании соответствующая цифра за последнее полугодие была 28 часов в неделю. Таким образом, японское веретено работало, примерно, в 4½—5 раз интенсивнее, чем ланкаширское» [2]).

Однако, далеко не вся японская промышленность может похвастать такой стойкой сопротивляемостью невзгодам послевоенного времени. В период мировой войны японцы попробовали развить у себя и тяжелую промышленность, в частности железоделательную и сталилитейную. Пока война продолжалась, предприятия этой отрасли промышленности реализовали огром-

[1]) "The Trans-Pacific" Tokyo, january 1. 1927.
[2]) „The Trans-Pacific", Tokyo, dec. 25, 1926, „Noted economist gives views on Lancashire cotton trade".

ные прибыли, примерно, между 25 и 50% на выплаченный капитал, а одно из крупных предприятий, дававшее до войны дефицит, принесло даже 72%. Увлеченные этими успехами, металлургические промышленники начали почти целиком инвестировать в свои предприятия получаемые ими прибыли, расширяя таким образом металлургическую промышленность свыше всяких пределов. Однако, послевоенный застой промышленности сразу парализовал работу этой отрасли промышленности, и даже в настоящее время она продолжает влачить довольно жалкое существование. По свидетельству новейшего исследования японской промышленности и торговли, «частные предприятия с момента послевоенной депрессии работали только на 20—30% их производительной способности, тогда как правительственные железоделательные предприятия давали около 60% всего производства железа в Японии» [1].

Только сравнительно небольшой части японской промышленности удалось безостановочно продолжать свое развитие, несмотря на препятствия со стороны высоких цен, тогда как большая часть промышленных предприятий и почти вся торговля оказались вынужденными нести на себе тяжелые последствия предшествовавшей инфляции. В таких условиях финансовый кризис был неизбежным, и он разразился в мае 1927 года. Внешним поводом для него было перекредитование Формозским банком одной из крупнейших японских фирм, кампании Сузуки. По газетным сведениям, задолженность этой фирмы Формозскому банку доходит до 350 миллионов иен. Колоссальный рост этой фирмы является лучшей иллюстрацией напряженности развития японской промышленности и торговли, о которой шла речь выше. Еще в 1893 году, когда разразилась война между Японией и Китаем, эта фирма представляла собой небольшое предприятие с весьма мизерным капиталом. Однако, успешное участие в ряде спекуляций, равно как и быстрое расширение производств камфоры и сахара, поскольку этими производствами фирма почти монополию владела на Формозе, создали ей сказочные богатства. Именно благодаря этим богатствам она могла претендовать на кредит в только что указанных колоссальных размерах [2]. Достаточно было обнаружиться краху Формозского банка, чтобы за ним последовал ряд других банкротств, в результате чего японскому правительству пришлось об'явить мораторий. Минимальные убытки, связанные с финансовым крахом, определяются в 500 миллионов иен.

Как уже было сказано, этот финансовый кризис отнюдь не был случайным. Он был вызван всей предшествующей политикой Японии, напра-

[1] Uyehara, назв. соч., стр. 185.
[2] См. Hankow Herald May 25, 1927.

вленный на чрезмерное развитие производительных сил страны [1]). Теперь цены в Японии пошли вниз и, вероятно, ей предстоит пережить длительный экономический кризис вроде того, который парализовал Европу после мировой войны.

Описанную нами финансово-экономическую политику Японии отнюдь не приходится, конечно, рассматривать как проявление неразумия японского правительства или неспособности нации справиться с собственными экономическими проблемами. Японии тесно на островах, а население ее увеличивается так быстро, что приходится прибегать к форсированию промышленного развития, как к последнему якорю спасения. Согласно данным японской официальной статистики за 5 лет, с 1920 по 1925 г., население Страны Восходящего Солнца с ее колониями увеличилось с 77 до 83½ миллионов, что дает прирост около 1¼ миллиона в год. По данным профессора Шига, перевес рождений над смертями в 1925 году, составивший, 14,65 на тысячу, является максимальным за последние годы; он был очень высок и в предыдущий период, и только однажды, в 1913 году, этот перевес достиг всего 13,80 на тысячу. Как прибавляет профессор, «предполагая, что рост населения удержится на поразительном уровне 1925 года, собственно Япония (без колоний) будет иметь к весне 1962 года, т.-е. спустя 35 лет, население не меньше чем в 100 миллионов человек» [2]). Разумеется, при таком чрезвычайном размножении населения, рост промышленности является единственным надежным выходом для использования избыточных рабочих рук. Япония развивает свою собственную промышленность, как уже сказано, в максимальных пределах, но ей приходится встречать все более и более упорное сопротивление со стороны других стран Дальнего Востока, отнюдь не склонных превращаться в рынки для японских товаров.

В Азию постепенно переносятся хорошо знакомые исследователю европейских экономических отношений методы торговой и таможенной борьбы:

---

[1]) The Japan Year Book, 1927, Supplement, стр. 2.

[2]) Всюду в настоящей обширной главе автор, причудливо и эклектически сочетая марксистскую терминалогию с мальтузианскими предрассудками, к сожалению, оказывается не в силах дать стройную картину растущих противоречий обоснованного развития капиталистической промышленности, в связи с чем капиталистическое развитие односторонне, а потому и совершенно ошибочно выступает как марксисткое развитие производительных сил страны(!). С другой стороны, поскольку автор не дает всестороннего анализа тенденций развития экономического кризиса в Японии, в значительной степени бесплодным с теоретической точки зрения оказывается его обильное деталями и независимо от прочего, весьма ценное описание нарастающего финансового кризиса Японии. Наконец, именно в связи с отсутствием развернутого анализа тенденций развития экономического кризиса в Японии, автор, к сожалению, оказывается не в силах увязать исследуемую им тему—развитие финансового кризиса в Японии—с глубоко драматическими событиями, назревающими в той передовой капиталистической стране, с назревающим в ней социалистическим переворотом.

Ред.

высокие протекционные пошлины, дифференциальные тарифы, субсидии промышленным предприятиям. Таково оружие, к которому азиатские страны прибегают в настоящее время так же охотно, как и европейские. Особенно обостренной сделалась в последние годы борьба между Японией и Индией. Индия пытается защитить себя от наплыва дешевой японской мануфактуры тарифными мероприятиями. Чтобы осуществить идею сооружения укрепленной Сингапурской базы, Англия помогает Индии создать крупнейшее стальное предприятие в Азии. «Покровительствуемая субсидиями, индийская железоделательная и стальная промышленность захватывает японский рынок чугуна, принуждая японского производителя вносить свою долю в издержки создания военного снаряжения, задача которого отчасти заключается в уничтожении самой Японии. К тому времени, когда Сингапурская база будет закончена, Чжампедурское стальное предприятие будет поставлено на здоровую экономическую основу, как предприятие, работающее с постоянной прибылью» [1]).

Не только в Индии Японии приходится встречать упорную конкуренцию своим товарам. Не так давно японская табачная промышленность тоже потерпела существенный урон вследствие установления высоких таможенных пошлин на табак в Египте. Таким образом, Японии приходится встречать не мало экономических соперников и врагов, создающих новые и новые препятствия росту ее торговли в Азии. Между тем, при только что указанном быстром росте ее населения, промышленный застой, конечно, является для нее смертью. Поэтому неудивительно, что журнал «The Far Eastern Review», защищающий японские интересы, характеризует следующим образом задачи и перспективы развития японского народного хозяйства: «Япония может расширяться только силой оружия. Для японского населения проблема не разрешается ростом эмиграции; оно должно оставаться дома и находить здесь выгодные занятия для того, чтобы жить... Отнимите у Японии имеющиеся в настоящее время средства существования и нанесите ущерб ее торговле в такой степени, чтобы ее промышленность была поставлена под удар, и Япония встанет лицом к лицу с кризисом, который может заставить доведенный до отчаяния народ прибегнуть к крайним мероприятиям, чтобы спасти самого себя от истребления» [2]).

Таким образом, Япония никак не может отказаться от своей программы форсированного промышленного развития, несмотря на все встречающиеся на ее пути препоны. И поскольку дальнейший рост ее торговли, как мы только что видели, крайне затруднен вследствие перенесения в Азию евро-

[1]) „The Far Eastern" Review, February 1927, стр. 53.
[2]) „The Far Eastern Review", February 1927, стр. 53.

тейских методов таможенной борьбы, отсекающих один за другим ряд рынков для японских товаров, ей приходится, идя по линии наименьшего сопротивления, вести настойчивое и упорное экономическое наступление на Китай. «Срединное государство» сулит ей блестящие перспективы в смысле роста промышленности и возможности извлечения необходимых для Японии продовольствия и сырых материалов.

Япония давно оценила эти возможности, открывающиеся для нее в Китае, но особенно энергично проводит политику внедрения в китайское народное хозяйство лишь за последнее десятилетие, точнее — с того времени, как европейские державы оказались слишком заняты своими внутренними делами, чтобы иметь возможность препятствовать японскому проникновению в Китай, и взорвали на воздух слишком много капиталов для того, чтобы продолжать политику инвестирования их на Дальнем Востоке.

Наиболее существенные экономические интересы Японии связаны с Маньчжурией. Не так давно вышла в свет книга японского исследователя Кинносука о Маньчжурии. В этой книге автор, характеризуя богатые ресурсы Маньчжурии, связывает с ней все надежды и упования японской нации. Здесь находится крупнейший японский концерн — Южно-Маньчжурская дорога. О степени интереса японцев к Маньчжурии можно судить по тому, что, когда первый пакет акций Южно-Маньчжурской дороги был предложен путем публичной подписки населению, требуемая сумма была покрыта в 1066 раз [1]). Здесь же, в Маньчжурии, Японии удалось создать по последнему слову европейской и американской техники такие крупнейшие горнопромышленные предприятия,, как Аньшань и Фушунь. Японцами оборудован далее, в Маньчжурии, порт Дайрен, который является самым современным, самым гигиеничным, оборудованным наилучшими домами и мостовыми из всех построенных японцами городов. Из Маньчжурии, по мнению Кинносука, должно выйти новое поколение крупнейших промышленных деятелей Японии, которые поведут ее к блестящему будущему.

С Маньчжурией, наконец, связана возможность разрешения продовольственного вопроса для Японии. Уже сейчас ей не хватает своего риса и она занята составлением проектов увеличения рисовых урожаев в Корее и на Сахалине. Так, например, Министерство Внутренних Дел в Японии выработало план колонизации Сахалина, чтобы увеличить его продукцию риса на 10 миллионов коку (один коку равняется 1,80391 гектолитра), что потребует инвестирования огромного капитала в 1 миллиард иен на протяжении 20 лет. Подобная же схема увеличения производства риса на 5 миллионов коку выработана для Кореи; она предполагает затрату 350 миллио-

[1]) Adachi Kinnosuke. Manchuria, A Survey, New-Jork, 1925, стр. 119.

нов иен в течение 10 лет. Эта последняя схема уже начинает осуществляться с 1925 фискального года. Однако, действие этих проектов может сказаться только по истечении довольно значительного промежутка времени. Между тем, Японии необходима немедленная помощь, так как продовольственная проблема уже сейчас стоит очень остро, и потребление риса достигает, примерно, 66 млн. коку при производстве в 60 миллионов. Уже сейчас Япония ежегодно ввозит 2 миллиона тонн сельско-хозяйственных продуктов, включая полтора миллиона тонн бобов и жмыхов из Маньчжурии. Эти жмыхи применяются в качестве удобрения на рисовых полях Японии.

Чтобы овладеть в экономическом и стратегическом отношениях Маньчжурией и внутренней Монголией, Япония наметила и в последние годы уже отчасти осуществляет сложную программу железнодорожного строительства, которое должно с одной стороны облегчить экспорт сельско-хозяйственных продуктов из Маньчжурии в Японию и с другой — подорвать значение, которым пользуется здесь Китайско-Восточная железная дорога.

Японские капиталы, инвестированные в Китае, получают в значительной степени промышленное направление, в отличие от английского инвестирования, которое почти целиком построено на почве создания в Китае прочных торговых связей. Япония особенно усилено в последние годы стремится к захвату хлопчато-бумажных предприятий в Китае. Самый рост китайской хлопчато-бумажной промышленности, как мы видели, был вызван притоком японского капитала, который за кулисами направлял это развитие. Сами китайцы обладают недостаточно развитой промышленной инициативой и техническими способностями для того, чтобы достичь колоссальных успехов, которыми действительно может похвастать китайская хл.-бумажная промышленность.

В настоящее время в Китае, примерно, 3½ миллионов веретен, из которых, однако, не меньше половины принадлежит японцам. Еще не так давно наряду с японским было довольно значительно английское влияние в китайской хлопч.-бумажной промышленности; постепенно, однако, предприятия одно за другим переходили в японские руки.

Характерную историю приобретения японцами одного из крупнейших хл.-бумажных предприятий Китая — фабрики Ляо Кун-мо — рассказывает журнал «Far Eastern Capital and Trade». Предприятие это потерпело в 1925 году финансовое банкротство, после чего оно было приобретено японской хлопчато-бумажной фирмой, уже располагавшей до этого полумиллионом веретен. Японцы, по словам журнала, заплатили за это предприятие очень хорошую цену, после того как англичане несколько раз посетили это предприятие, но не сделали реального предложения. Японцы дали 2.800.000 иен, или 1.117.000 таэлей, хотя капитал предприятия оценивался всего в

800.000 таэлей [1]). Таким образом, англичане опять потеряли одно из наилучше оборудованных предприятий только потому, что не могли справиться с конкуренцией японского капитала.

Если японцы развивают китайскую хлопчато-бумажную промышленность в ущерб собственной, то это об'ясняется, главным образом, тем, что они рассчитывают на дешевизну труда и относительную незначительность налогового обложения в Китае. При низких издержках производства они могут дать мировому рынку дешевый китайский продукт. Нельзя, однако, не отметить, что, несмотря на благоприятные условия работы в Китае, финансовые результаты деятельности японских хлопчато-бумажных предприятий за последние годы представляются, повидимому, далеко не блестящими. Мы приводим в дальнейшем жалобы по этому поводу Японского Ежегодника: «В отношении прядильного дела поражает то обстоятельство, что почти все хлопчато-бумажные фабрики, работающие как туземным, так и иностранным капиталом, до сих пор отнюдь не оправдывали возлагавшихся на них надежд. Японские концерны являются относительно наилучшими, но даже их акции стоят значительно ниже номинала; так, например, акции Никка котируются ниже выплаченной акционерами части их стоимости. Это предприятие платило за некоторые операционные периоды дивиденд в размере 10%. Поскольку развитие промышленности находится в Китае, казалось бы, в благоприятных условиях, в связи, например, с дешевизной труда, дешевизной сырья и с экономией на импортных пошлинах и т. д., это явление кажется поистине загадочным. Об'яснения, которые мы можем предложить, заключаются, пожалуй, в воровских (!) и взяточнических наклонностях китайцев, в низком культурном уровне рабочих, в высоком проценте на капитал и в чрезмерном развитии индивидуализма в ущерб духу сотрудничества» [2]). Как бы мы ни относились к приведенным об'яснениям финансовой неуспешности промышленных предприятий в Китае по существу, они, во всяком случае, не имеют никакого отношения к японским предприятиям. Японцы достаточно сильны, чтобы не давать китайцам взяток. Низкий культурный уровень рабочих с лихвой окупается для предпринимателей грошевой заработной платой, которую они выдают рабочим. Процент на капитал они платят не китайским, а своим банкам. Наконец и чрезмерное развитие китайского «индивидуализма» не может вредить проявлению японского духа сотрудничества. Поэтому, если японские хлопчато-бумажные предприятия в Китае перестали приносить в последние годы большие прибыли, это об'ясняется только бушующей в Китае гражданской войной, а также пробуждением у рабочего класса Китая классового самосознания, которое служит су-

[1]) Назв. журн., № от 25 мая 1925 г.
[2]) „The Japan Year Book", 1926, стр. 494.

щественным препятствием дальнейшей безграничной эксплоатации китайского рабочего японским предпринимателем.

Помимо хлопчато-бумажной промышленности японцы отчасти заинтересованы и в железоделательной. Крупнейшее китайское предприятие в этой области — Ханьепинский железоделательный завод — финансируется, главным образом, Иокогамским банком. Эта компания имеет капитал всего лишь в 18 миллионов китайских долларов. Между тем, она получила в течение 14 лет, *предшедших с момента ее учреждения, кредитов от Иокогамского* банка на общую сумму свыше 45 миллионов. Последний заем в 8½ миллионов был предоставлен в начале 1925 года специально для приобретения нового оборудования, использование которого должно было довести выработку до 400.000 тонн в год, а также для консолидации краткосрочной задолженности, оплачивавшейся Ханьепинским предприятием высоким процентом, тогда как Иокогамский банк предоставил кредит всего из 6½% годовых. Японцы получили, в качестве компенсации, право преимущественной покупки товаров, производимых этим предприятием, по ценам, установленным взаимным соглашением [1]).

Наряду с промышленными, японцы имеют в Китае весьма существенные торговые интересы.

Прежде всего, следует отметить, что, при общей пассивности своего торгового баланса, Япония имеет ежегодно около 200 миллионов иен актива по торговому балансу в Китае. *Особенно благоприятно складывается для* Японии торговля в бассейне Янцзы. Приведем соответствующие цифры. Согласно данным японской статистики, весь экспорт в Китай равнялся за январь-ноябрь 1926 года 490.600.000 иен, а импорт — 240.451.000 иен, так что избыток экспорта составлял 240.054.000 иен. По отдельным районам цифры эти разбиваются следующим образом [2]):

	Экспорт	Импорт
	в тысячах иен	
Маньчжурия	63.688	13.426
Северный Китай	93.433	62.589
Центральный Китай	187.970	69.733
Южный Китай	18.548	8.008
Всего . .	365.639	153.756
Квантун. полуостров	85.269	85.356
Гонконг	39.597	1.339
Итого .	488.505	240.451

[1]) „The Far Eastern Review", March 1925, „Developments in the Far Eastern Iron and steel industry";
[2]) „The Trans-Pacific", Dec. 18, 1926.

Таким образом, с Маньчжурией у Японии связаны, главным образом, продовольственные, железнодорожные и промышленные интересы, с Шанхаем, который является центром хлопчато-бумажной промышленности, — промышленные и отчасти торговые интересы, а с бассейном Янцзы, главным образом, — торговые интересы. В общем, как уже сказано, промышленное влияние Японии в Китае следует признать более значительным, чем влияние любой другой страны.

Попробуем теперь прикинуть в цифрах общую сумму капитала, инвестированного японцами в Китае. Разумеется, задача эта представляется довольно трудной и может быть выполнена лишь с приблизительной точностью. Какая путаница господствует в этом вопросе, видно хотя бы из того, что совсем недавно в печати появилась книга видного исследователя, в которой категорически высказывается мнение, будто английские капиталы в Китае выражаются в более значительной сумме, чем японские. Амплитуда колебаний, в пределах которых умещаются отдельные оценки инвестированных японских капиталов в Китае, очень велика. Максимальная из всех известных нам цифр была приведена редактором «Far Eastern Review» г. Ри в произнесенной им банкетной речи: Ри получил итог в 5 миллиардов иен, из которых будто-бы не меньше 3-х миллиардов приходится на Маньчжурию [1]). Другую крайность представляет подсчет Японского Ежегодника, отражающий, повидимому, официальную точку зрения. По данным Ежегодника, инвестирование японского капитала за границей складывается из следующих отдельных статей [2]):

Займы и др. ценные бумаги европейских и американских стран	70.000.000
Займы Китаю	260.000.000
Займы России	290.000.000
Инвестирование в китайскую промышленность	400.000.000
Инвестирование в Южно-Маньчжурскую ж. д. и в некоторые отрасли промышленности в Маньчжурии	300.000.000
Инвестирование в каучуковую и др. отрасли промышленности Южн. Моря .	40.000.000
Прочее	50.000.000

Если сбросить со счетов Россию, остается немногим более миллиарда, который почти целиком приходится на Китай. Если в подсчете г. Ри есть изрядная доля преувеличения, соответствующая каждому случаю, то Ежегодник, наоборот, явно грешит в сторону преуменьшения. По последним данным Manchuria Daily News, официального органа Южно-Маньчжурской доро-

[1]) „The Far Eastern Review", August 1925, „May 30".
[2]) „The Japan Year-Book", 1926, стр. 435.

ти, общая сумма японского инвестирования в Китае достигает 1.900.000.000 иен, не считая займов Пекинскому и провинциальным правительствам в общей сумме 700.000.000 иен [1]). Мы также склонны считать правильной оценку в пределах между 2½ и 3-мя миллиардами иен. Сводка Manchuria Daily News ошибочна в том отношении, что явно недооценивает промышленные интересы Японии в Китае и, с другой стороны, резко преувеличивает роль банковского капитала, определяя займы, предоставленные банками в одной лишь Маньчжурии, в 626 миллионов. Очевидно, ошибка здесь заключается в том, что упомянутая сводка не отделяет собственных капиталов банков, инвестированных в разные отрасли народного хозяйства, от чужих средств, которыми распоряжаются банки. Эти чужие средства по большей части представляют собою вклады и текущие счета тех же японских промышленных, торговых и железно-дорожных предприятий. Поэтому, выделяя их в отдельную рубрику, авторы сводки допускают двойной счет. Попробуем, сами привести здесь основные слагаемые упомянутого итога в 2½—3 миллиарда.

Прежде всего, в Маньчжурии затрачено около 1—1¼ миллиарда иен. Главнейшей статьей является Южно-Маньчжурская дорога. Ее общий баланс на 31-е марта 1925 года составлял — 848.755.000 иен. Среди активов по этому балансу не менее 650 миллионов представляют реальный капитал. В этот итог входит, кроме железно-дорожных линий, гавани и верфи, рудники, железоделательные предприятия, разные постройки, электрическое оборудование, предоставленные железной дорогой займы, депозиты в банках и т. д. На так называемой арендованной территории в 1925 году считалось 658 предприятий, с капиталом, превышающим 139 миллионов иен; другие железные дороги, помимо Южно-Маньчжурской, а также оборудование гаваней и пр. могут быть оценены в 100 миллионов иен. Далее, постройки и другая недвижимая собственность в Мукдене, Дайрене и других городах Северного Китая представляют имущество ценностью не ниже 150 миллионов иен. Промышленные предприятия, не принадлежащие Южно-Маньчжурской железной дороге, а также торговые предприятия в Маньчжурии имеют капитал, примерно, в 100 миллионов иен.

Капитал, помещенный японцами в хлопчато-бумажную промышленность всего Китая, может быть оценен приблизительно в 200 миллионов иен. Доля Иокогамского банка в Ханьепинском предприятии, составляет, как сказано, около 50 миллионов. Прочие промышленные интересы, вероятно, составляют около 100 миллионов иен. К этим цифрам нужно прибавить раз-

[1]) „The China Weekly Review", September 3, 1927, „Japan is largest China creditor".

ного рода коммерческие предприятия, а также недвижимую собственность в Шанхае, Ханькоу и других городах. Их, конечно, оценить всего труднее; примем условно цифру в 200 миллионов иен. Японские займы, предоставленные в разное время центральному и местным правительствам Китая, составляют не менее 500 млн., а по некоторым данным—даже до 700 миллионов иен. Наконец, банковский японский капитал, работающий в Китае, достигает, *вероятно*, суммы в 200—300 миллионов иен. Все эти отдельные статьи в совокупности как раз и дают указанный выше итог в 2½—3 миллиарда иен.

С грубым приближением, промышленные интересы Японии в Китае можно оценить в 700—800 млн., торговые и банковские в 600—700 миллионов, *железно-дорожные вместе с другими путями сообщения*, гаванями и пр. — в 500 миллионов, недвижимую собственность в 200—250 млн. и правительственные займы — в 500—700 миллионов.

Японское инвестирование капиталов в Китае выросло особенно заметно именно в течение последних лет. Можно сказать, что переломным был в этом отношении 1918 год. В книге Попова-Тативы о Китае, *на основании* китайских и японских источников, составлена погодная сводка японских займов Китаю, правительственных и частных. Эта сводка показывает, что именно 1918 год был в этом отношении гребнем, давшим свыше 380 млн. иен [1]). За десятилетие с 1916 по 1925 год Япония поместила в Китае не менее 1.250—1.500 миллионов иен, что дает около 125—150 миллионов иен ежегодно. Этот наш подсчет вполне подтверждается данными, официально *приводимыми в Ежегоднике Японского министерства финансов*, где среди пассивных статей «невидимого баланса» значатся японские инвестирования за границей в размере 196 миллионов за 1923 и 96 млн. за 1924 год [2]). В подавляющей своей части этот экспорт капиталов направлялся в Китай. Конечно, такого инвестирования не дает в Китае ни одна другая страна. Можно даже определенно утверждать, что за то же *десятилетие* — 1916—1925 г.г.—другие державы не поместили в Китае почти ничего и, таким образом, за это время доля Японии возросла особенно значительно. Едва ли будет преувеличением сказать, что японское участие в китайском народном хозяйстве, примерно, соответствует помещению капиталов всех других наций, взятых вместе.

Хорошей иллюстрацией этого происходящего в Китае постепенного *оттеснения японцами капиталов других национальностей* на задний план мо-

---

[1]) Н. М. Попов—Татива. Китай. Экономическое описание. М. 1925, стр. 314—318.

[2]) The Twenty-Sixth Financial and Economic Annual of Japan, 1926, The Department of Finance, стр. 136.

жет служить статистика числа иностранных предприятий в Китае по национальностям. Приводим цифры, относящиеся к тем странам, которые имеют здесь значительные финансовые интересы, присоединяя к ним Германию и Россию [1]).

Годы	Япония	Англия	Америка	Германия	Россия
1898	114	398	43	107	16
1912	733	592	133	276	323
1913	1.269	590	131	296	1.229
1914	955	534	136	273	1.237
1915	2.189	599	157	244	1.258
1916	1.858	644	187	281	1.422
1917	2.818	655	216	132	2.914
1918	4.483	606	234	75	1.154
1919	4.878	644	314	2	1.760
1920	4.278	679	409	9	1.596
1921	6.141	703	412	92	1.613
1922	3.940	725	377	184	1.141
1923	4.067	661	409	244	1.034
1924	4.278	726	470	253	933
1925	4.708	718	488	318	932

Общее число иностранных предприятий в Китае составляло 773 в 1898 г., 2.328 — в 1912 году и 7.743 в 1925 году. Японцам принадлежало в 1898 г. всего 14,7%, в 1912 году эта цифра возросла до 31,5%, а в 1925 году японцы, доминируя над всеми остальными, располагали 60,8% числа иностранных предприятий.

Здесь, однако, мы подходим к загадочному вопросу. Из сказанного выше видно, что финансовые ресурсы Японии являются чрезвычайно скудными. Япония с величайшим напряжением финансирует свое собственное промышленное развитие. Откуда, при таких условиях, она могла почерпнуть полтора миллиарда иен за 10 лет для вложения в китайское народное хозяйство? Несомненно, что в первые годы этого периода она реализовала столь большие прибыли на заказах воюющих стран, что могла уделять кое-что и Китаю. Однако, после окончания войны, и еще в большей мере после землетрясения, ресурсы самой Японии становятся совершенно недостаточными для финансирования ее начинаний в Китае. В этот период Япония начинает инвестировать в Китае не столько свои капиталы, сколько средства, полученные на иностранных денежных рынках и, в первую голову, в Соединенных Штатах. Правда, и в этот период государственный долг Японии возрастает внутри страны несравненно быстрее, чем за границей. Зато за последние годы впервые частные предприятия выступают с крупными эмиссиями на внешнем рынке.

[1]) Chinese Economic Journal" june 1927, стр. 531—533.

В какой быстрой прогрессии возрастал выпуск ценных бумаг на внутренний рынок Японии видно из следующих данных сводки, составленной Промышленным Банком Японии (в тысячах иен):

1915	48.688	1920	142.780
1916	47.860	1921	216.750
1917	57.606	1922	173.150
1918	78.529	1923	282.661
1919	141.669	1924	931.542

Землетрясение, естественно, вызвало огромное потребление капиталов внутри страны и за границей. Для восстановления разрушений, вызванных землетрясением, японское правительство было вынуждено израсходовать полтора миллиарда иен, или около 700 миллионов золотых долларов, из которых половина была потрачена на материалы и инструменты, преимущественно иностранного происхождения. Государственный долг Японии за истекшее десятилетие вырос очень значительно. В речи, произнесенной японским министром иностранных дел в начале прошлого года в парламенте, было указано, что национальный долг достиг к концу 1926 года 5.162.000.000 иен, увеличившись за 10 лет более чем вдвое [1]) Как видно из сводки, приведенной в Ежегоднике министерства финансов, рост внутреннего долга приходится главным образом, на 5%-ные казначейские обязательства, сумма которых увеличилась с 20 миллионов иен в 1917 году до 1.759.230.425 иен в 1926 г. Что касается внешнего долга, то он возрос сравнительно незначительно, так как на 31 марта 1917 года он составлял 1.370.207.560 иен, а на 31 марта 1926 года увеличился всего до 1.479.312.135 иен. Однако, следует принять во внимание, что на последние годы падали довольно крупные платежи по старым займам, так что эта относительная стабилизация внешнего долга была достигнута лишь путем заключения в 1924 году двух новых крупных займов: одного в Соед. Штатах на 300 млн. иен и другого в Англии на 244 миллиона иен [2]). Гораздо важнее с точки зрения внешней задолженности Японии то обстоятельство, что лишь за последние годы Страна Восходящего Солнца выступает на внешних рынках с рядом частных эмиссий на довольно крупные суммы. По данным Японского Ежегодника, только за время с начала 1923 по июнь 1925 г.г. были реализованы за границей следующие займы:

	Сумма займов в тыс.	Проценты по займам
Oriental Colonisation Co	19.900 зол. дол.	6,0
Tokyo Electric Light Co	3.000 ф. ст.	6
South Manchuria Railway Co	4.000 ф. ст.	5

[1]) The Japan Year-Book, 1927, стр. 4.
[2]) Financial and Economic Annual of Japan, стр. 50—54.

Japan Industrial Bank	22.000	зол. дол.	6
Daido Electric Power Co (1 вып) . .	15.000	„ „	7
„ „ „ (2 вып.). . .	13.500	„ „	6½
Ujigawa Electric Power Co.	14.000	„ „	7
Oriental Electric Power Co (1 вып.). .	15.000	„ „	7
„ „ „ (2 вып.). .	300	ф. ст.	5

Всего это составляет 7.300.000 ф. ст. и 99.400.000 зол. долларов, что в переводе на японские деньги по «нормальному курсу» дает 271.800.000 иен [1]). Как видно из только что приведенных цифр, суммы, реализованные японцами за границей, были отнюдь не меньше тех капиталов, которые они сами помещали в Китае.

Роль Японии на китайском рынке может быть охарактеризована следующим образом: Япония выступает исключительно, как маклер, который занимает деньги за границей, на тех рынках, куда Китай потерял доступ, вследствие того, что перестал аккуратно платить свои долги. Япония получает эти займы в обычной для ее кредиторов, т.-е. для Англии и Америки, форме, т.-е. она платит определенный процент, но совершенно не допускает личного вмешательства представителей стран-кредиторов в те предприятия, которые она финансирует за счет занятых денег. Достаточно хорошо известно, что приток иностранных капиталов в любую страну совершается в двух формах. Иногда он носит персональный характер, когда вместе с денежным капиталом приходит его собственник, создает свои предприятия, контролирует известные промышленные интересы и вообще захватывает определенную позицию в народном хозяйстве данной страны. Типичным примером такого промышленного внедрения был немецкий капитал до мировой войны. В других случаях денежный капитал приобретает пассивную форму, — оставаясь только определенной суммой денег, всецело предоставляемой должнику в полное его распоряжение. Япония, являясь сама представительницей активного и агрессивного капитализма, получает деньги в Англии и Америке на условиях полного невмешательства названных держав в использование этих средств. Таким образом, Япония внедряется в китайское народное хозяйство, приобретая здесь важные стратегические позиции за чужой счет. Как мы видели, иногда она успешно конкурирует с англичанами в деле приобретения промышленных предприятий, хотя она покупает эти предприятия за деньги тех же англичан. Такое положение вещей возможно только потому, что Япония знает условия китайского рынка гораздо лучше любой другой державы и обладает неистощимой промышленной энергией, которая легко переливается за границы Японии.

[1]) The Japan Year Book, 1927, стр. 458.

Как широко поддерживает Америка своими деньгами японские начинания в Китае, видно хотя бы из того, что японские займы в Соед. Штатах начинают действительно проникать в широкие массы населения. У американского профессора Карвера мы находим следующие данные о распространении *японских займов в Америке в 1924 году. Согласно информации, полученной* от 23 банкирских домов, 8.212 клиентов купили японские облигации в среднем на сумму 2.680 долларов каждый. На основании этих цифр было исчислено, что весь японский заем был размещен среди, примерно, 44.000 держателей [1]). Такова цифра, относящаяся только к одному правительственному займу 1924 года. *Если принять во внимание, что Япония за последние* годы выпускает займы на американском рынке один за другим, то можно утверждать категорически, что в настоящее время сотни тысяч американцев поддерживают японскую политику в Китае приобретением облигаций японских займов. Таким образом, есть определенное противоречие между политикой Белого Дома и Уол-Стрита.

Может быть, — если можно рассчитывать на то, что японский промышленник сумеет ассимилироваться в китайской экономической среде, — с народно-хозяйственной точки зрения для Китая был бы весьма полезным приток японских капиталов: поскольку японцы несомненно превосходят китайцев в отношении технической одаренности и чисто промышленной (а не торговой) предприимчивости, было бы, быть может, не плохо, если бы они *могли выступить учителями Китая на этом поприще.*

Однако, японцы, как и немцы в Европе, всегда приходят со своим капиталом в чужую страну с определенным заданием, которое навязано им их принадлежностью к своему государству. Они являются инородными частицами в народно-хозяйственном организме Китая. Они никогда не забывают, что находятся на службе у японских государственных интересов. Рессель правильно замечает, что японцы презирают китайцев больше, чем европейцы. Они признают превосходство западной культуры над восточной, но причисляют себя к первой, а не к последней [2]). Они приходят в Китай, подобно представителям других империалистических стран, не служить китайскому народному хозяйству, а господствовать над ним. Поэтому, до тех пор, пока в Китае сохранится нетронутым существующий строй, предоставляющий *иностранцам почти безграничную возможность эксплоатации китайского* населения, японцы останутся наиболее опасными принельцами.

Только что приведенными соображениями отнюдь, однако, не исчерпывается вопрос о влиянии притока японских капиталов на китайское народ-

[1]) T. N. Carver, „The Present Economic Revolution in the United States" Boston, 1925, стр. 110.
[2]) B. Russell, The Problem of China, 1922, стр. 171.

ное хозяйство. Мы сейчас увидим, что систематическое внедрение японцев в Китай приводит к тому, что Китай постепенно втягивается в круг тех экономических процессов, которые привели Японию к жестокой депрессии. Анализ этого влияния удобнее всего начать с рассмотрения платежного баланса Китая. Мы знаем уже, что в пассиве этого баланса фигурирует отрицательное сальдо по внешней торговле в сумме, в среднем, до 250—400 миллионов долларов в год и платежи по иностранной задолженности, достигающие ежегодно 100 млн. с небольшим; эти отрицательные статьи покрываются двумя основными элементами актива в платежном балансе: переводами от эмигрантов и притоком капиталов из-за границы. Этих двух статей не только достаточно для того, чтобы компенсировать избыток ввоза над вывозом и платежи по долгам, но также и для обеспечения стране ежегодно импорта серебра на сумму, примерно, в 50—100 миллионов долларов. Если принять во внимание, что иностранные капиталы в настоящее время притекают почти исключительно из Японии, не трудно сделать вывод, что финансирование китайского народного хозяйства Японией является одной из главнейших причин, обусловливающих для Китая возможность ввоза серебра из-за границы.

Здесь раскрывается глубоко интересная тема: пассивное сальдо по внешней торговле в европейской практике обычно встречается у богатых капиталистических стран, разместивших за границей большие капиталы и затем собирающих обильную жатву процентов, дивидендов и пр., притекающих отчасти в товарной форме. Нет надобности говорить, что Китай не принадлежит к числу этих держав. Возможны, однако, случаи, когда пассивность торгового баланса об'ясняется притоком иностранного капитала. Тогда импорт капиталов облекается конкретно в форму машин, станков, строительных материалов и пр., которые как бы отпускаются иностранными предпринимателями в кредит в расчете на получение процентов из прибылей промышленности, создаемой на основе этого импортированного оборудования. Япония отчасти идет этим путем, так как ее ввоз по внешней торговле содержит высокий процент промышленного оборудования. Иначе складывается структура ввоза в Китае. Он имеет ярко выраженный потребительский характер. В этом отношении, правда, можно отметить на протяжении последнего десятилетия значительные колебания, которые, быть может, лишь отражают погодные изменения в притоке капиталов. Мы хотим этим сказать, что при средней цифре японского инвестирования в 125—150 миллионов, отдельные годы могут давать резкие уклонения от этой средней нормы. По-видимому, наибольший приток японских капиталов был в 1918—1922 г.г., после чего, в связи с землетрясением в Японии, а затем в связи с обострением гражданской войны в самом Китае, цифры стали падать. В соответствии

с этим, сокращается привоз, бывший достаточно скудным и прежде, предметов производственного назначения (машин, металлов, минералов, электрических материалов и принадлежностей и пр.). Приведем здесь лишь данные, касающиеся двух видов оборудования (в тысячах таможенных таэлей):

	1920	1921	1922	1923	1924	1925
С.-х. машины	1.004	2.192	696	302	279	161
Машины для текстильн. промышл.	6.904	26.723	30.480	12.316	5.710	3.407

Таблица показывает резкое падение ввоза машин после 1922 года. По данным коммерческого атташэ Соед. Штатов в Китае Арнольда, в 1921—1922 г.г. общая цифра импорта машин достигла максимума: она держалась в эти два года выше 50 млн. таэлей ежегодно, но потом стала быстро уменьшаться [1]).

Однако, даже в годы наибольшего расцвета производственного ввоза преобладающая масса китайского импорта все же имела потребительское назначение, как видно из сопоставления отдельных статей ввоза в процентах (приводим данные по официальным отчетам таможенной статистики):

	1922	1925
Хлопчато-бумажные товары, за исключением хлопковой пряжи и хлопка-сырца	16,04	16,55
Рис	8,45	6,44
Хлопковая пряжа	7,08	4,14
Керосин	6,71	6,98
Сахар	6,48	9,48
Металлы и минералы	5,28	4,55
Машины	5,23	1,64
Хлопок-сырец	4,44	7,38
Папиросы	3,00	1,87
Рыба и рыбные продукты	2,31	2,69
Мука	1,77	1,69
Бумага	1,45	2,01
Табак	1,40	2,10
Искусственный индиго	1,30	1,58
Уголь	1,14	2,75
Прочие товары	27,92	28,15

Таким образом, Китай ввозит из-за границы, главным образом, продовольствие и готовые фабрикаты, в значительно меньшей пропорции производственное сырье и совсем мало оборудования. Такой тип ввоза, при резко отрицательном сальдо торгового баланса, свидетельствует о крайне неблагоприятном для внешней торговли, уровне цен в самом Китае.

[1]) „China. A commercial and industrial Handbook", by Julean Arnold and others, U. S. Department of Commerce, Washington, 1926, стр. 98.

Усиленный рост цен за последние годы, как мы увидим в след. главе, был вызван совокупностью ряда причин, среди которых первое место, несомненно, занимает чрезмерный выпуск бумажных денег. Не подлежит сомнению, что в Китае денежная инфляция протекала и протекает в совершенно иных формах, чем это имело место в Японии. Здесь не было напряжения коммерческого кредита, а эмиссия производилась в чисто фискальных целях — для финансирования военных операций отдельных генералов. По нашим подсчетам, приведенным выше, цифра бумажно-денежного обращения в Китае за последние 12 лет почти утроилась. В таких условиях, конечно, *не могло быть и речи о дефляции. Китай пережил вместе с мировым хозяйством* скачок цен вверх. Когда же наступил час расплаты, Китай оказался, как и Япония, неспособным присоединиться к политике, ведущей к оздоровлению народного хозяйства. Наоборот, рост денежной массы провоцировал повышение цен, а по мере увеличения цен должна была, в связи с возросшей потребностью торгового оборота в денежных знаках, расширяться и денежная масса.

При пассивности торгового баланса и наличии других пассивных статей по платежному балансу, Китай получает возможность пополнять свое серебряное обращение за счет иностранного серебра, главным образом, благодаря притоку японских капиталов. На японские иены Китай покупает на мировом рынке серебро.

Таким образом, внедрение японского капитала в Китай является одним из важнейших факторов, поддерживающих цену серебра, так как возможность для Китая выступать на мировом серебряном рынке крупным покупателем в значительной мере обусловливается притоком средств из Японии. Это своеобразное сцепление экономических явлений является особенно поучительным *в связи с том, что японцы получают ресурсы для своего внедрения* в Китай в Америке, а Америка как главная производительница серебра чрезвычайно заинтересована в высоких ценах на белый металл. Таким образом, американская серебряная промышленность получает неожиданную поддержку нью-йоркской биржи, размещающей по всей стране японские займы на десятки и сотни миллионов иен!

Приток японских капиталов служит, следовательно, косвенной причиной относительной дороговизны китайской валюты на мировом рынке, что является серьезным препятствием для развития китайского экспорта. Для того, чтобы убедиться в этом, лучше всего представить себе, что произошло бы в случае, если бы японский капитал вовсе не шел в Китай. Прежде всего, *у Китая не хватило бы фондов для покрытия всего избытка ввоза над вывозом*, и усиленный спрос на иностранную валюту создал бы естественную тенденцию к обесценению доллара. Эта тенденция лишь усилилась бы благода-

ря падению мировой цены серебра под влиянием уменьшения китайских закупок. Вместо с тем, серебряно-бумажная инфляция, имеющая место теперь, сменилась бы чисто бумажной инфляцией. Размеры денежного обращения сократились бы, и цены должны были бы начать падать. Весьма возможно, что сокращение притока серебра затруднило бы дальнейшее сохранение разменности валюты на металл. Доллар стал бы чисто бумажным, обесценился бы в отношении серебра, а товарные цены, выраженные в серебре, стали бы и в этом случае падать.

Таким образом, приток японских капиталов является в известном смысле пробкой, задерживающей экспорт китайских товаров. Мы видели выше, что Япония поставила и самое себя в изолированное положение в мировом хозяйстве, предпочтя сохранить конъюнктуру внешнего благополучия, благополучия по видимости, искусственно созданного в военные годы. Япония втягивает в эту игру и Китай. В обеих странах искусственно удерживается высокий уровень цен, препятствующий широкому развитию экспорта. В наши дни, когда экономическая мощь капиталистической страны определяется ее позициями на мировом рынке, Япония и Китай сами создают искусственные препятствия для своих успехов в качестве стран-экспортеров. Япония, как показывает недавно разразившийся финансовый кризис, уже сдвинулась с мертвой точки. Китаю тоже предстоит рано или поздно пережить экономическую депрессию под влиянием падения цен.

Как видно из всего изложенного, попытка Японии экономически захватить Китай в свои руки встречает серьезные препятствия и сулит мало хорошего как Китаю, так и самой Японии. Можно констатировать, что до сих пор Япония, пользующаяся привилегией единственной «колонизаторской» страны на Дальнем Востоке, справляется с этой своей миссией в достаточной мере неудачно. Популярный на Востоке американский публицист и ученый Эптон Клоз красочно изображает тернии, которыми был усеян колонизаторский путь Японии. «Корея, после 17 лет японского господства, в течение которых делалось все возможное для привлечения японских поселенцев, имеет всего 450.000 жителей японцев из общей 19-миллионной массы населения. Значительнейшая часть этих японских поселенцев работает в предприятиях, субсидируемых правительством. Но Корея была густо населенной страной и до того, как японцы заняли ее. Еще лучшим доказательством слабости японской колонизации может служить Маньчжурия, которая, в сущности говоря, была почти пустою, когда началось внедрение в нее японцев. За 20 лет экономического владычества и политического благоприятствования Японии, эту богатую житницу Азии населили 15.000.000 китайцев и всего лишь 175.000 японцев. Японское население в Маньчжурии даже уменьшилось в течение последних лет. Формоза попала под японское господство в 1894 го-

ду, когда большая часть китайского населения острова была уничтожена. В 1927 г. на острове обитали, примерно, 4 миллиона китайцев и 400 тысяч японцев, и Формоза только еще начинала оплачивать издержки своей администрации» [1]).

Если, таким образом, японская колонизация потерпела крах даже там, где японцам принадлежала неограниченно государственная власть, тем труднее им справиться с задачей овладения Китаем. Реакция китайского общественного мнения на колонизационные стремления Японии за последние годы была так сильна, что японцам приходилось рядиться в личину друзей Китая и толковать о «мирном сотрудничестве» обоих народов. После провала политики «двадцати одного требования» Япония увидела, что она не добилась никаких реальных экономических выгод в Китае, но стала лицом к лицу с жесточайшим экономическим бойкотом, который грозил подорвать в корне ее торговлю в Срединном государстве. Отсюда политика вынужденной дружбы и миролюбия, продолжавшаяся до середины 1927 года, когда, после призвания к власти нового кабинета генерала Танаки, японцы снова начинают брящать оружием, угрожая в случае надобности силой отстаивать свои экономические позиции в Китае. Популярный в Китае американский журнал «China Weekly Review» недаром задает вопрос, не идет ли речь о новом «японском издании двадцати одного требования» [2]). Кроме Маньчжурии и внутренней Монголии, где Япония засела достаточно прочно, и где она сейчас старается приобрести новые привилегии в роде права владения землей, Япония снова посягает на Шаньдунскую провинцию, а также на Чжили. Чем бы, однако, ни кончились эти новые агрессивные замыслы Японии, едва ли можно ожидать, что ей удастся разрешить за счет Китая проблему своего экономического развития. Мы уже отмечали, что Японию привлекает в Китай дешевизна рабочей силы. В цитированном сочинении Уйехара о промышленности и торговле Японии проводится основная мысль, что стержнем всех затруднений Японии в настоящее время является рост заработной платы. По его словам, экономический прогресс Японии за последние 50 лет был обусловлен, главным образом, обилием дешевого труда в этой стране. Низкая заработная плата и чрезмерная длина рабочего дня до известной степени компенсировали высокую стоимость сырья и дороговизну других элементов производства. В последние десятилетия у Японии появились новые грозные конкуренты в лице Китая и Индии, пользующихся дешевым трудом [3]). В самой же Японии заработная плата в последние годы

[1]) Upton Close, The Revolt of Asia, New York—London, 1927, стр. 210—211.
[2]) The China Weekly Review, August 13, 1927.
[3]) Uyehara, назв. соч., стр. 24.

растет чрезвычайно быстро. Согласно отчету Департамента Земледелия и Торговли, средняя поденная заработная плата, уплачивавшаяся в 1899 году в ткацкой промышленности, составляла всего 0.256 иен для мужчин и 0.163 иены для женщин. Заработная плата крайне быстро выросла за время мировой войны, достигнув в 1923 году 1.479 в день для мужчин и 1.185 иены для женщин. Если принять за сто индекс 1913 года, то соответствующая цифра для рабочих мужчин достигла в 1920 году 375 и даже в 1923 году все еще составляла 337. Для женщин соответствующие данные были — 397 и 393 [1]). Богатый статистический материал о движении заработной платы в Японии, собранный в посвященном японскому хозяйству сборнике Дальне-Восточной Краевой Плановой Комиссии, свидетельствует о том, что указанный под'ем заработной платы, примерно, в три раза, произошел именно в период мировой войны, и что с 1920 по 1925 год японские рабочие довольно стойко удерживали достигнутый ими уровень зарплаты [2]). Однако, в связи с начавшимся с конца 1925 года значительным снижением уровня товарных цен, предприниматели вскоре прибегнут, нужно ожидать, к снижению заработной платы. Отсюда неизбежное обострение рабочего вопроса в Японии и отсюда же естественное стремление японских предпринимателей найти тихую пристань в Китае.

Однако, едва ли этим планам японских промышленников суждено осуществиться. Революционное движение глубоко всколыхнуло рабочие массы Китая, пробудив их к столь упорной борьбе за улучшение условий существования, что и в Китае, по всей вероятности, скоро станет невозможным говорить о «баснословной дешевизне» труда. Недаром «Far Eastern Review» недавно жаловался на то, что революционная пропаганда нанесла жестокий ущерб японским предприятиям, дающим работу 70 тыс. китайцам на территории, находящейся под властью национального правительства. И хотя несомненно, что некоторое повышение заработной платы в Китае неизбежно приведет в будущем к повышению культурного уровня китайских рабочих масс и, следовательно, к повышению производительности их труда, японские предприниматели все же не очень склонны придавать значение этим будущим благам, поскольку сейчас им приходится нести тяжелые жертвы.

С гоминьдановским правительством японцы все же могли бы договориться за счет рабочего класса. Поскольку японцы заинтересованы в развитии японской промышленности за китайской таможенной стеной, они, естественно, выиграли бы от восстановления китайской тарифной автономии,

---

[1]) Там-же, стр. 137.

[2]) Японское хозяйство. Статистический сборник. Хабаровск, 1926, стр. 107—111.

так как высокие таможенные пошлины приводят к возможности реализации большей промышленной прибыли.

Вместе с тем, окончание гражданской войны и об'единение Китая подлинно революционной властью,—хотя излишне, конечно, ожидать подобных результатов от национального движения, руководимого милитаристами,—имели-бы огромное значение для Японии еще в другом отношении: только оно прекратило-бы происходящее в настоящее время разграбление Китая и прямое истребление производительных сил страны; только оно повысило-бы жизненный уровень китайских народных масс и, таким образом, создало-бы необходимые предпосылки для развития в Китае емкого потребительского рынка. Прекращение гражданской войны было бы, таким образом, фактором, способствующим оздоровлению китайской деревни и должно было бы открыть для японской промышленности новые возможности в Китае.

Все более становится очевидным, что невозможно ждать от Гоминьдана осуществления исторической миссии об'единения Китая. Очевидно, эта задача будет разрешена в результате долгого процесса, началу которому положено широким массовым движением, возникшим в Китае за последние годы. В случае торжества этого движения, для Японии окажется невозможным продолжать политику выколачивания прибылей в Китае за счет низкой заработной платы. Китай, при своей современной нищете, не может обойтись без иностранных капиталов; но, повидимому, уже подходит к концу историческая фаза, когда эти капиталы притекали в форме империалистических концессий. Перерожденный Китай воспользуется чужими капиталами только в том случае, если ему будет предоставлено самому контролировать использование их в интересах народно-хозяйственного строительства.

ГЛАВА X.

МИРОВАЯ КОН'ЮНКТУРА И КИТАЙСКИЕ ЦЕНЫ.

Начиная с середины прошлого столетия, в экономике азиатских стран начинает обнаруживаться во все большей мере связь с мировой кон'юнктурой. Это ясно видно, например, из данных китайской внешней торговли. С 1864 по 1926 г.г. *общий оборот китайской внешней торговли вырос* с 105 до 1.989 млн. хайгуанских таэлей, т.-е. почти в 20 раз. Еще энергичнее втягиваются в мировой товарооборот Япония и Индия. Между тем, установление сколько-нибудь тесной зависимости любой страны от мирового рынка приводит к тому, что международная кон'юнктура становится решающим моментом, *от которого зависят* важнейшие процессы, происходящие в ее народнохозяйственном организме. Мировое хозяйство становится как-бы высшим арбитром, *от суждения которого зависит признание производительности или* непроизводительности каждой отрасли народного хозяйства в данной стране. Особенно важно соотношение цен продуктов промышленности данной страны и международного рынка. Укрепление позиций данной страны на мировом рынке и расширение ее экспортных возможностей достижимо лишь при условии, что цены в ней ниже цен ряда других стран.

Таким образом, в настоящее время уже не может быть обособленной азиатской кон'юнктуры, не зависящей от международного рынка. Между тем, азиатский восток обнаруживает на протяжении последних десятилетий упорную тенденцию к росту цен—тенденцию, которая оставляет далеко позади себя соответствующие колебания мировых уровней. Мы попытаемся сейчас коротко исследовать, на какой почве могла возникнуть эта особенность *современной азиатской кон'юнктуры.*

После средневековья, характеризовавшегося исключительной стойкостью товарных цен, экономическая история Европы вступает в XVI — XVII столетиях в период т. н. «революции цен», которая, по общему мнению, была вызвана наплывом драгоценных металлов из стран Нового Света. Эта тенденция сохраняется в Европе вплоть до начала XIX столетия, *при* чем ее, повидимому, продолжают питать инфляционные процессы, в основе которых лежит неустойчивость правового порядка и стремление отдельных пра-

вительств получить возможно больше доходов, путем усиленного выпуска бумажных денег и путем «порчи» монеты. В ряде исследований по истории цен в разных странах установлено, какие грандиозные сдвиги в уровне цен происходили в течение этого «до-конституционного периода» европейской истории. Для России такая работа была напр. проделана Ключевским, установившим, в частности, для рубля XVI века, что «в первую половину века он равнялся 73—83 нынешним, а во вторую 60—74 нынешним» [1]).

Лишь с начала XIX века постепенно устанавливается система «конституционных гарантий». С другой стороны, происшедшая в конце XVIII столетия промышленная революция положила начало постоянному снижению цен производства и след. товарных цен. Поэтому, на протяжении последнего столетия происходят только циклические колебания цен почти около одного и того-же уровня.

К сказанному следует добавить, что благоприятная почва для выпуска легковесной монеты и для усиленной эмиссии бумажных денег была создана переходом от натурального хозяйства к денежному. На первых порах этот переход приводит к появлению усиленного спроса на денежные знаки. Правительства, идя навстречу этому спросу, легко вступают на путь чрезмерных выпусков, продолжающихся и после того, как потребность оборота в деньгах насыщена.

Азиатская кон'юнктура, повидимому, как раз и определяется тем, что здесь процесс бурного повышения цен, связанный с переходом к денежному хозяйству, еще не завершился, благодаря чему, вместо характерного для Европы циклического колебания цен, в азиатских государствах имеет место «вековое» нарастание их уровня. В дальнейшем изложении нам придется, для доказательства этого положения, заняться подробным анализом движения товарных цен в Китае, а затем попытаться связать результаты этого исследования с данными о колебаниях товарных цен в мировом хозяйстве.

Предварительно нужно, однако, отметить существование еще некоторых факторов, оказывающих могущественное влияние на уровень китайских цен. Во второй половине XIX столетия большинство стран Азиатского Востока имели еще серебряное обращение, вследствие чего начавшееся с 70-х и обострившееся в 90-х годах прошлого века стремительное падение цены белого металла не могло не отразиться и на товарных ценах этих стран. Как велико было изменение в курсе китайской валюты, можно судить по тому, что еще в середине 70-х годов хайгуаньский таэль расценивался выше полутора долларов в американских деньгах и в 6 шилл. в переводе на ан-

[1]) В. Ключевский. „Русский рубль XVI—XVIII в. в его отношении к нынешнему", 1884, стр. 47; (для определения высоты „нынешнего" уровня цен Ключевский пользуется данными 1882 г.

глийскую валюту. В настоящее-же время он стоит, примерно, на уровне 70 амер. центов, или 3 шилл. с небольшим. В связи с этим обесценением китайского долара и таэля на мировом рынке можно было, казалось бы, ожидать значительного увеличения китайского экспорта и сокращения импорта, так как опыт свидетельствует, что внутренние цены сравнительно медленно следуют за движением внешних курсов. Вместе с тем, однако, рано или поздно, падение курса доллара в два с лишним раза должно было сказаться и на уровне товарных цен.

Третий основной фактор, оказывающий влияние на образование цен и внешнюю торговлю Китая, это — приток иностранных капиталов. Он воздействует, прежде всего, на торговый баланс: инвестирование иностранных капиталов всегда принимает в известной доле форму притока товаров, так как фонды, притекающие из-за границы для организации промышленных предприятий или для ж.-д. строительства, используются импортерами капитала в значительной мере у себя на родине для закупки материалов, необходимых для этого строительства. Нельзя, однако, представлять себе дело так, словно ввозимые иностранные капиталы целиком трансформируются в иностранные товары производственного назначения и словно национальностью иностранца, ввозящего капитал, определяется всецело и страна, где расходуются деньги для приобретения станков, инструментов, паровозов и т. д. Одним американским автором недавно прекрасно показано, именно на примере китайского ж.-д. строительства, что «торговля» далеко не всегда и далеко не полностью идет вслед за «долларом». Заимствуем у него следующую табличку, относящуюся к ж.-д. займам китайского правительства в 1898—1912 г.г., а также ко всей совокупности закупок материалов для ж.-д. сети (т.-е. включая приобретение этих материалов не только для линий, строившихся за счет иностранных займов правительству, но и для прочих дорог): [1])

	Ж.-д. займы китайскому правительству	Экспорт рельсов и подвижного состава в Китай	
		Стоимость	в %% к займам, предоставленным для ж.-д. строит.
Соединен. Штаты.	3.000.000	11.485.000	382,82
Германия.	29.761.000	9.473.000	31,79
Великобритания. .	52.394.000	6.898.000	13,16
Франция	27.100.000	651.000	2,40
Бельгия.	11.600.000	12.851.000	110,78
Всего	123.855.000	41.358.000	

[1]) „The American Economic Review" за Сентябрь 1927 года, „Does the Trade follow the Dollar?", стр. 472.

Эти цифры одновременно свидетельствуют о том, что заграничные закупки ж.-д. материалов были несравненно меньше всей суммы предоставляемых для строительства займов и о том, что они производятся не столько на родине импортера капитала, сколько в наиболее развитых капиталистических странах, где данные материалы обходятся дешевле всего. Из приведенной таблички видно, что дороги, сооружавшиеся на французские капиталы, пользовались почти целиком американскими рельсами и подвижным составом; то же имело и при постройке английских, а частью даже германских дорог. Только американцы и бельгийцы обходились материалами отечественного происхождения.

Из того факта, что иностранные капиталы далеко не целиком расходуются за границей, с логической неизбежностью следует, что в некоторой доле они притекают в форме денег, след. на Востоке в виде серебра. Отсюда, казалось-бы, можно сделать вывод, что приток иностранных капиталов на Востоке должен был задерживать падение цены серебра, так как он вызывал усиленный спрос на белый металл для отправки его в азиатские страны. Так, в Китае усиленный ввоз капитала начался с конца столетия, т.-е. как раз с того момента, когда обесценение белого металла прекратилось (оно было особенно сильным в середине 90-х г.г.). Можно, поэтому, представить себе картину взаимоотношений Китая с иностранными государствами в этот период следующим образом. Прельщенные дешевизной китайской валюты, не успевшей еще вызвать соответствующего повышения внутренних цен, европейские капиталисты стали искать приложения своим капиталам в Китае. Появился добавочный спрос на серебро, и падение его цены приостановилось.

В настоящее время делаются даже попытки об'яснить весь процесс резкого падения цены серебра в 70-х годах не столько его демонетизацией, сколько состоянием расчетного баланса между европейскими государствами золотого монометаллизма, главным образом, Англией и азиатскими государствами серебрянного монометаллизма,—в первую очередь, Индией. Восток имел, в общем, в XIX столетии активный баланс и, если серебра для уплаты сальдо не хватало, приходилось черпать из резервов и обращения биметаллистических стран. Наоборот, если пассивное сальдо было не так велико, часть продукции серебра приливала в каналы европейского обращения[1]). Между тем, как раз в 50 и 60-х г.г. спрос на серебро был особенно велик, и отлив белого металла на Восток вызвал образование у биметаллистических государств дыры в обращении, которая стала автоматически заполняться золотом. Последовавшее в 70-х г.г. ухудшение индийского баланса, привело к

[1]) B. Nogaro. La monnaie et les phénomènes monetaires contemporains. Paris, 1924, стр. 34—36.

избытку серебра, которое, однако, уже не нашло себе места в Европе, как бывало раньше [1]). Как ни интересны, однако, исторически эти штрихи из *истории платежных взаимоотношений Востока и Запада, они едва-ли имели* в действительности определяющее значение. Колебания платежного баланса происходили, разумеется, и до 70-х годов, но они не имели такого драматического эффекта, потому, что не было еще благоприятной почвы для обесценения серебра. Стихийная тяга к золоту была обусловлена потребностями укрупненного оборота. Случайные исторические обстоятельства только помогли золоту дать решительный бой своему конкуренту.

Возвращаясь к современности, мы должны констатировать, что *современный тип платежного баланса азиатских государств (связанный с* ввозом драгоценных металлов) остается необходимой предпосылкой сохранения серебром хотя-бы его теперешней значительно понижен**ной** цены. Поэтому общий рост азиатских цен, ухудшая торговый баланс Восточных стран, бьет рикошетом по серебру. С другой стороны, затихание прилива иностранных капиталов, а также уменьшение эмигрантских переводов (второй момент имеет значение, главным образом, для Китая, а не для всего Востока в целом) должны действовать в том-же направлении. Наоборот, *усиленное снабжение* Востока капиталами является для стран — производительниц серебра, и в особенности для Соед. Штатов лучшим способом поддержать цену белого металла.

Приток иностранных капиталов имеет еще второе влияние на уровень цен. Как показывает целый ряд исторических примеров, экспорт капиталов, в общем и целом, является фактором, понижающим цены. Наоборот, в странах импорта капиталов обычным следствием проливающегося над народным хозяйством валютного дождя является рост цен. По утверждению Энджеля, в странах, ввозящих капитал, экспортные цены имеют тенденцию увеличиваться больше, чем импортные, а внутренние цены растут быстрее обеих этих групп. Таким образом, период усиленного притока капитала в любой стране должен быть сопряжен с пассивным торговым балансом и неблагоприятным соотношением экспортных и импортных цен [2]).

Приступим теперь к проверке формулированных теоретических положений на данных китайской статистики цен. К сожалению, вполне достоверный материал имеется лишь для последнего десятилетия. Для более раннего времени приходится пользоваться цифрами таможенной статистики, определяя цены делением общей суммы импорта или экспорта на количество единиц ввезенных или вывезенных товаров. (Имеются, правда, индексы

[1]) K. Helfferich. Das Geld, 6 издание, Leipzig, 1923, стр. 179—180.
[2]) J. W. Angell. The Theory of International Prices. Cambridge, 1926, стр. 399 и сл.

цен, как увидим ниже, для целого полустолетия, но проверить источник их исчисления нам не удалось).

В работах Уэджиля мы находим интересные калькуляции, отчасти дающие нам возможность проверить справедливость только что высказанных гипотез. Уэджиль останавливается на нескольких предметах ввоза и вывоза и исчисляет цены на них для каждого года, начиная с 1862 г. Мы воспроизводим его цифры в приложениях № 13 и 14.

Согласно его данным, импортные цены регулярно падают с 1862 г., вплоть до конца столетия. Так, например, «серый шертинг весом 7 фунтов в штуке» понизился с 2.58. до 1.32, «английская пряжа за пикуль» — с 50.00 до 23.42, и «жестяные листы за пикуль» с 7.35 до 4.70.

В первые годы текущего столетия берет верх повышательная тенденция, и в 1911 году (до этого момента Уэджиль доводит свое исследование) уровень цен оказывается приблизительно тем-же самым, что в начале изучаемого периода.

Из экспортных товаров Уэджиль останавливается на 9 предметах, классифицируя их на две группы; для чая черного, чая зеленого, шелковых коконов и шкур, он дает годичные цифры, а для бобов, бобового масла, желтого шелка, шерсти и хлопка он исчисляет лишь средние для каждого из четырех десятилетий. Товары первой группы, среди которых находятся столь важные предметы экспорта, как чай и шелк, обнаруживают относительно незначительный рост цен. Это повышение составляет 25—30% для чая, 12% для шелка и 300% для шкур (последняя цифра легко могла бы быть опущена вследствие чрезвычайных колебаний цен на этот товар). Вторая же группа товаров дает столь неожиданное движение цен, что оно заслуживает быть воспроизведенным здесь (цены приводятся в хайгуанских таэлях за пикуль):

Годы	Бобы	Бобовое масло	Желтый шелк	Шерсть	Хлопок
1862—1871. . .	0,91	3,29	164,95	6,79	9,52
1872—1881. . .	0,95	3,31	198,63	8,40	10,72
1882—1891. . .	1,54	5,20	200,79	10,39	12,45
1892—1911. . .	2,55	8,15	314,20	16,72	19,14

Таким образом, результаты исследования Уэджиля могут быть формулированы след. образом: импортные цены, несмотря на колебания, остаются стабильными за 50 лет, а экспортные цены на ряд важнейших товаров возрастают более, чем вдвое.

Для периода, начинающегося с 1912 года и охватывающего годы мировой войны, мы попробовали сами составить, на основании данных стати-

стики внешней торговли, таблицу движения цен на наиболее важные экспортные и импортные товары. Абсолютные цифры приведены в приложении № 15. Относительные колебания можно видеть из следующей таблицы (цифры 1912 г. приняты за 100):

В в о з

Г о д ы	Рис	Хлопок-сырец	Пшеничн. мука	Сахар рафинад	Хлопковая пряжа серая	Сахар белый	Уголь
1913	78,3	101,3	100,3	96,3	99,2	101,9	103,7
1914	74,3	102,7	104,8	88,9	96,6	100,4	98,3
1915	69,1	82,8	123,2	121,3	89,5	132,9	107,7
1916	69,3	89,8	127,0	157,5	92,1	122,5	117,5
1917	69,4	96,4	104,7	163,0	110,5	113,9	194,0
1918	75,3	144,0	—	148,6	174,9	114,7	218,4
1919	105,8	122,6	115,4	129,7	197,8	134,6	198,9
1920	107,6	119,9	114,8	193,9	219,5	196,8	213,2
1921	89,7	96,4	117,3	179,1	194,0	174,7	188,3
1922	96,7	106,8	117,0	145,5	201,8	162,4	173,9
1923	101,1	151,6	117,7	155,2	197,7	159,3	175,2
1924	110,6	181,0	113,8	155,0	215,0	151,6	175,2
1925	112,5	175,1	133,8	138,2	221,3	140,3	176,3

Эта таблица импортных цен, в общем и целом, довольно точно воспроизводит изменения в положении мирового рынка во время войны и в послевоенные годы. С 1912 по 1915 г.г., правда, обнаруживается тенденция к снижению рыночных цен, не наблюдавшаяся в масштабе мирового рынка. Зато с 1916 г. начинается резкое повышательное движение, вполне соответствовавшее международной кон'юнктуре того времени; оно достигает кульминационного пункта в 1921 г. Так, в частности, хлопковая пряжа поднимается в этот период со 92,1 до 194,0, сахар белый—с 122,5 до 174,7 и уголь—со 117,5 до 188,3. С 1921 г. начинает ощущаться на мировом рынке депрессия, которая была сознательно усилена денежной дефляцией. Цены начинают падать, но к концу исследуемого периода они все же остаются в среднем на 50—60% выше довоенных цен.

Если мы обратимся теперь к экспортным ценам, то сделается очевидным, что движение цен Китая не совпадает с колебаниями мировой конъюнктуры.

Вывоз

Годы	Шелковая сырая белая паровая пряжа	Жмыхи	Хлопок-сырец	Чай черный	Бобы желтые	Уголь	Шелковый товар
1913	110,1	96,8	103,8	107,7	103,3	89,7	116,0
1914	114,2	94,0	88,6	107,7	107,8	90,1	118,3
1915	110,9	81,7	89,5	146,1	80,5	93,5	116,1
1916	134,8	103,2	95,2	119,6	100,9	88,2	121,6
1917	127,8	70,2	114,2	107,3	93,7	79,3	124,3
1918	129,2	83,9	138,9	133,8	109,8	94,5	127,6
1919	137,1	97,7	133,7	124,5	124,9	99,4	131,5
1920	142,4	101,4	116,1	101,6	134,1	125,6	138,4
1921	150,8	101,8	128,4	109,4	149,8	120,4	156,9
1922	194,2	104,1	128,4	106,1	150,2	126,9	166,1
1923	215,8	120,7	158,8	126,5	138,5	133,8	171,4
1924	167,8	103,2	177,2	121,6	150,7	129,8	175,0
1925	176,4	109,6	177,1	117,5	167,3	135,0	162,4

До 1918 г., несмотря на нерегулярные колебания цен вверх и вниз, нельзя установить тенденции к повышению цен. Но, начиная с 1918 г., цены растут очень быстро и почти без перерыва. Цены 1925 г. в среднем превосходят цены 1917 г. на 50%. Приведенные данные, пожалуй, наиболее отчетливо выражают то интереснейшее обстоятельство, что в движении цен экспортных товаров совершенно не чувствуется влияния мировой дефляции. Это, конечно, отчасти может быть об'яснено чрезвычайным повышением котировок серебра и след. курса китайской валюты в 1918—1920 г.г. Но после этого периода, когда серебро начало падать, экспортные цены нисколько не отражают этой тенденции соответствующим снижением, какого, разумеется, следовало-бы ожидать. Принимая во внимание, что цена китайского доллара вплоть до 1925 года оставалась, примерно, на 15—20% выше курса 1913 г. и что рост цен экспортных и импортных товаров в течение того же

периода был, примерно, одинаковым, мы должны притти к заключению, что положение Китая на мировом рынке должно было сделаться менее выгодным за 1912—1925 г.г.

Однако, примененный нами метод измерения колебаний цен цифрами статистики внешней торговли является недостаточно точным и мы прибегли к нему только для того, чтобы осветить по возможности изменения в уровне цен Китая за 65-летний период. Однако, в последние годы Китай впервые располагает вполне научно, по последнему слову статистической техники, поставленной статистики цен и исчислением индексов их. Это обстоятельство настолько значительно, что мы считаем нелишним сказать несколько слов относительно самой постановки этой работы.

Индексы цен в настоящее время регулярно печатаются в Шанхае и Кантоне. Кроме того, некоторые сравнения движения цен возможны для Пекина. Шанхай, в свою очередь, имеет целых три разновидности индекса: индекс оптовых цен, индекс импортных и экспортных цен и дополнительный индекс импортных цен. Эти индексы составляются и публикуются Бюро Рынков Министерства Финансов. Представителю этого министерства Шену было поручено начать исследование цен с зимы 1918 г. Сентябрь 1919 года послужил исходным пунктом. Первоначально за базу исчислений принимался сентябрь 1919 г., вследствие отсутствия надежного материала о ценах для довоенного периода. Но для сравнения с данными других стран найдено было необходимым установить довоенные цены. Эта работа была начата в 1921 г. В результате удалось установить цены только для первых дней февраля 1913 года. «Первые дни февраля этого года соответствовали началу китайской первой луны. Согласно китайской традиции, торговцы обычно устраивают в этот период времени дополнительную распродажу товаров. Публикуется большее количество прейс-курантов, чем обычно, так что исследование этого периода времени оказывается более легким» [1]).

Таблица оптовых цен разделяется на 8 групп и содержит 147 товаров. Среди них иностранные товары составляют около $^2/_3$, а местные, — только около $^1/_3$. Список товаров составлен таким образом, что «главные статьи приноровлены к номенклатуре таможенных отчетов с добавлением некоторого количества массовых товаров повседневного потребления» [2]).

С весны 1925 г. Бюро Рынков приступило также к печатанию специальных индексов импортных и экспортных цен; в основу исчисления индексов положены те же оптовые рыночные цены Шанхая. Все товары разбиты на три группы: сырье, производственные блага и потребительные бла-

[1]) „The Shanghai Wholesale Price Index-Number", ed. by T. Sheng, Chief Director of Min of Fin. Bureau of Markets, Shanghai, 1925, стр. 13.
[2]) Там-же, стр. 4.

га, сообразно с тем положением, какое данный продукт занимает в процессе производства. Как нетрудно догадаться, состав импорта и экспорта весьма различен, именно с этой точки зрения, т.-е. по соотношению разных категорий товаров неодинаковой степени завершенности в производственном процессе.

Естественно, что сырье преобладает среди товаров, избранных для вычисления экспортного индекса, а потребительские блага — среди импортных товаров, как это видно из следующей таблицы [1]):

	Экспорт	Импорт
Сырье	51%	17%
Производственные блага	28%	25%
Потребительские блага	21%	58%

Этот вид индексов содержит все товары, ценность которых во внешней торговле достигла в 1923 г., по крайней мере, миллиона хайгуанских таэлей. Всего в экспортный индекс включено 79, а в импортный индекс — 115 товарных котировок.

Дополнительный индекс импортных цен, составление которого начато в январе 1923 г. (с 1922 годом, взятым за основание), имеет специальное практическое назначение: подбирать статистические данные для будущего пересмотра таможенного тарифа. Как отмечается в специальном издании, посвященном этому индексу, в нем «метод классификации, порядок товаров и год, взятый за основание, и т. д. находятся в полнейшем согласии с существующей системой тарифа» [2]). Большое значение этой работы было признано еще в 1922 г., когда происходил пересмотр импортного тарифа, и Бюро Рынков сумело представить весьма ценный статистический материал во время заседаний комиссии по пересмотру тарифов в Шанхае [3]). Индекс вычислен из 218 товарных котировок и обнимает почти все товары, ценность которых превосходит 500.000 хайгуанских таэлей.

В Кантоне индексы оптовых цен были составлены для довольно продолжительного периода, начинающегося с 1912 г. Для 1912—1924 г. даются только годовые индексы, а с января 1925 г. началась ежемесячная их публикация. За основание принят 1913 г. В список включено 205 предметов, разделяющиеся на следующие 6 групп: 1) рис, 2) прочие продовольственные товары, 3) текстиль, 4) топливо и свет, 5) металлы и строительные мате-

[1]) 1) Remarks on Revision of the Table of Prices in Shanghai, 1925, 1.2) Explanations of the Index—Numbers of Import and Export Prices in Shanghai, апрель 1925 г., стр. 39.

[2]) Index-Numbers of Supplementary Import Prices in Shanghai, 1925, стр. 8.

[3]) „The Chinese Economic Bulletin", 10 апреля 1926 г.

риалы и 6) разные. Каждая из этих 6 групп принимается при взвешивании со следующим весом [1]).

1	2	3	4	5	6
20%	30%	10%	15%	10%	15%

Для Пекина индексы стоимости жизни были приготовлены двумя частными лицами. Их обследование покрывает период с 1900 по 1924 г. За основание принят 1913 год [2]).

Наконец, укажем, что проф. Нанкайского университета в Тяньцзине Франклин Хо подверг индексы, исчисляемые в Шанхае и Кантоне, серьезной методологической критике и обработал групповой материал путем исчисления геометрической средней, чем внес немаловажные поправки в прежние публикации [3]). Впрочем, исправления Хо не меняют общего характера первоначальных рядов, вычисленных статистическими учреждениями Шанхая и Кантона. Мы пользуемся этими первоначальными данными, так как они охватывают более длительный период, чем корректированные цифры Хо.

Проглядывая весь статистический материал, имеющийся в нашем распоряжении, мы на основании его, прежде всего, устанавливаем резкую повышательную тенденцию для военного и послевоенного периода. Начнем с шанхайского оптового индекса. Он в настоящее время превышает 170, если принять 1913 г. за основание. Таким образом, рост цен значительно превосходит норму мирового хозяйства, составляющую 45—50%. Между тем, цена серебра в первом полугодии 1927 г. почти в точности соответствовала средней цене 1913 года. Повышение цен идет непрерывно, хотя и не очень быстрым темпом (срав. приложение № 12).

При рассмотрении движения цен по отдельным товарным группам обнаруживаются весьма интересные особенности. Особенно упорно проявляют тенденцию к повышению цены хлебных злаков. Индекс этой группы составлял 115—130 еще в 1919 и в 1920 г.г. Постепенно повышаясь, он доходит теперь почти до 180. Такую же эволюцию проделывают прочие продовольственные продукты. Таким образом, рост дороговизны захватывает самые недра китайского народного хозяйства, отчетливее всего выступая в земледелии. Промышленные материалы обнаруживают движение в прямо противоположном направлении; если в 1920 г. они доходили до непомерно высокой цифры — 400, то сейчас их индекс ниже тотального, превышая лишь немного 160. Эта группа, разумеется, включает, главным образом,

[1]) „The Report of Statistics, № 1. Index-Numbers of wholesale Prices in Canton, China, 1912—1926. Published by the Dep. of. Agr. and Lab., Kwantung Government. янв. 1926.

[2]) „The Chinese Economic Bulletin", 23 авг. 1926 г.

[3]) „Chinese Economic Journal", Май 1927 г.

товары иностранного происхождения. Выбор их для исчисления индекса был произведен не совсем удачно; в их состав входит почти исключительно сырье для химического производства. Но все же эта группа довольно точно отражает колебания мировых цен. Среди других групп только еще металлы обнаруживают определенную повышательную тенденцию. Еще в 1922 году их индекс изменялся в пределах, примерно, 125—140, а теперь они превзошли даже 200.

Таким образом, едва ли можно оспаривать, что сравнительно плавное повышательное движение цен, если судить о нем по общей средней, только скрывает действительную борьбу двух противоборствующих тенденций: быстрое повышение цен на сельскохозяйственные продукты, компенсируемое значительным падением цен на сырье импортного происхождения. Ясно, таким образом, что повышение товарных цен в Китае вызывается не какими-нибудь преходящими явлениями — на поверхности экономической жизни — но глубокими процессами, захватывающими самые основы народнохозяйственной системы Китая. Главной причиной этой растущей дороговизны сельскохозяйственных продуктов является, как было указано в 1 главе, эксплоатация деревни милитаристами. Она вызывает истощение деревни и упадок производства. Вместе с тем, важнейшим косвенным средством этой эксплоатации служит денежная инфляция, на которую также падает немалая доля вины в обострении дороговизны в последние годы.

Эволюция цен, отражаемая индексами импортных и экспортных товаров, тоже дает малоутешительную картину. Последняя сводка, имеющаяся в нашем распоряжении, покрывает период с июля 1925 по июнь 1927 годов. Для последней даты экспортный индекс достигал 171,8 (за основание приняты цены февраля 1913 г.), а импортный — всего 162,5. Между тем, еще в июле 1925 г. экспортный индекс стоял на высоте 152,2, а импортный — 158,8. За эти два года импортный индекс вырос всего на 3,7, а экспортный — на 19,6, т. е. темп нарастания цен на вывозимые товары обогнал в 5½ раз ввозные цены. Наибольшая разница между импортными и экспортными ценами (разумеется, не в пользу последних) оказывается для группы благ производственного назначения: она достигает почти 20 пунктов [1]). Таким образом, возможности для китайского экспорта суживаются с каждым месяцем.

Что касается дополнительного индекса импортных цен, то мы можем оставить его в стороне, так как его движение на практике не отличается от движения основного индекса импортных цен.

---

[1]) The Monthly Report on Price Indexes in Shanghai, June 1927, Vol. III, № VI, стр. 4.

Наконец, остается указать на последнее нововведение шанхайской статистики цен: «временные» индексы стоимости жизни в Шанхае. Сведений о том, как исчисляются эти индексы, у нас нет, и поэтому мы ничего не можем сказать о методологической стороне дела. Публикация их начата с мая 1927 г. За основание принята годовая средняя 1925 года. Приводим данные за 1926 и первую половину 1927 года [1]).

	Продовольствие	Топливо и свет	Одежда	Жилище	Разные предметы	Тотальный индекс
Число благ	20	6	12	1	5	44
1926						
Январь	115,9	104,6	107,9	100,0	98,0	108,8
Февраль	119,6	97,6	110,8	100,0	98,0	110,8
Март	131,3	98,5	110,5	100,0	95,3	116,9
Апрель	137,1	109,0	109,3	100,0	94,2	119,9
Май	137,4	105,4	103,3	100,0	94,2	119,6
Июнь	141,2	107,0	101,1	100,0	99,4	121,5
Июль	146,1	110,6	100,9	100,0	96,9	124,0
Август	151,0	100,7	101,7	100,0	96,7	126,5
Сентябрь	162,1	113,4	100,6	100,0	96,1	132,3
Октябрь	163,1	118,0	102,1	100,0	101,1	132,9
Ноябрь	152,2	119,2	96,5	100,0	102,5	126,9
Декабрь	145,6	122,7	95,5	100,0	97,2	123,5
Средняя	141,9	108,9	103,3	100,0	97,5	122,0
1927						
Январь	146,8	122,2	102,9	100,0	101,1	124,6
Февраль	141,7	121,1	98,3	100,0	99,7	121,7
Март	148,5	125,6	100,1	100,0	97,8	125,3
Апрель	139,1	125,3	96,5	100,0	95,6	120,3
Май	139,1	128,7	94,5	100,0	99,2	120,1
Июнь	144,1	126,6	98,3	100,0	99,2	122,9

Как показывают данные этой таблицы, розничные цены в Шанхае, входящие в состав бюджетного набора, обнаруживают гораздо большую склонность к повышению, чем оптовые цены. И в этом повышательном движении опять-таки больше всего оказываются повинны предметы продовольствия, идущие по всем индексам во главе списка дорожающих товаров. Все это свидетельствует о крайне неблагополучном состоянии китайского сельского хозяйства, одолеваемого разрушительными влияниями гражданской войны и генеральской политикой грабежа китайской деревни.

[1]) The Monthly Report of Price and Prices Indexes in Shanghai, June, 1927. Vol. III, № VI, стр 4.

Колебания цен, которые могут быть уловлены на основании кантонских статистических данных, дают в общем, ту же картину, что и шанхайские индексы. Ниже мы воспроизводим тотальные индексы:

1912 г.	98,0	Январь 1925 г.	163,3	Январь 1926 г.	170,3
1913 г.	100,0	Февраль „ „	163,4	Февраль „ „	174,2
1914 г.	103,6	Март „ „	164,1	Март „ „	173,1
1915 г.	111,7	Апрель „ „	166,5	Апрель „ „	173,5
1916 г.	118,6	Май „ „	170,6	Май „ „	172,7
1917 г.	123,1	Июнь „ „	175,4	Июнь „ „	169,7
1918 г.	129,4	Июль „ „	179,3	Июль „ „	168,6
1919 г.	132,6	Август „ „	180,3	Август „ „	167,7
1920 г.	132,5	Сентябрь „ „	181,2	Сентябрь „ „	170,9
1921 г.	144,1	Октябрь „ „	179,5	Октябрь „ „	171,0
1922 г.	147,6	Ноябрь „ „	172,5	Ноябрь „ „	175,3
1923 г.	153,1	Декабрь „ „	168,3	Декабрь „ „	173,6
1924 г.	161,6				

Здесь рост является особенно быстрым после 1920 г., достигая своего апогея в середине 1925, когда индекс превосходит 180. Темп нарастания уровня цен в Кантоне слегка превосходит повышение цен в Шанхае, но расхождение между обоими индексами постепенно сглаживается в последние месяцы. При сравнении этих двух рядов цифр мы не должны забывать, что шанхайский доллар является разменным на серебро и поэтому более устойчив, чем кантонский доллар, испытавший много перемен на протяжении последних лет и разменяваемый в настоящее время только на обесцененную билонную монету.

Наконец, пекинские индексы стоимости жизни, как сказано, были выведены для периода 1900—1924 г.г.:

1900	81	1913	100
1901	68	1914	93
1902	76	1915	88
1903	84	1916	96
1904	78	1917	102
1905	75	1918	97
1906	83	1919	98
1907	87	1920	114
1908	89	1921	117
1909	89	1922	113
1910	90	1923	118
1911	100	1924	126
1912	102		

Если мы опустим индекс 1900 г., с которого таблица начинается, и который выделяется среди других лет начала столетия своим высоким уровнем, и начнем с 1901 г., то цены почти удваиваются на протяжении этих 24-х лет. Наиболее интенсивный рост, несомненно, начинается с 1920 г.

Укажем еще, что упомянутый уже проф. Хо сообщает о произведенной китайским автором Таном попытке подсчитать индекс цен для Китая с 1867

по 1922 г. К сожалению, мы не можем проверить точности данных, положенных в основу этого исследования, а также правильности приемов исчисления, которых придерживался автор. Тем не менее, нельзя не поддаться искушению использовать эти индексы, вместе с проф. Хо, для сопоставления их с движением цен в других странах Азиатского Востока и в руководящих державах капиталистического мира. Мы лишь восполняем таблицу проф. Хо данными, относящимися к Индии, исчисленными нами на основе цифр, приведенных в работе проф. Амбедкара: «Проблема рупии» [1]).

Годы	Китай	Индия	Япония	Франция	Германия	Соединенные Штаты	Великобритания
1867	76	—	—	113	105	159	118
8	78	—	—	114	103	153	116
9	79	—	—	112	98	146	115
1870	78	—	—	115	92	125	113
1	76	—	—	119	99	121	118
2	78	—	—	125	110	126	128
3	74	65	47	125	119	121	131
4	63	66	47	114	113	117	120
5	56	63	47	112	104	113	113
6	59	64	46	112	101	102	112
7	57	63	47	113	103	101	111
8	64	64	51	104	93	86	102
9	59	65	65	101	83	83	98
1880	60	64	72	104	94	96	104
1	60	64	78	101	90	99	100
2	60	65	71	99	86	105	99
3	57	67	58	87	85	93	96
4	58	66	52	87	78	85	89
5	58	69	52	86	74	79	85
6	61	68	48	82	69	76	81
7	64	75	49	80	70	78	80
8	65	73	50	83	76	83	82
9	66	73	52	86	84	81	85
1890	69	74	56	86	89	81	85
1	65	69	55	85	95	80	85
2	61	66	56	82	84	75	80
3	66	63	58	81	77	77	80
4	69	56	59	75	72	69	74
5	66	59	65	74	71	70	73
6	67	65	60	71	71	67	72
7	73	80	78	72	77	67	73
8	78	72	71	74	82	70	75
9	86	71	78	80	82	75	80
1900	81	83	74	86	87	81	88
1	75	80	72	82	82	79	82
2	90	76	72	81	81	84	81

[1]) B. M. Ambedkar. „The Problem of the Rupee its Origin and its Solution", London, 1923, стр. 110, 199 и 200;

Годы	Китай	Индия	Япония	Франция	Германия	Соединенные Штаты	Великобритания
3	96	73	75	83	80	86	81
4	91	72	80	81	83	86	82
5	103	79	86	85	86	86	85
6	93	88	84	90	88	89	91
7	96	90	90	94	98	94	94
8	102	96	90	87	93	90	86
9	103	90	87	87	93	97	87
1910	95	89	89	93	91	101	92
1	99	91	93	98	97	93	94
2	98	96	99	102	108	99	100
3	100	100	100	100	100	100	100
4	104	103	95	102	103	98	100
5	112	112	97	140	122	101	127
6	119	125	117	189	116	127	160
7	123	142	147	261	115	177	206
8	129	178	193	339	154	194	226
9	133	200	236	356	97	206	242
1920	133	209	259	509	106	226	295
1	144	183	200	345	83	147	182
2	147	—	196	327	82	149	154
3	153	—	199	419	95	154	152
4	162	—	206	489	123	150	165
5	167	—	202	551	132	159	160
6	172	—	—	—	—	—	—

Приведенная таблица дает возможность уловить ряд весьма интересных закономерностей. Прежде всего, она обнаруживает, что, хотя колебания цен на Азиатском Востоке *имеют свои особенности, все же азиатская конъюнктура* показывает некоторую чувствительность к общему положению мирового рынка. Правда, эта чувствительность проявляется ярче в периоды повышательной международной конъюнктуры, тогда как на понижательные процессы Азия реагирует гораздо слабее. Это стоит в связи с указанной уже выше отсталостью народного хозяйства азиатских государств, где еще не закончился процесс векового под'ема цен, изжитый Европой еще в XIX в. Особенно интересны в этом отношении данные военного и послевоенного периода. На протяжении этих периодов азиатские страны оказываются вовлеченными в процесс мирового обострения дороговизны. В последующий же период дефляции и падающих цен азиатские государства разделяются на две группы Китай и Япония проявляют очень мало симпатии к понижательной тенденции мировых индексов, упорно сохраняя повышенные уровни военных лет, тогда как Индия в общем следует за движением передовых капиталистических стран.

Исследуя изолированно китайский индекс, мы видим, что на протяжении 60-ти лет он увеличивается больше чем вдвое: с 76 до 172. При этом,

первые восемь лет китайские цены обнаруживают депрессивную тенденцию, так, что самая низкая точка достигается в 1875 году. С этого времени индекс возрастает более чем в три раза. При этом за истекшие 50 лет, в сущности говоря, нельзя отметить ни одного периода сколько-нибудь заметного понижательного движения. С середины 70-х до середины 90-х годов цены колеблются довольно беспорядочно, с легкой тенденцией к росту. Еще в 1895 г. они стоят на высоте 66. С этих пор начинается период бурного повышения, охватывающий 10 лет, в течение которого индекс вскакивает с 66 до 103. Затем, с 1905 г., примерно, до 1912—1913 г., снова идет ряд беспорядочных движений вверх и вниз. С 1912 г. мы имеем снова резко повышательный период, дающий рост цен без малого вдвое.

Япония в этом не только не отстает от Китая, но даже идет впереди его. Здесь за 50 с небольшим лет цены увеличиваются в 4½ раза. Однако, в отличие от Китая, в Японии мы имеем в 80-х годах период значительного снижения уровня цен. Этот период начинается в 1882 г., когда индекс составлял 71, и достигает самой низкой точки в 1887 г. при индексе — 49. Затем следует период относительной стабилизации, и только с 1892—93 г. г. начинается решительное повышательное движение. Сказанным еще раз подтверждается опасность для Китая территориальной и экономической близости к Японии. Стремительный рост японских цен увлекает за собою китайское народное хозяйство.

В Индии, в течение периода с 1873, примерно, по 1896 г., мы имеем только незначительные и нерегулярные колебания. С конца 90-х годов намечается повышательное движение, особенно обостряющееся после 1905 г. Однако, решительное обострение дороговизны замечается лишь в предвоенные годы. Затем Индия, как уже сказано, отчетливо отражает мировую конъюнктуру последних лет, давая вершину под'ема в 1920 г. цифрою 209 и показывая затем планомерный спуск с 1921 г... Однако, и индийские цены выросли за 50 лет почти в три раза.

Совсем другой характер носит движение цен в капиталистических странах Европы и Америки. Здесь повышательные и понижательные волны чередуются друг с другом и, если бы не мировая война, вообще нельзя было бы констатировать никакого взлета цен. При сравнении уровня конца 60-х годов с предвоенной конъюнктурой можно уловить даже некоторое снижение уровня: так во Франции индекс понизился со 113 в 1867 г., в Германии со 105, в Соединенных Штатах — со 159 и в Великобритании со 118 до 100 в 1913 г. Если даже при сравнении исходить от теперешнего вздутого индекса цен, и тогда под'ем против конца 60-х годов оказывается (если исключить Францию с ее резко обесценившимся франком), незначительным. Таким образом, не подлежит сомнению, что в странах Азиатского Востока

до сих пор продолжается сдвиг цен, который ставит эти государства во все менее и менее благоприятное положение по отношению к мировому рынку. Если это расхождение будет продолжаться и впредь, это грозит нанести тяжелый удар внешней торговле Азиатского Востока. Уже сейчас, как мы знаем, Китай и Япония имеют резко отрицательный торговый баланс, и только Индия имеет вывоз, значительно превосходящий ввоз. Как неблагоприятно отражается процесс повышения цен на внешней торговле Китая и Японии видно из данных таможенной статистики этих стран, сведенных нами в приложениях №№ 10 и 11. Для измерения степени пассивности торгового баланса мы избрали коэффициент, представляющий данные об импорте в процентах к экспорту. Таким образом, при повышении этого коэффициента сверх 100, страна имеет избыток импорта, наоборот, при цифрах ниже 100, экспорт превышает импорт. Еще в 60-х и 70-х годах прошлого века Китай дает колеблющиеся цифры, не позволяющие утверждать, что страна имеет регулярно пассивное сальдо по торговому балансу. В середине 70-х годов начинается сдвиг в цене серебра, улучшающий еще более положение внешней торговли. В 1874 году наш коэффициент показывает 96, в 1875 — 98 и в 1876 — 87. С этого времени начинается неуклонное повышение коэффициента, свидетельствующее о неблагоприятном переломе во внешней торговле Китая. Не помогло побороть эту тенденцию даже сокрушительное падение цены белого металла, растянувшееся с 1872 по 1898 г. лишь с небольшой передышкой в 1889—1890 г.г.. Уже в этот период начинают преобладать неугодные показатели, колеблющиеся в пределах от 120 до 155. Когда в конце века цена серебра стабилизируется, это служит для внешней торговли Китая сигналом еще большего увеличения импорта сравнительно с экспортом. В 1905 г. эта волна нарастания импорта достигает своего высшего под'ема, а коэффициент показывает 196. При этом следует принять во внимание, что с 1903 г. таможенное ведомство произвело реформу таможенной статистики, при которой цифра импорта снизилась, примерно, на 7%, а цифра экспорта повысилась на 8%. Таким образом, некорректированные цифры внешней торговли дали бы еще более разительное преобладание ввозу в этот период 1900-х годов по сравнению с предшествующим периодом. Нужно думать, что только что обрисованное ухудшение торгового баланса в значительной мере находилось в зависимости от начавшегося в 90-х годах прошлого столетия усиленного инвестирования иностранных капиталов в китайское народное хозяйство. С этого времени приток средств из-за границы, в форме ли иностранных инвестирований, или в виде эмигрантских переводов, начинает играть определяющую роль в платежном балансе и отражается на внешней торговле решительным повышением пассивного сальдо по балансу. Как показывает целый ряд новейших иссле-

нований, аналогичные явления всегда имеют место в странах, в которых происходит усиленный приток иностранных капиталов[1]). В годы мировой войны китайский торговый баланс несколько выправился, однако далеко не в такой степени, как у других нейтральных стран. Сальдо все еще оставалось пассивным, а коэффициент соотношения импорта к экспорту колебался между 103 и 119. С окончанием войны даже это относительное благополучие окончилось, и в последние годы коэффициент не падал ниже 122, а в 1921 г. составлял даже 151.

Аналогичную эволюцию проделывает внешняя торговля Японии. Здесь с конца 60-х годов прошлого столетия, начинается довольно продолжительный период неумеренных колебаний баланса, то падающего в такой степени, что наш коэффициент показывает 61, то повышающегося настолько, что коэффициент подымается до 217. Эти колебания, однако, до 1895 г. не дают оснований утверждать, что японская внешняя торговля характеризуется пассивным направлением. Однако, с конца прошлого века положение все ухудшается, так что, если исключить 1906 и 1909 г.г., то с 1896 по 1915 г. сальдо внешней торговли Японии все время остается пассивным. Коэффициент в отдельные годы доходит до 168. Эта тенденция прерывается в военные годы, когда в 1915 г. он составляет 75, в 1926 г. — 67, в 1917 г. — 65 и в 1918 г. — 85. По окончании войны снова прочно утверждается пассивное сальдо, изменяющееся в пределах от 112 до 137.

Весь приведенный выше материал показывает, что ухудшение позиции китайских товаров в мировом хозяйстве является результатом комбинированного действия всех трех факторов, с которыми мы связываем повышение азиатских цен: усиленного разбухания денежного обращения, используемого для казначейских надобностей, притока иностранных капиталов и падения цены серебра. Повидимому, из всех этих моментов, приводящих к обострению дороговизны в Китае, наименее влиятельным и наименее повелительно действующим оказывается курс серебра. И, поскольку на протяжении последних десятилетий общая тенденция тянет цену серебра книзу, следует особенно иметь в виду, в какой значительной мере в периоды, когда серебро упало, а цены еще не успели приспособиться к новому положению, китайское народное хозяйство несет тяжелые потери, реализуя за свои товары прежнее количество серебра, подвергшееся, однако, обесцениванию. Очень тяжело давит на цены обильный приток фондов из-за границы (в виде иностранных инвестирований и эмигрантских переводов). Влияние этого притока начинает определенно сказываться лишь с конца прошлого столетия, но с тех пор давление этого фактора становится перманентным. Однако, над

[1]) J. W. Angell. The Theory of International Prices. Cambridge, 1926, стр. 504—528.

обоими этими факторами (приток капиталов и обесценение серебра), определению доминирует общий процесс векового повышения цен в отсталых странах, не закончивших еще своего перехода на рельсы денежного хозяйства. Его значение проявляется с полной силой особенно в последние годы. Китайские цены очень чутко реагируют на денежную инфляцию. Таким образом, из трех перечисленных факторов один — обесценение серебра — имеет тенденцию вызывать отставание китайских цен от мировых и форсировать экспорт; но влияние двух остальных факторов, оказывающих повышательное давление на уровень китайских цен при данных мировых ценах перевешивает, и в результате Китай искусственно изолируется от мирового рынка: цены чрезмерно растут, экспорт становится затруднительным, активная энергия нации не может получить применения и иссякает.

ГЛАВА XI.

ФИНАНСЫ ГОМИНЬДАНОВСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Гоминдановским национальным правительством Кантонского периода была сделана попытка организовать на новых началах централизованную финансовую систему, независимую от милитаристических влияний. Эта система являлась логическим выводом из основных положений политической доктрины национально-революционного движения, поскольку она должна была провести на практике, в области финансов, принцип подчинения военной власти гражданской. Основные принципы соответствующей финансовой программы были очень ясно формулированы в специальной резолюции, принятой на II с'езде Гоминьдана [1]). Согласно этой резолюции, задача Гоминдана в финансовой области заключается в том, чтобы «обеспечить об'единение финансов, построить национальный и местный бюджеты так, чтобы расходы покрывались доходами, усовершенствовать национальную систему налогового обложения, создать здоровое денежное обращение и систему серебряного обращения, реформировать банковское дело и использовать кредит, как источник доходов для национального правительства». Из этой формулировки видно, что одним из главных положений финансовой программы Гоминьдана было равновесие расходов с доходами. Это был новый принцип в финансовой практике гражданской войны, так как стремления генералов сводились к максимальной эксплоатации всех источников дохода, почему они неизменно и прибегали к широкой эмиссии для покрытия дефицитов в своем бюджете, не считаясь с резким, а подчас и катастрофическим, обесценением денежной единицы. В противоположность этому, финансовая программа Гоминьдана декларировала в отношении расходного бюджета правительства, что «все органы должны иметь определенное число служащих, устанавливаемое национальным правительством; даже число военнослужащих должно быть твердо фиксировано. Все органы не имеют права увеличивать число чиновников без разрешения правительства. Размеры заработной платы для служащих всех рангов в правительственных учреждениях также должны быть зафиксированы и никто не может получать

[1]) см. приложение № 1.

больше, чем установлено для него в качестве регулярного вознаграждения».

Этими директивами национальное правительство и пыталось руководствоваться в своей практике. Однако, по мере того, как разворачивалась борьба с северными милитаристами, осуществление финансовой программы 2-го с'езда становилось все более затруднительным. Чем дальше откатывалось военное ядро северной экспедиции от Кантона, чем слабее становилась финансовая зависимость главной военной квартиры от национального министерства финансов, тем более усиливалось для военных властей искушение вступить на старый путь милитаристической эксплоатации населения. Эта тенденция стала проявляться у Цзян Кай-ши, когда он обосновался в Чанша и еще больше в период его пребывания в Нанчане. Однако, как раз Цзян Кай-ши представляет одно из своеобразных отступлений от общего для Китая типа генерала-предпринимателя. По характеристике многих знавших его людей, Цзян Кай-ши не в такой мере является приобретателем, склонным вытягивать деньги из всех возможных источников для своего личного обогащения, сколько мотом, не знающим им цены. Расходы главной квартиры Цзян Кай-ши всегда производились нерасчетливо и безалаберно. Несколько иной тип генерала представляет Тан Шэн-чжи, сделавшийся вождем национально-революционных армий в Уханьский период, т.-е. после откола Цзян Кай-ши. Этот генерал при крайнем радикализме политической фразеологии, никогда не переставал думать о своих личных интересах и так прямолинейно проводил соответствующую линию, что умудрился восстановить против себя все правительство и весь генералитет Ухани в критический период летом 1927 года.

Несомненно, что измена финансовым принципам 2-го с'езда Гоминьдана была обусловлена и об'ективным ходом событий. Численность победоносной армии национального правительства росла из месяца в месяц неудержимым темпом. Военные расходы разбухали почти стихийно. Необходимость вести вооруженную борьбу с рядом противников, выраставших один за спиной другого, привела национальное правительство к состоянию постоянной войны. Финансовое напряжение нарастало «без передышки». Масштаб финансовых операций непрерывно расширялся. И, так как обыкновенных источников доходов не хватало для удовлетворения военных потребностей, эмиссия стала занимать в бюджетах национально-революционных армий все более и более почетное место.

Тяжелое бремя военных расходов Северной Экспедиции первоначально пало почти целиком на плечи Гуандунской провинции. Гуандун был подготовлен к этой задаче только что упомянутой финансовой реформой. Реформа эта, правда, почти не затронула архаической налоговой системы Гуандунской провинции, построенной, как и в большинстве китайских провинций, на

обложении предметов широкого потребления, с одной стороны, и на обложении «порока» — с другой. Коренному изменению подверглась лишь система взимания налогов. Были приняты все меры к тому, чтобы централизовать все налоговые поступления в руках финансовых органов, связать их строгой отчетностью и искоренить лихоимство и взяточничество. Результаты этой финансовой политики оказались блестящими. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить цифры годовых поступлений Гуандунского казначейства за ряд лет. С 1912 по 1924 год доход не превосходил 32 миллионов долларов. В 1923 году он даже составил 13.967.000, а в 1924 году — 9.311.000. По предварительным данным, в 1926 году сумма доходов, собранных национальным и провинциальным министерствами финансов Гуандунской провинции, достигла колоссальной цифры в 100 миллионов кантонских (неполноценных) долларов. Нужно, правда, сделать оговорку, что около 30% этих 100 миллионов составляют займы, под которыми разумеются позаимствования в Центральном Банке, выпуски краткосрочных казначейских обязательств и долгосрочные лотерейные займы полупринудительного характера. Но, если даже исключить кредитные операции, все же остается довольно почтенная на китайский масштаб цифра доходов в 7—8 миллионов кантонских долларов в месяц.

Немалое значение в деле успешного финансирования военных действий имело наличие в руках министерства финансов хорошо организованного Центрального Банка. В Гуандунской провинции нет той остроты конкуренции между различными видами денежных знаков, какая характеризует обращение большинства китайских провинций. Национальному правительству удалось настоять на сохранении за Центральным Банком почти монопольной позиции. Единственной соперницей выпускаемых им денежных знаков была банкнота Гонконг-Шанхайского Банка, борьба с которою была значительно облегчена анти-британским бойкотом. Рынок был до чрезвычайности насыщен мелким серебром, которое вновь выпущенная банкнота Центрального Банка и стала успешно вытеснять. В начале своей эмиссионной деятельности Банку пришлось пережить несколько «набегов» со стороны вкладчиков. Но Банк, хотя и не без некоторого напряжения, в общем довольно успешно выдержал этот напор. В первой половине 1927 года банкнота Центрального Банка приобрела даже такую популярность, что отчасти сделалась средством сохранения сбережений. Банкноту стали предпочитать серебру: при обмене серебра на банкноты временами выплачивалась премия, доходившая до нескольких процентов.

Таковы были благоприятные условия, способствовавшие превращению Гуандунской провинции в главнейший опорный пункт финансирования Северной Экспедиции. Насколько велики были жертвы, которые пришлось

принести Гуандуню в борьбе с северным милитаризмом, видно из следующего: до похода нормальный размер военных расходов по Гуандунскому бюджету держался на уровне 3—4 миллионов, в то время, как в конце 1926 и в начале 1927 года он составлял 7—9 миллионов, а в июле 1926 года даже 11½ миллионов кантонских долларов. Ежемесячное увеличение выражается, таким образом, в 4—5 миллионов. Резкий же скачок вверх перед началом похода об'ясняется усиленным снабжением деньгами воинских частей, дабы избавить их от необходимости ожидать подкреплений из Гуандуна с первых же дней или недель похода.

Нужно заметить, что доля Гуандунской провинции в несении расходов по Северной Экспедиции искусственно преуменьшалась в связи с тем, что непосредственно в Кантоне выполнялись и оплачивались многочисленные заказы для действующих армий. Кроме того, в тылу оставались кое-какие военные организации, которые непосредственно получали денежное и материальное довольствие для посылки на фронт. Между тем, в расходы по экспедиции включались только те суммы, которые были получены и израсходованы ставкой главнокомандующего. В нашем распоряжении нет данных, с помощью которых мы могли бы выразить это натуральное снабжение в денежном эквиваленте, но сопоставление цифры увеличения военных расходов в Гуандуне за время экспедиции с денежными переводами из Кантона в главную квартиру, позволяет заключить, что эти добавочные отправки денег и предметов боевого снаряжения обходились, по крайней мере в первые месяцы похода, не меньше, чем в 2—2½ миллиона.

За время с 26 июля по 30-е ноября 1926 года, по данным отчета, составленного главной квартирой Цзян Кай-ши, всего заприходовано 20.140.924 кантонских (неполноценных) долларов, а из них потрачено 17.955.451 долларов (см. приложение № 3). Эта цифра кажется довольно скромной. Переведем ее в полноценные доллары, которыми оперирует весь Китай. Несмотря на довольно значительные колебания курса кантонского доллара, можно его принять кругло в 80 центов «большого доллара». Тогда 18 миллионов превратятся в 14½. С другой стороны, в приведенный итог не включены 700.000 полноценных долларов, которые ежемесячно получала из провинциальных финансовых источников Хунани 8-я армия. Прибавление этой статьи, вместе с кантонскими заказами, доведет цифру расходов Северной Экспедиции за первые четыре месяца, примерно, до 24—26 миллионов «больших долларов», что составляет около 6—6½ миллионов в месяц. В связи со стихийным ростом армии, цифра военных расходов в декабре и январе, несмотря на относительное затишье, господствовавшее на фронтах, значительно увеличилась против только-что указанного размера. Она достигла 7—8 миллионов по бюджету главной квартиры, а с присоедине-

нием уже известных нам добавочных статей, да еще «сепаратных» вырываний денежных сумм у кантонского министерства финансов (например, фуцзянскими войсками), выразилась, вероятно, не меньше, чем в 10 миллионов. Таким образом, с начала Экспедиции по конец января было израсходовано миллионов 45—48. Конец января является в известном смысле рубежом в финансовой истории национального правительства, так как с 20 января начало функционировать Ханькоуское отделение Центрального Банка, сделавшееся финансовой базой правительства во второй период продвижения национальных войск на север.

Финансовый отчет ставки главнокомандующего дает весьма ценный материал для освещения вопроса о территориальном распределении финансовых жертв, вызванных Северным походом. Переведенные Кантоном суммы составлялись из следующих статей: серебряных долларов—на 2.962.374, неполноценной монеты—на 1.279.832 дол., банкнот в мелких долларах — 905.000 дол. и так наз. «банкнот трех провинций» — 3.123.396 долларов. В переводе на кантонские доллары это составляет около 9½—10 миллионов или около половины всех расходов по отчету. Далее, около четверти всех расходов по Экспедиции, покрыли банкноты, выпущенные в Чанша главнокомандующим. Их всего было эмитировано там на 3.700.000 «больших долларов». Последняя четверть составилась из различных поступлений, источником которых явились, главным образом, хубэйские провинциальные финансы. Но, как было сказано, Кантон дал для Экспедиции не только деньги, но и снаряжение всякого рода. Кроме того, Хунань финансировала особо войска генерала Тан Шэн-чжи на сумму около 3 миллионов. Таким образом, выражая приведенные цифры в грубой формуле, можно сказать, что до декабря Гуандунь давал несколько больше, чем Хунань и Хубэй, вместе взятые.

Крайне интересно распределение денежных поступлений главной квартиры по месяцам. Соответствующие цифры дают яркую картину постепенной эмансипации Цзян Кай-ши от Кантона. В августе поступления идут почти полностью из Кантона: сверх полученных оттуда 3.744.801 доллара заприходовано было только 135.000 в качестве займа от Хунаньского *Военного Бюро. В сентябре Кантон тоже явно преобладает: он выслал* в главную ставку 1.638.500 долларов, тогда как Хубэйский Финансовый Совет финансировал Цзян Кай-ши всего в сумме 307.800, от банков было получено под залог банкнот в крупных купюрах 305.100 и переведено разными органами 4.040 доларов. В октябре ставка получает из Кантона внушительную сумму в 3.676.882 доллара. Но масштаб этой суммы затмевается поступлением от Хубэйского Финансового Совета—5.003.800 долларов; перевод от различных органов в этом месяце прибавляет к указанным двум основ-

ным статьям 9.045 долларов. В ноябре поступления становятся весьма многообразными, и Кантон теряется в общей их массе. Он дает всего 623.250 долларов. Хубэйский Финансовый Совет собирает для Цзян Кай-ши 3.701.965, Цзянсийская главная квартира получает через политический совет этой провинции 487.040, отделение Китайского Банка в Цзюцзяне предоставляет 270.000, и около 400.000 составляют разные другие поступления. Таким образом, Цзян Кай-ши подчиняет себе в финансовом отношении большой район, и доходы в его главную квартиру начинают притекать из разных мест.

Дают ли, однако, приведенные цифры картину действительных жертв, принесенных населением отдельных провинций? Мы видели, например, что Кантон посылал на фронт: а) серебро, б) банкноты и в) снаряжение. Никто не усумнится в «реальности» ценности, воплощенной в первой и третьей из указанных статей. Но можно ли считать посылку банкнот действительной жертвой? Легко доказать, что при решении этого вопроса основное значение имеет возможность использования этих банкнот для каких-либо платежей в пределах Гуандунской провинции. Если бы эти банкноты имели силу законного платежного средства не только на территории трех провинций, для которых они были выпущены, но могли бы вернуться в Гуандун и даже быть размещены в Центральном Банке на серебро, наравне с кантонскими банкнотами, тогда еще можно было бы утверждать, что Гуандун что-то терял, отправляя эти банкноты на фронт. В действительности же, эти банкноты не подлежали размену в кассах Кантонского Центрального Банка и не могли быть использованы в Гуандуне для платежей.

С другой стороны, в додекабрьский период похода очень значительная часть расходов Экспедиции покрывалась платежами в серебре. По финансовому отчету, на который делались уже неоднократные ссылки выше, примерно, около 8½ миллионов главная квартира получила серебром. Это составляет около 40% всех поступлений. В истории военных финансов последних десятилетий найдется не много случаев такого широкого расточения металла для удовлетворения военных потребностей. В следующий период национально-революционного движения, правительство все более и более предпочитало обходиться «бумагой», вместо металла. Правда, нередко отдельные генералы настаивали на необходимости отправки на фронт серебра, под тем предлогом, что местное население отказывается продавать продукты за не пользующиеся доверием бумажно-денежные знаки (так было, например, во время похода в Хэнань). Но ссылка на враждебные бумажным деньгам настроения народных масс часто бывали лишь предлогом, чтобы скрыть желание самих генералов получить побольше белого металла. Серебро редко доходило до солдата, и в большинстве случаев таинственно

исчезало в недрах главной квартиры, где и служило материалом для всякого рода сомнительных махинаций. Многим, побывавшим в главном штабе Цзян Кай-ши в Нанчане, приходилось видеть целые груды ящиков с серебром, наваленных в беспорядке во дворе штаба.

Как уже сказано, в первый период Северной Экспедиции эмиссия бумажных денег была одним из сравнительно скромных источников ее финансирования. Если не считать довольно больших выпусков банкнот в самом Кантоне (выпусков, которые, однако, не оказывали инфляционного действия на денежный рынок по указанным выше причинам), общая масса бумажных денег, использованная в этот период Северной Экспедицией, едва ли превысит 10 миллионов. Вне пределов Гуандуна были выпущены в эти месяцы бумажные деньги трех видов. Скажем сначала о деньгах, выпущенных главной квартирой. Они были эмитированы секретно от министерства финансов и на них значилось имя Центрального Банка без всякого на то основания. Вместе с тем, на лицевой стороне их был оттиснут большой красный штемпель главного командования. Технически они были сделаны весьма неудовлетворительно. Нужно сказать, что вообще бумажные деньги, печатаемые в самом Китае, изготовляются обычно наспех и технически весьма несовершенны. Хорошие денежные знаки не могут быть изготовлены в срок, меньший 4—6 месяцев. Бумажки вроде тех, которые были выпущены главным командованием, очень легко подделываются, при чем эта подделка часто бывает настолько удачна, что невозможно отличить фальшивую бумажку от настоящей. Большими мастерами по части изготовления фальшивых бумажных денег считаются японцы, и, поскольку японские концессии недоступны для китайских властей, типографии фальшивых бумажных денег могут заниматься там своей работой совершенно беспрепятственно. Банкноты, выпускаемые кредитными учреждениями современного типа, печатаются в Соединенных Штатах. «Американская банкнотная компания» снабжает банкнотами почти все китайские банки.

Выпуск денег главного командования был возвещен манифестом следующего содержания: «С начала Северной Экспедиции и при сочувствии народа мы успешно завоевали провинции Хунань, Хубэй и Цзянси в течение немногих месяцев. Но так как война еще не кончилась и остатки мятежников пока не уничтожены, еще не настало время для успокоения. Снабжение армии идет из далекого тыла, при чем переброска денег представляет значительные трудности. Чтобы удовлетворить наиболее настоятельные потребности и в целях удобства, главная квартира выпустила четыре вида военных денежных знаков купюрами в 5 долларов, 1 доллар, 20 центов и 10 центов. Эти деньги должны приниматься наравне с серебром во все платежи налогов и сборов, а также коммерческими кругами. Когда война будет закончена,

этот вид бумажных денег будет полностью обменен главной квартирой. Если в их ценности произойдет какое-нибудь понижение из-за мошеннических комбинаций со стороны купцов или мятежников, виновники, после произведенного следствия, понесут строгое наказание; при этом никакие оправдания не будут приниматься во внимание. Поэтому всем классам населения предписывается принимать в платежи деньги, о которых сказано выше».

Деньги главной квартиры, с момента их первого выпуска в Чанша, имели богатую перипетиями историю. Хотя они печатались в Хунани, они приобрели наибольшее право гражданства в Цзянси. Согласно официальной справке, данной Цзян Кай-ши, их было напечатано в Чанше всего на 3.700.000 долларов, после чего, по настоянию министра финансов, клише служившие для их напечатания, были уничтожены, Цзян Кай-ши довольно легко примирился с этим уничтожением одного из его главнейших финансовых ресурсов. Впоследствии оказалось, что эта его терпимость об'яснялась тем, что он успел заблаговременно приготовить в Наньчане второй комплект клише для печатания этих денежных знаков, о чем министерство финансов не было осведомлено, и продолжал печатать эти знаки тайком.

Чтобы поддержать курс своих бумажных денег, Цзян Кай-ши ежедневно производил в Учане и Наньчане в ограниченных размерах размен их на серебро. Здание, в котором производился размен, бывало буквально облеплено толпой. Люди простаивали часами и ходили по чужим головам, лишь бы добиться превращения нескольких бумажных долларов в звонкий металл.

По прошествии нескольких месяцев знаки, выпущенные Цзян Кай-ши, сделались настолько ветхими, что грозили рассыпаться. В то же время и фальшивые бумажки стали проникать в оборот большими массами. Первое время курс знаков Цзян Кай-ши держался в Хунани очень устойчиво, но потом они начали сдавать. В середине января 1927 года они уже расценивались по 66—70 за 100. В Цзянси судьба больше благоприятствовала им. Население встретило эти знаки не без некоторого недоверия и в этой провинции. Однако, случайное обстоятельство помогло бумажным деньгам главной квартиры одержать здесь полную победу. Каналы денежного обращения в этой провинции прежде были в значительной мере заполнены банкнотами, выпускавшимися местным провинциальным банком, бывшим в руках сталенника Сунь Чуань-фана. Этих банкнот было в обращении почти на 8 миллионов [1]). Добавочные 5 миллионов были еще только отпечатаны и не успели попасть в оборот. После поражения Сунь Чуань-фана и бегства подчиненной ему гражданской администрации, прошло некоторое время. Держа-

[1]) 6.597.885 долл. в бумажках, валюта которых была выписана в серебре, и 3.807.474 долл. в денежных знаках, выраженных в „связках" медной монеты. Каждый условный доллар в медной монете равен 1/3 серебряного.

тели банкнот, повидимому, уверились в прочности происшедшей смены режима и забеспокоились по поводу необеспеченности своих банкнот. Произошел неизбежный в таких случаях штурм банка Цзяньси. Банк оказался пуст... Национальное правительство не обнаружило склонности отвечать за грехи Сун Чуань-фана. Стихия, в лице массового мелкого лавочника, ремесленника и кули, побушевала, побушевала вокруг банка и, поняв беспредметность бунта, примирилась с понесенной потерей. На рынке пачки банкнот стали продаваться по цене значительно ниже номинала. А в каналах денежного обращения образовалась зияющая дыра, которую денежные знаки главной квартиры и не замедлили заполнить.

Престиж этих денег в значительной мере поддерживался пребыванием главной квартиры в Наньчане. Когда же последняя покинула пределы цзянсийской провинции, а размен бумажек на серебро совсем прекратился, популярность денег главной квартиры стала быстро падать. Одновременно с этим внедрение в оборот фальшивых знаков пошло очень быстрым темпом. Необходимо было как-то разрешить цзянсийскую денежную проблему. Между тем, после окончательного утверждения войск Цзян Кай-ши в провинциях Цзянсу и Чжэцзян, его финансовые органы *возобновили* там печатание бумажных знаков прежнего образца. Опираясь на значительные серебряные фонды, которыми он обзавелся в Шанхае, Цзян Кай-ши вновь стал разменивать знаки главной квартиры на серебро. Естественно, начался исход этих знаков из Цзянси в восточном направлении. Чтобы преградить доступ этим знакам, идущим с территории уханьского правительства, финансовые органы Цзян Кай-ши произвели в *короткий срок штемпелевание* тех бумажек, которые обращались в провинциях Цзянсу и Чжэцзян. После этого к размену стали допускаться только проштемпелеванные знаки. С другой стороны, для Цзян Кай-ши и его приспешников появилась полная возможность приобретать на эти же знаки на территории Цзянси, подчинившейся национальному правительству, все что угодно (не исключая и самих генералов). Поэтому, чтобы *преградить приток этих знаков*, цзянсийское провинциальное правительство вынуждено было тоже прибегнуть к штемпелеванию. Однако, к этому моменту выяснилась полная невозможность дальнейшего использования в обращении бумажек Цзян Кай-ши, вследствие крайней их обветшалости. Тогда решено было обменять их на те 5 миллионов билетов цзянсийского провинциального банка, которые были найдены в кладовых банка *неиспользованными*. На них не было подписей должностных лиц банка. Взамен этих подписей была поставлена казначейская печать и подпись провинциального комиссара финансов. Так бесславно кончилась история денег с красным штемпелем, выпущенных Цзян Кай-ши на территории Уханьского правительства.

Второй вид бумажных денег, использованных для финансирования Северного похода, это так называемые «банкноты трех провинций». Выпуская эти деньги, Кантонский Центральный Банк использовал свои банкноты обычного типа, при чем на эти банкноты были наложены соответствующие печати, во-первых, превратившие их из «малых» долларов в «большие» и, во-вторых, ограничившие территорию их хождения провинциями Хунань, Хубей и Цзянси. На первых порах это обозначало неразменность их по той простой причине, что в указанных провинциях не было отделений Центрального Банка, в которых можно было бы их пред'явить к размену.

Относительно цифры выпуска их существуют значительные разногласия. По данным министерства финансов, всего их было эмитировано на 2½ миллиона долларов. Но из финансового отчета главной квартиры явствует, что их было выпущено на сумму до 4 миллионов. Значительный выпуск этих банкнот в обращение, при отсутствии размена, поколебал их курс. Так, в Хубее они упали, примерно, до 80%. Однако, затем начался период подготовки к открытию Ханькоуского отделения Центрального Банка. Казалось, было неизбежно, что банк признает банкноты, выпущенные от его *имени*, *чтобы не создавать рискованной* атмосферы недоверия или враждебности вокруг учреждения, которое должно было явиться финансовым центром правительства и главнейшим источником финансирования похода в новой его стадии. Вопрос стоял очень остро. Если бы банкноты трех провинций не были признаны Ханькоуским Отделением Центрального Банка, это нанесло бы непоправимый удар их курсу. Надежда на размен была бы окончательно утеряна. *С другой стороны, признание банкнот трех провинций* равноправными с банкнотами нового выпуска, которые должны были появиться с учреждением Ханькоуского Отделения, неизбежно означало полное выправление их курса, превращение их в разменные «большие» доллары. Не легко было банку взвалить на себя мертвый груз в несколько миллионов, когда перед ним стояла и без того трудная задача укрепления своего кредита в новом районе, в богатой провинции, имевшей прежде впушительное банкнотное обращение. Но соображения, требовавшие создания доверия к новому банку во что бы то ни стало, возобладали. Еще до того, как банк начал свои операции, будущий его управляющий поддерживал в купцах надежду на размен банкнот трех провинций, что привело к постепенному под'ему их курса с 80 до 96 процентов. Остальные 4% были отвоеваны этими банкнотами с началом фактического размена. Определяя их обращение в 2½ миллиона, министерство финансов полагало, что население постарается поскорее избавиться от денег, неожиданным и чудесным образом исцелившихся от недуга, так как не поверит в длительность этого исцеления. Министерство финансов ожидало пред'явления к размену банкнот трех провинций,

примерно, миллиона на два. В действительности максимальная цифра была достигнута на 7-й день работы банка, и она составила 1.200.000. В следующие дни банку удавалось выдавать в платежи большее количество этих банкнот, чем приносилось их в банк для размена. Банкноты трех провинций органически вросли в обращающуюся массу новых денежных знаков, выпущенных Ханькоуским отделением Центрального Банка. Впоследствии, после об'явления моратория, все остававшиеся в кассах Центрального Банка банкноты трех провинций постепенно снова были выброшены в обращение.

Наконец, третьим видом бумажных денег, использованных для финансирования северного похода в 1926 году, являются банкноты Центрального Банка в «малых» долларах, соответствующих кантонским. По внешнему виду эти банкноты очень мало отличаются от «банкнот трех провинций». Те же надписи, сделанные лишь синей краской, вместо красной, да наличие подписей, которых нет на «банкнотах трех провинций». От фальшивомонетчика не требуется больших способностей, чтобы превратить одну «банкноту трех провинций» в другую, а разница в их ценности была довольно значительной: она соответствует лажу, которым в китайском денежном обращении располагает «большой доллар» сравнительно с «малым». По сведениям, относящимся к январю 1927 года, малый доллар, выпущенный Центральным Банком для трех провинций, расценивался в Хунани, примерно, в 66 центов. Относительно суммы выпуска сведения очень противоречивы: по данным министерства финансов, сумма выпуска достигала в переводе на «большие доллары» — 3.200.000, в то время, как финансовый отчет главной квартиры считал ее лишь немногим меньше миллиона в «малых долларах». Трудно сказать, на чьей стороне была правда. Следует, во всяком случае, признать, что денежный рынок не ощутил особенно тяжелого давления со стороны этих банкнот.

С открытием отделения Центрального Банка в Ханькоу банкноты, выписанные в «малых» долларах, все же не были признаны подлежащими размену. «Малого» доллара, как самостоятельной денежной единицы, в центральном Китае не существует. Создавать дуализм валюты искусственным введением «малого» доллара в образе кантонской банкноты не было серьезных оснований. К тому же было на-лицо весьма важное соображение практического порядка: было признано нежелательным слишком раздувать пассивы в балансе вновь учреждаемого банка. Допустить к размену 2—3 миллиона банкнот прежних выпусков еще можно было, с трохом пополам, не нарушая равновесия банка, но 5—6 миллионов могли оказаться слишком тяжелым грузом, тянущим ко дну. Наконец, чисто китайский аргумент: не было достаточно сильных социальных интересов в Ханькоу, которые повели

бы серьезную борьбу за признание этих банкнот. Повидимому, главная масса этих банкнот циркулировала в Хунани и как-то не доходила по каналам денежного обращения до Хубея. Конечно, непризнание «малых» бумажных долларов не преминуло отразиться на их рыночной ценности, и держатели их пострадали довольно чувствительно.

Сводя воедино сказанное выше о трех видах бумажных денег, выпущенных для покрытия расходов Северной Экспедиции в первый ее период, следует признать, что населению занятых национальной армией территорий не пришлось серьезно пострадать от последствий бумажно-денежной инфляции. Какими бы источниками мы ни пользовались для определения общей суммы выпущенных в обращение трех видов новых денег, мы неизбежно придем к одному и тому же выводу, а именно, что эта сумма составляет около 10 миллионов «больших» долларов. Бумажно-денежную массу в Хубее, Хунани и Цзяпси в этот период можно грубо определить в 60—70 миллионов. Таким образом, прирост составил, примерно, процентов 15. При оживленном состоянии торговли инфляция такого порядка могла пройти совсем незаметно. Однако, при экономическом застое, который переживал бассейн Ян-Цзы из-за оторванности от рынков Северного Китая, а также вследствие массового бегства представителей имущих классов, напуганных социально-революционным движением, в народно-хозяйственном организме неизбежно должны были образоваться бумажно-денежные «отложения», мешающие здоровому обмену веществ и поднимающие уровень товарных цен.

Новые денежные знаки, как мы уже видели, отчасти пришли на смену старым. В китайском денежном обращении нередко появляются всякого рода «эфемериды», которые временно заливают каналы денежного обращения, а с переменою власти быстро теряют свою ценность, часто до нуля. Мощное потрясение всей политической жизни Китая, связанное с национально-революционным движением, вытолкнуло из денежного обращения немалое количество обращавшихся прежде знаков и, таким образом, 10 миллионов новых бумажек рассосались в денежном обращении сравнительно незаметно.

Три провинции, упомянутые нами, не только терпели материальный урон; они и приобрели кое-что, благодаря походу. Поскольку на их территории расходовалось серебро, полученное из Гуандуна, постольку население приобретало реальную ценность, на которую можно получить в торговле между провинциями любой товар. Дело свелось к тому, что трем провинциям приходилось продовольствовать, кроме своих обычных армий, еще некоторое количество пришельцев. (Материальное снабжение иного порядка: одежду, боевые припасы и т. д. они получали, главным образом, из Гуандуна). Но убыль на продовольствии была компенсирована этим провинциям в серебре. Только Кантон действительно все потери, экспортируя в другие

провинции серебро и снаряжение и не получая ничего взамен. Однако, Гуандунская провинция в истории Китая не впервые несла потери подобного рода, так как еще в дореволюционное время она, как одна из самых богатых провинций Китая, всегда поддерживала центр своими дотациями.

Переходим теперь к изображению финансового положения национального правительства, создавшегося после переезда национального правительства в Ухань. Самый переезд, длившийся около месяца, привел финансы правительства в некоторое расстройство, поскольку с этим было связано нарушение нормального хода деятельности финансового аппарата. Цзян Кай-ши в этот период окончательно почувствовал себя независимым от снабжения из общенационального фонда и стал предъявлять к министерству финансов чрезмерные требования, явно *провоцируя разрыв*. Прибыв в Ухань, министерство финансов нашло аппарат этой провинции в крайне расхлябанном состоянии. Старое провинциальное чиновничество сплошной стеной противостояло реформаторским поползновениям министра финансов Сун Цзы-вэна. Политический сумбур, начавшийся с первых же недель переезда в Ухань, настолько дезорганизовал правительственный аппарат, что о коренной перестройке провинциального комиссариата финансов и о пополнении его свежими демократическими и менее корыстными элементами нечего было и думать. «Децентрализация» финансов дошла до того, что о сборе некоторых налогов в *отдельных уездах совсем не получалось сведений*. Поэтому трудно было рассчитывать на значительное увеличение доходов. Не приходилось строить иллюзий относительно возможности повторения в Хубэе эффектных опытов Кантона по поднятию цифры провинциальных доходов. Кроме того, Цзян Кай-ши, в течение недолговременного пребывания своего в Ухани, успел снять все сливки с уханских доходных источников[1]). Вместе с тем, необходимо принять во внимание, что при полной разобщенности провинций друг от друга, центральное министерство финансов фактически могло овладеть финансовым аппаратом лишь той провинции, в которой оно было расположено,—в лучшем случае, также и финансовыми аппаратами тех ближайших провинций, с которыми место нахождения министерства соединено удобными путями сообщения. Отсюда ясно, что министерство финансов должно было овладеть прежде всего хубэйскими финансами. Оно могло бы легко наладить связь с Цзяпси; но пребывание ставки в этой провинции предопределило *переход цзянсийских финансов в непосредственное ведение военных вла-*

[1]) Даже в период своего кратковременного визита в Ухань с целью восстановить „худой мир" с Уханьским правительством (приблизительно в конце янв. 1927.) Цзян Кай-ши умудрился получить от купцов „негласный заем" в миллион долл., без ведома и согласия министра финансов Суна. *Сун был положительно приведен в смятение этой „финансовой операцией" Цзян Кай-ши*, занимавшего в то время уже явно враждебную уханьскому правительству позицию.

стей. В Хунани бесконтрольно хозяйничал Тан Шен-чжи. Фуцзянь был далеко, и министерство финансов вынуждено было ограничиться посылкой туда своего представителя. Этот представитель безуспешно пытался отвоевать у генералов хотя бы частицу финансового управления провинцией, при чем неудача его попыток вынудила его покинуть провинцию. Гуанси тоже отделен огромным расстоянием от Хубея, и этого было достаточно для того, чтобы Гуанси оставался самодовлеющей провинцией, ничего не дающей в общий котел. Гуандун самоотверженно продолжал поддерживать национальное правительство; однако, значительнейшая часть денежных сумм из этой провинции поступала непосредственно Цзян Кай-ши. Таким образом, перспективы, открывавшиеся перед министерством финансов национального правительства, были далеко не блестящи. Все упования пришлось связать с открытием Центрального Банка и с возможностью использования его эмиссии.

Как уже сказано, в этот период главная квартира стала пред'являть министерству финансов чрезвычайные требования. В первые месяцы похода цифра военных расходов не подымалась выше 6 миллионов в месяц. В конце декабря 1926 года Цзян Кай-ши прислал министру финансов проект нового ежемесячного бюджета, достигавшего 12 миллионов. Этот бюджет носил явно раздутый характер. Всем военным частям предполагалось предоставить значительное увеличение содержания. К прежним расходам самой ставки было прибавлено по 100 тысяч на обыкновенные и чрезвычайные расходы. На содержание лазаретов предполагалось тратить до 300.000 в месяц, тогда как в этот период число раненых упало до минимума, да и вообще больные в лазаретах не получали надлежащего лечения. Бюджет предусматривал расход в 450.000 долларов на какую-то фабрику одеял, тогда как за соответствующую сумму можно было единовременно снабдить всю армию одеялами (оптовая цена одеяла не выше 2 рублей, а число солдат в это время было немногим больше 200.000).

Министерство финансов, разумеется, не могло согласиться на столь резкий скачок вверх цифры военных расходов. По его соображениям, максимальный военный расход в месяц не должен был превышать 9 миллионов. В Наньчане между Цзян Кай-ши и Сунем состоялось свидание, на котором предполагалось уладить разногласия. Однако, это свидание не привело ни к чему. Мало того, Цзян Кай-ши стал настаивать на необходимости поднять военный бюджет до 16 миллионов. Нельзя было и думать покрыть эту цифру из обыкновенных источников. Сразу развить эмиссию, намечавшегося к открытию Ханькоуского отделения Центрального Банка в таком масштабе, чтобы покрывать огромный дефицит, было явно опасно. Поэтому решено было дифференцировать эмиссию: часть военных расходов, которая должна

была производиться в тылу, постановлено было оплачивать полностью банкнотами, а для финансирования войск, продвигающихся на восток к Шанхаю, министр финансов с согласия Цзян Кай-ши предполагал, помимо банкнот, выпустить особые казначейские знаки, приносящие скромный процент и подлежащие размену через полгода после их выпуска. Эти знаки должны были обращаться только на территории Цзянсу и Чжэцзяна, продвигаясь вместе с национальными армиями. Намечалось, что ежемесячный выпуск этих казначейских знаков не превысит 3—4 миллионов в месяц. Впоследствии эти знаки были отпечатаны, но использованы не согласно первоначальным намерениям, а для покрытия расходов в Хубее. Это происходило, как увидим ниже, в самый критический, для финансов Уханьского правительства, период.

Таким образом, финансовое положение национального правительства было к началу 1927 года далеко не блестящим. Широкий масштаб военных операций показывал, что национальное движение переросло те рамки, когда оно могло удовлетвориться Кантоном, как финансовым центром. Настоящей финансовой базой для дальнейшего развития революции мог быть только Шанхай, который, при умелом пользовании его ресурсами, один только должен был бы дать 15—20 миллионов долларов в месяц. Но нельзя было полагаться на журавля в небе. Пришлось использовать синицу в руках, каковою был Ухань.

Провинция Хубей, с промышленным центром Ханькоу, в прежнее время принадлежала к числу довольно богатых районов Китая. Однако, за последние годы эта провинция была основательно ограблена У Пей-фу. Хубей был переполнен бумажными деньгами в многоразличных видах. Среди них довольно значительное место занимали денежные знаки, выпущенные Хубейским провинциальным банком на сумму в 90 миллионов долларов в медных единицах, что соответствует, примерно, 30 миллионам в полноценном серебре. Эти бумажки упали до 25% своего номинала, так что общая их масса расценивалась в 7½—8 миллионов долларов. Провинциальный банк Хубея обладал обеспечивавшей выпущенные знаки значительной земельной собственностью на сумму не меньше 20 миллионов долларов. Большая часть бумажек была скуплена местными банками в расчете на то, что держателям этих знаков так или иначе достанется обеспечивающая их земля. Наряду с бумажными деньгами, выпущенными провинциальным банком, в Хубее обращалось большое количество банкнот иностранных и китайских банков. Из них особенно развил свою эмиссию Китайский Банк, у которого обращение кредитных билетов одно время доходило до 20 миллионов. Однако, история с бумажными знаками провинциального банка задела рикошетом и банкноты Китайского Банка. Значительная часть последних была пред'явлена к

размену. Обращение их, таким образом, резко сократилось, а серебряный запас банка упал до минимальных размеров. Передавали, что были моменты, когда покрытие не превышало 3—4%. С другими банками дело обстояло значительно лучше, но и они далеко не могли похвастать полным покрытием.

Министерству финансов национального правительства, утвердившего еще в Кантоне принцип предоставления монопольного права на эмиссию банкнот Центральному Банку, ничего не стоило взорвать на воздух всю систему банкнотного обращения Хубея. Стоило только потребовать от китайских банков, чтобы они приступили к немедленному из'ятию своих банкнот из обращения путем размена их на серебро. Однако, по зрелом обсуждении этого вопроса, министерство финансов решило, что оно выгадает гораздо больше от сохранения, чем от ликвидации этих банков; банкротство всей кредитной системы привело бы к такому расстройству торговли и денежного обращения, что новая эмиссия банкнот Центрального Банка на первых же порах встретила бы значительные трудности. С другой стороны, китайские банки обладали хорошим реноме, утвердившимся за ними благодаря успешной работе на вполне здоровых началах на протяжении нескольких лет, и Центральному Банку нетрудно было создать себе прочное положение, опираясь на кредит этих банков. Весь вопрос заключался только в том, в каких конкретных формах это сделать. Комбинация, которою воспользовалось министерство финансов, заключалась в следующем. Как уже сказано, рыночная стоимость обесценившихся денежных знаков провинциального банка Хубея упала до 7½—8 миллионов, тогда как обеспечивавшая их земельная собственность расценивалась минимум в 20 миллионов. Министерство финансов об'явило, что оно выпускает заем на 20 миллионов долларов. 7½ миллионов из этого займа будут употреблены на выкуп бумажных знаков провинциального банка. Таким образом, правительство сможет, ликвидировав претензии их держателей к земельному имуществу, использовать освободившуюся земельную собственность в качестве обеспечения для остальной части займа в 12½ миллионов. В распоряжении министерства финансов оставалось, следовательно, соответствующее количество облигаций займа, к распространению которых оно и не замедлило приступить. Было об'явлено, что земли, принадлежавшие прежде Провинциальному Банку Хубея, будут теперь продаваться, при чем в уплату за них будут приниматься только облигации нового займа.

Облигации займа и послужили тем бумажным материалом, который был использован министерством финансов для получения у банков соответствующих кредитов. Банкам поневоле пришлось согласиться на участие в займе. Они взяли облигаций на сумму, несколько превышающую 3 миллиона

долларов [1]), и эта сумма сделалась капиталом Ханькоуского Отделения Центрального Банка. Правда, серебряная наличность в Ханькоуских банках была невелика, и поэтому банки, естественно, платили за облигации займа не металлом, а своими банкнотами. Другими словами, они на соответствующую сумму расширили свою эмиссию. Конечно, так как все эти банкноты формально являются разменными на металл, Центральный Банк мог, казалось бы, собрать себе необходимый металлический фонд путем размена этих банкнот на серебро. Однако, такое изъятие большой массы белого металла из банков резко ухудшило бы их и без того шаткие позиции. Поэтому пришлось согласиться на то, что Центральный Банк не будет требовать размена полученных за облигации бумажных денег на серебро. Таким образом, Центральный Банк так и остался почти без серебряного запаса. К моменту его открытия, как это полагается по правилам китайской вежливости, другие банки прислали ему в знак доверия довольно большое количество серебряных слитков в качестве вкладов. Но это была чисто декоративная операция, на которую нельзя было особенно полагаться в расчетах, касавшихся длительного благополучия банка. Чтобы гарантировать банкноте Центрального Банка надлежащее положение в обороте, 17 других банков согласились разменивать по первому требованию банкноты Центрального Банка на свои собственные. Таким образом, каждый держатель банкноты Центрального Банка получал возможность разменять ее на любой из 17 видов пестрой коллекции банкнот, обращавшихся в Ханькоу. Благодаря этому фокусу, банкнота Центрального Банка сразу приобрела полное право гражданства в денежном обращении Хубейской провинции. Ее охотно стали брать во всех магазинах и учреждениях, и даже иностранцы, всегда особенно осторожно относящиеся ко всяким новым выпускам и не питавшие дружеских чувств к национальному правительству, заразились общим настроением и не отказывались от приема в платежи банкнот с изображением д-ра Сун Ят-сена.

Такова была обстановка, при которой появился в свет так называемый «стандартный» доллар Центрального Банка. Эта бумажка несколько отличалась от банкноты, которая выпускалась Центральным Банком в Кантоне. Наименование ее стандартным долларом должно было подчеркнуть, что, в отличие от кантонского доллара, она разменивается на полноценную серебряную монету и поэтому имеет соответственный, значительно более высокий курс. Банкноты этого типа были заранее изготовлены уже упомянутой «американской банкнотной кампанией» и привезены министерством финансов при его передвижении из Кантона в Ханькоу. К сожалению, однако, за-

[1]) Сверх того, торговая палата и др. организации расписали около 2 миллионов.

пас их был невелик: он составлял около 14 миллионов долларов. Ниже будет показано, что это обстоятельство привело впоследствии к обострению финансового кризиса, переживавшегося Уханьским правительством.

Деятельность отделения Центрального Банка в Ханькоу естественно распадается на 2 периода, водоразделом между которыми служит об'явление моратория в середине апреля 1927 года. Первый период нормального, здорового развития Банка был *сравнительно недолог. Эмиссия производилась* с разумной осторожностью: с конца января и по начало марта было выпущено всего 4 с небольшим миллиона долларов. Принимая во внимание, что значительная часть этих банкнот пошла на обмен «банкнот трех провинций» и что район рассеяния банкнот Центрального Банка был достаточно велик, так что сравнительно небольшая доля их обычно возвращалась для обмена на металл, можно признать, что в таких пределах эмиссия нисколько не угрожала благополучию Банка. Когда банкнота довольно твердо укрепилась в обороте, выпуски ее в обращение стали гораздо более интенсивными, и к моменту об'явления моратория в обращении находилось уже около 9 миллионов стандартных долларов. Этот ресурс, полученный министерством финансов за сравнительно короткий промежуток времени в три месяца, явился, конечно, важным подспорьем для казначейства национального правительства. К *этому следует прибавить*, что, вслед за Кантонским Центральным Банком, Ханькоуское его отделение превратилось в типичный казначейский придаток к министерству финансов. Если взять, например, баланс банка на 4-е апреля, то среди активов подавляющее значение имеют займы, предоставленные министерству финансов, в сумме 12.635.479. Наряду с этим, металлическая наличность и запас банкнот других банков составлял всего около 1.000.000 долларов, а все остальные статьи актива выражались в весьма скромных цифрах. В пассиве, помимо банкнот, выпущенных к этому моменту на 8.200.000. долларов, фигурировали вклады и текущие счета министерства финансов на сумму около 1.400.000, правительственных организаций — почти на 2.200.000 и частных лиц и учреждений на 200.000 долларов. Капитал банка составлял по балансу 3.167.925 долларов. Из этих данных легко видеть, что, благодаря помощи Центрального Банка, министерство финансов получило за три месяца свыше 11 миллионов долларов за счет выпуска банковых билетов и использования текущих счетов *других правительственных организаций. Таким образом*, «эмиссионный доход» в этот период достигал почти 4 милл. в месяц, при сохранении денежной единицей полной своей ценности.

Помощь Центрального Банка была для министерства финансов весьма существенным подспорьем, так как обыкновенные доходные поступления Хубейской провинции давали очень мало. Мы видели выше, что министерство

финансов прибыло в Ухань только в середине декабря 1926 года и поэтому могло развить свою работу лишь с января. Уже январь дал доходов по национальному бюджету 1.800.000 долларов, против всего 345.000 в декабре. Подобное же увеличение показали и провинциальные доходы: они составляли в декабре 145.000, а в январе уже 434.000. Таким образом, общий итог доходов, которыми министерство финансов располагало в январе, несколько превысил 2 миллиона. Министерство финансов поставило себе задачей довести свои доходы в последующие месяцы хотя бы до 3 миллионов, и приблизилось к разрешению этой задачи в марте—апреле. После этого, под влиянием неблагоприятной военной обстановки и экономической депрессии, доходы снова стали падать. Если мы определим среднюю цифру ежемесячных доходов округленно в 2 миллиона для периода с 20 января по середину апреля, то рядом с 6 миллионами обыкновенных доходов в трехмесячный период цифра займов из Центрального банка в 11 миллионов за тот же период окажется весьма внушительным «достижением». Следовательно, уже в этот период национальное правительство решительно переходит к финансированию своих операций за счет печатного станка. Эта тенденция, как увидим ниже, примет катастрофические размеры после об'явления моратория. В среднем министерство финансов располагало в январе—апреле 5—6 млн. в месяц, из каковой суммы львиная доля посылалась Цзян Кай-ши, вплоть до самого момента его измены национально-революционному движению.

В приложении № 2 приведены цифры поступлений по национальному и провинциальному (хубэйскому) бюджетам за период с декабря по май. При первом взгляде эти сводки создают впечатление колоссального роста. В действительности, однако, увеличение доходов в значительной своей части об'яснялось резким повышением поступлений от эмиссии и по займам. Налоги давали сравнительно мало, и поступления от них достигли своей вершины уже в апреле. Проследим здесь за динамикой основных 4 национальных доходов в этот период (в тыс. долларов):

	Дек.	Янв.	Февр.	Март	Апрель	Май
Соль	60	150	175	298	351	217
Опиум	—	1030	150	560	810	310
Гербовые сборы	24	12	63	330	132	50
Прибавка к таможен. пошлинам.	5	92	130	339	301	345
Всего по 4 названным налогам . .	89	1284	518	1527	1594	922

Эти помесячные колебания налоговых доходов в Ухани отнюдь не напоминают эффектного подъема их в Кантоне. И как раз на 4 приведенных налогах легче всего определить причины, задерживавшие улучшение финан-

сов Уханьского правительства. Мы увидим ниже, что Ухань переживал соляной голод и с трудом пополнял из Шанхая свои скудные запасы соли. Привоз опиума из Сычуани через Учан задерживался военными действиями против сычуаньских генералов, а после занятия Ичана Ян Сенем и вовсе прекратился. Гербовые сборы были для Хубея новым налогом и взимание их встречало резкое противодействие со стороны населения, вплоть до купеческих демонстраций перед министерством финансов. Прибавки к таможенным пошлинам поступали в меру оживления внешней торговли, которому препятствовала экономическая блокада Ханькоу и рискованность транспортировки товаров по р. Янцзы.

Таким образом, налоговые поступления отнюдь не могли притязать на роль главной бюджетной базы и решительно пассовали перед эмиссионными ресурсами.

Усиленные выпуски, начавшиеся в марте-апреле, не могли, конечно, не поколебать общего положения денежного рынка. В каналах денежного обращения понемногу начала ощущаться инфляция. Вместе с тем, поползли слухи о предстоящем разрыве с Цзян Кай-ши и предполагаемом походе на Нанкин. Начался усиленный размен банкнот на металл. Значительнейшая часть выплат из министерства финансов шла военным частям, из которых некоторые начали уже отправляться на фронт. Поскольку возникли опасения, что на фронте банкноты Центрального Банка могут и не иметь хождения, солдаты и офицеры массами появились в очередях у касс Центрального Банка, дожидаясь возможности размена бумажек на металл. Серебряная течь открылась не только у Центрального Банка, но и у Китайского Банка и у Банка Путей Сообщения. Серебряный фонд Центрального Банка, одно время доходивший почти до 1½—2 миллионов, стал быстро сокращаться. Он иссяк бы гораздо раньше, если бы не приток белого металла из Кантона. Министр финансов заблаговременно потребовал серебряных подкреплений от Кантонской К-ры Банка. Оказалось, однако, что выполнить эту операцию отнюдь не легко. Пришлось посылать деньги кружным путем, через Гонконг и Шанхай. Всего таких подкреплений из Кантона было получено банком на 1½ миллиона долларов. Сверх того, 500.000 серебром были высланы в «натуре» из Кантона в Ханькоу через Цзянси. При следовании этих денег через Наньчан они задержались в главной квартире Цзян Кай-ши, а потом таинственно исчезли. Делегат, посланный министерством финансов в Наньчан, уже не мог отыскать следов пропавшего металла. Впоследствии Цзян Кайши уведомил Центральный Банк, что серебро было забрано им.

При такой ненадежности получавшихся подкреплений и при общем напряженном состоянии денежного рынка, Центральный Банк счел нерациональным допускать дальнейший отлив белого металла, доходивший иногда

в один день до 100—200.000 долларов. Одновременно с этим, правления Китайского Банка и Банка Путей Сообщения настойчиво просили министерство финансов принять меры к ограждению их от дальнейшего расточения серебра. При таких условиях, национальное правительство сочло необходимым об'явить 18 апреля мораторium. Сущность этой меры заключалась в том, что свободное обращение серебра об'являлось запрещенным. Вместе с тем, банк на время освобождался от обязанности производить размен. Дальнейший выпуск банкнот каким бы то ни было Банком, кроме Центрального, был запрещен. Сила законного платежного средства была сохранена лишь за банкнотами трех банков: Центрального Банка, Китайского Банка и Банка Путей Сообщения. Банкноты, выпущенные другими банками, подлежали свободному обмену на банкноты Центрального Банка [1]).

Практическим следствием только что указанных мероприятий было присвоение министерству финансов полного контроля над серебряными запасами всех банков. Для осуществления этого контроля министерство финансов прибегло к опечатанию серебра в 23 китайских банках, в которых оказалось в этот момент серебряных долларов на сумму в 3.665.000 и серебряных таэлей на 2.240.000 долларов, т. е. всего серебра почти на 6 миллионов. Это серебро лежало запечатанным и нетронутым в банках вплоть до начала августа, когда правительству пришлось посягнуть на эти фонды, принадлежавшие частным банкам.

Результаты об'явления моратория оказались совершенно неожиданными, по крайней мере для европейского теоретика, не привыкшего к фантасмагориям китайской финансовой жизни. С этого момента китайские банки стали обращаться к Центральному Банку с требованиями обмена серебра на банкноты, и серебряный запас Центрального Банка, совсем было растаявший, начал увеличиваться со дня на день. Скажем вкратце о мотивах, которыми, повидимому, руководились китайские банки в этих своих действиях. Банки, серебро которых не было опечатано, не рисковали выплачивать своим вкладчикам и другим получателям денежных сумм серебром, когда обращение его было об'явлено запрещенным. Чтобы не нарушать законов, этим банкам *пришлось разменивать* для удовлетворения вкладчиков свое серебро на бумажные деньги в Центральном Банке. Между тем, как раз в этот момент началось усиленное востребование вкладов из банков, так как вслед за мораторием ожидалось падение курса доллара, и вкладчики предпочитали получить свою наличность на руки для приобретения товаров и других реальных ценностей. Что же касается банков, серебро которых было опечатано и ко-

[1]) „Chinese Correspondence", Weekly Organ of the Central Executive Committee of the Kuomintang. M. E. Sh. The monetary Policy of the Nationalist Government Wuhan, May 8 th. 1927.

торые поэтому не могли расплачиваться металлом, то им пришлось обратиться к Центральному Банку с требованием о предоставлении некоторого количества банкнот взаймы для того, чтобы получить возможность удовлетворить вкладчиков. В общем банк выдал около 3 миллионов долларов таким путем и, естественно, считал, что может требовать обратно свои же банкноты или же, взамен их, серебро. Часть этих займов была впоследствии погашена; но, с другой стороны, целый ряд предприятий настойчиво добивался от Центрального Банка финансовой поддержки, под тем предлогом, что, при отсутствии размена, Центральный Банк-де ничем не рискует, предоставляя широкою рукою займы. С этой инфляционной психологией министерству финансов пришлось выдержать упорную борьбу. Все же на 1 июля у банка числились выданными около 3 миллионов долларов по ссудам подобного рода, при чем два банка и одно крупное промышленное предприятие получили по ½ миллиона каждый. Кроме того, монетный двор поглотил 250.000, разные керосиновые кампании — 200.000, еще один частный банк 280.000, китайские водопроводные и электро-технические предприятия — 200.000 и т. д.

С момента об'явления моратория для министерства финансов и Центрального Банка начинается ряд тяжелых испытаний. После разрыва с Цзян Кай-ши на территории Хубея скопляется огромное количество войск, временами до 14-ти корпусов. Вместе с тем, под влиянием массового движения, архаический правительственный аппарат начинает разлагаться и поступление налогов ухудшается. Походом на Пекин, в котором участвовали лучшие воинские части Уханьского правительства, пользуются всякого рода военные авантюристы, вроде генералов Ян Сеня и Ся Доу-иня, чтобы отхватывать у национального правительства одну часть территории за другой. До всех этих злоключений министерство финансов и без того получало доходы, в сущности говоря, кроме Уханя, только еще из Ичана, Шаши и нескольких других крупных городских центров Хубея. Из этих городов Ичан, бывший центром опиумной торговли и дававший поэтому очень крупный доход казначейству, вследствие высокого обложения опиума, был захвачен Ян Сенем. В то же время генеральские аппетиты стали расти в такой же необыкновенной пропорции, в какой шло расстройство финансово-экономической жизни. Распределение сумм военного бюджета перешло к военному совету, который донимал министерство финансов непрестанными требованиями об отпуске денег. Каждый день представители его являлись в министерство финансов, и начиналась длительная торговля. Интенданты приходили с требованием на 500.000, на 1 миллион, иногда даже на 2 миллиона, но, в конце концов, удовлетворялись несравненно более скромными цифрами. Все же военные расходы, начиная, примерно, с мая, доросли до 10—12 миллионов в месяц.

Особенно больших жертв потребовала экспедиция на Чжэнчжоу. На нее было истрачено около 25 миллионов долларов, реальных же «выгод», в смысле увеличения доходов, она не дала. Таким образом, правительству в Ухани пришлось потерпеть ряд неудач. Когда Северная Экспедиция достигла Янцзы и разлилась широкой рекой в этом районе, финансовые плоды побед достались Цзян Кай-ши, захватившему Шанхай. А когда, в результате совместных усилий Фын Юй-сяна и Уханьского правительства, был занят г. Чжэнчжоу, Хэнаньское правительство было сформировано Фын Юй-сяном, к которому, следовательно, и перешел финансовый контроль над этой провинцией. В результате Уханьское правительство встало перед неизбежностью покрытия почти полной суммы своих расходов эмиссией. Соотношение между общим итогом гражданских и военных расходов и обыкновенными доходами было таково, что первые составляли около 12 миллионов [1]), а вторые не достигали и 2-х. Следовательно, на долю эмиссии приходилось свыше 80%.

Эта проблема представляла большие трудности даже с чисто технической стороны. Уже было сказано, что национальное правительство привезло с собою в Ханькоу довольно ограниченное количество ящиков с отпечатанными в Америке стандартными долларами. Новая партия в 40 миллионов долларов была заблаговременно заказана в Соед. Штатах, но доставка ее в Ухань откладывалась министром финансов, вследствие его неуверенности, что драгоценному грузу удастся благополучно миновать Шанхай. Переговоры по этому поводу с представителями «американской банкнотной кампании» очень затянулись, и, в конце концов, американцы, не дождавшись уплаты за банкноты от Уханьского правительства, продали их Цзян Кай-ши. Уханьскому правительству пришлось искать каких-нибудь новых ресурсов на стороне. Помог благоприятный случай. При отпечатании серебра в кредитных учреждениях, в подвалах Китайского Банка были найдены отпечатанные, но неиспользованные банкноты этого Банка на сумму в 11 миллионов долларов. На банкнотах не было подписей. Национальное правительство просило Китайский Банк предоставить ему эти банкноты в виде займа. На всякий случай, банкноты были перевезены в Центральный Банк. Однако, представители Китайского Банка отговаривались ссылкой на невозможность использовать банкноты, так как на них должна быть подпись одного из членов Правления, находящихся в Пекине. Подпись эта раньше наносилась на банкноты особой печаткой, которая будто бы была утеряна. Тогда министерство финансов сфотографировало подпись члена правления со старых банкнот, после чего была заказана с фотографии новая печатка. Проблема

1) О военном бюджете этого периода дает представление приложение № 4.

технически была разрешена, и Китайскому Банку не оставалось ничего другого, как согласиться на предоставление займа. Таким образом в руки министерства финансов попал новый ресурс в 11 миллионов, а если считать другие займы, полученные от кредитных учреждений за этот период с апреля по август, то до 15 миллионов.

Следующим видом бумажно-денежных знаков, использованным национальным правительством, были банкноты Центрального Банка в 50 центов. Технически они были сделаны хорошо, так как на изготовление их типографии был предоставлен достаточно большой срок. Эти банкноты стали поступать в обращение только в июле месяце. К этому времени на рынке явно обозначился разменный кризис, благодаря которому мелкие купюры встретили у населения весьма сочувственный прием. Министерству финансов пришлось лишь сожалеть о том, что типографские ресурсы не позволяли печатать этих бумажек более 25.000 долл. в день, т.-е. меньше миллиона в месяц. Они ходила с некоторым лажем, доходившим до 3—5%.

Однако, настал момент, когда все эти бумажные ресурсы были исчерпаны. Тогда пришлось обратиться к казначейским знакам, которые были в январе заготовлены Суном для Цзян-Кай-ши в связи с ожидавшимся походом на Шанхай. Их пришлось отложить в последнюю очередь, так как военные власти упорно отказывались принимать их. Тщетно министерство финансов убеждало представителей военного совета, что лучше пустить их в обращение сначала небольшими порциями, чтобы приучить к ним население, и предлагало принимать хотя бы 10% ассигнований по военному бюджету в этих знаках. Военные не хотели и слушать о казначейских билетах. Но, когда не осталось никаких других «эмиссионных возможностей», казначейские билеты, наконец, пошли в ход. Уже упоминалось выше, что эти деньги были сделаны в техническом отношении очень плохо. Поэтому, когда после исчерпания всех других ресурсов, при полной забитости каналов денежного обращения, они хлынули в оборот широким потоком, это произвело на рынок гнетущее впечатление. Несмотря на дисциплинированность китайского населения, никто не соглашался принимать эти знаки. Дело дошло до того, что даже правительственные учреждения, например, почта и телеграф, открыто об'являли в газетах, что они не принимают платежей казначейскими знаками.

Так, со ступеньки на ступеньку катилось вниз финансовое хозяйство национального правительства. Сперва были полностью использованы бумажки Центрального Банка и Китайского Банка. В кладовых Центрального Банка остались лишь крупные купюры в 50 и 100 долларов, которые вообще очень туго прививаются в китайском обороте. Были полностью использованы остававшиеся в банке «банкноты трех провинций». Затем, пошли

в оборот мелкие купюры. Когда для военных властей выяснилась неизбежность пуска в ход казначейских знаков, для них сделались приемлемыми даже крупные купюры банкнот Центрального Банка. И, наконец, в последнюю голову приступили к эмиссии казначейских билетов. С ними вовсе перестали церемониться. Эмиссия ограничивалась только производительностью типографских станков. Сразу появились в огромных количествах фальшивые билеты. Лица, пойманные с фальшивыми бумажками, обычно оказывались военными, и нити этого массового производства фальшивых казначейских билетов тянулись к Чанша—резиденции ген. Тан-Шен-чжи. *Иностранцы совсем отказывались брать казначейские билеты и окрестили* их «керенками».

Теперь необходимо остановиться на экономическом положении Ханькоуского района, *которое особенно осложняло финансовую разруху*. Бассейн срединного Янцзы пережил в эти месяцы в полном смысле слова экономическую блокаду. Под экономической блокадой, как известно, разумеется организованное противодействие снабжению той или иной страны или того или иного района товарами. В этом смысле Ханькоу экономической блокаде не подвергался. Однако, расстройство торгового аппарата, которое имело место в районе Ухани в первой половине 1927 года, протекало в таких формах, которые обычно являются следствием производимой неприятелем экономической блокады. Капиталы в денежной и товарной форме, имевшиеся в этом районе, стремились найти выход в другие районы, главным образом, в Шанхай.

В первую голову это стремление проявилось у иностранных фирм. Еще с самого прихода национальных армий в район Среднего Ян-Цзы они неуклонно старались сузить до минимума свои торговые операции. После известных событий на британской и японской концессиях в Ханькоу тенденция эта развилась до крайних пределов. Ряд иностранных промышленных и торговых предприятий закрылся. Иностранными торговыми палатами ставился даже вопрос о коллективном и организованном закрытии иностранной торговли. Иностранные предприятия стремились постепенно ликвидировать запасы товаров, которые имелись у них в Ханькоу на складах. Поступали даже сведения, что, помимо продажи этих запасов местному населению, замечается и, отчасти, осуществляется непосредственный вывоз их обратно в Шанхай. Эта торговая политика иностранных предприятий поддерживалась и разжиталась иностранными банками, которые, после проведенной профсоюзом банковских служащих стачки в иностранных кредитных учреждениях вообще заняли резко враждебную позицию по отношению к режиму национального правительства и всячески старались противодействовать его финансовой политике. Иностранные банки возобновили свои операции лишь наполовину,

обслуживая, главным образом, иностранцев. Приступив вновь к кредитованию внешней торговли, они производили эти активные операции исключительно в твердой валюте.

Со своей стороны и китайский капитал принял участие в общем исходе в Шанхай. Крупная буржуазия почти целиком разбежалась, оставив вместо себя недостаточно полномочных управляющих, имевших право производить *лишь мелкие операции. Внешняя торговля стала обслуживаться второразрядными* торговцами, обладавшими весьма небольшими средствами.

Мораторинум явился для иностранных фирм сигналом для об'явления открытого похода против финансовой политики национального правительства. Несмотря на то, что единственным законным платежным средством были об'явлены бумажные деньги, выпускаемые Центральным Банком, Китайским Банком и Банком Путей Сообщения, иностранные кредитные учреждения и магазины упорно требовали платежей в серебре, в банкнотах иностранных банков Ханькоу, или в шанхайской валюте. На иностранных магазинах сплошь и рядом можно было увидеть об'явления о неприеме банкнот Центрального Банка, который был особенно ненавистен иностранцам, как финансовый орган национального правительства. Таким образом, денежное обращение как бы раздвоилось: в китайском секторе не принимали никаких денег, кроме банкнот названных трех банков (по крайней мере, не принимали открыто), а в иностранном секторе преимущественно обращалась разные виды твердой валюты, не имевшие возможности попасть в китайское обращение. Создавалось странное положение, которое, конечно, не было бы терпимо ни в одном государстве и которое могло длительно существовать только в полуколониальном Китае, где иностранцы имеют полную возможность совершенно не считаться с законами, издаваемыми местной властью.

Аргументация, которой придерживались иностранные предприятия, а вслед за ними и китайские фирмы, в защиту бойкота банкнот национального правительства, заключалась в том, что у них в кассах скопляется большое количество неразменных бумажных денег, с явной тенденцией к обесценению, вследствие чего они несут большие потери. Чтобы парализовать эти соображения, национальное правительство решило предоставить коммерческим кругам возможность переводить частично или полностью скопляющиеся у них бумажно-денежные средства в Шанхай. Дело в том, что министерству финансов удалось добиться от некоторых шанхайских банков предоставления довольно значительных кредитов, которые оно решило использовать в организованном порядке. При министерстве финансов был создан особый валютный комитет для распоряжения переводами на Шанхай.

Валютному комитету пришлось встать лицом к лицу с довольно нелегкой задачей. Внутреннее обращение было заполнено до краев многочисленными

видами денежных знаков, выпускавшихся министерством финансов. Начинавшееся обесценение этих знаков, естественно, вызывало у держателей их стремление сбыть их с рук. Поэтому, спрос на твердую валюту вопрос неизменно. Вместо с тем, торговля приняла совершенно ненормальный односторонний характер. Иностранные предприятия и часть китайских предприятий стали избегать импортных операций. Чтобы обеспечить поступление на рынок предметов первой необходимости, которые обычно ввозились из Шанхая или из-за границы, приходилось предоставлять импортерам переводы в твердой валюте. Между тем, экспортные операции ускользали от контроля министерства финансов, а валюта, которая реализовалась при продаже экспортных товаров в Шанхае, обычно удерживалась экспортерами там же, но не употреблялась, как это было раньше, для финансирования импортных операций. В связи с этим, валютному комитету приходилось делать строгий отбор среди претендентов на шанхайские переводы. Всех получателей этих переводов можно было разбить на три основные группы. В первую очередь переводы предоставлялись правительственным учреждениям, например, арсеналу на приобретение материалов, необходимых для производства боевого снаряжения, или монетному двору для чеканки медной монеты, или железным дорогам для приобретения угли. Во вторую очередь переводами снабжались китайские и отчасти иностранные фирмы, бравшие на себя снабжение рынка предметами первой необходимости (рисом, углем, керосином). Наконец, в третью очередь удовлетворялись иностранцы в том случае, если можно было удостовериться, что они намерены продолжать свои торговые операции, а не ликвидируют дело. Поверка того, действительно ли у иностранных фирм имеется желание не прерывать своей торговли, производилась путем требования пред'явления погрузочных документов, свидетельствующих об отправке новых партий товаров в Ханькоу. Можно считать, что во второй половине апреля и за весь май—июнь иностранцам было выдано переводов, по меньшей мере, на сумму в 1¼—1½ миллиона долларов. Особенно значительны были переводы, предоставленные «Стандарт-Ойль-Компани», которая производила огромные операции с керосином в районе срединного Янцзы и накопила большие количества банкнот Центрального Банка в своих кассах [1]).

Указанным способом удалось, до известной степени, прорвать единый фронт иностранцев, недоброжелательный по отношению к бумажным деньгам национального правительства. Некоторые из иностранных фирм начали принимать банкноты упомянутых трех банков с дизажио. Другие просто несколько повысили цены на продаваемые ими товары; во всяком случае, только срав-

[1]) „The People's Tribune", Hankow, May 21, 1927, „Finance situation due to panic and sabotage, asserted".

нительно небольшое число предприятий осталось на прежней позиции полного бойкота денег национального правительства. При этом многие предприятия руководились теми соображениями, что добровольный уход с завоеванных прежде торговых позиций будет использован более эластичными предприятиями других национальностей. Ни американцы, ни японцы и, даже, ни англичане не обнаруживали желания отдавать насиженные места немцам, всегда готовым воспользоваться малейшей заминкой в торговом обороте, чтобы вновь восстановить утерянное ими во время мировой войны положение.

Однако, сравнительно широкое предоставление министерством финансов переводов на Шанхай имело и свои отрицательные стороны. Уже было сказано, что иностранные банки кредитовали торговые предприятия по экспорту, главным образом, переводами на Шанхай. С другой стороны, и национальное правительство готово было выдавать шанхайскую валюту всякому импортеру, намеревающемуся ввезти в Ханькоу какой-либо товар, причисляемый к предметам первой необходимости. Таким образом, в торговых кругах постепенно создавалось впечатление, что шанхайские деньги являются какой-то особой «первосортной» валютой, которой следует отдавать предпочтение перед бумажными деньгами национального правительства. Министерство финансов здесь как бы попадало в конфликт с самим собою, так как по закону о моратории единственным законным платежным средством были признаны банкноты трех китайских банков. Поэтому эта политика предоставления переводов на Шанхай привела к тому, что соотношение между двумя секторами денежного обращения, из которых в одном циркулировала твердая валюта, а в другом ходили неразменные бумажные деньги, стало изменяться не в пользу последнего. Этот процесс легче всего проследить на финансировании экспортных операций.. Структура этих операций такова, что обычно предназначенные для экспорта сельско-хозяйственные товары приобретаются у крестьянина специальными скупщиками-китайцами, а затем уже иностранные фирмы непосредственно закупают экспортные товары у скупщиков. Поскольку иностранные фирмы получали у своих банков кредиты в твердой валюте, они выражали полную готовность платить этой валютой скупщикам. А так как министерство финансов само узаконило шанхайскую валюту в качестве средства расплаты, то постепенно скупщики стали переходить к точке зрения полного отказа от приема китайских банкнот. Повидимому, требование расплаты в твердой валюте проникало и до последнего звена экспортной цепи, т.-е. до крестьянина, который стал требовать серебра или хотя бы меди. Желание реализовать свой товар в твердой валюте стало почти всеобщим и, например, арсеналу приходилось платить своим поставщикам в твердой валюте в момент острой необходимости даже и в том случае, если ему поставлялись товары местного производства. Так мало-по-малу отми-

рали, одна за другой, прежние сферы обращения банкнот Центрального Банка.

За время с середины апреля по начало июля было выдано переводов, примерно, на сумму около 4½—5 миллионов мексиканских долларов. Из этой суммы, как уже было сказано, около 1¼—1½ миллионов получили иностранные фирмы, согласившиеся производить свои торговые операции и принимать платежи в банкнотах национального правительства. Довольно велики были переводы на оплату материалов, ввозимых для арсенала и монетного двора. Эти переводы составили за это время не меньше 1½ миллионов долларов. Остальное было истрачено на предоставление переводов по оплате ввоза предметов первой необходимости. Нужно сказать, что при общем масштабе торговли Уханьского района оборот переводов, предоставлявшихся валютным комитетом, был положительно каплей в море по сравнению со всей массой валютных операций. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести данные о товарообороте Ханькоу, являющегося, как известно, крупнейшим распределительным центром для всего центрального Янцзы. По данным таможенных отчетов, товарооборот Ханькоу в хайгуаньских таэлях составил:

	1923	1924	1925
Чистый иностран. ввоз..	58.052.705	82.305.398	69.365.189
Чистый китайский ввоз..	43.990.700	47.026.894	64.309.105
Вывоз	137.702.046	152.118.003	155.086.783
Весь оборот.	239.745.451	281.450.295	288.761.077

Из этих цифр видно, что товарооборот Ханькоу составлял в мексиканских долларах, примерно, около 350—400 миллионов в год. Один только импорт доходил до 200 миллионов долларов. Поэтому неудивительно, что национальное правительство не имело возможности полностью обеспечить шанхайскими переводами ввоз хотя бы только одних предметов первой необходимости. Поскольку главнейшей задачей было обеспечение рынка предметами потребления широких масс, чтобы предотвратить наступление голода, правительство об'ективным ходом вещей было поставлено в необходимость не только регулировать валютный рынок, но и принять живейшее участие в непосредственном снабжении рынка товарами. Таким образом, министерство финансов было втянуто в торговые операции довольно крупного масштаба. В дальнейшем мы займемся характеристикой снабжения Уханьского рынка основными продуктами.

Начнем с риса. Хубейская провинция принадлежит к числу районов, которые не могут полностью удовлетворить свою потребность в рисе за счет собственного производства. Сельское хозяйство Хубейской провинции имеет по преимуществу технический характер. Здесь производится в больших количествах хлопок, чай и другие экспортные культуры, в то время как урожая

риса хватает, примерно, лишь на 9—10 месяцев сельско-хозяйственного года. В последние месяцы перед новым урожаем Хубей всегда питается привозным рисом. Можно считать, что уже с августа начинается снабжение им населения. Поэтому критическими месяцами обычно являются июнь—июль. Снабжение Ханькоу происходило, главным образом, за счет соседних провинций Хунани и Цзянси. Производство риса в Хунани настолько велико, что одни только экспортные пошлины на вывозимый из пределов провинции рис, обычно давали 1½—2 миллиона в год. Цена риса в Хунани была всегда значительно ниже, чем на Хубейском рынке. Однако, Хубей отчасти снабжался и заграничным рисом, как видно из следующих цифр: за период с января по сентябрь 1925 года в Ханькоу было импортировано 221.223 пикулей [1]) риса, а за соответствующие месяцы 1926 года — 1.811.925 пикулей риса. Правда, одновременно Ханькоу вывозил рис за те же периоды: 27.154 пикулей в 1925 году и 33.184 пикулей в 1926 г. Однако, все же эти цифры показывают резкое преобладание ввоза над вывозом. В общем, считается необходимым, чтобы в июне и июле ханькоуский рынок получал извне, как из других китайских провинций, так и из-за границы, не меньше 250—300 тысяч пикулей риса в месяц.

Особенные затруднения испытывала в отношении снабжения рисом армия. Это сказалось особенно во время похода на Чжэнчжоу. Были моменты, когда военное командование располагало запасом риса, едва хватавшим для удовлетворения недельной потребности армии. Поэтому, в тревожные дни наступления Ся Доу-ина на Ханькоу, главнейшим бедствием считался перерыв железнодорожного сообщения с Хунанью, угрожавший прервать доставку риса на фронт. С окончанием Чжэнчжоуской экспедиции большая часть корпусов вернулась в Ханькоу и прилегающие районы, и острота вопроса о снабжении армии рисом в значительной мере смягчилась. Покупка риса была децентрализована. Для пропитания рисом армии, примерно, в 250.000 едоков ежемесячно должно было приобретаться не меньше 60—70 тысяч пикулей.

Национальное правительство предприняло ряд шагов для получения риса из близлежащих провинций. В частности, рисовым торговцам было отпущено из казначейства около 300.000 долларов серебром для закупки риса в Цзянси. Со стороны цзянсийских властей было оказано некоторое противодействие массовым закупкам, сломленное лишь благодаря вмешательству Политбюро национального правительства. Однако, переброска риса из Цзянси в Ханькоу затруднялась тем, что банды Ся Доу-ина долгое время оперировали вдоль течения реки. Одна партия риса, следовавшая из Цзю-

[1]) Пикуль—около 3⅓ пудов.

цзяна, была даже задержана Ся Доу-инем. Тогда Ханькоуская торговая палата отправила Ся Доу-иню слезную жалобу, в которой уверяла, что операции с рисом производились мирным торговым населением, и ничего общего с национальным правительством не имеют. Ся Доу-инь ответил на это, что он воюет не с купцами, а с рабочими, и милостиво согласился отпустить арестованный рис. Однако, Цзянси все же не могла дать большого количества риса, и главным источником оставалась Хунань. Между тем, ханькоуские купцы не рисковали пускаться в широкие операции по закупке риса в этой провинции, боясь конфискации приобретенного риса и потери всего затраченного в это дело капитала. Они ссылались при этом на целый ряд прецедентов подобного рода.

Шанхай, чтобы взять Ухань измором, около этого времени наложил эмбарго на рис. Национальное правительство сделало даже попытку закупить рис непосредственно в Гонконге. Оно обратилось для этого с соответствующим предложением к одной крупнейшей английской фирме, зная, что пароход под английским флагом всегда благополучно пройдет мимо Шанхая, какую бы контрабанду он ни вез. Англичане отнюдь не отказывались снабдить рисом Ухань; они только заломили при этом непомерную цену. Нормальная цена риса в серебряных долларах в розничной продаже составляла, до об'явления моратория в Ханькоу, не больше 14 долларов. Английская же фирма хотела получить 18 долларов при оптовой продаже целого парохода. Министерство финансов не согласилось заключить подобную сделку, тем более, что Ханькоуский рынок обнаружил удивительную жизнеспособность, и рис стал просачиваться в оборот неизвестно откуда. Повидимому, на рынок стали поступать запасы прошлых лет, скопившиеся у помещиков ближайших к Ханькоу округов. Рост цен был умеренным, и цена на рис в бумажных долларах поднялась к июлю всего до 19—20 за пикуль. Поскольку урожай риса был уже близок, министерство финансов ограничилось самыми скромными закупками риса, считая, что рынок как-нибудь просуществует в несколько оставшихся до урожая недель. Расчет этот оправдался полностью.

Гораздо более трудное положение создалось для соли. Большая часть бассейна среднего Янцзы снабжалась солью из Цзянсу. Правда, большое количество соли имеется и в Сычуани, но транспортные условия в этой провинции настолько тяжелы, что гораздо удобнее привозить соль из Цзянсу по широкому течению Янцзы. Таким образом, снабжение всего Хубея, Хунани и Хенани шло за счет привозимой из Цзянсу соли. В период экономической блокады этот источник снабжения солью почти совершенно прекратился. Нормальная потребность в соли одного только ханькоуского рынка определялась, примерно, в 150.000 пикулей ежемесячно, что соответствует, примерно, сумме в 1.800.000 долларов. Как известно, торговля солью в Китае

контролируется правительством, и вся ввозимая солиными купцами (которым предоставлена монополия торговли этим продуктом) соль поступает в правительственные склады. Купцы торгуют солью по твердой цене и выплачивают правительству соляной налог. Нормально этот налог составлял 1½ доллара за пикуль. При национальном же правительстве, благодаря двум прибавкам, он вырос до 4½ долларов. Цена соли в районе добычи не превышает 7 долларов; считая все транспортные расходы и налог, можно признать нормальной цену в 12—12½ долларов. При описанной системе, организованной на началах монополии и контролируемой правительством продажи соли, цена соли и не превышала этой нормы. Беда, однако, заключалась в том, что соли было совершенно недостаточно для снабжения населения по указанной цене. Правительственному соляному бюро пришлось взять на себя инициативу в деле привоза соли, и ему постоянно приходилось выдерживать ожесточенный натиск со стороны соляных торговцев-розничников при получении каждой партии соли. Каждый из этих торговцев должен был сделать депозит в размере 200 долларов, если бы желал получить соответствующее количество соли. Затем, когда соль прибывала, производилась лотерея, и выигравшие купцы получали соль на сумму сделанных ими депозитов; остальные получали деньги обратно. Министерству финансов пришлось согласиться отпускать около 500.000 долларов ежемесячно на покупку соли. Однако, в июне было выдано всего около 200.000, а в первых числах июля — еще 100.000. По соглашению с министерством финансов, соляные купцы для погрузки соли зафрахтовали в Цзянсу 4 парохода, вместимостью до 30.000 пикулей каждый. Принимая во внимание стоимость соли на месте добычи в 7 долларов, груз каждого из пароходов оценивался около 200.000 долларов. За счет полученных переводов соляные купцы успели отправить и получить лишь один пароход. Затем все это дело оборвалось, и снабжение рынка вообще снова стало беспорядочным.

Переходим к керосину. Летний сезон является для него наиболее благополучным, так как потребление керосина в эти месяцы сводится к минимуму. Однако, вообще говоря, керосиновая торговля является в Ханькоу крупнейшей статьей импортного оборота. По данным керосинового бюро министерства финансов, Ханькоу нормально получал с внешних рынков до 6 миллионов банок керосина, что соответствует сумме, примерно, в 30 миллионов долларов. Этот керосин растекался по всем соседним провинциям, главным образом, весною, поздней осенью и ранней зимою. Летом 1927 года на складах керосиновых компаний в пределах Хубея и Хунани считалось свыше миллиона банок. Этот запас керосина распродавался населению постепенно, и его должно было хватить вплоть до глубокой осени. Поэтому министерство финансов не заботилось о возобновлении основного стока керосина, тем бо-

лее, что всех фондов, которыми оно распоряжалось, все равно не хватило бы даже и для того, чтобы обеспечить четверть нормального ввоза. Однако, чрезвычайно важно было гарантировать снабжение населения керосином из уже имеющихся запасов; а иностранные фирмы в Ханькоу готовы были продолжать керосиновую торговлю только под условием предоставления им ка со ответствующие суммы шанхайских переводов.

На ханькоусском рынке работали три крупных нефтяных общества: «Азиатская Керосиновая Компания», «Стандарт-Ойль-Компани» и «Техасская Компания». Из этих трех предприятий «Азиатская Керосиновая Компания», представительница британских интересов, очень скоро вышла из игры. У нее были даже намерения вывезти свой керосин обратно в Шанхай. Правда, это не помешало компании добиваться и добиться, путем давления через министерство иностранных дел национального правительства, займа в 100.000 долларов в Центральном Банке и довольно крупных переводов на Шанхай. Однако, после обнаружения враждебных тенденций со стороны этого предприятия, министерство финансов совершенно отказалось иметь с ним дело.

«Стандарт-Ойль-Компани» заняла промежуточное положение и тоже торговала керосином довольно неохотно. Она получила большие переводы на Шанхай сейчас же после об'явления моратория, но затем снабжение ее шанхайской валютой прекратилось. Единственным предприятием, продолжавшим «честно» торговать керосином, была Техасская Компания; однако, масштаб работы этой фирмы был несравненно меньше, чем других двух названных предприятий. Кроме того, она продавала керосин как раз в тех пределах, в каких сама получала переводы на Шанхай. Поэтому, например, в период временного прекращения выдач переводов в мае Техасская Компания тоже прекратила выпуск керосина агентам, и цена на него быстро возросла до 8—8½ долларов за банку, против нормальной цены в 6½. Министерство финансов предполагало сначала финансировать керосиновые компании переводами в сумме до 200.000 долларов в месяц, но потом свело эту цифру до 100.000.

Остановимся еще в нескольких словах на угле. Ханькоусский рынок снабжался частью японским углем и частью углем, добываемым в пределах Хунани и Хенани на местных рудниках. По данным таможенной статистики, ввоз угля за январь—сентябрь составлял в 1925 году 268.032 тонны, и за те же месяцы 1926 года—111.265 тонн. Ввоз кокса был за те же периоды — 23.229 тонн в 1925 году и 9.999 тонн в 1926 году. В те же периоды вывоз угля составлял 3.361 тонны в 1925 году и 2.167 тонн в 1926 году. Таким образом, чистый ввоз равнялся около 265.000 в 1925 г. и около 109.000 в 1926 году. Министерство финансов было особенно заинте-

ресовано в снабжении углем железных дорог, арсенала, монетного двора, водопровода и электрических станций. Для удовлетворения всех этих потребностей нужно было получать извне по меньшей мере около 20.000 тонн в месяц, что составляет в денежном эквиваленте почти 500.000 долларов. Такой суммы министерство предоставить не могло; но оно затрачивало на финансирование операций по закупке угля до 100.000 в месяц. К этому следует прибавить, что Шанхай наложил эмбарго и на уголь, и один пароход, на котором следовало около 6.000 тонн угля, был задержан в Нанкине на довольно долгий срок. Однако, Цзян Кай-ши отпустил уголь после того, как выяснилось, что он предназначается для водопровода и электрических станций Ханькоу.

Коснемся вкратце экспортных операций. Они затруднялись до крайности обстоятельствами военного времени. Так, например, для вывоза древесного масла из Ичана в Ханькоу и далее вниз по Янцзы нехватало транспортных средств и самое передвижение его было небезопасно, вследствие непрекращающихся в этом районе военных действий. Между тем, древесное масло является одним из главнейших экспортных продуктов Ханькоу. Еще большие затруднения с экспортными товарами переживала Ханань, торговля которой, вследствие военных действий, была заперта словно в мешке. Богатый район южной Хэнани обычно экспортировал большие количества хлопка, сезамового семени, шкур и др. продуктов, пользуясь для этого, главным образом, Пекин-Ханькоусской железной дорогой и Янцзы, или Лухайской дорогой для дальнейшего следования товаров на Нанкин. Оба эти пути в период войны прекратили свою торговую службу, и экспортные товары, залеживаясь, подвергались значительной порче. Мне пришлось самому видеть на складах у крупной экспортной немецкой фирмы большую партию прибывших из Хэнани шкур. Почти все они были попорчены червями и могли продаваться только, как второсортный товар. По поводу производства сезамового семени сообщалось, что одно время его накопилось у крестьян целые горы, и что только, убедившись в полной невозможности сбыта его, крестьяне постепенно стали переходить к другим культурам. Китайское сельское хозяйство обнаруживает в этом отношении большую эластичность, быстро приспособляясь к условиям рынка, меняющимся под влиянием военной обстановки. Все же несомненно, что гражданская война и с этой стороны является одним из могущественнейших факторов, ведущих к деградации сельского хозяйства.

Министерство финансов намечало в мае—июне 1927 года, после взятия Чжэнчжоу, организацию специальной смешанной частно-правительственной компании для использования экспортных фондов, накопившихся в Хэнани. Этой компании предполагалось предоставить широкие кредиты за счет Центрального Банка и монопольную переброску товаров по Пекин-Ханькоусской

железной дороге с тем, чтобы вырученная за экспортные товары валюта сдавалась по твердому курсу министерству финансов. Этот проект не был, однако, осуществлен, так как он серьезно созрел уже к моменту полной финансовой разрухи, мешавшей предоставлению кредитов в сколько-нибудь широких размерах. Министерство финансов предполагало также принять участие в финансировании чайных заготовок для получения экспортной валюты, но и это начинание кончилось ничем. Таковой оказалась неизбежная судьба валютных мероприятий в обстановке экономической блокады, полного хозяйничанья милитаристов и беспредельного эмиссионного потопа.

Приходится только удивляться сравнительной медленности падения курса бумажного доллара национального правительства в описанной обстановке. После об'явления моратория в середине апреля он держался довольно долго почти на уровне паритета, и лишь к середине мая обесценение его достигло постепенно 15—20%. Затем, после незначительных колебаний, резкое падение курса обозначилось лишь в конце июня и начале июля, когда лаж на серебряный доллар достигал 45—50%. В начале июля, под влиянием, с одной стороны, начавшегося массового экспорта, а с другой—слухов о примирении с Нанкином и разоружения рабочих пикетов, курс сразу выправился и лаж упал до 20—25%. Этот благоприятный перелом продолжался, однако, лишь несколько дней. Примерно, с 15 по 20 июля, началось новое катастрофическое падение курса. Ежедневно бумажный доллар терял около 5%. Начался жестокий размечный кризис. Центральный Банк осаждался толпами людей, добивавшихся размена крупных купюр на мелкие. Медь почти исчезла из оборота. Магазины отказывались продавать товары на бумажные деньги, особенно на казначейские знаки, предпочитая закрываться. На казначейские знаки появился особый, резко пониженный курс, при чем, по мере увеличения выпуска казначейских знаков эта разница в курсе банкнот и казначейских знаков на серебро стала быстро расти. Да и немудрено: обращение банкнот Центрального Банка, по указанным выше техническим причинам (невозможность провезти банкноты в Ханькоу из С. Ш.), было доведено до 15 миллионов и остановилось на этой цифре, тогда как казначейские знаки быстро прибывали в оборот. К моменту моего от'езда из Ханькоу (середина августа 1927 г.), за один серебряный доллар давали уже 2 доллара в банкнотах Центрального Банка, а на такую банкноту, в свою очередь, можно было получить 2½ доллара казначейскими билетами, взамен одного доллара. Эти данные показывают, что с конца июля насыщение оборота бумажными знаками уже достигло той точки, за которую обесценение денежной единицы начинает итти несравненно более быстрым темпом, чем увеличение общей суммы обращения.

В итоге, поучительный опыт финансового хозяйства Уханьского правительства за первую половину 1927 года позволяет сделать несколько выводов: 1) национальное правительство, подпадая под власть военщины, вынуждено было все более и более уклоняться от здоровых принципов, изложенных в финансовой программе II с'езда Гоминдана, 2) скопление под знаменами Северной Экспедиции огромных количеств войск привело к такому увеличению военных расходов, что покрытие их было возможно лишь за счет усиленного пользования печатным станком, 3) доля эмиссии постепенно возросла, в круглых цифрах, с 15 до 80% всех доходов, 4) при неэластичности налоговой системы Китая, другого выхода для финансирования военных действий в распоряжении министерства финансов национального правительства не было. К этому остается только прибавить, что финансовый развал был одной из существенных причин, вызвавших широкое дискредитирование гоминьдановского национального правительства в народных массах.

Необходимо, однако, остановиться на финансовой обстановке, сложившейся на территории, которая была подвластна Цзян Кай-ши после его отпада от Уханьской группы. Разумеется, положение Цзян Кай-ши было неравненно более благоприятно вследствие того, что ему достался богатейший район Китая. Прежде всего, он мог эксплоатировать в свою пользу финансовую жемчужину Китая — Шанхай. Затем, благодаря военному союзу с Ли Цзи-шэном, он продолжал получать щедрую финансовую помощь из Кантона. Наконец, ему же достался Чжэцзян, который тоже принадлежит к числу самых богатых китайских провинций. В распоряжении Уханьского министерства финансов были сведения относительно провинции Цзянсу, показывавшие, каким важным финансовым подспорьем может служить эта провинция. Обычные доходы провинции Цзянсу составляют около 50 миллионов в год. В эту цифру не включены таможенные пошлины, которыми располагает в настоящее время Шанхай, благодаря введению 2½ процентной надбавки. Между тем, нормально эта провинция расходовала около 10 миллионов на административные надобности, 3 миллиона на народное просвещение и 6 миллионов на армию. Последняя статья охватывает, однако, только провинциальные войска. С тех пор, как Сунь Чуань-фан утвердился в провинции Цзянсу, его военные расходы достигли 26 миллионов. Любопытно, что отдельные доходные источники этой провинции были закреплены за определенными целевыми назначениями. Первую группу доходов составляли: *соляной налог, доход с вин и табака, поступления так наз. туземных таможен*, гербовые сборы, особый железнодорожный налог и налог с песчаных земель. Все эти статьи, вместе взятые, дают около 26 миллионов. Из этой суммы покрывались военные расходы Сунь Чуань-фана. Кроме того, он обещал шандунским войскам поддержку в 700.000 в месяц за счет увеличения

земельного налога и 2½%-ной таможенной прибавки. Вторую группу доходов составляли: поземельный налог, ликин и так наз. различные экстраординарные сборы, всего около 16 миллионов, из которых, опять-таки, 6 миллионов отпускались Сунь Чуань-фану, а остаток должен был итти на административные расходы. Третью группу составляли чисто провинциальные доходы, всего на 750.000 долларов, используемые для узкопровинциальных надобностей. Четвертую группу составляла специальная прибавка к соляному налогу, употреблявшаяся на платежи по займам, заключенным провинциальным правительством в банках, и на выкуп провинциальных облигаций. В пятой группе фигурировали: налог на убой, налог с патентов и специальная прибавка к налогу с вин и табака; эти доходы расходовались на просветительные цели, составляя около 3 миллионов. Наконец, опиумный налог составлял 6-ю группу и передавался в распоряжение шанхайской полиции, которая, в свою очередь, подносила его Сунь Чуань-фану в качестве взятки.

Из этого перечня видно, что провинция Цзянсу без особого напряжения могла дать Нанкинскому правительству солидную финансовую базу. Однако, тот великодержавный масштаб, в котором Цзян Кай-ши развернул работу нанкинского правительства, очень скоро привел к неизбежному финансовому краху. Цзян Кай-ши опубликовал в конце 1917 г. отчет о доходах и расходах нанкинского правительства за время с 1 мая по 15 август 1927 года (см. приложение № 5). Из этого отчета видно, что за 3½ месяца было израсходовано около 54½ миллионов долларов, т.-е. в среднем 15½ миллионов в месяц. Перечень расходов дает типичную для бюджета китайского милитариста картину. Почти все средства непосредственно расходуются на содержание личного состава армии. Гражданским потребностям уделяются крохи. Крупной статьей в расходный бюджет входит «специальные и случайные расходы», превышающие 3½ миллиона. Таков был размах, взятый Цзян Кай-ши с самого начала организации нанкинского правительства. В середине июня 1927 года в Нанкине состоялась финансовая конференция, установившая крупные дефекты финансового хозяйства Цзян Кай-ши. Он сам об'явил на конференции, что ему понадобится во второй половине года около 20 миллионов в месяц, или за полгода около 120 миллионов. Конференция не сумела даже в своем финансовом плане, не говоря уже о действительности, наскрести больше 65 миллионов для этого периода. Остальное предполагалось получить путем внутреннего займа на 60 миллионов долларов. Конференция разделила налоговые доходы на национальные и провинциальные. Провинциям, были оставлены, главным образом, поземельный налог и ликин. Для национального министерства финансов основными источниками должны были служить таможенные пошлины, соляной налог, обложение папирос, налог с керосина

и обложение алкогольных напитков и туземного табаку. При этом намечено было значительное повышение ставок для керосина, папирос, табаку и алкоголя. Годичная сводка доходов, выработанная на финансовой конференции, представляется в таком виде:

Провинциальные пособия центру: . . .		20.670.000 дол.
Цзянсу	8.400.000	„
Чжэцзян	6.000.000	„
Аньхуй	3.600.000	„
Фуцзянь	2.670.000	„
Таможенный доход		27.674.000 „
Соляной налог		29.100.000 „
Налог с папирос		24.000.000 „
Налог с керосина		4.900.000 „
Налог с алкогольных напитков и туземного табаку.		5.000.000 „
Штрафы с опиума.		3.000.000 „
Гербовые сборы.		1.200.000 „
Налог с посылок		200.000 „
В с е г о	115.744.000 дол.	

Отсюда следует вычесть:

Платежи по займу Цзянсу 1925 г. (погашение и проценты)	12.000.000 дол.
Расход на содержание милиции в Чжэцзяне.	4.056.000 „
Расход на милицию и флот в Фуцзяни .	18.000.000 „
Чистый остаток.	81.688.000 дол.

В приведенную сводку не включена провинция Гуандун, от которой национальная армия Цзян Кай-ши получала за последние месяцы по 4.640.000 долл. Всего, следовательно, за полгода предполагалось получить от 4 названных в сводке провинций 40 миллионов, а из Кантона — 25 миллионов. В результате, уже указанный дефицит около 60 миллионов долларов, на покрытие которого потребовался выпуск внутреннего займа. Этот заем предполагалось окрестить громким именем «восстановительного займа» 16 года Китайской Республики. Он должен был приносить 7%, быть выпущенным по курсу 92 и выплачен полностью в 5 лет. Обеспечением ему должен был служить доход от налога на папиросы. За первую половину прошлого года Цзян Кай-ши, повидимому, уже удалось собрать не менее 30 миллионов долларов путем займов. Таким образом, его финансовая политика возлагает на банковские круги совершенно непосильное бремя до 100 миллионов за год [1]).

[1]) „The China Weekly Review", July 9, 1927, „The Financial Program of the Nationalist Government".

Мы говорим: на банковские круги, потому что, как сказано, в китайских условиях займы представляют собою в значительнейшей части не что иное, как принуждение банков к расширению их эмиссии в пользу захватившего власть генерала. Еще летом 1927 года в Шанхае ходили слухи о пошатнувшемся положении Шанхайского отделения Китайского Банка в виду того, что Цзян Кай-ши заставил его выпустить в обращение слишком много банкнот. Поэтому не подлежит никакому сомнению, что продолжение политики Цзян Кай-ши в том-же духе неизбежно приведет Шанхай к такой-же финансовой разрухе, какую пережил Ухань. Если Шанхай более успешно сопротивляется тлетворному влиянию милитаристической финансовой системы, то это об'ясняется двумя обстоятельствами: во-первых, Шанхай несравненно богаче Ханя и располагает огромными ресурсами, и во-вторых, Правления всех китайских банков здесь расположены в международном сеттлементе, где банковских директоров оказывается несравненно труднее убедить в необходимости предоставления данному генералу займа, чем если бы обсуждение подобной темы имело место на территории китайского города. Следует добавить, что весь финансовый расчет, приведенный выше, в сущности говоря, построен был на песке, так как в нем учтены очень значительные поступления от таможенных надбавок, тогда как внешняя торговля Шанхая в 1927 году переживала небывалый кризис; в нем, далее, очень большой цифрой обозначен доход с папирос, который до сих пор всегда фигурировал в китайских бюджетах в сравнительно очень скромных цифрах: Нанкинское правительство предполагает взимать с папирос 50% с цены, что по китайским представлениям является неслыханно тяжелым налогом.

Неуверенное в возможности реализации предположенного огромного внутреннего займа, Нанкинское министерство финансов стало искать новых путей. В начале августа прошлого года оно разразилось финансовой новеллой, которая произвела на иностранцев впечатление разорвавшейся бомбы. Известно, как чувствительны иностранцы к вопросам таможенной автономии и таможенных пошлин в Китае. Нанкинское министерство финансов неожиданно об'явило, что оно предполагает уничтожить ликин и ввести, взамен него, новые прибавки к таможенному тарифу. На Вашингтонской конференции Китаю было обещано, что в случае отмены ликина ему будет разрешено довести таможенные пошлины до 12½% вместо теперешних пяти. По подсчетам Нанкинского министерства финансов, упразднение ликина в шести провинциях (Гуандун, Гуанси, Фуцзян, Чжэцзян, Цзянсу и Аньхуй), должна вызвать финансовую потерю в 40 миллионов с небольшим. Взамен этого, министерство финансов предполагает огульно провести 12½%-ную ставку таможенных сборов. По мнению министерства, повышение тарифа оказывается, в сущности говоря, весьма скромным. Сейчас при

пяти процентах основного налога и 2½-ной надбавке заграничные товары обычно уплачивают 7½ процентов. Таковы таможенные пошлины на товары, прибывающие в так называемые открытые порты; если же груз следует внутрь страны, иностранцам приходится уплачивать дополнительные 2½ процента, которые избавляют их от необходимости платить ликин. Таким образом, им придется доплачивать всего 2½% против существующих ставок. Таково общее правило, которым предполагал руководствоваться новый таможенный тариф. Однако, для предметов роскоши было намечено несравненно более тяжелое обложение. Они были разделены на 3 класса, при чем первый уплачивает добавочный тариф в 15%, второй класс—в 25% и третий класс— в 57½%. Строго выдержана только третья группа, в которую входят табак и табачные изделия и всякого рода спиртные напитки. В первую группу попали чрезвычайно различные товары, начиная с серебряных часов, пишущих машин, арифметров, мехов и кончая дорогими сортами дерева, свежими фруктами, газированными водами, макаронами и вермишелью. Не менее богат ассортимент во второй группе, где драгоценные камни, платина и антикварные вещи чередуются с предметами туалета, сапогами, зонтиками, афишной бумагой и птичьими гнездами. Наряду с повышением таможенных пошлин намечено также значительное повышение всяких судовых сборов. Уже сейчас они составляют 1,80 мекс. долларов с тонны, против уплачиваемых в Японии 0,15, в Америке—0,67 и в Индии 1,22 мексиканских долларов. В случае осуществления предположенной надбавки в 50%, ставка судовых сборов в Шанхае достигла бы 2,70.

Новые таможенные пошлины должны были быть введены в действие с 1 сентября 1927 г., и китайские публицисты уже заранее услаждали публику торжественными декламациями о предстоящей скорой гибели ликина. Вот что, например, писал некий д-р Кан Ли в «China Weekly Review»: «колокол пробил. Ликин, бывший в течение 70 лет вампиром китайской финансовой системы, приговорен к позорной смерти и никогда, будем надеяться, не воскреснет вновь. Едва ли кто-нибудь выкажет симпатию к нему, потому что он никогда ни к кому не выказывал симпатии» [1]). Однако, эти декламации, повидимому, оказались преждевременными. Вероятно, вся эта схема упразднения ликина и замены его повышенными таможенными сборами была опубликована Нанкинским министерством финансов, лишь в качестве демонстрации своих национально-патриотических чувств и финансовой изобретательности. Однако, от проявления чувств до действительного дела— дистанция огромного размера, и каждому, хоть сколько-нибудь знакомому

[1]) „The China Weekly, August 20, 1927, „Likin and its abolition".

с истинным положением вещей в Китае, ясно, что пытаться осуществить изложенную финансовую реформу, значит итти на разрыв с иностранными державами, а может быть и на вооруженную интервенцию. Стоит ли говорить, что у нанкинских деятелей нет нужного для этого героизма.

Добавим еще несколько слов о финансовом положении, создавшемся в период господства национального правительства в провинциях Хунань и Цзянси. В первой из них, как уже неоднократно отмечалось, в этот период бесконтрольным хозяином являлся генерал Тан Шен-чжи. В прежнее время эта провинция собирала до 20 миллионов в год, а если считать 5—6 миллионов, которые она получала с проходящего по ней транзитом опиума (которого местное население почти не курит)—около 25 миллионов. Однако, с приходом национального правительства, доходы этой провинции стали значительно сокращаться. Падение налоговой платежеспособности населения провинции было обусловлено следующими фактами: 1) главный козырь в Хунаньском бюджете — соль. Соль шла в эту провинцию, главным образом, из Цзянсу. При приходе национального правительства движение соли по этому пути прекратилось. Хунань начала страдать от соляного голода. Появилось «мешечничество». Обложение импортируемой такими мелкими партиями соли сделалось невозможным. Доход от соли резко сократился; 2) часть помещиков, испуганных аграрным движением, бежала в Хубей. Поступления поземельного налога ушли. Вместе с тем, налог был забран за несколько лет вперед. Правительство пробовало выпустить специальный заем для консолидации внесенных наперед платежей поземельного налога, а пока собрать его еще раз, но не имело в этом успеха; 3) сокращение внутренней торговли вызвало уменьшение ликина; 4) проводилась политика запрещения вывоза риса не только из провинции, но даже в ее пределах, из уезда в уезд. Налог на вывоз риса упал поэтому до минимума. Однако, в 1927 году политика в вопросе о рисоэкспорте несколько изменилась, и в связи с этим налог на вывозимый рис стал поступать вновь.

Ко всему этому надо прибавить, что в Хунани, как, впрочем, и в других китайских провинциях, поступления многих налогов «заложены» купцам при получении от них займов. Таким образом, например, даже в случае прибытия крупной партии соли, налог с нее получает не правительство, а купцы. В исключительных случаях правительство, правда, нарушает соответствующие договоры.

Беда Хунаньского финансового аппарата заключалась в том, что на нем всегда висел груз значительной задолженности воинским частям. В связи с этим приходилось выдавать этим частям мандаты на получение доходов непосредственно из местных органов провинциального комиссариата финан-

сов, а это приводило к бесчинствам армейских частей и к полному расстройству финансового хозяйства на местах.

Нужно отметить, что Тан Шен-чжи, поддерживал самые радикальные финансовые идеи, если это могло обогатить его лично или провинциальную казну (впрочем, он не делал большого различия между своим собственным и провинциальным достоянием). Так, например, с мая 1926 года, им широко проводилась политика заключения облигационных займов на принудительных началах, при чем участие каждого в подписке должно было определяться на поимущественно-прогрессивной основе. При имуществе, оцененном в 5.000 долларов, было обязательным приобретение облигаций на 50 долларов, при имуществе в 10.000 — на 110 долларов и т. д. Тан Шен-чжи пробовал провести подобную же принудительную подписку для создания фонда провинциального банка Хунани. Хотя идея эта и не была проведена в жизнь, самый проект такой принудительной подписки представляется настолько любопытным памятником финансового творчества этой эпохи, что мы считаем небесполезным воспроизвести его здесь.

Банк предполагалось учредить в виде обыкновенной акционерной кампании с смешанным правительственно-частным капиталом в 10 миллионов долларов. Участие в капитале банка должны были принять следующие группы: правительство, муниципальные органы, полурелигиозные полуобщественные учреждения в роде кланов, храмов и т. п. и, наконец, частные лица. Правительству должна была принадлежать половина капитала. Чтобы сколотить необходимые средства, провинциальный коммиссариат финансов должен был распродать собственность, принадлежавшую раньше провинциальному банку Хунани, а также вносить десятую часть всех провинциальных доходов в капитал банка. Общественные организации и частные лица должны были подписываться на акции банка, в зависимости от размеров их имущества. Были выработаны соответствующие шкалы для общественной и частной собственности. Для первой минимальная подписная сумма начиналась с 2½% при капитале свыше 2.000 долларов, доходя до 7%, когда имущество составляло больше 300.000 долларов .Для частных лиц шкала начиналась с 1% при 5.000 долларах имущества и поднималась до 6% при имуществе в 400.000 и выше. Никаких инструкций относительно метода исчисления ценности имущества положение о банке не давало. В этом положении было указано лишь, что земельная собственность, приносящая ренту в 100 пикулей, должна расцениваться от 3 до 5.000 долл., а вся прочая недвижимая собственность должна расцениваться согласно «действительному количеству». Положение предусматривало драконовские меры для принуждения населения к подписке на акции. Максимальный срок для взноса денег определялся в 10 дней, независимо от того, были-ли платель-

щики кланы, местные организации, или частные лица. Органам министерства финансов разрешалось посылать войска и жандармов для принуждения к платежу. В случае взяток или вымогательства со стороны представителей власти, последние подлежали наказанию по законам военного времени.

Положение о банке намечало для него следующий круг операций: банк должен был принимать вклады и текущие счета, предоставлять займы, делать переводы в пределах Китая и заграницы, покупать и продавать серебро, золото и валюту, собирать платежи по поручению частных фирм, принимать на хранение драгоценности, ценные бумаги и документы. Банку, далее, предполагалось предоставить право выпуска банковых билетов с 50-процентным серебряным обеспечением. На банк предполагалось, наконец, возложить функции провинциального казначейства.

При ознакомлении с этим любопытным документом может показаться, что намечавшаяся организация банка давала возможность создать учреждение в чисто европейском стиле. Обнародование подобных проектов является обычной практикой китайских финансовых властей. На деле же провинциальные банки всегда являются замаскированной формой эксплоатации населения при помощи неограниченной эмиссии. Следует прибавить, что самый проект был совершенно нереален, так как осуществление его в корне подорвало бы хозяйственную жизнь провинций и привело бы к массовой ликвидации имущества: в самом деле, если даже принять ценность всего провинциального имущества, превышающего указанный в проекте устава банка минимум, — по самому скромному подсчету, — равной ½ миллиарда долларов, а средний процент обложения в 3, то при проведении устава в жизнь должно было произойти скопление 15 миллионов долларов в руках провинциального казначейства в 10-дневный срок. Все денежное обращение провинции Хунань едва ли превышает 20—25 миллионов. Следовательно, предполагалось сразу же изъять из обращения почти половину всех денег, имеющих хождение в провинции. Этот проект, как уже сказано, никогда и не получил осуществления, а провинциальная коллекция бумажных денег так и не обогатилась новым, грозившим появиться на свет, знаком. Проект этот отлично характеризует, однако, настроение кругов, близких к генералу Тан Шен-чжи в этот период. Радикализм этих кругов доходил даже до того, что они готовы были провозгласить принцип национализации крупной собственности, с целью... сосредоточить ее в руках Тан Шен-чжи и его присных.

Еще несколько слов о Цзянси. Эта провинция жестоко пострадала в финансовом отношении в период перехода власти к национальному правительству, а также во время пребывания здесь главной квартиры Цзян Кай-ши. Выше уже были отмечены обстоятельства, при которых обанкротился про-

винциальный банк Цзянси, после постигших Сунь Чуань-фана военных неудач. Помимо того, что банк оставил после себя тяжелое наследство в виде 7—8 миллионов долларов неразменных банкнот, в нем было также сосредоточено вкладов на сумму в 13.398.350 долларов, принадлежавших общественно-административным органам, бежавшим генералам и частным вкладчикам. На долю первых двух групп приходилось всего 1.505.929 долларов. Остальное принадлежало, главным образом, банкам. Если принять во внимание, что весь капитал банков в провинции Цзянси определяется в 3 миллиона долларов, легко представить себе, в каком состоянии оказались они, когда не смогли востребовать из провинциального банка своих вкладов на сумму свыше 11 миллионов. Между тем, в кассе самого банка в момент перехода власти оставалось только собственных бумажных денег на 5 миллионов долларов, свыше 6 миллионов облигаций провинциальных займов и серебра всего лишь немногим больше 12.000 долларов, а меди — 191.000 связок, т.-е. около 60.000 долларов. Предоставленные правительству займы превышали 21 миллион. Вся финансовая проблема Цзянси завязалась, таким образом, тугим узлом на провинциальном банке. Без правительственной помощи он был, разумеется, банкротом. Денежный рынок совершенно омертвел. Большинство банков не производило операций. Денежное обращение состояло почти исключительно из бумажных знаков Цзян Кай-ши и потерявших значительнейшую часть своей ценности билетов провинциального банка. Если вы хотели купить что-нибудь в магазине на 5 долларов, нужно было истратить их целиком: сдачи не давали. В то же время положение центрального министерства финансов в Ханькоу было далеко не таким, чтобы оно могло реально притти на помощь Цзянси.

Из приведенных немногих данных видно, что поддержка провинциального банка могла бы заключаться в каком-нибудь разрешении вопроса о прежних долгах, так как главную часть активов банка составляли облигации провинциального казначейства. Министерство финансов неоднократно пыталось подойти к этому вопросу, но вырабатывавшиеся им проекты имели целью скорее обогатить самое министерство финансов, чем разрешить Цзянсийскую проблему. В Цзянси всего циркулировало облигаций займов на 12 млн. долларов. Министерство финансов предполагало предложить населению обменять их на новые облигации, признаваемые национальным правительством, с приплатой наличных денег в той или иной пропорции. При этом министерство финансов хотело получить не столько обесценившиеся бумажки, обращавшиеся в Цзянси, сколько звонкий металл. Банковские круги Цзянсийской провинции, повидимому, готовы были поддержать эти проекты и соглашались внести некоторую добавочную сумму денег, лишь бы не потерять миллионы, доверенные прежнему правительству. Переговоры тянулись

довольно долго. Наконец, когда власть в провинции перешла к генералу Чжу Пэй-дэ, в расположении которого национальное правительство было весьма заинтересовано, стало ясным, что не только не удастся получить от Цзянсийских купцов и банкиров новых поступлений, но придется даже пожертвовать в пользу Цзянси частью банкнотного фонда, которым в столь ограниченных размерах располагало центральное министерство финансов. Речь шла о том, чтобы предоставлять ссуды держателям прежних займов банкнотами Центрального банка или Китайского банка в Ханькоу. Однако, в конце концов решение было найдено в создании отделения Центрального банка в Наньчане для насаждения в Цзянси твердой валюты. Цзянсийское отделение центрального банка успело получить 200.000 серебром и 500.000 банкнотами, которые немедленно, по открытии банка, пришлось предоставить в займы генералу Чжу Пэй-дэ. После этого, в сущности говоря, банку нечего было делать. Генерал Чжу Пэй-дэ настаивал, однако, на новой эмиссии. Продолжать эмиссию денежных знаков главной квартиры, начатую Цзян Кай-ши было, разумеется, невозможно. Оставались неиспользованные 5 миллионов долларов в кассах провинциального банка Цзянси. Но их нужно было чем-нибудь отличить от тех знаков, которые были уже выпущены в обращение и приобрели столь дурную славу. Поэтому на них были поставлены казначейские штемпеля и подпись провинциального комиссара финансов. Было об'явлено, что эта эмиссия предназначается для выкупа, по известному курсу, пришедших в негодность бумажных знаков Цзян Кай-ши. На эту операцию нужно было истратить 3.750.000 провинциальных билетов, а остальные 1.250.000 могли быть использованы Чжу-Пэй-дэ в качестве нового ресурса. Эта финансовая комбинация, однако, не получила осуществления вследствие бурной реакции со стороны населения, вынудившей провинциальный финансовый комиссариат произвести торжественное сожжение избыточного количества билетов провинциального банка. Тогда обменная операция прошла довольно успешно и курс новых бумажных знаков утвердился на относительно весьма высоком уровне: 75—80 серебряных за 100 бумажных.

На примере провинций Цзянси и Хунани мы убеждаемся в том, к какому запутанному положению были приведены провинциальные финансы на территории, занимаемой национальным правительством. Размен бумажных денег на серебро фактически прекратился повсюду, за исключением Кантона. В обращение беспрерывно поступали новые и новые виды бумажных денег, от которых население тщетно пыталось оборониться. Любопытно, что в период начавшегося быстрого обесценения бумажных денег в Ухани, широкие массы бросились покупать даже... почтовые марки, лишь бы спасти свою наличность от обесценения. Почтовым учреждениям пришлось

ограничить выдачу марок в одни руки сперва 20, а потом и 10, и даже 5 долларами [1]). Таким образом, на всей территории национального правительства установился полный валютный хаос, без всяких перспектив радикального улучшения до тех пор, пока не будет создана в Китае власть, которая действительно сумеет подчинить себе военщину.

---

[1]) „Far Eastern Capital and Trade", June 3, 1927.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ФИНАНСОВОМУ ВОПРОСУ ВТОРОГО ВСЕКИТАЙСКОГО С'ЕЗДА ДЕЛЕГАТОВ ГОМИНЬДАНА.

1. Партия ставит своей финансовой задачей создание прочной финансовой и экономической базы с целью положить твердое основание для выполнения всей политической программы партии, потому, что единственный путь *к развитию национального хозяйства и к освобождению его от агрессивных* замыслов империализма лежит через создание прочной финансовой базы для этого.

2. Прежде всего, партия должна усовершенствовать существующую финансовую систему. Наиболее важные шаги для достижения этой цели должны заключаться в том, чтобы обеспечить унификацию финансов, создать национальный и местный бюджеты, в которых доходы уравновешивались бы расходами, развить национальную систему налогового обложения, положить основание здоровой системе денежного обращения и системе серебряного обращения, реформировать банковскую политику и использовать национальный кредит.

3. Поскольку унификация финансов является единственной основой для национального развития, партия должна создать определенную систему концентрации всех видов доходов в министерстве финансов, и в то же время все военные и административные расходы должны выплачиваться из национального казначейства.

4. Национальный бюджет должен включать все доходы и расходы и должен представляться на утверждение национальному правительству.

5. Национальное правительство должно окончательно разделить все доходы и расходы национального и местного характера.

6. Без специальной санкции правительства, все учреждения и организации не могут увеличивать расходов сверх границ, зафиксированных для них в национальном бюджете.

7. При составлении бюджета, различные виды доходов должны быть определены с достаточной осторожностью, а расходы ограничены так, чтобы доходы были достаточны для покрытия расходов.

8. Местный бюджет должен представляться национальному правительству, которому будет принадлежать власть установления местных расходов

и доходов и ограничения собирания местных налогов; в случае дефицита, недостаток средств должен покрываться из национальных ресурсов.

9. Так как было бы несправедливо увеличивать чрезмерно налоговое бремя, падающее на массы населения, национальное правительство при установлении доходного бюджета должно уделять внимание всем поступлениям неналогового характера, как, например, от естественных и материальных богатств страны, лесов, дохода от железных дорог и водных путей, прибылей от национальной промышленности и предоставления патентов, а также излишков почтово-телеграфного ведомства. Денежное обращение и национальные земли также могут быть использованы для покрытия расходов. В случаях, когда бюджет недостаточен для покрытия расходов, следует предпочитать выпуск национальных займов, которые будут выплачиваться из предстоящего в будущем прироста правительственных доходов, чем увеличивать налоговое обложение. Что же касается неотложных расходов, которые не могут быть покрыты из доходов, то для их удовлетворения могут быть выпускаемы краткосрочные обязательства национального казначейства.

10. При современных условиях национального обложения, партия считает систему прямых налогов наиболее важным видом сборов; но все же партия считает необходимым предложить национальному правительству принять меры к увеличению косвенного обложения (как, например, обложения товаров), потому что сборы этого рода гораздо проще и легче осуществимы на практике. Кроме того, эту систему легче контролировать, а ее тяготы остаются для народа почти незаметными.

11. Чтобы создать условия, способствующие развитию туземной промышленности, должна быть проведена дифференциация ставок обложения для туземных и иностранных товаров; ставки для последних должны быть тяжелее, чем для первых.

12. В отношении системы прямого обложения, партия высказывается за упразднение всех чрезвычайных налогов, которые должны быть замещены небольшим количеством основных видов обложений, таких, как, например, *налоги на сельское хозяйство, налоги на торговлю, налоги на промышленность*. Собирание всех других сборов, вредных для народа, должно быть постепенно упразднено.

13. Партия должна способствовать уничтожению всех видов незаконных налогов и сборов и подавлению вредного обычая, согласно которому каждый гражданский или военный чиновник имеет право собирать налоги. Министерство финансов должно превратиться в единственный орган собирания всех налогов и правительство должно всячески защищать всех тех,

кто заплатил установленные для них законом налоги, и избавлять их от платежа незаконных сборов.

14. Помимо установленных законом налогов, местные чиновники или другие лица не должны иметь права увеличивать налоги или вводить прибавки к ним.

15. Все специальные налоги, взимавшиеся для покрытия расходов особого рода, должны уплачиваться впредь национальному казначейству, из которого будут производиться все расходы в соответствии с бюджетом.

16. Современная система ликина губительна для народа и является источником притеснения масс населения. Кроме того, она создает большие опасности для рынка, так как при перевозе тех же самых товаров, купцу часто пред'является требование о платеже ликинных сборов более, чем 10 раз. Так как купец стремится возместить себе произведенные им платежи ликина, то цена на товары чрезвычайно возрастает. В результате, *возможность для населения покупать эти предметы значительно* уменьшается, и товарообороту, естественно, наносится существенный ущерб. Это является большим препятствием для развития туземной промышленности. С другой стороны, собирание ликина не дает больших выгод в смысле государственных доходов, потому что взимание его уменьшает собирание налогов с торговли и промышленности и, помимо того, только небольшая часть сборов поступает в национальное казначейство, тогда как большая часть растекается по частным карманам или служит для покрытия расходов учреждений по сбору ликина. В настоящий переходный период партия заменит различные виды ликинных сборов одним его основным типом, так как купцы после первого платежа ликинного сбора не будут более принуждаться к платежу его во второй раз. Впоследствии, этот один вид ликинного сбора также будет уничтожен и будет замещен специальным налогом на товарный оборот с различными ставками, с целью уменьшить ввоз иностранных товаров и способствовать развитию национального производства. В то же время это будет способствовать устранению опасности конфликтов между различными собирающими ликин учреждениями данной провинции и соседних провинций.

17. По мере того, как будут упрощаться виды налогов, способы их собирания также должны подвергаться упрощению. Все местные независимые органы собирания налогов должны быть упразднены. Все местные финансовые учреждения, назначенные министерством финансов, должны принять *целиком на себя задачу руководства и проведения сбора налогов в соответ*ствующих районах и округах; члены местных финансовых организаций, назначенные министерством финансов, должны кооперировать с местными

властями, и на финансовые органы должна ложиться полная ответственность по руководству собиранием налогов в данной местности.

18. Так как система сдачи налогов на откупа никоим образом не является благодетельной ни для государства, ни для народа, она должна быть постепенно отменена.

19. В согласии с правами и с установленными законами всех суверенных государств, партия потребует от всех жителей страны, независимо от того, принадлежит ли они к китайской национальности, или являются иностранцами, имеются ли у них какие-нибудь соглашения с Китаем или нет, живут ли они внутри или вне железнодорожных зон, чтобы они уплачивали в одном и том же размере установленные законом налоги. Правительство не примет на себя ответственности по установлению обложения на тех-же самых основаниях для агрессивных предприятий(?).

20. Чтобы устранить и реформировать практику взяточничества при собирании налогов, будут организованы специальные комитеты по обложению, с участием представителей от народа, чтобы принять особые меры к устранению тягот и страданий деревенского населения.

21. Правительство уделит особое внимание материальному положению всех сборщиков налогов и других финансовых чиновников. Чтобы избежать взяточничества, такие сборщики и чиновники получат впредь жалование, достаточное для покрытия издержек существования. Всякий раз, при установлении случаев взяточничества виновные будут подвергнуты тяжелым наказаниям.

22. После того как будет произведена реформа способов собирания налогов, правительство уделит особое внимание такому использованию этих фондов, чтобы все расходы имели своей целью увеличить благосостояние государства. Так как постоянные гражданские войны, вызываемые иностранными империалистами и туземными милитаристами, привели нацию к обнищанию, необходимо, чтобы национальное правительство расходовало все эти фонды с соблюдением строжайшей экономии. Все прежние начинания, потерявшие в настоящее время свое практическое значение, должны быть прекращены. Гораздо важнее усовершенствовать существующую финансовую систему так, чтобы национальное казначейство получило правильное направление и все излишние расточительные расходы были бы исключены, чем изыскивать средства для увеличения собираемых налогов. Кроме того, необходимо принять меры к тому, чтобы местные природные богатства свободно развивались и не могли захватываться иностранцами; значительные доходы могут быть также получены от имущества, конфискованного в последнее время у повстанцев против национального правительства.

23. В настоящее время, когда наша страна переходит от периода запутанной внутренней борьбы к мирному строительству, партия находит необходимым приступить к урегулированию национального расходного бюджета. Правда, в настоящее время не приходится думать о понижении по бюджету каких-либо значительных статей; к тому же расходы на национальную оборону должны быть даже увеличены настолько, чтобы создать возможность полной перестройки организации армии, призванной к защите страны. По мере увеличения доходов национального правительства, специальное внимание должно уделяться положению административного аппарата с целью завершения мирного экономического строительства. Расходы на элементарное, среднее и высшее образование, а также на развитие национальной гигиены, должны занимать надлежащие места в национальном расходном бюджете. Кроме того, для благополучия народа чрезвычайно важно усовершенствование дорожного строительства и муниципального управления. Поэтому правительство должно особенно заботиться об этих отраслях управления. Чрезвычайно важным является также включение в расходный бюджет расходов на сооружение крупнейших предприятий, имеющих обще-национальное значение с политической и экономической точки зрения, как например, создание коммерческого порта в гавани Вампу, осуществление которого даст возможность китайскому народу вернуть от иностранцев законно принадлежащие ему в хозяйстве Южного Китая права.

24. Чтобы урегулировать расходный бюджет правительства, все органы должны иметь определенное число служащих, устанавливаемое для них национальным правительством; даже число командного состава в войсках должно быть твердо зафиксировано. Все органы не должны иметь права увеличивать число служащих без разрешения правительства. Должен быть установлен размер заработной платы для служащих всех рангов в правительственных органах, и никто не должен получать вознаграждения сверх этой нормы.

25. Чтобы сосредоточить в одном месте все государственные и общественные средства, правительство должно превратить Центральный Банк со всеми его отделениями в главный орган, через который собираются доходы и производятся расходы национального правительства; все учреждения и общественные организации должны депонировать свои сбережения и временно свободные средства в Центральном Банке и его отделениях. Для облегчения этой задачи Центральный Банк должен открыть дополнительные отделения и агенства в различных местах провинции.

26. В отношении реформы денежного обращения Съезд постановляет следующее. Из-за расстройства денежной системы народ Гуандунской провинции испытывает тяжелые страдания, так как в стране нет твердой де-

нежной единицы, рынок наводнен поддельными денежными знаками и неполновесной монетой. Различные способы исчисления в больших долларах и малых долларах приводят к еще большей запутанности серебряного рынка. В то же самое время иностранные банки ведут пропаганду на местных рынках, убеждая народ пользоваться их банкнотами. Поскольку местное денежное обращение находится в столь хаотическом состоянии, необходимо, чтобы партия занялась реформой его и позаботилась об из'ятии испорченных денег со всех внутренних рынков. При выпуске своих банкнот, Центральный Банк может пользоваться коммерческими векселями, золотом, серебром и иностранными банкнотами в качестве их обеспечения. Сверх того, Центральный Банк должен выпускать свои банкноты только в строгом соответствии с потребностью рынка; в случае, если количество банкнот превосходит спрос, банк должен изымать из обращения излишние выпуски. В те периоды года, когда экспорт наиболее энергичен, и курс иностранных денег соответственно падает наиболее низко, Центральный Банк может приобретать иностранную валюту, создавая тем более прочные основания для обмена банкнот, выпущенных банком.

27. Что касается политики государственного кредита, то для развития народного хозяйства и выполнения широких планов строительства (как, например, сооружения коммерческого порта в Вампу), партия должна прибегнуть к системе выпуска внутренних займов. Сумма первого внутреннего займа может быть определена в 10 миллионов долларов. Обеспечением ему должны служить все правительственное имущество и повышенные доходы будущего года. Заем должен подлежать краткосрочному погашению и предоставлять своим держателям большие шансы на выигрыш, а также приносить известный процент. По осуществлении этого займа, правительство может приступить к выпуску новых облигаций на более долгий срок.

28. Уставы всех банков, учреждённых в Китае, — независимо от того, организованы их правления в иностранных колониях, железнодорожных зонах или в различных других местах Китая, — должны утверждаться правительством. Каждый банк должен заключать соглашения с правительством относительно характера его работы и его прав. С разрешения правительства эти банки могут выпускать банкноты, но известный процент прибыли должен предоставляться правительству, а самый выпуск банкнот должен происходить под правительственным контролем, осуществляемым для гарантии того, что денежная эмиссия будет итти на благо народа. В согласии с международным правом, а также с трактатами, заключенными между Китаем и иностранными государствами, иностранцам не должно предоставляться право учреждать банки и выпускать банковые билеты внутри китайской территории. Поэтому, иностранные банки не должны учреждаться.

а банкноты не должны выпускаться на китайской территории под тем предлогом, что эти банки получили разрешение от колоний или от своих метрополий. Партия будет усматривать в подобных действиях посягательство на китайский суверенитет и берет на себя задачу урегулировать положение всех иностранных банков, возникших без разрешения на китайской территории.

29. В соответствии с резолюциями первого С'езда делегатов Гоминьдана относительной тарифной автономии и свободного распоряжения китайского правительства таможенными доходами, партия признает тарифную автономию естественной привилегией китайского народа. Национальное правительство должно контролировать все доходы, собираемые на границах как в морских, так и сухопутных таможнях и депонировать получаемые таким путем суммы в Центральном Банке. Все таможенные служащие должны назначаться национальным правительством. Должен быть разработан специальный тариф, способствующий развитию туземной промышленности и торговли, увеличивающий экспорт туземных сырья и продуктов и в то же время повышающий правительственные доходы. С целью устранения препятствий для торговли в различных коммерческих портах Китая, правительство должно упразднить все виды неправомерных тарифов и собирать только импортные пошлины с кораблей (в роде налогов за стоянку в гавани или налогов на груз).

Доходы и расходы национального правительства [1].

1. Обще-национальные.

Декабрь 1926 г.:

Доходы.		Расходы.	
Остаток от предыдущего м-ца.	187.866	Политические.	18.000
Доходы от соли.	60.000	Внутренние дела	14.350
Таможенные доходы.	39.079	Финансовые расходы	10.276
Гербовые сборы	24.419	На народное просвещение. .	2.000
Прибавка к тамож. пошлинам	5.000	На юстицию	6.481
Разные доходы	27.327	Погашение займов.	10.000
Доходы на размене	1.089	Расходы на размене.	1.120
		Остаток	
		в больших долларах.	155.711
		в мелкой монете . . . . . (171.236) [2]	126.842
	344.781		344.781

2. Провинциальные.

Декабрь 1926 г.

Доходы.		Расходы.	
Ликин	17.123	Внутренние дела.	31.269
Поземельный налог	15.814	Гоминдан	38.182
Доход с собственности (рента)	212	Финансовые расходы.	36.090
Разные	73.557	На юстицию	4.000
Дефицит	37.952	На народное просвещение. .	35.117
	144.558		144.558

[1] Со времени переезда его в Ухань. Регистрация части доходов и расходов за период январь—март производилась с некоторым запозданием, чем об'ясняется резкое увеличение цифр доходов и расходов с апреля. **Во многих отчетных ведомостях итоги подбиты неправильно.** Воспроизводим их с допущенными министерством финансов национального правительства ошибками.

[2] Цифра в скобках обозначает номинальную ценность мелкой монеты, а цифра в общей графе расходов—ее рыночную цену.

1. Обще-национальные.

Январь 1927 г.

Доходы.		Расходы.	
Остаток от предыдущего м-ца:		Политические	22.286
в больших долларах	155.711	Военные	1.335.000
в мелкой монете (171.236)	126.842	Иностранные дела	15.000
Соляной доход	150.000	Внутренние дела	25.615
Таможенный доход	3.200	Финансовые	67.932
Гербовые сборы	12.438	На юстицию	7.500
Прибавка к тамож пошлинам	92.033	Пути сообщения	12.000
Сбор с табака и вин	51.000	Погашение долгов	1.560
Налог с опиума	1.030.000	Разные расходы	8.530
Государственная собствен.	3.294	Расходы на обмене	15.664
Государственные предприят.	60.000	Переведено Хубэйскому казначейству	37.952
Разные доходы	115.603	**Остаток.**	
Доход на обмене	15.630	В больших долларах	106.773
		В тазлях (20.000)	28.571
		В мелкой монете (177.344)	131.366
	1.815.750		1.815.750

2. Провинциальные.

Январь 1927 г.

Доходы.		Расходы.	
Переведено от национального казначейства	37.952	Дефицит в декабре	37.952
Ликин	113.967	Внутренние дела	193.900
Поземельный налог	69.463	Гоминьдан	49.848
Доход с собственности (рента)	2.420	Финансовые	39.138
Разные	210.134	По народному просвещ	83.036
		По юстиции	22.781
		Расход на обмене	63
		Остаток	7.197
	433.935		433.935

1. Обще-национальные

февраль 1927 г.

Доходы.		Расходы.	
Остаток от предыдущего м-ца:		Политические	18.606
в больших долларах	106.773	Военные	510.000
в таэлях (20.000)	28.571	Внутренние дела	72.465
в мелкой монете (177.344)	131.366	Финансовые	21.014
Доход от соли	174.612	На юстицию	2.500
Таможенный доход	1.663	Пути сообщения	10.000
Гербовый сбор	63.166	Погашение займов	183.916
Прибавка к тамож. пошлин	130.000	Разные расходы	20.990
Сборы с табака и вин.	16.130	Остаток.	
Налог на опиум	150.000	В больших долларах	223.824
Реализация облигаций займов	62.750	В таэлях (37.267)	53.239
Разные доходы	382.114	В мелкой монете (176.210)	130.526
	1.247.145		1.247.145

2. Провинциальные.

февраль 1927 г.

Доходы.		Расход.	
Остаток от января	7.197	Внутренние дела	235.954
Ликин	29.194	Гоминьдан	5.444
Поземельный налог	40.467	На юстицию	20.995
Доход от собственности (рента)	20.000	На народное просвещение	20.000
Разные	363.662	Остаток	133.126
	460.520		460.520

1. Обще-национальные

март 1927 г.

Доходы.		Расходы.	
Доход с соли	297.608	На центральное правительство	145.150
Таможенные доходы	583	Иностранные дела	53.000
Гербовые сборы	330.347	Внутренние дела	93.144
Прибавка к таможенному доходу	338.914	Гоминьдан	41.000
Сборы с табака и с вин	23.508	Финансовые	342.152
Анти-опиумный налог	560.000	На юстицию	7.500
Доход с правительственной собственности	720	Пути сообщения	189.489
Доход от правительств. предприятий	40.000	Военные	15.750.644
Займы	16.189.304	На народное просвещение	3.000
Облигации правительств. займов	999.800	Капитал для Центр. Банка	3.167.925
Переводы	1.422.914	Погашение займов	253.037
Получение платежей вперед	52.868	Проценты по займам	57.675
Разные	136.979	Разные	21.912
Получено от Хубэйского Финансового Департамента	20.000	Переведено провинциальному казначейству	199.115
Прибыли на обмене	52.638	Потери на обмене	53.239
	20.466.185		20.377.981
Остаток от предыдущего м-ца.		Остаток от предыдущего м-ца.	
в больших долларах	223.834	в больших долларах	346.883
в таэлях (37.267)	53.239	в таэлях (12.876)	18.394
в мелкой монете (176.210)	130.526	в мелкой монете (176.210)	130.526
	20.873.785		20.873.785

2. Провинциальные

март 1927 г.

Доход.		Расход.	
Поземельный налог	30.226	Постоянные:	
Ликин	93.840	Гоминьдан	66.848
Другие налоги	78.932	Внутренние дела	379.077
Разные	8.972	Финансовые	42.208
Доход с собственности (рента)	200	На народное просвещение	170.000
Счет недоимок	147.303	На юстицию	28.377
Прибыли на обмене	696	Благотворительные	3.208
Получено от нац. казнач.	199.130	Временные.	
Остаток от предыдущего м-ца	133.126	Гоминьдан	1.000
		Внутренние дела	1.008
		Потери на обмене	701
	692.427		692.427

1. Обще-национальные

апрель 1927 г.

Доходы.		Расходы.	
Налог с соли	351.349	Центральное Правительство	103.820
Таможенные пошлины	9.966	Внутренние дела	101.955
Гербовые сборы	132.315	Иностранные дела	39.510
$2^1/_2{}^0/_0$-ная таможенная надбавка	301.903	Гоминьдан	57.300
Сборы с табака и вин	11.000	Финансовые	172.273
Анти-опиумный налог	810.000	По народному просвещению	21.100
Доход с правит. собствен.	7.797	На юстицию	25·217
Переводы	1.642.641	Пути *сообщения*	106.200
Займы	9.520.126	Военные	10.581.429
Авансовые платежи	106.000	Погашение займов	1.966.784
Облигации правит. займов	17.862	Проценты по займам	100.447
Разные	78.056	Счет недоимок	11.824
		Разные	1.046
		Передано провинциальному казначейству	188.123
	12.989.015		13.477.027
Перенос по книгам за этот месяц	354.828	Остаток:	
Остаток от прошлого м-ца:		в больших долларах	—
в больших долларах	346.883	в таэлях (161.531)	230.759
в таэлях (12.876)	18.394	в мелкой монете (178.011)	131.860
в мелкой монете (176.211)	130.526		
	13.839.646		13.839.646

2. Провинциальные

апрель 1927 г.

Доходы.		Расходы.	
Поземельный налог	46.904	Постоянные:	
Ликин	98.171	Гоминьдан	53.744
Другие налоги	90.184	Внутренние дела	246.080
Разные	11.826	Финансовые	21.470
Счет недоимок	141.100	На народное просвещ.	126.000
Получено от нац. казн.	188.107	На юстицию	44.768
		Благотворительные	7.669
		Временные:	
		Внутренние дела	20.262
		Счет недоимок	18.093
		Остаток	38.207
	576.292		576.292

1. Обще-национальные

Май 1927 г.

Доходы.		Расходы.	
Налог с соли	216.979	Центральное правительство	86.228
Таможенные пошлины	20.202	Иностранные дела	30.652
Гербовые сборы	49.586	Внутренние дела	3.360
2½%-ная таможенная надбавка	345.856	Гоминьдан	717.280
Сборы с табака и вин	27.044	Финансовые	300.000
Доход с правит. собствен.	2.162	На народное просвещение	25.000
Анти-опиумный налог	300.000	На юстицию	10.805
Переводы	145.000	Пути сообщения	43.200
Авансовые платежи	44.000	На земледелие	20.000
Займы	16.713.718	Военные расходы	10.272.140
Правительствен, облигац.	323.700	Погашение займов	5.476.569
Казначейские билеты	7.499	Счет недоимок	191.357
Разные	84.746	Разные	11
		Передано провинциальному казначейству	875.819
	18.280.492		18.052.421
Перенос по книгам за этот месяц	343.556	Перенос по книгам за прошлый месяц	354.828
Остаток от предыдущ. м-ца: в таэлях (161.531)	230.759	Остаток: в таэлях (313.290)	447.558
в мелкой монете (178.011)	131.859	в мелкой монете (178.011)	131.859
	18.986.666		18.986.666

2. Провинциальные.

Май 1927 г.

Доходы.		Расходы.	
Остаток за предыдущ, м-ц.	38.207	Постоянные:	
Поземельный налог	62.263	Внутренние дела	742.464
Ликин	45.849	Гоминьдан	100.600
Другие налоги	83.835	Финансовые	49.510
Разные	5.946	На народное просвещение	130.000
Счет недоимок	72.763	На юстицию	38.091
Получено от нац. казнач.	875.819	Благотворительные	3.781
		Земледелие	32.790
		Временные:	
		Внутренние дела	10.690
		Финансовые	38.465
		На юстицию	84
		Дефицит	38.207
	1.184.682		1.184.682

Общая сводка военных доходов и расходов, составленная главной военной квартирой за первый период северной экспедиции с 26 июля по 30 ноября 1926 года.

В малых кантонских долларах.	**Поступления.** Источники поступления в валюте поступления.	
	Август.	
3.744.801	Переведено из Кантона:	
	1. серебряных долларов....	618.300
	2. в мелкой размен. монете.	851.700
	3. мелкими банкнотами.....	505.000
	4. банкнотами трех провинций	1.553.396
135.000	Заем у Хунаньского Военного Бюро:	
	1. серебряных долларов....	100.000
	Сентябрь.	
1.638.500	Переведено из Кантона:	
	1. серебряных долларов....	710.000
	2. мелкой размен. монеты..	160.000
	3. банкнот трех провинций.	120.000
	4. банкнот в малых долларах.	400.000
307.800	Уплачено Хубэйским Финансовым Советом:	
	1. серебряных долларов....	228.000
305.100	Ссуда под залог у Банков:	
	1. серебряных долларов....	226.000
4.040	Переведено разными органами:	
	1. мелкой размен. монетой .	4.040

	Октябрь.	
3.676.882	Переведено из Кантона:	
	1. серебряных долларов....	1.275.000
	2. банкнотами в больших долларах.....	1.250.000
	3. в мелкой разменной монете.....	268.132
5.003.800	Уплачено Хубэйским Финансовым Советом:	
	1. серебряных долларов....	35.000
	2. банкнотами в мелк. дол..	25.000
	3. временными знаками главной кварт. Цзян-Кай-ши.	3.653.000
9.045	Переведено разными органами:	
	1. серебряных долларов....	6.700
	Ноябрь.	
560.250	Переведено из Кантона:	
	1. серебряных долларов....	269.074
	2. банкнот трех провинций.	200.000
55.080	Уплачено Хубэйским Финансовым Советом:	
	1. временными знаками главной кварт. Цзян Кай-ши.	40.800
220.070	Разные получения:	
	1. премия на обмене денег..	220.170
3.701.965	Поступления от Учанской Главной кварт. (от Хубэйского Финансового Совета)	
	1. серебряных долларов....	1.685.500
	2. в мелкой размен. монете.	130.000
	3. банкнотами трех провинций	960.400
487.040	От Цзянсийской Главной квартиры: (предоставлено Политическим Советом)	

270.000	От *Китайского* банка в Цзюцзяне:	
90.000	Переведено из Кантона:	
	1. серебряных долларов....	90.000
148.391	Разные получения:	
	1. остаток в мелкой серебряной монете, возвращенный различными главн. управлениями и штабами.	143.775
	2. *остаток в мелкой* монете от различных отделов и подчиненных управлений.	4.616
20.140.914	Всего заприходовано.	

Расходы.

Главная квартира первого корпуса[1]).

Обыкновенные расходы за:

1. август	94.050	
2. сентябрь	23.050	
3. октябрь	22.000	
4. ноябрь	10.919	150.019

Чрезвычайные расходы за:

1. август	81.214	
2. сентябрь	16.622	
3. октябрь	19.393	117.230
Всего . .		267.249

Дивизия № 1.

Обыкновенные расходы за:

1. сентябрь	80.100	
2. октябрь	140.665	
3. ноябрь	93.276	314.041

Чрезвычайные расходы за:

1. сентябрь	70.442	
2. октябрь	103.484	
3. ноябрь	71.662	245.588
Всего . .		559.630

[1]) Мы переводим термином: корпус китайское наименование—„армия".

Дивизия № 2.

Обыкновенные расходы за:

1. август	43.900	
2. сентябрь	173.392	
3. октябрь	201.947	
4. ноябрь	63.618	482.858

Чрезвычайные расходы за:

1. август	69.927	
2. сентябрь	9.284	
3. октябрь	14.061	
3. ноябрь	63.908	157.226
Всего		640.084

Второй корпус

Обыкновенные расходы за:

1. август	69.600	
2. сентябрь	160.570	
3. октябрь	187.537	
4. ноябрь	385.538	803.245

Чрезвычайные расходы за:

1. август	153.417	
2. сентябрь	155.517	
3. октябрь	152.406	
4. ноябрь	249.797	711.138
Всего		1.514.383

Третий корпус.

Обыкновенные расходы за:

1. август	79.500	
2. сентябрь	183.300	
3. октябрь	237.340	
4. ноябрь	79.500	579.640

Чрезвычайные расходы за:

1. август	161.026	
2. сентябрь	162.511	
3. октябрь	244.840	
4. ноябрь	112.383	680.660
Всего		1.260.300

Четвертый корпус.

Обыкновенные расходы за:

1. август	66.000	

2. сентябрь	49.799	
3. октябрь	333.290	
4. ноябрь	331.616	780.705

Чрезвычайные расходы за:

1. август	218.709	
2. октябрь	6.750	
3. ноябрь	6.844	232.304
	Всего . .	1.013.009

Пятый корпус

Обыкновенные расходы за:

1. октябрь	10.550	
2. ноябрь	72.413	82.962

Чрезвычайные расходы за:

1. ноябрь	15.000	15.000
	Всего . .	97.962

Шестой корпус.

Обыкновенные расходы за:

1. август	117.000	
2. сентябрь	78.500	
3. октябрь	237.627	
4. ноябрь	107.640	540.767

Чрезвычайные расходы за:

1. август	218.710	
2. сентябрь	72.903	
3. октябрь	201.883	
4. ноябрь	72.903	566.399
	Всего . .	1.107.166

Седьмой корпус.

Обыкновенные расходы за:

1. август	227.500	
2. сентябрь	250.040	
3. октябрь	675.495	
4. ноябрь	175.250	
	Всего . .	1.328.285

Восьмой корпус:

Обыкновенные расходы за:

1. сентябрь	1.280	
2. октябрь	233.250	
3. ноябрь	209.250	
Всего		444.780

(В сводку не включены 700.000 больших долларов, получавшиеся ежемесячно этим корпусом из Хунани).

Девятый корпус:

Обыкновенные расходы за:

1. октябрь	36.750	
2. ноябрь	28.350	
Всего		65.100

Десятый корпус.

Обыкновенные расходы за:

1. сентябрь	20.000	
2. октябрь	80.000	
2. ноябрь	47.000	147.250
Всего		147.250

Одиннадцатый корпус.

Обыкновенные расходы за:

1. ноябрь	12.850	12.850

Четырнадцатый корпус:

Обыкновенные расходы за:

1. ноябрь	370.000	
Всего		370.000

Пятнадцатый корпус.

Обыкновенные расходы за:

1. сентябрь	6.804	
2. октябрь	27.000	
Всего		33.804

(Расходы этого корпуса покрывались полностью Ханькоуским Бюро по соляному налогу).

Независимая дивизия № 2.

Обыкновенные расходы за:		
1. сентябрь	100.750	
2. октябрь	480.000	
3. ноябр	112.550	
Всего . . .		693.300

Жандармский полк.

Обыкновенные расходы за:		
1. август	11.300	
2. сентябрь	18.808	
3. октябрь	41.281	
4. ноябрь	26.257	
		97.718
Чрезвычайные расходы за:		
1. август	4.500	
2. сентябрь	13.183	
3. октябрь	15.456	
4. ноябрь	16.462	49.602
Всего . . .		147.320

Бюро авиации.

Обыкновенные расходы за:		
1. август	16.000	
2. сентябрь	21.145	
3. октябрь	23.075	
4. ноябрь	10.600	
Всего . . .		70.820
Чрезвычайные расходы за:		
1. сентябрь	5.774	
2. октябрь	9.909	
3. ноябрь	5.690	21.353
Всего . . .		92.173

Транспортная часть [1]).

Обыкновенные расходы за:		
1. август	7.678	
2. сентябрь	12.969	
3. октябрь	15.474	
4. ноябрь	31.605	67.726
Чрезвычайные расходы за:		
1. август	20.478	
2. сентябрь	5.151	
3. октябрь	13.705	
4. ноябрь	5.488	44.825
Всего . .		112.552

[1]) Здесь, как и в некоторых других местах, сказано „часть" ,вместо китайского термина „корпус".

„Комиссары по умиротворению".

1. сентябрь	405	
2. октябрь	4.402	
3. ноябрь	36.180	
Всего . .		40.987

Различные специальные части.

1. сентябрь	2.821	
2. октябрь	7.430	
3. ноябрь	1.350	
Всего . .		11.421

Специальные расходы.

1. август	91.500	
2. сентябрь	197.280	
3. октябрь	50.231	
4. ноябрь	160.643	
Всего . .		499.654

Добавочная часть четвертого полка.

Обыкновенные расходы за:

1. сентябрь	8.100	
2. октябрь	30.383	
3. ноябрь	91.623	130.106

Чрезвычайные расходы за:

1. сентябрь	390	
2. октябрь	13.546	13.936
Всего . .		144.042

Учебный артиллерийский полк.

Обыкновенные расходы за:

1. август	12.000	
2. сентябрь	34.514	
3. октябрь	34.151	
4. ноябрь	46.445	127.110

Чрезвычайные расходы за:

1. август	14.000	
2. сентябрь	15.030	
3. октябрь	12.150	
4. ноябрь	10.875	52.055
Всего . .		179.165

Учебный инженерный батальон.

Обыкновенные расходы за:

1. август	550	
2. сентябрь	10.265	
3. октябрь	8.804	
4. ноябрь	10.918	30.537

Чрезвычайные расходы за:

1. август	170	
2. сентябрь	7.171	
3. октябрь	7.933	
4. ноябрь	74	15.348
Всего . .		45.885

Полевой штаб Главной Квартиры.

Обыкновенные расходы за:

1. август	69.000	
2. сентябрь	138.342	
3. октябрь	150.897	
4. ноябрь	234.969	593.208

Чрезвычайные расходы за:

1. август	61.400	
2. сентябрь	56.884	
3. октябрь	78.112	
4. ноябрь	4.223	200.619
Всего . .		793.826

Транспортное Бюро Главнокомандующего.

Обыкновен. и чрезвычайные расходы за:

1. август	231.500	
2. сентябрь	361.500	
3. октябрь	492.440	
4. ноябрь	909.651	
Всего . .		1.995.091

Политическое Бюро.

Обыкновенные расходы за:

1. август	112.515	
2. сентябрь	51.055	
3. октябрь	104.852	
4. ноябрь	91.258	
Всего . .		359.681

Драматический клуб солдат любителей.

(Транспортные издержки по политическим представлениям)

1. август	16.138	
2. сентябрь	10.028	
3. октябрь	17.459	
4. ноябрь	32.651	
Всего . .		76.277

Добавочная часть пятого полка.

Обыкновенные расходы за:

1. сентябрь	5.800	
2. октябрь	35.740	
3. ноябрь	72.912	114.483

Чрезвычайные расходы за:

1. сентябрь	5.000	
2. октябрь	14.173	
3. ноябрь	20.802	40.275
Всего . .		154.758

Добавочная часть шестого полка.

Обыкновенные расходы за:

1. ноябрь	9.000	

Чрезвычайные расходы за:

1. ноябрь	7.750	16.750
Всего . .		

Хубэйская дивизия № 1.

Обыкновенные расходы за:

1. октябрь	162.000	
2. ноябрь	51.300	
Всего . .		213.300

Смешанная бригада № 1.

Обыкновенные расходы за:

1. октябрь	66.150	
2. ноябрь	40.500	
Всего . .		106.650

Особая часть под командой генерала Фана

Обыкновенные расходы за:

1. сентябрь	16.335	
2. октябрь	89.064	
3. ноябрь	21.870	
Всего . .		127.269

Вновь организованная дивизия № 1.

Обыкновенные расходы за:

1. ноябрь	10.000	

Чрезвычайные расходы за:

1. ноябрь	5.000	
Всего . .		15.000

Вновь организованная дивизия № 2.

Обыкновенные расходы за:

1. ноябрь	10.000	

Чрезвычайные расходы за:

1. ноябрь	5.000	
Всего . .		15.000

Политическая секция:

Обыкновенные и чрезвычайные расходы:

1. октябрь	1.568	
2. ноябрь	52.650	
Всего . .		54.218

Учебная часть.

Обыкновенные расходы за:

1. ноябрь	27.000	

Чрезвычайные расходы за:

1. ноябрь	50.000	
Всего . .		77.000

Дополнительный батальон взвода № 1.

Обыкновенные расходы за:

1. октябрь	10.445	
2. ноябрь	5.154	
Всего . .		15.599

Главное командование по восточному флангу № 1.

Обыкновенные расходы за:

1. ноябрь	38.073	

Чрезвычайные расходы за.

1. ноябрь	5.000	
Всего . .		43.073

Дивизия № 22.

Обыкновенные расходы за.

1. ноябрь	22.448	

Чрезвычайные расходы за:

1. ноябрь	30.019	
Всего . .		52.467

Хубэйское наблюдательное Бюро.

Обыкновенные и чрезвычайные расходы за:

1. октябрь	1.744	
2. ноябрь	6.726	
Всего . .		8.470

Комитет по конфискации собственности изменников Хубэй.

Обыкновенные и чрезвычайные расходы:

Всего . .		1.000

Различные расходы:

1. август	33.009	
2. сентябрь	59.288	
3. октябрь	10.440	
4. ноябрь	94.003	
Всего . .		196.741

(включая издержки по печатанию).

Расходы на постельные принадлежности:

1. август	12.987	
2. сентябрь	179.218	
3. октябрь	390.428	
4. ноябрь	387.596	
Всего . .		970.230

(включая зимнее обмундирование—91.889).

Санитарные расходы по военным госпиталям.
Чрезвычайные расходы за:

1. август	8.117	
2. сентябрь	58.679	
3. октябрь	148.308	
4. ноябрь	134.331	
Всего . .		349.437

Расходы на награды и подарки солдатам.

1. август	8.100	
2. сентябрь	105.167	
3. октябрь	136.611	
4. ноябрь	122.678	
Всего . .		372.555

Транспортные расходы за:

1. август	3.780	
2. сентябрь	13.548	
3. октябрь	34.579	
4. ноябрь	32.667	
Всего . .		84.514

Морской отдел.

Обыкновенные расходы за:

1. сентябрь	897	
2. октябрь	1.897	
3. ноябрь	1.035	3.829

Чрезвычайные расходы за:

1. сентябрь	722	
2. октябрь	76	798
Всего . .		4.626

Расходы по атаке гор. Учана:

Расходы на шпионов за:

1. август	1.000	
2. сентябрь	2.970	
3. октябрь	6.309	
4. ноябрь	6.065	
Всего . .		16.344

Ассоциация воспитанников Академии Вампу.

Чрезвычайные расходы за:

1. август	300	
2. сентябрь	2.581	
3. октябрь	8.020	
4. ноябрь	1.458	
Всего . .		12.359

Командование Хубэйскими жандармами.

1. октябрь	14.445	
2. ноябрь	191.954	
Всего . .		206.399

Ханьянский арсенал:

1. октябрь	128.250	
2. ноябрь (расходы уплачены непосредственно и в настоящую сводку не вошли)	—	
Всего . .		128.250

„Комиссар по умиротворению" 2 корпуса.

1. октябрь	3.375	
2. ноябрь	2.835	
Всего . .		6.210

Политический совет Хубэя и Цзяньси.

1. Цзяньси	13.500	
2. Хубэй	467	
Всего . .		13.967

Расходы по рекрутированию солдат:		
1. август	540	
2. сентябрь	2.900	
3. октябрь	38.000	
Всего . .		41.440
Добавочные платежи за:		
1. август	5.050	
2. сентябрь	4.139	
3. октябрь	516	
4. ноябрь	33.182	
Всего . .		42.887
Расходы на пленных:		
1. август	5.000	
2. сентябрь	6.879	
3. октябрь	20.857	
4. ноябрь	118.440	
Всего . .		151.177
Расходы на разные покупки:		
1. сентябрь	20.374	
2. ноябрь	317	
Всего . .		20.691
Управление военными поездами:		
1. сентябрь	6.405	
2. октябрь	8.072	
Всего . .		14.477
На покупку риса для солдат:		
1. сентябрь	5.097	5.097
Расходы на сооружения		14.483
Бюро обмена		1.589

Путевые издержки солдат	17.532
Путевые издержки учебкоманд . . .	12.536
Расходы на секретные надобности.	273.375
Похоронные издержки.	627
Общий итог. . . .	17.955.451
Остаток	2.185.463
1. Ломбардировано в банках	762.000
2. Остаток в Цзяньсийской главной квартире . .	1.129.833
3. Остаток в Учанской главной квартире	393.630

Бюджетные предположения на май для различных военных частей, состоящих в ведении военного совета национального правительства.

(Уханский период).

1. Штаб Военного Совета	2.000
2. Главное Политическое Бюро Военного Совета	18.000
3. Отдел штабных служащих	22.000
4. Армейский Отдел	21.000
5. Отдел авиации:	
общие расходы	23.027
временные расходы	14.350
6. Общие управления	16.155
7. Секретариат:	
общие расходы	10.491
временные расходы	9.672
8. Военный суд:	
общие расходы	8.100
специальные	4.700
9. Конвой	36.257
Всего по Военному Совету	348.662

1. Штаб Главного Командования особого 4 корпуса	160.000
2. 2-й корпус	456.134
3. 3-й корпус	552.945
4. 4-й корпус	420.000
5. 6-й корпус	352.666
6. 8-й корпус	300.000
7. 11-й корпус	450.000
8. 15-й корпус	420.000
9. 30-й корпус	100.000
10. 35-й корпус	300.000
11. 36-й корпус	300.000
12. 2 концентрационный корпус	600.000
13. Различные войска, состоящие в распоряжении командующего особым 4 корпусом на фронте	300.000
14. Корпус „Цзянь Го"	100.000
15. Независимая 14 дивизия	180.000
16. Независимая 15 дивизия	150.000
17. Независимая 16 дивизия	100.000
18. 1 смешанная бригада	50.000
19. Команда бронированного поезда	17.000
20. „Временный" 15 корпус	60.000
Всего по различным воинским частям	5.388.745

1. Штаб Уханского гарнизона	3.000
2. Штаб Ханькоуского гарнизона	3.000
3. Центральное военно-политическое учебное заведение	350.288
4. Ханьянский арсенал	600.000
5. Фабрика изготовления обмундирования и одеял	9.000
6. Наблюдательное Бюро	11.655
7. На обучение беспроволочному телеграфированию в армии и флоте	2.989
8. Госпиталь для раненых солдат в Чанша	1.684
9. Госпиталь Западного фронта штаба главнокомандующего	8.320
10. Госпиталь для армии	10.400
11. На обучение солдат 4 корпуса	15.000
12. Общее управление 4 корпусом	175.693
Всего по разным учреждениям	1.193.129

Чрезвычайные расходы.

1.	Субсидии военно-транспортным комитетам на Пекин-Ханькоуской и Кантон-Ханькоуской железных дорогах . .	250.000
2.	Санитарные запасы .	120.000
3.	2 корпус:	
	временные	168.000
	специальные . . .	50.000
4.	3 корпус:	
	временные	168.000
	специальные . . .	50.000
5.	4 корпус:	
	временные	52.000
	специальные . . .	50.000
6.	6 корпус:	
	временные	152.000
	специальные . . .	50.000
7.	8 корпус:	
	временные	152.000
	специальные . . .	50.000
8.	11 корпус:	
	временные	172.000
	специальные . . .	50.000
9.	35 корпус:	
	временные	152.000
	специальные . . .	50.000
10.	36 корпус:	
	временные	168.000
	специальные . . .	50.000
11.	15 дивизия	56.000
12.	1 смешанная бригада (временный фонд).	40.000
13.	Общее управление особого 4 корпуса: фонд на покупку риса	200.000
14.	Ханьянский арсенал: фонд на закупку амуниции	55.000
15.	Стоимость летнего обмундирования для некоторых частей, его еще не получивших	300.000
16.	Резервный фонд . .	1.000.000
	Всего чрезвычайных расходов	3.705.000
	Общий итог . .	10.635.587

Сводка доходов и расходов за период с 1 мая по 15 августа 1927 г., составленная главной квартирой генерала Цзян-Кай-Ши и относящаяся к Нанкинской фракции гоминьдановского правительства.

(В серебр. долларах).

Доходы.

Остаток от прежней администрации	684.169
Министерство финансов	18.602.354
Финансовый Комитет Цзянсу	20.700.000
Финансовое Бюро Цзянсу	1.800.000
Финансовое Бюро Чжэцзян	2.015.714
Политический Совет Аньхуя	697.394
Химическое Бюро Цзянсу	10.000
Бюро по собиранию пожертвований в военные фонды	252.199
Остаток, полученный от Бюро раненых солдат	107.860
Остаток от комиссара Чу	12.726
Остаток от гарнизонного штаба в Ухани	21.918
Комиссар Ян из специальной полиции	200.000
Остаток, возвращенный из сумм, выданных в награду 6 корпусу	60.000
Остаток, полученный от Начальника штаба	14
Остаток, полученный от Департамента Контроля	3.057
Остаток, полученный от Главного Интенданта Ю	50
Остаток, полученный от Жандармского Штаба	762
Остаток, полученный от Департамента Снабжения	48
Остаток, полученный от Штаба Внутренней Речной Полиции	100
Остаток, полученный от поступлений по казначейским билетам, возвращенный воинскими частями	59.278
Нереализованные чеки и казначейские билеты, возвращенные Главным Штабом полевого командующего Восточным Фронтовым Корпусом	4.404
Казначейские билеты 3 провинций, возвращенные Главным Штабом полевого командующего Восточным Фронтовым Корпусом	24.129
Остаток, полученный от Департамента снабжения Бюро Путей Сообщения	8
Остаток, полученный от Департамента Общего управления гарнизонного штаба	299
Остаток, полученный от Нанкинского Отдела студенческого Союза	230
Проценты по вкладам	2.717
Штрафы, взысканные с Ван Чэн-туна	300.000
Штрафы, взысканные с Тай Луна	1.800
Штрафы, взысканные с Ва Чэна	2.000
Всего	54.448.270

Расходы.

Национальное правительство за май, июнь	26.189
Центральный Исполнительный Комитет за май, июнь	23.000
Штаб Центрального Гоминьдана	29.000
Центральная Юридическая Комиссия за май	1.000
Военный Совет за май, июнь	3.500

Особый Отдел Гоминьдана за май	3.000
Особый Комитет по чистке Гоминьдана	1.000
Ассоциация воспитанников юнкерской школы Вампу	21.147
Восточный Фронтовой Корпус	4.793.209
Второй Корпус	897
Пятый „	151.000
Седьмой „	2.110.000
Шестой „	1.348·872
Десятый „	1.533.906
Пятнадцатый Корпус	1.126.000
Двадцать седьмой Корпус	792.266
Тридцать третий „	878.806
Тридцать седьмой „	1.829.250
Сороковой Корпус	1.570.000
Сорок третий Корпус	201.200
Сорок четвертый „	1.078.417
Двадцать шестой „	760.000
Двадцатый Корпус	101.700
Двенадцатый „	1.700
Семнадцатый „	82.000
Четырнадцатый „	82.400
Двадцать пятый „	50.500
Тридцать первый Корпус	50.000
Новый пятый „	100.000
Новый шестой „	30.800
Новый одиннадцатый Корпус	587.000
Главный Штаб Второго Фронтового Корпуса	1.822.600
Главный Штаб Первого Фронтового Корпуса	3.297.000
Новый двадцать первый Корпус	100.000
Первая дивизия	65.000
Вторая „	2.000
Начальник Авангарда, Ван	86.000
Третья Дивизия	20.000
Независимая третья дивизия	10.000
Независимая четвертая дивизия	522.780
Новая первая дивизия	2.100
Новая пятая „	3.000
Временная вторая „	20.000
Новая независимая четвертая дивизия	30.000
Новый десятый Корпус	45.400
Независимая пятая дивизия	258.100
Представитель Северо-Западной Армии	6.000
Нанкинский Отдел Северо-Западной Револ. Армии	1.725.300
Реконструкцион. Корпус	102.000
Генерал Цзинь Юнь-ао	160.000
Особый отряд в округе Сювай	5.279
Добровольный отряд	25.000
Командир Дивизии Цзин	50.000
Комиссар по умиротворению Гуандуна	1.000
Комиссар по умиротворению Северн. Цзянсу	25.000
Комиссар по умиротворению на Северном фронте	10.500
Комиссар по умиротворению для Шаньдуна и Чжили	6.200
Специальное Полицейское Бюро	9.841
Штаб Чжэцзянского комиссара по обороне	40.000
Штаб комиссара Восточного Чжэцзяна по обороне	172.500
Штаб комиссара по обороне Западного Чжэцзяна	216.500
Дивизия для обороны Чжэцзяна	50.000
Штаб комиссара по обороне Восточного Цзянси	4.000
Комиссар по умиротворению Второго Фронтового Корпуса	9.261
Штаб по проведению военного положения в Нанкине	44.137
Штаб комиссара по обороне Шанхая	80.000
Начальник бронированных поездов	65.370
Начальник гарнизона речных портов Янцзы	210.000
Начальник гарнизона Нанкинских фортов	47.968
Начальник гарнизона Усунских фортов	39.266
Начальник гарнизна Цинцзянских фортов	13.874
Штаб Главнокомандующего флотом	900.000
Военное судно „Чуйчуан“	6.694
„ „ „Чу-чэн“	11.620
„ „ „Чао-у“	2.994
„ „ „Тай-юн“	1.508
Главный интендант военских частей	2.289.865
Комиссар по военным перевозкам на железных дорогах Тяньзин Пукоу и Лун-Хай	4.500

Комиссар по речному транспорту	93.000
Первая Дивизия сил обороны	422.500
Полковой Штаб сил обороны	171.028
Полковой штаб жандармских частей	92.698
Полковой Штаб артиллерийских частей	129.916
Инженерный отряд	132.800
Шестьдесят шестой полк	6.273
Учебный отряд	9.500
Шестой дополнительный полк	30.750
Седьмой дополнительный полк	31.650
Первый дополнительный полк	46.596
Второй дополнительный полк	37.324
Третий дополнительный полк	42.628
Пятый дополнительный полк	32.400
Четвертый дополнительный полк	30.000
Восьмой дополнительный полк	20.200
Десятый дополнительный полк	350
Одиннадцатый дополнительный полк	8.000
Двенадцатый дополнительный полк	3.000
Полк сил обороны	53.807
Двадцать первая Дивизия	65.300
Двадцать вторая „	79.300
Отдел по метанию бомб	14.180
Военное судно Цин-эр „Чунсан“	600
Военное судно „Чуонну“	7.000
Нанкинская беспроволочная станция	7.170
Форты Цзян-ин	5.601
Центральная Юнкерская Академия	5.500
Нанкинский Отдел офицеров и студентов Уханьской Юнкерской Академии	465.426
Департамент политического обучения	3.550
Шанхайская Гоминдановская Учебная Школа	57.865
Центральный Отдел Политического обучения	25.000
Бюро Информации	613.600
Шанхайский Арсенал	14.081
Арсенал в Ганьчжоу	960.000
	100.000
Нанкинский Арсенал	486.100
Комитет по призрению раненых солдат	297.383
Прежний административный Комитет Нанкина	475
Бюро снабжения	3.709
Бюро наблюдения	30.298
Управление Тяньцзин-Пукоуской железной дороги	120.000
Исполнительный Комитет по народному образованию	500
Тюремная стража первой тюрьмы в Цзянсу	2.471
Нанкинское Муниципальное Управление	96.000
Финансовое Бюро Нанкинского Муниципального Управления	50.000
Шанхайское Муниципальное Управление	160.000
Бюро по заведыванию военными делами по линии Тяньцзин Пукоу	500
Штаб авиации Восточного Фронтового Корпуса	8.160
Командир У	50.000
Штаб Советников	49.530
Управление Нач. Штаба	55.518
Департамент Контроля	11.300
Секретариат	35.943
Бюро Военных Дел	17.727
Департамент Снабжения	63.602
Главный Штаб	397.645
Бюро Путей Сообщения	236.502
Армейские врачи	431.742
Штаб Авиации	113.071
Специальная полиция	99.300
Департамент Общего Управления в Кантоне	15.365
Военный Трибунал	13.676
Бюро рекрутирования	5.164
Департамент обучения	32.773
Рацион для раненых солдат	38.000
Издержки на материалы для путей сообщения	326.408
Санитарные издержки для войск	273.131
Транспортные издержки	309.728
Мебель, всякое оборудование и обмундирование	3.549.012
Военные запасы	181.732
Расходы по путешествию	299.640
Специальные и случайные расходы	3.600.474
Субсидии	42.210

Расходы на строительные работы	53.598
Расходы по детективной службе	2.000
Награды войскам	534.160
Разные расходы	405.571
Похоронные расходы	3.038
Расходы на секретную военную службу	16.410
Лошади	30.000
Расходы по мобилизации	5.000
Приобретение оборудования и пр.	229.526
Расходы по разоружению войск	83.158
Расходы по рекрутированию	42.500
Начальные расходы Корпусов	50.000
Отдел Общего Управления Главного Штаба Нанкинского гарнизона	3.296.251
Телохранители	1.236
Отдел Общего Управления Штаба авангардов Восточного Фронтового Корпуса	130.000
Отдел Политического обучения первого Фронтового Корпуса	1.000
Секретариат Военного Совета	2.000
Штаб Начальника Гарнизона в Аньхуе	5.564
Штаб сил речной обороны в Аньхуе	23.311
Штаб сил обороны Янцзы	2.000
Отряд по обучению беспроволочному телеграфированию	414
Комитет по обеспечению зимним обмундированием	200
Военные тюрьмы в Аньхуе	734
Военное наблюдательное Бюро в Аньхуе	11.591
Провинциальный комитет по народному образованию в Аньхуе	300
Отдел секретной службы	500
Временный административный *Комитет*	1.736
Займы Главному Коменданту Воинских Частей	95.000
Отдел Общего Управления Штаба	58.110
Шанхайское Отделение Отдела Общего Управления	8.558
Конвои Отдела	19.234
Транспортные отряды Отдела	7.566
Переведено военному совету	464.041
Переведено военному совету	314.843
Переведено военному совету	83.056
Всего	54.448.270

Отчет о доходах и расходах главного управления таможен за 1925 год в Хайгуаньских таэлях

Доходы:

Остаток от 1924 г.	17.515.231
Весь доход морских таможен за 1925 г.	67.081.525
Весь доход туземных таможен за 1925 г.	4.528.107
Проценты, выигрыши на курсе и разные поступления	611.560
Всего	89.736.424

Расходы.

Жалованье по учреждению, выданное согласно существующим правилам	6.549.214
Жалование супер-интенданта	489.913
Банковская Комиссия, расходы по переводам и потери на курсе	833.436
Покупка земли, и сооружения или ремонт зданий	1.015.100
Уплачено правительству вместо пошлин с тоннажа в размере 0,3	619.200
Расходы по поддержанию в исправности речных путей и субсидии или займы на улучшение гаваней	1.125.539
Предотвращение чумы и расходы по карантину	161.141
Выдачи Международному Комитету по развитию шелководства	96.000
Расходы по специальной тарифной конференции	656.180
Местные налоги и разрешенные процентные отчисления от доходов, переданные местным властям	709.309
Разные	434.245

Иностранные займы и платежи по контрибуции:

	Шанхайские таэли		
Четырехпроцентный франко-русский заем 1895 г.	5.395.627	=	4.843.471
Пятипроцентный англо-германский заем 1896 г.	6.189.461	=	5.556.069
Четырех с половиной процентный англо-германский заем 1898 г.	5.171.960	=	4.642.693
Пятипроцентный реорганизационный заем 1913 г.	10.271.664	=	9.220.524
Боксерская контрибуция	34.025.486	=	30.543.524
Избытки дохода, освободившиеся для правительства:			
Выдачи содержания различным комиссиям и Бюро	391.193	=	351.160
Платежи по консолидированному долгу	20.068.342	=	18.014.670
			85.861.388
Остаток переносимый на 1926 г.			3.875.036
Всего . . .			89.736.424

Отчет соляной администрации.

Сравнительное движение счетов соляного дохода у банковской группы за три года: 1924, 1925 и 1926 (в серебряных долларах).

	1924	1925	1926
Остаток на 1-е января	10.703.353	8.092.910	7.234.727
У банков входящих в группу	—	—	—
В расчетах между банками входящими в группу	—	—	—
Чистое поступление соляного дохода	70.544.476	73.634.425	64.287.618
Проценты, зачисленные в кредит банковской группой	184.612	217.243	162.916
Платеж на купону Китайского правительственного 5%-ного реорганизационного займа, оплаченного морскими таможнями	912	—	—
Всего	81.433.355	82.044.578	71.685.260
Платежи и обязательства, обеспеченные соляными доходами:			
1. Англо-Германский заем 1908 г.	—	—	—
2. Китайская контрибуция 1901 г.	—	—	—
3. Англо-Французский заем 1908 г.	3.425.617	3.529.661	4.025.157
4. Заем Хугуанской ж. д. 1911 г.	1.340.278	1.302.948	1.448.416
5. Китайский правительственный 5%-й золотой заем Криспа 1912 г.	2.679.677	2.861.677	3.150.371
6. Китайский правительственный 5%-й золотой реорганизационный заем 1913 г.	—	947.880	449.623
7. Китайский правительственный заем для приобретения экс-японской соляной собственности в Цингдао (Китайско-Японское соглашение 1922 г.)	666.204		
	8.111.776	8.642.166	9.073.567
Выдано Центральному правительству	31.256.935	32.935.632	8.868.289
Соляной доход, удержанный местными властями с согласия центрального правительства	4.093.449	3.265.989	10.283.165
Соляные доходы, удержанные произвольно провинциальными властями и военачальниками	29.373.127	29.763.672	37.388.617
Расходы по переводам и курсовые разницы	405.159	200.234	38.178
Административные расходы	—	2.157	72.324
Остаток на 31-е декабря	8.192.910	7.234.727	5.961.120 [1]
У банков входящих в группу	—	—	—
В расчетах между банками, входящими в группу	—	—	—
Всего	81.433.355	82.044.578	71.685.260
Уплачено из соляного дохода	12.665.541	14.232.809	15.173.102
За вычетом сумм, возвращенных морскими таможнями	12.666.453	13.284.929	14.723.497
Чистый остаток	+913	—947.880	—449.623

[1]) Включая остаток у кредитных учреждений, состоящих в группе соляных банков и находящихся в настоящее время в ликвидации.

Отчет по национальным консолидированным займам за 1926 год.

Доходы

Остаток наличности по банковским счетам Управления консолидированных займов к началу года, включая обязательства по платежам купонов и вышедшим в тиражи облигациям, еще не представленным к уплате, в сумме 1.963.740	2.026.319
От главного инспектора таможен: заприходованные суммы от остатков доходов таможен за 1925 и 1926 г.г. в фонд погашения по консолидированным займам	26.763.290 [1]
От главного инспектора таможен: заприходованные суммы со счета Главного инспектора по фонду погашения национальных займов (удержанная часть русской контрибуции, и погасительные фонды по займам 3-го и 4-го г. Республики) для первого и второго тиража займа 5-го года	6.002.428
От главного инспектора таможен: заприходованные суммы со счета главного инспектора на проценты по национальным займам (германская контрибуция, фонды на проценты по займам 3-го и 4-го года Республики) для 20 и 21 купонов займа 5-го г.	1.035.419
Всего	35.827.456

Расходы

Через банки, являющиеся контрагентами Управления национальных займов:		
Купоны, оплаченные в течение года	8.248.226	
Облигации вышедшие в тираж и оплаченные в течение года	21.689.832	
		29.938.058
Частичная уплата авансов, сделанных Китайским банком и Банком Путей Сообщения на уплату процентов и погашения некоторых внутренних займов до их консолидации в 1921 г.		3.363.290
Всего		33.301.347
Наличный остаток в банках, являющихся контрагентами Управления национальных займов на 31 декабря 1926 г.		2.526.109
Всего		35.827.456

Замечание

Приведенный остаток покрывает следующие обязательства:

а) купоны, сроки которых падают по 31 декабря 1926 г., но которые остаются неоплаченными	1.000.028
б) вышедшие в тираж облигации сроком не позже 31 декабря 1926 г., но еще неоплаченные	1.522.354
	2.522.383

[1] Включая 9.844.467 от остатка таможенных доходов 1925 года.

ДОГОВОР О ЗАЙМЕ.

Ниже приводится текст соглашения о займе, заключенного между комиссаром финансов Хунаньской провинции и Отделом Китайского Банка в Чанша. В тексте комиссар финансов Хунаньской провинции именуется просто комиссаром, а Отделение Китайского Банка—Банком.

Статья 1. Сумма займа устанавливается в 1.800.000 долларов, которые должны быть выплачены четырьмя частями, а именно: 700.000 долларов — к 15 ноября, 400.000 долларов к 15 декабря 1925 г., 300.000 долларов — к 15 января и 400.000 долларов к 1 февраля 1926 г.

Статья 2. Процент по займу должен исчисляться, исходя из ставки в 11½ промилей в месяц.

Статья 3. Для обеспечения займа Комиссар уполномочит Банк действовать в качестве правительственного казначейства, так, чтобы действительное состояние получений и расходов было-бы ясно Банку.

Статья 4. Поскольку суммы, авансируемые Банком Комиссару, составляют 700.000 долларов в месяц на военные и гражданские расходы в течение 4-месячного периода финансовой реконструкции, все налоги, сборы и погашение по прибавке к соляному налогу, причитающейся соляной гильдии, должны удерживаться и депонироваться в Банке для военных и гражданских расходов следующего месяца. Если соединенная сумма налоговых доходов, с одной стороны, и поступлений по займу от Банка — с другой, не составит вместе больше 700.000 долларов, то Комиссар не имеет права изымать их для других экстраординарных расходов.

Статья 5. В случае возникновения каких-либудь препятствий в отношении собирания налогов и сборов Банком по поручению правительственного казначейства, вследствие которых сумма вкладов в Банке упадет ниже 300.000, Банк имеет право прекратить выдачу денег в счет следующего месяца и тогда освобождается также от обязательств, установленных в ст. 1-й этого соглашения.

Статья 6. Начиная с марта 1926 г., доходы от обыкновенного соляного налога, специального военного налога и налога от риса, должны поступать в качестве обеспечения для ликвидации займа, пока капитал и проценты по займу не будут выплачены полностью.

Статья 7. Доходный бюджет определяется Комиссаром в следующих цифрах:

соляной доход	360.000	в месяц
ликин	360.000	„
поземельный налог	250.000	„
обыкновенные и разные налоги	80.000	„
Всего	1.050.000	в мес.

Из указанной суммы соляной налог был предоставлен в качестве обеспечения по займу в 1.100.000 долларов, полученному от соляной гильдии; этот заем должен быть ликвидирован на протяжении четырех месяцев периода финансовой реконструкции. Исчислено, что с марта 1926 г. доходы будут целиком уплачиваться казначейству. Что-же касается бюджета на военные и гражданские надобности, то он временно устанавливается в сумме 700.000 в месяц. Остальная часть доходов в размере 350.000 в месяц, вместе с доходом от рисового дохода, будет достаточна для ликвидации капитала и процентов займа, начиная с марта 1926 г. Во время ликвидации займа, Комиссар не будет извлекать из Банка доходов от налогов и сборов для целей иных, чем ликвидация займа, как указано в приложенной ниже таблице.

Статья 8. Чтобы избежать возможности событий, указанных в ст. 5-й, Комиссар должен передавать Банку в то время, как последний производит каждый платеж по займу, подписанные квитанции Соляного Бюро об уплатах соляной гильдии, в качестве обеспечения.

Статья 9. Сроки и суммы ликвидации займа обозначены для каждого платежа в отдельности в следующей таблице, и Комиссар обязан выдавать в установленные сроки чеки Банку, уполномочивающие его получать соответствующие суммы из казначейства.

Таблица погашения займа.

Дата.	Капитал.	Проценты.
31 марта 1926 г.	100.000	70.150
30 апреля „	200.000	19.550
31 мая „	200.000	17.250
30 июня „	250.000	14.950
31 июля „	250.000	12.075
31 августа „	250.000	9.200
30 сентября „	250.000	6.325
31 октября „	300.000	3.450

Статья 10. В целях финансовой реорганизации, Комиссар, по подписании настоящего соглашения, представит его на утверждение Гражданскому Губернатору, командирам дивизий и Комиссарам по обороне для подписей, свидетельствующих о том, что они согласны не производить никаких из'ятий

сумм у органов обложения в пользу армий, расположенных в этой провинции.

Статья 11. В случае, если окажется какой-либо избыток доходов от поступления налогов и сборов, Комиссар вправе ликвидировать заем раньше обозначенных сроков, и в таком случае проценты по займу должны быть уменьшены пропорционально понижению капитала займа.

Статья 12. После того, как настоящее соглашение будет подписано, Банк представит его на одобрение высшей администрации. Если не последует никаких исправлений, оно будет рассматриваться, как вступившее в силу с даты подписания договора.

Статья 13. Настоящее соглашение составляется в 3-х экземплярах. Один экземпляр выдается Комиссару, один экземпляр препровождается главной администрации Банка и один экземпляр — Ханькоускому Отделению Банка.

(Следуют подписи).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 10.

Торговый баланс Китая.

(в тысячах хайгуаньских таэлей).

Годы.	Импорт.	Экспорт.	Импорт в проц. к экспорту.	Годы.	Импорт.	Экспорт.	Импорт в проц. к экспорту.
1864	51.294	54.007	95	1896	202.590	131.081	155
1865	61.844	60.054	103	1897	202.829	163.501	124
1866	74.564	56.162	133	1898	209.579	159.037	132
1867	69.330	57.896	120	1899	264.748	195.785	135
1868	71.121	69.115	103	1900	211.070	158.997	133
1869	74.923	67.144	112	1901	268.303	169.657	158
1870	69.291	61.682	112	1902	315.364	214.182	147
1871	70.103	66.853	105	1903	326.739	214.352	157
1872	67.317	75.288	89	1904	344.061	239.487	144
1873	66.637	69.451	96	1905	447.101	227.888	196
1874	64.361	66.713	96	1906	410.270	236.457	173
1875	67.803	68.913	98	1907	416.401	264.381	157
1876	70.270	80.851	87	1908	394.505	276.660	143
1877	73.234	67.445	108	1909	418.156	338.993	124
1878	70.804	67.172	105	1910	462.965	380.833	122
1879	82.227	72.281	111	1911	471.504	377.338	125
1880	79.293	77.884	102	1912	473.097	370.520	128
1881	91.911	71.453	129	1913	570.163	403.306	141
1882	77.715	67.337	115	1914	569.241	356.227	160
1883	73.568	70.198	105	1915	454.476	418.861	119
1884	72.661	67.148	108	1916	516.407	481.797	107
1885	88.200	65.006	136	1917	549.519	462.932	119
1886	87.479	77.207	113	1918	554.893	485.883	114
1887	102.264	85.860	119	1919	646.998	630.809	103
1888	124.783	92.401	135	1920	762.250	541.631	141
1889	110.884	96.948	115	1921	906.122	601.256	151
1890	127.093	87.144	146	1922	945.050	654.892	144
1891	134.004	100·948	133	1923	923.403	752.917	123
1892	135.101	102.584	132	1924	1.018.211	771.784	132
1893	151.363	116.632	130	1925	947.865	776.353	122
1894	162.103	128.105	127	1926	1.124.221	864.295	130
1895	171.697	143.293	120	—	—	—	—

ПРИЛОЖЕНИЕ № 11.

Торговый баланс Японии.

(в тысячах иен).

Годы.	Импорт.	Экспорт.	Импорт в проц. к экспорту.	Годы.	Импорт.	Экспорт.	Импорт в проц. к экспорту.
1868	15.553	10.693	61	1898	165.733	277.502	168
9	12.908	20.783	160	9	214.929	220.401	103
1870	15.543	33.741	217	1900	204.429	287.261	140
1	17.968	21.916	122	1	252.349	255.816	101
2	17.026	26.174	154	2	258.3 3	271.731	105
3	21.635	28.107	130	3	289.502	317.135	110
4	19.317	23.461	126	4	319.260	371.360	116
5	18.611	29.975	161	5	321.533	488.538	152
6	27.711	23.964	87	6	423.754	418.784	99
7	23.348	27.420	118	7	432.412	494.467	114
8	25.988	32.874	127	8	378.245	436.257	113
9	28.175	32.953	117	9	413.112	394.198	95
1880	28.395	36.626	129	1910	458.428	464.238	101
1	31.058	31.191	100	1	447.433	513.805	115
2	37.721	29.446	78	2	526.981	618.992	118
3	36.268	28.444	78	3	632.460	729.431	115
4	33.871	29.672	88	4	591.101	595.735	101
5	37.146	29.256	79	5	708.306	532.449	75
6	48.876	32.168	76	6	1.127.468	756.427	67
7	52.467	44.304	84	7	1.603.005	1.035.811	65
8	65.705	65.455	100	8	1.962.100	1.668.143	85
9	70.060	65.103	93	9	2.098.872	2.173.459	101
1890	56.603	81.728	144	1920	1.948.394	2.336.174	120
1	99.527	62.927	63	1	1.252.837	1.614.154	129
2	91.102	71.326	78	2	1.447.749	1.987.063	137
3	89.712	88.257	98	3	1.637.450	1.890.308	114
4	113.246	117.481	104	4	1.807.233	2.453.390	136
5	136.122	129.260	95	5	2.305.587	2.572.653	112
6	117.842	171.674	146	6	2.044.721	2.377.476	116
7	163.135	219.300	134	—	—	—	—

Оптовые рыночные цены в Шанхае.

Дата	Зерновые хлеба	Прочие продовольственные продукты	Текстиль.	Металл.	Различные					Общее среднее
					Топливо	Строительные материалы	Промышленное сырье	Прочие	Среднее	
Последняя среда 1913 г.										
Февраль	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1919 г.										
Сентябрь	117,0	116,8	151,4	137,9	185,3	143,3	371,7	133,0	208,3	146,3
Октябрь	118,6	118,1	155,8	132,8	190,7	142,9	350,1	132,2	204,0	145,9
Ноябрь	120,6	115,5	154,9	136,7	191,6	146,6	340,8	132,5	202,9	146,1
Декабрь	120,2	113,8	146,6	126,9	183,1	146,4	323,0	129,5	195,5	140,1
1920 г.										
Январь	126,9	119,4	145,2	128,0	185,3	136,7	323,4	127,1	193,1	142,5
Февраль	128,5	124,0	149,1	138,2	183,4	136,6	344,9	127,5	198,1	147,6
Март	129,9	123,6	159,7	152,5	179,6	158,2	344,2	132,2	203,6	153,8
Апрель	125,4	136,7	156,7	145,8	184,4	156,2	353,5	134,9	207,2	154,4
Май	122,9	139,0	155,8	150,2	184,2	162,8	375,0	138,6	215,5	156,7
Июнь	135,0	124,3	152,6	162,9	183,3	175,7	396,2	143,6	224,7	159,9
Июль	134,2	122,9	151,7	159,6	179,8	172,8	369,1	141,6	215,1	156,8
Август	127,1	119,6	149,0	161,3	178,6	171,2	357,9	140,6	212,1	153,8
Сентябрь	128,6	125,8	143,4	154,2	180,0	164,2	368,7	138,2	212,8	153,0
Октябрь	118,3	142,7	139,8	150,3	183,2	164,0	322,4	126,2	198,9	150,0
Ноябрь	118,2	135,3	139,6	149,3	187,8	167,0	310,2	132,3	199,3	148,3
Декабрь	119,2	132,8	136,9	147,4	186,5	170,6	310,5	134,4	200,5	147,4

1921 г.										
Январь	111,3	122,1	130,7	147,1	189,8	167,7	330,3	140,1	207,0	143,6
Февраль	113,4	132,1	138,5	152,3	189,7	170,6	343,8	143,2	211,8	149,6
Март	115,4	138,9	140,9	148,1	188,2	167,6	345,9	143,2	211,2	150,9
Апрель	115.5	130,9	141,6	158,7	187,3	167,1	329,6	142,9	206,7	150,7
Май	123,5	131,4	142,4	157,5	180,5	167,5	314,9	141,5	201,1	151,2
Июнь	126,6	129,6	150,2	156,3	176,2	170,2	295,5	139,8	195,4	151,6
Июль	127,4	127,2	152,3	151,9	171,5	170,1	281,6	140.8	191,0	150,0
Август	136,1	131,7	153,9	151,3	172,6	179,4	276,5	139,4	192,0	153,0
Сентябрь	139,7	133,6	158,4	150,1	172,5	176,8	258,3	138,2	186,4	153,6
Октябрь	135,9	131,4	154,7	145,3	172,4	177,4	247,4	135,3	183,1	150,1
Ноябрь	135,8	132,0	153,4	144,9	162,6	178,4	239,3	136,9	179,3	149,1
Декабрь	139,3	131,5	154,8	141,5	169,4	171,7	233,6	138,6	178,3	149,1
1922 г.										
Январь	146,3	130,1	150,2	138,6	143,8	171,9	230,3	133,3	177,3	148,5
Февраль	153,2	128,5	154,5	141,2	169,9	170,7	215,6	134,5	172,6	150,0
Март	157,9	138,6	154,5	136,2	166,2	166,9	213,9	134,6	170,4	151,5
Апрель	156,3	136,0	146,9	138,6	167,0	162,8	183,4	135,1	162,1	148.0
Май	148,1	134,8	146,2	132,3	171,3	165,3	205,2	126,7	167,2	145,7
Июнь	145,6	131,1	149,0	131,3	169,4	161,4	191,0	132,8	163,6	144,1
Июль	144,8	136,3	147,0	126,8	169,2	162,3	190,9	136,3	164,7	143,9
Август	139,7	134,5	145,5	128,8	167,6	159,8	192,5	126,3	161,5	142,0
Сентябрь	140,3	129,3	138,7	129,5	169,6	165,1	184,5	121,7	160,2	139,6
Октябрь	138,5	130,3	143,4	128,4	176,1	163,3	201,8	128,3	167,4	141,6
Ноябрь	134,9	132,7	149,8	131,7	184,0	156,2	198,8	129,4	167,1	143,2
Декабрь	140,7	141,7	151,4	138,1	189,2	160,5	203,0	130,2	170,7	148,5
1923 г.										
Январь	148,5	146,6	157,0	142,6	188,9	161,7	192,8	131,2	168,7	152,7
Февраль	153,5	150,2	160,6	153,0	185,5	164,7	197,3	133,6	170,3	157,5
Март	149,2	156,2	155,7	162,5	178,5	166,1	199,3	136,5	170,1	158,7
Апрель	150,1	156,3	154,1	160,3	177,0	168,4	189,7	135,1	167,6	157,7
Май	154,1	159,8	154,9	162,4	169,5	162,3	177,7	134,3	160,9	158,4

Дата	Зерновые хлеба	Прочие продовольственные продукты	Текстильн	Металл.	Различные					Общее среднее
					Топливо	Строительные материалы	Промышленное сырье	Прочие	Среднее	
Июнь	153,7	152,6	155,8	157,8	167,7	159,1	172,5	126,0	156,3	155,2
Июль	152,8	154,4	155,9	155,8	168,1	160,9	170.8	132,8	158,1	155,4
Август	150,3	148,5	153,8	156,8	164,2	162,4	162,9	132,4	155,5	153,1
Сентябрь	153,2	150,3	154,8	166,9	165,2	165,7	173.0	131,7	158,9	156,8
Октябрь	146,1	152,9	160,0	160,8	166,0	166,3	180,6	129,5	160,6	156,1
Ноябрь	141,5	157,4	165,8	157,9	166,4	167,2	193,0	129,7	164 1	157,3
Декабрь	141,2	155,8	165,7	161,0	172,2	162,9	189,6	129,7	163,6	157,5
1924 г.										
Январь	139,1	154,9	165,7	157,9	169,9	163,8	183,5	128,8	161,5	155,8
Февраль	145,6	159,8	167,9	166,6	159,5	160,5	179,0	130,5	157,4	159.5
Март	141,2	154,9	165,8	172,0	157,9	155,9	170,6	130,5	153,7	157,5
Апрель	131,9	156,9	158,7	167,4	159,3	155,4	166,9	132,9	153,6	153,7
Май	132,7	164,2	154,8	164,5	163,0	149,2	178.1	131,3	155,4	154,3
Июнь	138,6	156,4	156,0	154,1	162,2	147,7	176,2	130,3	154,1	151,8
Июль	143,1	153,0	156,5	153,5	167,7	146,0	160,8	131,7	151,6	151,5
Август	144,6	151,9	147,3	149,2	167,2	140,8	164,7	131,6	151,0	148,8
Сентябрь	148,1	153,0	146,7	146,3	166,8	141,8	162,6	133,4	151,1	149,0
Октябрь	145,6	153,5	153,6	160,7	176,1	138,8	157,5	130,6	150,7	152,8
Ноябрь	151,8	150,3	156,5	160,1	192,6	141,4	153,0	135,7	155,7	154,9
Декабрь	148,1	151,1	157,5	179,7	177,3	139,2	151,8	134,6	150,7	157,4
1925 г.										
Январь	147,9	150,0	157,8	191,5	170,3	141,6	160,7	136,8	152,3	159,9
Февраль	145,7	148,6	159,3	190,0	170,0	146,2	156,9	137,0	152,5	159,2
Март	152,9	147,7	161,8	189,8	170,8	139,2	154,3	133,3	149,4	160.3
Апрель	163,7	145,9	159,9	178,8	172,9	141,3	151,8	129,4	148,8	159,3

Май	160,3	155,2	154,4	173,1	147,6	138,4	159,3	138,2	145,9	157,8
Июнь	155,0	155,0	153,3	178,4	144,1	138,3	157.7	139,6	144,9	157,3
Июль	160,8	168,0	156,5	179.7	147.4	138,1	168,6	142,0	149,0	162,8
Август	153,8	161,9	156,8	179,7	149.8	140,1	165,2	141,2	149,1	160,3
Сентябрь	151,5	158,9	154,6	188,1	149,4	139,4	160,9	141,1	147,7	160,2
Октябрь	152,4	157,2	152,6	186.5	146,8	141,5	157,0	140,9	146,5	159,0
Ноябрь	150,0	155,3	150.3	190,2	148.6	143,4	154,8	137,5	146,1	158,4
Декабрь	153,9	154,6	146,9	190,1	146,6	144,2	151,1	138,2	145,0	158.1
1926 г.										
Январь	156.1	158.6	146,8	214,6	141,2	144,8	153,3	135 6	143,7	164,0
Февраль	160.6	163,5	147.5	199,4	137,9	149,8	153,6	134,9	144,0	163,0
Март	165,9	162,2	144.6	204,7	144,4	144,9	152,8	137,2	144,8	164,4
Апрель	166,2	162,6	144,3	195,1	144,7	148,2	153,3	137,6	145,9	162,8
Май	164,5	155,6	139,9	191,7	147,6	152,4	152,1	136,5	147,1	159,7
Июнь	162,5	165,9	139,9	165,5	145.9	150,3	151,1	133,5	145,2	155,8
Июль	162,3	162,4	139,6	174,1	149,4	151,2	151,7	131,3	145,9	156,9
Август	163,4	165,8	139,2	190,1	144,5	148,8	151,6	130,3	143,8	16 ,5
Сентябрь	168,9	166,4	140,6	199,6	148,7	151,8	151,5	130,7	145,7	164,2
Октябрь	183,4	171,7	142,5	208,1	150,0	153,5	158.4	136,7	149.6	171,1
Ноябрь	176,3	179,6	143,2	218 1	157,3	159,2	162.9	139,2	154,6	174,4
Декабрь	173,6	177,8	141,9	208,9	165,1	163,0	161,7	141,3	157,8	172,0
1927 г.										
Январь	171.1	177,8	141,3	214,4	173,0	162,6	160,4	141,9	159,5	172,8
Февраль	172,0	179,6	140,5	209,1	169,3	165,2	160,5	140,1	158,8	172,0
Март	177,8	180,2	143,9	209,5	177,1	170,4	160,6	141,4	162,4	174,7
Апрель	174,9	175,6	145,1	206,4	180,5	167,1	163,7	142.3	163,4	173,1
Май	177,6	166,7	144,6	206.6	173,6	164.3	163,5	142.6	161,0	171,3
Июнь	177,3	168,0	143,9	198,0	171,7	160,7	164,5	140,9	159,4	169,3

ПРИЛОЖЕНИЕ № 13.

Движение цен некоторых импортных товаров в Китае.

(Цены даны в хайгуаньских таэлях).

	Серый шертинг 7-фунтовый за штуку.	Английская пряжа за пикуль.	Жесть в листах за пикуль.
1862.	2.58	50.00	7.25
1863.	3.00	75.50	7.80
1864.	4.00	60.00	5.58
1865.	3.85	75.00	8.41
1866.	2.52	84.90	3.98
1867.	2.12	48.09	4.59
1868.	1.76	32.83	4.52
1869.	1.77	30.00	4.35
1870.	1.70	30.00	4.16
1871.	1.54	30.00	4.03
1872.	1.47	26.50	6.11
1873.	1.40	25.37	6.15
1874.	1.29	24.26	5.50
1875.	1.25	22.04	4.99
1876.	1.19	20.47	4.27
1877.	1.07	20.01	3.79
1878.	1.09	19.27	3.37
1879.	1.08	19.62	3.81
1880.	1.10	21.20	4.40
1881.	1.11	19.86	3.39
1882.	1.10	19.68	3.29
1883.	1.08	18.65	3.31
1884.	1.01	18.76	3.33
1885.	1.02	17.94	3.11
1886.	0.99	17.72	3.17
1887.	1.01	19.54	3.23
1888.	1.06	22.22	3.59
1889.	1.07	20.96	3.37
1890.	1.00	20.04	3.35
1891.	0.98	18.80	3.35
1892.	0.96	17.80	3.22
1893.	1.14	20.98	3.51
1894.	1.36	22.78	3.90
1895.	1.28	22.08	3.69
1896.	1.29	23.24	3.42
1897.	1.39	24.92	4.00
1898.	1.34	24.32	3.98
1899.	1.32	23.42	4.70
1900.	1.62	26.00	4.71
1901.	1.61	26.00	4·47
1902.	1.68	31.09	6.35
1903.	1.49	38.05	7.29
1904.	1.70	44.25	6.15
1905.	1.60	37.34	5.80
1906.	1.50	32.73	5.50
1907.	1.48	36.20	6.08
1908.	1.79	40.00	6.61
1909.	1.55	38.98	7.03
1910.	1·85	53.80	6.53
1911.	1.89	51.53	7.28

ПРИЛОЖЕНИЕ № 14.

Движение цен некоторых экспортных товаров в Китае.

(Цены даны в хайгуаньских таэлях).

	Чай черный за пикуль	Чай зеленый за пикуль	Шелковые коконы за пикуль.	Шкуры за пикуль.
1862.	22.00	29.00	80.00	6.04
1863.	24.00	30.00	80.10	35.00
1864.	26.49	38.50	103.46	11.63
1865.	27.42	36.81	168.96	10.72
1866.	26.00	33.00	145.57	10.00
1867.	30.53	33.95	69.11	10.75
1868.	24.84	36.91	57.70	11.14
1869.	23.05	34.78	63.52	10.66
1870.	20.61	35.26	56.83	10.50
1871.	22.39	39.04	56.39	12.98
1872.	23.62	40.07	64.61	15.92
1873.	25.59	24.42	92.64	8.00
1874.	21.60	22.20	128.43	7.18
1875.	20.67	23.61	78.48	8.48
1876.	21.31	24.47	78.76	8.50
1877.	17.49	21.96	88.38	8.00
1878.	17.88	19.80	58.81	8.52
1879.	18.07	23.52	64.35	9.46
1880.	17.64	22.25	52.26	12.27
1881.	16.01	21.45	65.59	12.29
1882.	16.05	22.87	53.94	11.05
1883.	17.01	20.42	68.70	10.60
1884.	14.80	21.75	45.42	10.91
1885.	16.39	19.41	45.00	10.41
1886.	16.74	18.41	65.05	11.49
1887.	15.13	16.49	56.39	10.24
1888.	15.39	19.52	56.57	10.50
1889.	16.23	19.85	55.91	11.51
1890.	17.88	18.55	70.72	11.86
1891.	20.75	17.15	58.37	9.67
1892.	17.15	28.43	63.37	7.87
1893.	18.43	24.15	64.10	7.87
1894.	18.85	24.88	67.01	9.16
1895.	20.56	20.04	45.00	8.50
1896.	21.27	25.94	48.13	11.53
1897.	22.41	29.84	59.45	14.18
1898.	22.95	24.02	82.50	16.55
1899.	23.33	22.60	88.20	16.88
1900.	20.38	23.54	86.54	17.73
1901.	17.14	23.22	74.90	19.28
1902.	17.62	25.84	113.91	19.40
1903.	17.53	27.72	139.18	19.47
1904.	22.12	39.27	85.85	25.51
1905.	21.31	34.25	94.62	26.46
1906.	20.90	86.95	93.89	25.60
1907.	21.79	34.66	91.15	27.53
1908.	22.24	34.21	92.90	25.51
1909.	25.30	34.56	106.77	27.55
1910.	28.25	32.69	105.81	27.39
1911.	29.15	36.07	91.80	27.86

ПРИЛОЖЕНИЕ № 15.

Товарные цены по данным таможенной статистики.

Годы.	Количество в пикулях.	Стоимость в таэлях.	Средние годовые цены.	Годы.	Количество в пикулях.	Стоимость в таэлях.	Средние годовые цены.
			Ввоз.				
	Рис и падди.			**Сахар рафинированный.**			
1912 г.	2.700	11.680	4,33	1912 г.	1.718	9.896	5,76
1913 г.	5.415	18.383	3,39	1913 г.	2.628	14.593	5,55
1914 г.	6.774	21.843	3,22	1914 г.	2.488	12.745	5,12
1915 г.	8.476	25.336	2,99	1915 г.	1.979	13.837	6,99
1916 г.	11.284	33.789	3,00	1916 г.	2.159	19.579	9,07
1917 г.	9.837	29.584	3,01	1917 г.	2.980	27.966	9,39
1918 г.	6.984	22.787	3,26	1918 г.	4.125	35.330	8,56
1919 г.	1.810	8.300	4,58	1919 г.	2.981	22.271	7,47
1920 г.	1.152	5.362	4,66	1920 г.	1.804	20.159	11,17
1921 г.	10.629	41.221	3,88	1921 г.	3.572	36.855	10,32
1922 г.	19.156	79.875	4,17	1922 г.	3.898	32.681	8,38
1923 г.	22.435	98.199	4,38	1923 г.	3.359	29.999	8,94
1924 г.	13.198	63.249	4,79	1924 г.	4.397	39.100	8,90
1925 г.	12.635	61.042	4,83	1925 г.	4.573	36.413	7,96
	Хлопок сырец.			**Хлопчато-бумажная пряжа.**			
1912 г.	279	6.180	2,21	1912 г.	2.288	61.446	26,7
1913 г.	135	3.017	2,24	1913 г.	2.685	71.060	26,5
1914 г.	126	2.874	2,27	1914 г.	2.542	65.727	25,8
1915 г.	364	6.652	1,83	1915 г.	2.665	65.834	23,9
1916 г.	408	8.069	1,98	1916 г.	65.836	2.439	24,6
1917 г.	300	6.406	2,13	1917 г.	2.035	60.143	29,5
1918 г.	190	6.071	3,18	1918 г.	1.115	52.072	46,7
1919 г.	239	6.499	2,71	1919 г.	1.285	72.929	52,8
1920 г.	678	17.093	2,65	1920 г.	1.301	76.233	58,6
1921 г.	1.683	35.867	2,13	1921 г.	1.250	64.703	51,8
1922 г.	1.781	41.956	2,36	1922 г.	1.192	64.188	53,9
1923 г.	1.606	53.771	3,35	1923 г.	752	39.618	52,7
1925 г.	1.219	48.817	4,00	1924 г.	554	31.830	57,4
1925 г.	1.807	69.965	3,87	1925 г.	618	36.515	59,1
	Мука.			**Сахар белый.**			
1912 г.	3.203	12.694	3,96	1912 г.	1.300	7.066	5,43
1913 г.	2.597	10.304	3,97	1913 г.	1.933	10.634	5,50
1914 г.	2.166	9.017	4,16	1914 г.	1.628	8.875	5,45
1915 г.	177	866	4,89	1915 г.	987	7.128	7,22
1916 г.	233	1.175	5,4	1916 г.	931	6.188	6,65

Годы.	Количество в пикулях.	Стоимость в таэлях.	Средние годовые цены.
Мука.			
1917 г.	679	2.819	4,15
1918 г.	4	—	—
1919 г.	271	1.242	4,58
1920 г.	511	2.330	4,56
1921 г.	753	3.504	4,66
1922 г.	3.601	16.740	4,65
1923 г.	5.734	26.774	4,67
1924 г.	6.577	29.688	4,52
1925 г.	2.811	14.905	5,30
Уголь.			
1912 г.	1.517	8.152	5,37
1913 г.	1.691	9.421	5,57
1914 г.	1.601	8.470	5,28
1915 г.	1.400	8.103	5,78
1916 г.	1.422	8.976	6,31
1917 г.	1.444	15.042	10,42
1918 г.	1.075	12.593	11,71

Годы.	Количество в пикулях.	Стоимость в таэлях.	Средние годовые цены.
Сахар белый.			
1917 г.	1.111	6.806	6,13
1918 г.	1.941	12.101	6,23
1919 г.	642	4.691	7,31
1920 г.	898	9.612	10,69
1921 г.	1.867	17.730	9,49
1922 г.	1.653	14.934	8,82
1923 г.	1.454	12.575	8,65
1924 г.	2.569	21.098	8,21
1925 г.	4.716	35.948	7,62
Уголь.			
1919 г.	1.173	12.517	10,68
1920 г.	1.255	14.375	11,45
1921 г.	1.362	13.790	10,11
1922 г.	1.151	10.746	9,34
1923 г.	1.366	12.861	9,41
1924 г.	1.610	15.160	9,41
1925 г.	2.753	26.083	9,47

Вывоз.

Годы.	Количество в пикулях.	Стоимость в таэлях.	Средние годовые цены.
Шелк сырец.			
1912 г.	56.678	34.377	606
1913 г.	68.342	45.602	667
1914 г.	54.016	37.384	692
1915 г.	59.762	40.189	672
1916 г.	65.813	53.771	817
1917 г.	69.003	53.301	773
1918 г.	60.994	47.770	783
1919 г.	83.470	69.364	831
1920 г.	53.756	46.376	863
1921 г.	77.259	72.497	914
1922 г.	84.110	99.058	1.177
1923 г.	70.394	92.072	1.308
1924 г.	73.086	74.308	1.017
1925 г.	90.496	96.775	1.069
Хлопок сырец			
1912 г.	806	17.021	21,1
1913 г.	739	16.236	21,9
1914 г.	660	12.349	18,7
1915 г.	726	13.700	18,9

Годы.	Количество в пикулях.	Стоимость в таэлях.	Средние годовые цены.
Бобовые жмыхи			
1912 г.	8.163	17.643	2,18
1913 г.	11.818	24.963	2,11
1914 г.	10.628	21.734	2,05
1915 г.	11.594	20.706	1,78
1916 г.	11.636	26.123	2,25
1917 г.	15.513	23.758	1,53
1918 г.	16.367	29.883	1,83
1919 г.	20.725	44.173	2,13
1920 г.	18.999	41.959	2,21
1921 г.	22.282	49.525	2,22
1922 г.	21.591	49.009	2,27
1923 г.	24.786	56 866	2,63
1924 г.	22.578	50.897	2,25
1925 г.	20.662	49.469	2,39
Чай черный.			
1912 г.	644	15.752	24,5
1913 г.	542	14.324	26,4
1914 г.	613	16.204	26,4
1915 г.	771	27.597	35,8

Годы.	Количество в пикулях	Стоимость в таэлях.	Средние годовые цены.	Годы.	Количество в пикулях.	Стоимость в таэлях.	Средние годовые цены.
	Хлопок сырец.				**Чай черный.**		
1916 г.	851	17.091	20,1	1916 г.	648	18.971	29,3
1917 г.	832	20.036	24,1	1917 г.	472	12.391	26,3
1918 г.	1.292	37.887	29,3	1918 г.	175	5.731	32,8
1919 г.	1.072	30.253	28,5	1919 г.	289	8.797	30,5
1920 г.	376	9.225	24,5	1920 г.	128	3.188	24,9
1921 г.	609	16.483	27,1	1921 г.	137	3.168	26,8
1922 г.	842	22.881	27,1	1922 г.	267	6.951	26,0
1923 г.	975	32.606	33,5	1923 г.	451	13.992	31,0
1924 г.	1.080	40.420	37,4	1924 г.	403	12.026	29,8
1925 г.	801	29.845	37,3	1925 г.	336	9.700	28,8
	Бобы желтые.				**Уголь в тоннах.**		
1912 г.	7.766	15.746	2,05	1912 г.	681	3.363	4,94
1913 г.	7.420	16.480	2,22	1913 г.	1.498	6.592	4,43
1914 г.	8.606	19.006	2,21	1914 г.	1.937	8.625	4,45
1915 г.	10.236	16.866	1,65	1915 г.	1.316	6.075	4,62
1916 г.	6.732	13.787	2,05	1916 г.	1.315	5.738	4,36
1917 г.	7.928	15.274	1,92	1917 г.	1.576	6.277	3,92
1918 г.	6.371	14.339	2,25	1918 г.	1.708	8.147	4,77
1919 г.	11.227	28.775	2,56	1919 г.	1.477	7.258	4,91
1920 г.	8.112	22.359	2,75	1920 г.	1.970	12.215	6,20
1921 г.	9.281	28.462	3,07	1921 г.	1.886	11.228	5,95
1922 г.	12.462	38.352	3,08	1922 г.	2.377	14.900	6,27
1923 г.	15.731	44.607	2,84	1923 г.	3.109	20.545	6,66
1924 г.	21.151	65.325	3,09	1924 г.	3.202	20.539	6,41
1925 г.	18.181	62.413	3,43	1925 г.	3.003	20.014	6,66
	Шелковые готовые изделия.						
1912 г.	15.840	10.702	6,76	1919 г.	17.719	15.745	889
1913 г.	17.179	13.462	7,84	1920 г.	16.851	15.802	937
1914 г.	13.571	10.841	7,99	1921 г.	16.108	17.097	1.061
1915 г.	16.382	12.851	7,85	1922 г.	13.270	14.904	1.123
1916 г.	11.855	12.207	8,22	1923 г.	14.533	16.829	1.158
1917 г.	12.981	10.905	8,40	1924 г.	13.303	15.746	1.183
1918 г.	14.787	12.762	8,63	1925 г.	14.072	15.455	1.098

СОДЕРЖАНИЕ

		Стр.
Предисловие Г. Сокольникова		3
От автора		6
Глава	I. Общая характеристика экономического кризиса в Китае	9
„	II. Денежное обращение	67
„	III. Золото и серебро	99
„	IV. Спекуляция	118
„	V. Банки	126
„	VI. Бюджет и налоги	148
„	VII. *Государственная задолженность Китая*	170
„	VIII. Баланс международных платежей, переводы от эмигрантов и помещение иностранных капиталов в Китае	187
„	IX. *Япония и Китай*	204
„	X. Мировая конъюнктура и китайские цены	232
„	XI. Финансы Гоминьдановского правительства	252
Приложение	1. Резолюция по финансовому вопросу II всекитайского с'езда делегатов Гоминьдана	299
„	2. Доходы и расходы национального правительства	306
„	3. Общая сводка военных доходов и расходов, составленная главной военной квартирой за первый период сев. экспедиции с 26 июля по 30 ноября 1926 г.	312
„	4. Бюджетные предположения на май для различных военных частей, состоящих в ведении военного совета национального правительства	328
„	5. Сводка доходов и расходов за период с 1 мая по 15 августа 1927 г., составленная главной квартирой ген. Цзян Кай-ши и *относящихся к Нанкинской фракции* Гоминьдановского правительства	330
„	6. Отчет о доходах и расходах главного управления таможен *за 1925 г.*	334
„	7. Отчет соляной администрации	335
„	8. Отчет по национальным консолидированным займам за 1926 г.	336
„	9. Договор о займе	337
„	10. Торговый баланс Китая	340
„	11. Торговый баланс Японии	341
„	12. Оптовые рыночные цены в Шанхае	342—345
„	13. Движение цен некоторых импортных товаров в Китае	346
„	14. Движение цен некоторых экспортных товаров в Китае	347
„	15. Товарные цены по данным таможенной статистики	348

4 р. 25 к.